РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

В.О.БОБРОВНИКОВ

МУСУЛЬМАНЕ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

обычай
право
насилие

Очерки
по истории и этнографии права
Нагорного Дагестана

1 02 – 13
113 – 2

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ФИРМА
«ВОСТОЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА» РАН
2002

УДК 94(470.6)
ББК 63.3(235.7)
Б72

Ответственный редактор
А.Р. Шихсаидов

Редактор издательства
Л.В. Посувалюк

Бобровников В.О.

Б72 Мусульмане Северного Кавказа: обычай, право, насилие : Очерки по истории и этнографии права Нагорного Дагестана / В.О. Бобровников. — М.: Вост. лит., 2002. — 368 с. : ил. — ISBN 5-02-018166-8 (в пер.), 1500 экз.

Тема монографии — преступление и наказание в судебной практике и народном правосознании мусульман Северного Кавказа. На примере Нагорного Дагестана анализируется правовая культура народов региона после включения их в общероссийское правовое пространство. Материалы, представленные в книге, позволяют по-новому взглянуть на историю мусульман Северного Кавказа, отказаться от сложившихся негативных стереотипов.

РОССИЙСКАЯ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА
2002

ББК 63.3(235.7)

Научное издание

***Бобровников** Владимир Олегович*

Мусульмане Северного Кавказа:
обычай, право, насилие

Очерки по истории и этнографии права Нагорного Дагестана

Утверждено к печати Институтом востоковедения РАН

Художник Э.Л.Эрман. Технический редактор О.В.Волкова
Корректор И.Г.Ким. Компьютерная верстка Е.В.Катышева
ЛР № 020297 от 23.06.97. Подписано к печати 12.04.02. Формат 60×90$^{1}/_{16}$
Печать офсетная. Усл. п. л. 23,0. Усл. кр.-отт. 23,3. Уч.-изд. л. 24,7
Тираж 1500 экз. Изд. № 7923. Зак. 6067
Издательская фирма «Восточная литература» РАН
103051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21
ППП "Типография "Наука"
121099, Москва Г-99, Шубинский пер., 6

ТП-2001-II-135
ISBN 5-02-018166-8

© В.О.Бобровников, 2002
© Российская академия наук
Издательская фирма
«Восточная литература», 2002

ОТ АВТОРА

Эта книга — плод моих почти десятилетних занятий этнографией и историей Нагорного Дагестана. В сложных и неспокойных условиях постсоветской России мне не удалось бы довести эту работу до конца без всесторонней помощи моих информаторов, международных научных организаций, коллег и друзей. Прежде всего я хочу выразить свою признательность всем дагестанцам, помогавшим мне собирать и интерпретировать полевые и архивные материалы. Я благодарен фондам Веннер-Грен, «Культурная инициатива» и Института «Открытое общество» (из системы фондов Сороса), Форда, а также Международному научному и Московскому общественному фондам*, при поддержке которых мне удалось провести полевые исследования на Северном Кавказе и ознакомиться с материалами архивов Санкт-Петербурга, Стамбула и Нью-Йорка. Любезное разрешение директора Института истории, археологии, этнографии Дагестанского научного центра РАН А.И.Османова, Э.В.Мустафаевой, Е.П.Кужелевой, М.И.Лапутиной, хранителей Научной библиотеки, Рукописного фонда ИИАЭ ДНЦ РАН и Центрального государственного архива Республики Дагестан, позволило мне воспроизвести в книге уникальные первоисточники, хранящиеся в этих собраниях. Я благодарен моим учителям, коллегам и друзьям из Махачкалы, Москвы и Санкт-Петербурга, Германии, Швейцарии, Франции и Италии, взявшим на себя труд прочитать эту монографию или ее отдельные главы и сделать поправки к ней, в первую очередь А.Р.Шихсаидову, Ю.Г.Александрову, М.Е.Алексееву, Гудрун Крэмер, С.А.Панарину, Л.Р.Сюкияйнену, а также С.Н.Абашину, И.Л.Бабич, А.Р.Вяткину, М.С.Гаджиеву, Бодуэну Дюпрэ, Клоду Жийо, Ю.Ю.Карпову, Михаэлю Кемперу, А.В.Кудрявцеву, Д.В.Макарову, Стефану Розини, М.Ю.Рошину, Армандо Сальваторе, И.Л.Соя-Серко, Сайрусу Шайэгу, А.А.Ярлыкапову. Особая благодарность моей жене, Т.А.Бобровниковой, за ценные советы, поддержку и ангельское терпение во время написания и редактирования работы. Ей я посвящаю эту книгу.

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке фондов Веннер-Грен (грант № 5736), Сороса (гранты 225000/022 и 1072/1996 OSI/HESP), Форда (грант № 24-История/1996). Эти организации могут не согласиться со взглядами, изложенными в книге.

This research was carried out with a financial support of the Wenner-Gren Foundation (grant № 5736), the Soros Foundation (grants № 225000/022 and 1072/1996 of the RSS of OSI/HESP), the Ford Foundation (grant № 24-History/1996). These organizations might well disagree with the conclusions of my book.

Посвящается моей жене

ВВЕДЕНИЕ

О чем эта книга

Тема книги — преступление и наказание в судебной практике и народном правосознании мусульман Нагорного Дагестана на фоне глобальных государственных реформ и социальных потрясений XIX–XX вв. В работе три части. Первая посвящена появлению в регионе организованной преступности, банд так называемых *абреков*, взаимоотношениям государства и местных мусульманских общин с периодически возрождающимся абречеством. Во второй и третьей рассмотрены особенности применения обычного (*адат*; от араб. *'ада*), мусульманского (*шариат*; от араб. *шари'а*) и российского (в том числе советского) права в сельских судах пореформенного Нагорного Дагестана. Основное внимание уделено динамике изменения соционормативной культуры горцев под влиянием сначала дореволюционных, а затем советских преобразований.

Изучение соционормативной культуры дагестанских мусульман началось еще в конце XVIII в. Среди прочих к ней обращались основатели отечественного кавказоведения, такие, как знаменитый социолог и историк права М.М.Ковалевский, дореволюционный издатель кавказского адата Ф.И.Леонтович, историки, правоведы и этнографы советского времени М.О.Косвен, Х.-М.О.Хашаев, А.М.Ладыженский, Р.М.Магомедов, М.А.Агларов, Т.М.Айтберов, А.С.Омаров, В.Г.Гаджиев и многие другие.

Не умаляя достоинств исследований наших предшественников, следует отметить допущенные ими просчеты. Наиболее серьезным из них, как мне кажется, было создание мифа о Дагестане и, шире, Северном Кавказе как царстве благородных разбойников, живущих по неизменным дедовским обычаям. В этой книге я хочу развенчать это абсолютно не соответствующее действительности (хотя и завораживающее) представление. Моя цель — выяснить, как, когда и почему возник такой миф. К каким результатам привели реформы местного мусульманского общества, опирающиеся на подобные представления? Чем чревата политика возрождения так называемых горских традиций?

Миф о горцах-разбойниках основывается на двух весьма распространенных тезисах. Согласно первому любой горец по природе своей существо дикое и кровожадное. Это природный разбойник. Он действует, руководствуясь необузданными страстями и дикими порывами. Этим объясняют кавказское абречество, а все преступления, совершаемые в регионе, объясняют адатом. Другое стереотипное представление можно кратко сформулировать следующим образом: на Кавказе все живут по традициям; всякий человек обязан руководствоваться обычаем (*адатом*), а этнограф должен записывать древние обычаи и помогать властям использовать адат для цивилизации «диких» горцев.

Между тем сами «кавказские горцы» в большинстве своем давно уже не горцы, а далекие потомки людей, которые когда-то жили в горах. На равнине и в предгорьях живет $^{2}/_{3}$ выходцев из Нагорного Дагестана, а также подавляющее число чеченцев и ингушей, правда все еще называющих себя горцами. Почти полтора столетия дагестанские мусульмане, прежде не знавшие власти централизованного государства, живут в правовом и социальном пространстве России. Это замечание еще более справедливо для кабардинцев, черкесов, балкарцев, карачаевцев и других «горцев» Северо-Западного Кавказа, предки которых были переселены с гор на равнину в XVIII–XIX вв. За это время сменилось несколько поколений. Совсем другими стали местные традиции, обычное право, формы и социальная роль насилия. Сегодня эти институты выполняют иные функции. Вместе с общественными институтами меняются и взгляды. Но для самих носителей этих взглядов местная традиция предстает чем-то незыблемым и вечным.

Нельзя, конечно, и преувеличивать влияние кавказской экзотики на российское кавказоведение. Сегодня миф о тотальном разбое на Северном Кавказе популярен в основном в российских и зарубежных средствах массовой информации, а также у далеких от Кавказа обывателей. Из ученых, занимающихся этим регионом, мало кто разделяет эти дикие представления. Наряду с архаизирующей тенденцией в советской этнологической школе нужно отметить исследования, посвященные трансформации форм власти, права и насилия на Северо-Восточном Кавказе XIX–XX вв. В последнее десятилетие все больший интерес отечественных этнологов и историков вызывает проблематика антропологии насилия, а также сформулированная еще в 70-е годы английским историком Эриком Хобсбаумом тема «изобретения традиций» в современном обществе. Из недавних работ в этой области хочется выделить книгу по этнографии чеченской войны 1994–1996 гг., написанную по материалам интервью с ее участниками В.А.Тишковым, директором Института этнологии и антропологии РАН, а также сборник статей московских и петербургских этнологов (*Тишков*: 2001, Антропология насилия: 2001).

Название данной монографии должно вызвать у читателя, знакомого с этнографией и историей права, ассоциацию с двумя классическими работами в этой области — «Закон и обычай на Кавказе» М.М.Ковалевского и «Преступление и обычай в обществе дикарей» ("Crime and Custom in Sauvage Society") Бронислава Малиновского. Это сделано сознательно. Я отнюдь не собираюсь переписывать хорошо известные положения этих работ. Скорее наоборот, в названии работы заключена идея критического переосмысления классического наследия истории и этнографии права для современной науки.

Каждой эпохе свойственны свои научные подходы, проблемы и представления. Ко времени создания книги Ковалевского, во второй половине XIX в., на адат смотрели как на первобытное догосударственное право. По мнению российских властей и ученых, только такое право могло быть понятно дагестанцам, которых в то время считали дикарями, продолжающими жить в родо-племенных коллективах. Эти идеи легли в основу административно-судебных реформ 1860-х годов, в ходе которых в Дагестане было создано так называемое военно-народное управление.

Более углубленное изучение обычного права (как оно действовало в совершенно ином историко-культурном контексте — у меланезийцев в позднюю колониальную эпоху) было предпринято в годы Первой мировой войны Бронславом Малиновским. Это исследование, впервые опубликованное в 1926 г. и к настоящему времени выдержавшее более десяти переизданий, лежит в основе распространенного среди современных этнографов представления о том, что обычай следует признать правом, ничуть не примитивнее современного государственного законодательства. На этих положениях покоится популярная сегодня теория правового плюрализма, к которой я еще не раз буду обращаться в моей работе.

Еще одна неизбежная ассоциация с названием этой книги связана с давно уже ставшим классикой трудом советского этнографа и кавказоведа М.О.Косвена. Его книга «Преступление и наказание в первобытном обществе» вышла в свет почти одновременно с упомянутым выше исследованием Малиновского, в 1925 г. Между подходами Косвена, Малиновского и Ковалевского много общего, но немало и серьезных различий. Все они пытались восстановить изначальное, первобытное состояние права путем изучения обычного права «дикарей» на окраинах разных колониальных империй современности. Но в отличие от Ковалевского Косвен понимал, что связь первобытности с современными безгосударственными народами довольно запутанна и сложна. Ему она виделась как отдельные реликты и пережитки древних соционормативных институтов. Если Малиновский интересовался современным ему внегосударственным «правом» тробрианцев, то Косвен был поглощен изучением «седой старины», даже более то-

го — доисторических первооснов права и власти. В силу целого ряда причин именно этот подход возобладал в советской этнографии права. Более 60 лет после издания книги Косвена одним из ведущих направлений исследования в этой науке оставалось изучение «традиций» и «пережитков» прошлого сквозь призму современного этнографического материала. Эпоха перемен тут началась лишь накануне падения Советской власти.

Сегодняшнее кавказоведение находится на перепутье. Накоплены новые интересные материалы по этнографии и истории права на Северном Кавказе, однако их осмысление еще не начато. В 90-е годы были защищены кандидатские и докторские диссертации, посвященные обычному праву разных мусульманских народов региона. Появились монографии о «правовых традициях» кавказских горцев. Однако почти все эти работы не идут дальше частных фактологических реконструкций, а в области теории повторяют устаревшие марксистские и позитивистские схемы.

Я и сам в своих статьях не раз чрезмерно увлекался местной экзотикой и грешил преувеличением роли традиций у мусульман Северного Кавказа. Ряд моих прежних публикаций, включенных в книгу, подверглись существенной переработке. Главная идея, заключенная в названии работы, тот стержень, вокруг которого я пытался ее построить, — признание давней и сложной взаимосвязи и взаимовлияния закона и преступности, двойственности правового обычая. В разных исторических условиях насилие может носить как позитивный, правоохранительный, так и негативный, антисоциальный характер.

Во избежание путаницы в дальнейшем следует заметить, что я отнюдь не считаю соционормативную культуру Нагорного Дагестана наиболее показательной или типичной для всего Северного Кавказа. В этом регионе невозможно (да и не нужно) выделять единый тип такой культуры. Материалы по Северному Кавказу, а также данные, относящиеся к другим регионам мусульманского мира, использованы в книге, чтобы изучить дагестанский адат в более широком контексте правовых реформ на бывшем советском и зарубежном мусульманском Востоке. При таком подходе лучше видно местное своеобразие колониальной и советской трансформации мусульманского общества и права, затронувшей весь Северный Кавказ.

В эту книгу вошли отнюдь не все сюжеты, связанные с соционормативной культурой Нагорного Дагестана. Жанровая специфика историко-этнографических очерков позволила мне сосредоточиться на еще плохо изученных источниках и проблемах. При этом я намеренно опустил ряд важных, но уже разработанных моими предшественниками тем. Содержание монографии неизбежно отражает мои научные интересы и их изменение за последние десять лет. Поэтому,

в частности, так много внимания в книге уделено правовым документам из до- и пореформенного Дагестана, юридической форме и практике адата.

Источники наших знаний о соционормативной культуре Нагорного Дагестана

К настоящему времени на русский язык с арабского переведены и опубликованы лишь единичные памятники дореформенного обычного права. Это «Постановления кайтагского уцмия Рустем-хана» (*Комаров*: 1868, 80–88), «Кодекс Умму-хана Справедливого» (Махачкала, 1948), «Гидатлинские адаты» (Махачкала, 1957), своды норм адата общины Цекуба, Андалальского и Келебского сельских союзов, а также несколько десятков постановлений сельских судов XVI–XIX вв. (Из истории права: 1968, 221–237; Дагестанские исторические сочинения: 1993, 98–99, и др.). Немалая заслуга в их публикации принадлежит историкам и этнографам советского времени Х.-М.О.Хашаеву, М.-С.Саидову, А.Р.Шихсаидову, М.А.Агларову, Т.М.Айтберову. Бóльшая часть этих изданий устарела. При переводе некоторые местные правовые термины были искажены; отсутствуют историко-правовые комментарии, без которых содержание многих текстов непонятно; арабские оригиналы памятников изданы лишь в «Гидатлинских адатах», «Памятниках обычного права Дагестана», «Каталоге арабских рукописей Института истории, языка и литературы» в Махачкале (1977) и «Хрестоматии по истории права и государства Дагестана», подготовленной Т.М.Айтберовым (Махачкала, 1999), а также в ряде других немногочисленных публикаций.

В литературе часто встречаются утверждения, что до нас почти не дошло письменных памятников дореформенного права северокавказских горцев (*Гаджиев*: 1987а, 69). Распространено мнение, что эти памятники представляют собой исключительно своды адата, «большинство» из которых «было собрано и опубликовано в XIX в.» (*Омаров, Маршаев*: 1958, 132). Но это далеко не так. Одной недолгой экспедиции по изучению Рукописного фонда Дагестанского научного центра, проведенной автором этих строк совместно с немецким ученым М.Кемпером, было достаточно, чтобы выявить более десятка адатных кодексов XVIII — начала XX в. и несколько сотен (!) дореформенных постановлений по обычному и мусульманскому праву в копиях XIX в., в том числе более пятидесяти писем об *ишкиле* — захвате имущества односельчан неисправного должника в обеспечение долга (РФ ИИАЭ, ф. 16, оп. 1, № 1260–1310 и др.). Большинство из этих арабо- и тюркоязычных документов не датировано, но явно относится к дореформенной эпохе, поскольку касается вышедших из употребления

после русского завоевания правовых норм XVII–XVIII вв., в частности запрещенного российскими властями в XIX в. ишкиля.

В 70–90-е годы XX в. в горных селениях Дагестана было обнаружено несколько богатых архивов по пореформенному адату. Крупнейшие из них были выявлены Т.М.Айтберовым и археографическими экспедициями А.Р.Шихсаидова в аварских, даргинских, лезгинских и лакских селениях, М.М.Гусейновым в с. Саситли, А.И.Исламмагомедовым в с. Чох, Р.А.Рамазановым в с. Шиназ, М.А.Агларовым в с. Анди, М.Ю.Рощиным и автором этих строк в с. Хуштада, мною в селениях Тлондода и Кванада. Однако только единичные нормы пореформенного адата дагестанцев переведены с арабского и введены в научный оборот. Не было сделано общего описания этих адатных архивов. Сопоставительного анализа обычно-правовых документов для всего пореформенного Дагестана еще не проводилось.

В книге сделана попытка пересмотреть архаизирующий подход к соционормативной культуре, до сих пор господствующий в отечественном кавказоведении. Ни в дореволюционной, ни в советской литературе не придавали большого значения отличиям в состоянии адата до и после реформ. Ученые, начиная с М.М.Ковалевского и его ученика Б.В.Далгата (*Ковалевский*: 1890; *Далгат*: 1934) и заканчивая современными исследователями обычного права, видели в пореформенном адате в основном источник по реконструкции прошлого, по истории общественного строя Дагестана с древнейших времен до российского завоевания (*Гарданов*: 1960, 12; *Гаджиев*: 1987б, 86). На материалах адата были описаны такие социальные институты, как патрилинейный эндогамный линидж (*тухум*), сельская община (*джамаат*), конфедерации общин («*вольные общества*»), их отношения с феодальными княжествами и проч. (*Магомедов*: 1960; *Хашаев*: 1961; *Омаров*: РФ ИИАЭ, ф. 3, оп. 1, д. 49; *Агларов*: 1988), а также изучены некоторые элементы дореформенного обычного права, например система композиций (т.е. замена уголовного наказания штрафами) — основной вид наказаний по адату (*Омаров*: 1966; см. также: *Гаджиев*: 1987а; 1987б). Но сами по себе обычные уголовное и поземельное право и процесс в пореформенном Дагестане конца XIX — начала XX в. еще не исследовались. Развитие в XIX–XX вв. денежной формы композиций, применение изгнания кровника из общества, очистительной присяги, прямого иска и иска по подозрению и другие важнейшие черты местного адата — т.е. дагестанская соционормативная культура пореформенного, быстро меняющегося общества как таковая — никем серьезно не изучались.

В исследованиях по дагестанскому обычному праву были допущены значительные источниковедческие просчеты. Во-первых, в большинстве работ не было дано четкого определения предмета исследования. Сами термины *адат*, *кануны*, заимствованные дагестанцами из араб-

ского языка, а также их эквиваленты в дагестанских языках (например, авар. *баль* [батль], означающий также «борозда, ряд»; ср. старорусское слово *ряд* в значении «закон»: *Даль*: 1882, IV, 126) толковались то как чисто этнографические обычаи и обряды, то как собственно юридические нормы. Еще А.Руновский, Ф.И.Леонтович и другие первые собиратели кавказского адата отмечали, что местные жители различают два основных значения этого термина: обычай, закон (*Руновский*: 1862, 328; *Леонтович*: 1882, I, 4–6). Однако большинство современных исследователей до сих пор смешивают в своих работах не относящиеся к праву бытовые обычаи и обряды с уголовными и гражданскими нормами адата и даже шариата (см., например: *Алиев*: 1951, л. 3; *Мусаева*: 1995, 154–156).

Во-вторых, исследователи дагестанского адата, как правило, не владели арабским — основным официальным языком адатного судопроизводства со времен раннего средневековья до 20-х годов XX в. Подавляющее большинство ученых не знали кавказских и тюркских языков. Из-за этого они вынуждены были обращаться к не всегда точным переводам памятников обычного права на русский язык, а также верить на слово местным знатокам адата. Со слов последних еще в 40–60-е годы XIX в. были сделаны общие списки норм обычного права по участкам, наибствам и округам, на которые был разделен Дагестан (Адаты Дагестанской области: 1899). Последний сборник такого рода по адату кумыков был составлен и опубликован уже при Советской власти (*Алибеков*: 1927; одновременно издан в кн.: Дагестанский сборник: 1927, 73–101).

Среди письменных источников, на которых основано настоящее исследование, можно выделить два основных типа: арабоязычное делопроизводство дореформенных сельских судов и документы, составленные в словесных народных и горских судах 1860–1917 гг., шариатских судах 1918–1927 гг.; архивные материалы советских судебных и партийных органов 1920–1990-х годов. Наиболее важные из этих документов впервые публикуются в этой книге, в Приложение включен глоссарий важнейших соционормативных терминов, использовавшихся в дагестанской правовой практике XIV–XX вв.

В книге использованы материалы следующих архивных собраний:

1. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА) в Москве (фонды Военно-учетного архива Главного штаба (ВУА), 23, 400, 482, 25896). Здесь хранятся подготовительные материалы и инструкции по проведению судебной реформы 1860-х годов, записи судебных дел по поземельным конфликтам и уголовным преступлениям, случаям кровной мести. В тех же фондах содержатся описания борьбы русских военных властей с абреками в годы Кавказской войны XIX в.

2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ) в Москве, где хранятся ценные материалы, касающиеся подготовки и проведе-

ния советских правовых реформ в Дагестане, а также на других «восточных окраинах» СССР. Из них в работе были использованы протоколы заседаний СНК СССР и Совета по делам национальностей (фонды 1318, 3977).

3. Петербургское отделение Архива РАН (ПОА РАН) (фонд М.М.Ковалевского: 103), с записями дореформенных и пореформенных уголовных норм обычного права сельских общин Андийского и Казикумухского округов.

4. Центральный государственный исторический архив Республики Грузия в Тбилиси (ЦГИА РГ) (фонды 2, 416, 545, 1083), с записями пореформенных уголовных норм адата Аварского и Гунибского округов, а также апелляционных жалоб и постановлений Дагестанского народного суда. Здесь же содержится богатый архив военно-народного управления (1860–1917), центр которого находился в Тбилиси. Он содержит многочисленные жалобы и прошения по уголовным и поземельным делам, разбиравшимся в судах Дагестанской области в 1860–1917 гг.

5. Центральный государственный архив Республики Дагестан (ЦГА РД, фонды 2, 4, 21, 38, 88, 104, 123, 126, 127, 148, 168, 171, 191, 289, 290, 545, 1186, р-1, р-4, р-11, р-33, р-37, р-41, р-49, р-55, р-117, р-125, р-127, р-168, р-178, р-182, р-187, р-209, р-229, р-260, р-268, р-470, р-566, р-694, р-700, р-1186). Здесь находятся материалы по проведению судебно-административных реформ 1860–1868 и 1920–1930 гг., делопроизводству окружных народных и шариатских судов, статистике преступлений по Дагестанской области и ДАССР начиная с 90-х годов XIX в., а также описания судебных дел, касающихся разбора случаев кровной мести, поземельных споров из-за пастбищ и тяжких уголовных правонарушений. В середине 90-х годов в ЦГА РД были переданы фонды бывшего Партархива (п-1), содержащие сводки ГПУ–ОГПУ–НКВД–МГБ 1920–1940-х годов о бандитизме в горных районах республики, а также отчеты о поземельных конфликтах, случавшихся в советское время.

6. Рукописный фонд Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН включает документы, собранные во время археографических экспедиций, полевые материалы сотрудников института и отчеты этнографических экспедиций из Махачкалы, Москвы и Ленинграда, работавших в Нагорном Дагестане в 1950–1980 гг. (РФ ИИАЭ, фонды 1, 2, 3, 5, 8, 14, 15, 16, 25). В Отделе восточных рукописей фонда хранятся арабоязычные записи постановлений дореформенных сельских судей, своды хозяйственных постановлений по адату отдельных горных селений.

7. Бахметьевский архив Библиотеки рукописей и редких книг, находящейся в составе Батлеровской библиотеки Колумбийского университета в Нью-Йорке (BAR). Здесь хранятся уникальные документы

Отделов по борьбе с организованной преступностью, существовавших в дореволюционных Дагестане, Азербайджане и Кабарде, а также воспоминания участников борьбы с абречеством, после революции эмигрировавших за границу. Редкие эмигрантские издания, посвященные предреволюционному абречеству и административным реформам в регионе и выпущенные в Константинополе и Париже, имеются также в библиотеке Калифорнийского университета (США).

8. Сельские мечетные архивы селений Бацада, Ботлих, Губден, Дибгаши, Кванада, Старый и Новый Костек, Рутул, Саситли, Тлондода, Хварши, Хуштада, Шиназ, Чох и др. Сюда после прекращения антимусульманских репрессий 20–80-х годов были возвращены оригиналы и копии постановлений пореформенных судов местных сельских обществ.

9. Частные рукописные архивы. Они содержат документы того же характера, что и мечетные собрания. В работе были использованы материалы коллекций М.Нурмагомедова и А.Р.Шихсаидова в Махачкале, М.-С.Абакарова в Хасавюрте, Б.Кебедова в Кизилюрте, М.Абакарова в с. Киша, С.-Г.Ахмедова в с. Кванада, Н.Халифатова и Б.Гасанова в с. Рутул, М.-С.Газиева в с. Хуштада, А.Магомедова в с. Согратль, М.Пахрудинова в с. Тлондода, С.-Г.Пирмагомедова в с. Агвали, Р.Рамазанова в с. Шиназ и некоторые другие, менее важные собрания.

Основная часть использованных в работе архивных материалов записана на арабском языке, скорописью — так называемым *дагестанским насхом*, постановления областных и окружных судебных властей — на русском, писарским почерком. Только в делопроизводстве дореволюционных и ранних советских судов Кюринского округа Южного Дагестана встречаются документы на азербайджанском в арабской графике (*тюрки*), например тетрадь постановлений Чаралинского сельского суда XIX в. в РФ ИИАЭ (ф. 14, оп. 1, кн. 2, № 2659), отдельные акты Шиназского сельского суда в частном собрании Р.А.Рамазанова или переписанный в 1917 г. свод норм адата с. Зрых (РФ ИИАЭ, ф. 14, оп. 1, № 387). Все основные рукописные источники были фотокопированы, не русскоязычные — переведены и введены в компьютерную базу данных по пореформенному дагестанскому адату. Впервые публикуемые архивные материалы на арабском и аварском языках приводятся в моем переводе. В целом ряде случаев я также даю новые уточненные переводы ранее издававшихся на русском языке правовых документов.

Эти источники позволяют взглянуть на право и насилие в пореформенном Нагорном Дагестане под разными углами зрения, отражающими позиции различных социальных слоев: одни составлены знатоками адата и шариата, другие — сельскими старостами и писцами сельских, окружных и районных судов, третьи — военными и гражданскими властями дореволюционного времени, советским и партийным начальством.

Важную дополнительную информацию по теме книги несут кавказские экспонаты российских этнографических музеев. Они позволяют определить важнейшие материальные атрибуты соционормативной культуры, а также реконструировать изменения, произошедшие в этой культуре под влиянием российских и советских реформ. До сих пор «музейно-этнографическое измерение» российской политики на Кавказе необоснованно игнорировалось при изучении социальных и правовых сюжетов. Пытаясь восполнить этот пробел, я обратился к изучению коллекций холодного оружия, орудий наказания, одежды и атрибутов судебной власти, хранящихся в Санкт-Петербурге в фондах Российского этнографического музея (РЭМ, бывший Государственный музей этнографии народов СССР, вобравший в себя экспонаты и архивы Музея народов СССР (бывший Музей народоведения) в Москве, Дашковского и Румянцевского музеев), Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (МАЭ, Кунсткамера), а также Государственного Исторического музея (ГИМ) в Москве, Дагестанского государственного краеведческого музея в Махачкале. Наиболее важными для моего исследования оказались музейные фонды и архивные описи первой Всероссийской этнографической выставки 1867 г. в Москве (Архив РЭМ, ф. 5, оп. 2, д. 1), экспонатов Кавказского отдела Музея народоведения (Архив РЭМ, ф. 5, оп. 2, д. 74), дагестанских экспонатов из коллекций, собранных в 1920–1940-е годы известным советским этнографом Е.М.Шиллингом (МАЭ, коллекции 5842, 5997; Архив РЭМ, ф. 5, оп. 2, д. 82, 83, 85).

Данные письменных источников и музейных коллекций были сопоставлены с материалами экспедиционных выездов дагестанских этнографов в Ахвахский, Ботлихский, Буйнакский, Гунибский, Дербентский, Лакский, Левашинский, Рутульский, Хунзахский и Цумадинский районы Дагестана и моих полевых обследований 1992–2001 гг. Крайне важную информацию автору этих строк удалось получить, наблюдая за деятельностью восстановленных в постсоветское время так называемых шариатских, или исламских, судов при соборных мечетях селений Агвали, Хуштада и Кванада Цумадинского района. С любезного разрешения председателей этих судов в 1996–1997 гг. я присутствовал при разборе тяжб, а также ознакомился с документацией.

В книге использованы также результаты историко-юридического анализа микротопонимов ахвахцев, багулал, рутульцев, тиндинцев, чамалал, аварцев и других дагестанских народов, часть из них была впервые собрана и записана мною (*Бобровников*: 1996, 6–14). В исторической топонимике запечатлены наиболее важные уголовные и поземельные конфликты в пореформенном Дагестане, а также попытки их урегулирования третейским судом по адату.

Нельзя обойти молчанием еще один важный, хотя и вспомогательный источник. Это произведения русских писателей — очевидцев

Кавказской и Гражданской войн, волнений и реформ, потрясавших Северный Кавказ в XIX–XX вв. Крупнейшие мастера русской классической литературы бывали на Кавказе и писали о нем. Для нашей темы наиболее важны «Путешествие в Арзрум» А.С.Пушкина; «Герой нашего времени», «Кавказец», некоторые стихотворения и письма М.Ю.Лермонтова; «Набег», «Рубка леса» и «Казаки» Л.Н.Толстого; «Необычайные приключения доктора», «Записки на манжетах» и «Богема» М.А.Булгакова (*Пушкин*: 1964; *Лермонтов*: 1975–1976; *Толстой*: 1979а, 1979б; *Булгаков*: 1990). Они живописуют эпоху рождения абречества и дают возможность проследить, как на Кавказе и в России складывался образ горца-абрека — благородного и благочестивого разбойника вроде Робин Гуда.

Ценным свидетельством особого отношения к адату и абречеству на советском и постсоветском Кавказе являются сочинения местных авторов XX в. — своего рода «абрекиана». К этому «жанру» обращаются как крупные мастера, например абхазский писатель Фазиль Искандер и аварский поэт Расул Гамзатов (*Искандер*: 1991; *Хамзатов*: 1970), так и менее известные авторы. Грузинский писатель Чабуа Амирэджиби создал образ благородного кавказского разбойника на основе сведений о реальном абреке — Дата Туташхиа (*Амирэджиби*: 1990). В 1977 г. по его роману был поставлен художественный фильм «Берега», прославивший Дата Туташхиа по всему Союзу. Можно упомянуть также научно-художественный очерк К.Гатуева о Зелимхане Гушмазукаеве — абреке, разбойничавшем накануне революции в Чечне и Ставрополье, рассказы Ф.Искандера об абхазских бандитах, реально действовавших в 60–70-е годы XX в., лирику Р.Гамзатова, воспевающую набеги (авар. *чабхъен* [чабкхен]) дагестанских горцев (*Гатуев*: 1926; *Искандер*: 1991; *Хамзатов*: 1970, 7). Совсем недавно в Махачкале был издан на лезгинском языке роман Садко Гаджиева о его земляке Бубе Икринском, знаменитом абреке начала XX в. из Южного Дагестана (*Гьажиев*: 1998). Причем если Гатуев, Амирэджиби и Гаджиев просто идеализировали абреков, то Искандер, беспристрастно описавший «человека-зверя», абрека Уту Берулава, тем не менее опоэтизировал абречество. Недаром в его романе герой помог восстановить справедливость, попранную коррумпированной грузинской милицией (*Искандер*: 1991, 232–234).

Дореволюционное абречество стало благодатной темой для молодого северокавказского театра и кино. Уже в 1929 г. в Ростове-на-Дону была экранизирована книга Гатуева. Ростовский рецензент с гордостью писал о героической киноповести «Зелимхан»: «В Москве, в Ростове и в других городах Союза с большим успехом идет кинокартина о знаменитом чеченском абреке Зелимхане; в Ростове она идет уже два месяца... каждый вечер при громадном стечении зрителей... у театров толпа, и места берутся, что называется, с бою»

(Революция и горец: 1929, № 10, 36, см. также № 9, 76–78). Киноабрекиана продолжается и поныне. В конце 1990-х годов в Дагестане был поставлен фильм «Легенда о храбром Хочбаре», рассказывающий о легендарном средневековом разбойнике из Гидатля. Недавно картина транслировалась на одном из центральных каналов российского телевидения. На сцене Театра оперы и балета в Махачкале уже много лет с успехом идет музыкальный спектакль «Хочбар». Появляются и новые книги об абреках на языках народов Северного Кавказа.

ЧАСТЬ I

Власть, закон и абреки

ГЛАВА 1

«Горское хищничество»: мифы и реальность

Об абреках и разбое на Кавказе написаны горы литературы. В этом отношении Нагорный Дагестан ничем на отличается от других областей Северного Кавказа и Закавказья. За всем этим краем издревле утвердилась дурная слава разбойничьего гнезда. Путешественники, купцы, миссионеры, проезжавшие через Кавказ, удивительно единодушно отзывались о горцах как о «природных разбойниках и ворах». Античные греки помещали на Кавказе, где-то в районе современной Чечни, свирепое племя «мужеубийц»-амазонок, согласно греческим преданиям постоянно тревоживших соседей своими набегами и доходивших до Аттики в своих грабительских походах (*Геродот*, IV, 110–117, IX, 27; *Страбон*, XI, 5, 3–4). Авторы XV–XIX вв., для которых Кавказ был уже не сказочной горой на конце света, а вполне реальной и часто посещаемой областью, в целом держались того же мнения.

1

Горцы глазами путешественников, ученых и политиков

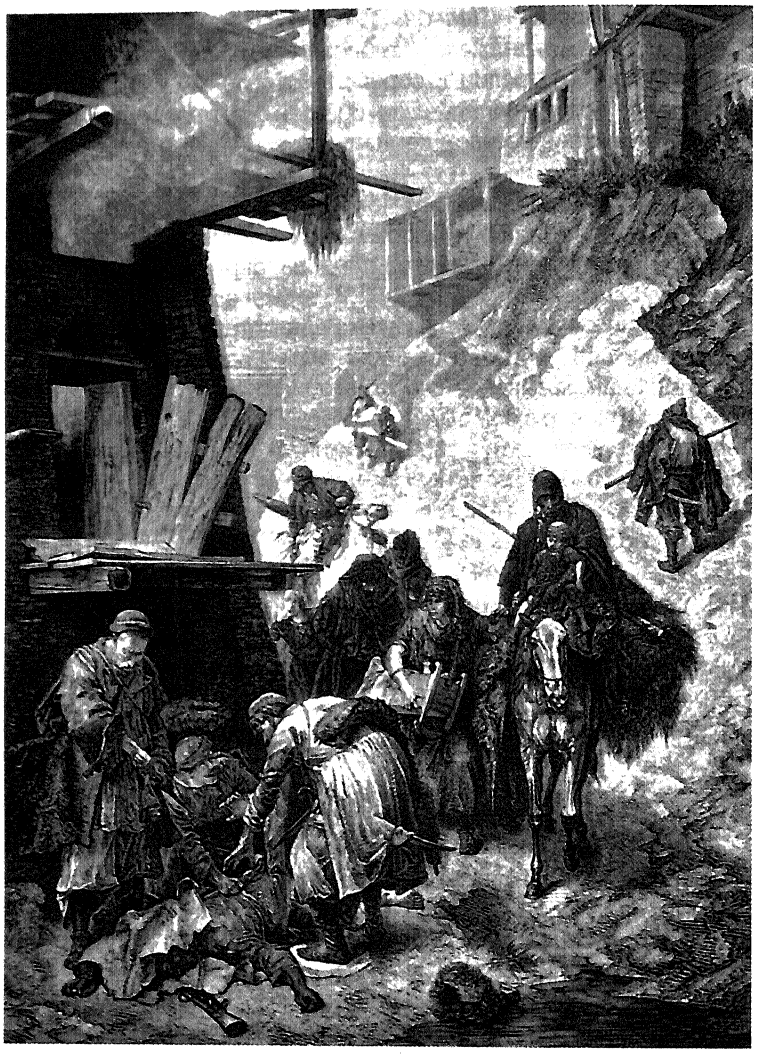
Русский купец XV в. Афанасий Никитин в своих записках «Хождение за три моря» жаловался на грабежи кайтагов в приморском Дагестане (Дагестан в известиях русских и западноевропейских авторов: 1992, 44). Его современник, итальянский путешественник Джорджио Интериано не без черного юмора описывает обычай черкесских кня-

зей охотиться в своих владениях на «домашних (животных. — *В.Б.*) и даже на людей» (*Интериано*: 1974, 48). По словам турецкого путешественника XVII в. Эвлия Челеби, «неверующим в этой стране (среди адыгов Северо-Западного Кавказа. — *В.Б.*) даже девиц не дают, говоря: „Это не джигит“» (*Челеби*: 1979, 59). Итальянский миссионер того же времени Арканджело Ламберти сетует на склонность благородных сословий Мегрелии к воровству: «Молодым сыновьям князей и вельмож не возбраняется, если они узнают про жирную корову, украсть ее и съесть в веселой компании товарищей» (*Ламберти*: 1913, 80).

Дагестанец XIX в. Хаджи-Али Чохский, перешедший во время Кавказской войны на сторону русских, с горечью пишет о своих соотечественниках: «Горцы дики, как сама природа, окружающая их, и хищны, как звери» (*Гаджи-Али*: 1995, 24). К этому времени в российской историографии о Кавказе сложился крайне отрицательный, я бы сказал, демонический образ горца как духа разрушения. Характерно в этом смысле высказывание известного русского публициста и теоретика славянофильства Н.Я.Данилевского (1871 г.): «Кавказские горцы — и по своей фанатической религии, и по образу жизни и привычкам, и по самому свойству обитаемой ими страны — природные хищники и грабители, никогда не оставлявшие и не могущие оставлять своих соседей в покое» (*Данилевский*: 1995, 31).

Даже такие объективные авторы, как С.М.Броневский, считали, что горцы «приобретение корысти силой оружия вменяют себе за честь... яко драгоценный дар почитают вольность, которую употребляют часто во зло, делая набеги и грабежи против друг друга и в окружных странах» (*Броневский*: 1996, 28). По словам русских авторов эпохи Кавказской войны, характерная черта кавказских горцев — страсть к набегам, грабежу и убийствам, то, что в XIX в. стали называть особым термином *хищничество* (см., например: Движение горцев: 1959, 137, 184, 228–229, 238, 255, 257, 278, 279, 281–284, 300, 307, 312, 313, *далее* passim; *Покровский*: 2000, 29).

Порой жалобы на горское *хищничество* исходили и из противоположного лагеря. Шамиль после своего пленения оправдывался в жестокостях, допущенных им в годы Кавказской войны, виня в них разбойничьи нравы горцев. «Я употреблял против горцев жестокие меры, — говорил он приставленному к нему полковнику А.И.Руновскому в Калуге, — много людей было убито по моему приказанию... Бил я и шатоевцев, и андийцев, и тадбуртинцев (названия дагестанских и чеченских „вольных обществ“, тадбуртинцы — аварское название чеберлоевцев в Южной Чечне (Ичкерии). — *В.Б.*); но бил я их не за преданность русским — Вы знаете, что тогда они ее еще не выказывали, — а за их скверную натуру, склонную к грабительству и разбоям... И вы будете бить их за ту же склонность, которую им

«Хищничество» горцев
в представлении русского художника XIX в.

очень трудно оставить». В другой раз он говорил, что в Нагорном Дагестане ему приходилось управлять «народом скверным, разбойниками, которые только тогда сделают что-нибудь доброе, когда увидят, что над их головами висит шашка, уже срубившая несколько голов» (цит. по: *Олейников*: 2000, 64).

Шамилю вторит его зять, известный дагестанский ученый Абдуррахман Газикумухский (Казикумухский), сын накшбандийского шейха Джамалуддина, духовного наставника (*муршид*) *имама*. В своих воспоминаниях он не раз укоряет жителей Нагорного Дагестана за их якобы уголовные наклонности. По его словам, горцы «сами не подчиняются законам и никого не заставляют подчиняться законам, боятся только тех правителей, которые с ними суровы; в них много лицемерия (*ан-нифак*) и распутства...». О жителях Аварии он пишет как о «народе высокомерном, преступном (*фуджур*), никому другому не подчиняющемся со времен своего правителя Сураката*. Это причина убийств и набегов, всяческого кровопролития, особенно до появления в Дагестане трех имамов...» (*Абдурахман из Газикумуха*: 1997, л. 38а–38б, 201а) (пер. мой. — *В.Б.*).

Любопытно отметить, что резкая критика хищничества горцев, данная Шамилем и Абдуррахманом Газикумухским, относится ко времени, когда оба они приняли российское подданство. Книга воспоминаний Абдуррахмана, изобилующая резкими выпадами против нравов и обычаев жителей Северо-Западного Дагестана, была написана в 1868 г. в Тифлисе по предложению начальника Кавказского отдела Императорского Русского географического общества (КО ИРГО) генерал-майра Д.С.Старосельского. На мой взгляд, в обоих приведенных выше высказываниях нельзя не видеть определенный «социальный заказ», солидаризацию с мнением российских военных властей на Кавказе.

Мемуаристов, жалующихся на разбои горцев, можно понять. Они или испытали их на личном опыте, или писали об этом со слов людей, подвергшихся нападениям. Действительно, вплоть до завоевания Кавказа Россией путешествовать по краю без провожатого значило почти наверняка попасть в плен, быть убитым или ограбленным и проданным в рабство. На побережье Каспийского моря пиратствовали владыки небольших ханств Дагестана. Еще в конце XVIII в. один из них — *уцмий* Кайтагский — пленил российского академика С.Гмелина, отправленного на Кавказ с дипломатической и научной миссией (скончался в плену в 1774 г.). На Северо-Западном Кавказе разбойничали кабардинские князья (кабард. *пшIы* [пши]), прославившиеся «наездниче-

---

* Согласно дагестанским историческим хроникам и преданиям, последний немусульманский правитель Аварии, разбитый пришедшими на Кавказ арабами во главе с легендарным исламизатором Дагестана Абу Муслимом. Его имя — символ «злого», неправедного государя.

Черкесский наездник начала XIX в.

ством» — так называли набеги их конных дружин (кабард. *зекIуэ* [зекве]) дореволюционные авторы. Русский офицер и писатель XIX в. Ф.Ф.Торнау более двух лет находился в плену у кабардинцев (*Хан-Гирей*: 1976, 299; Дагестан в известиях русских и западноевропейских авторов: 1992, 35, 49–52; *Броневский*: 1996, 112, 116).

Определенную роль в распространении насилия на Северном Кавказе сыграл «географический фактор». Сама природа сделала неприступные отроги Главного Кавказского хребта идеальным убежищем. В периоды политических неурядиц, войн и завоеваний тут укрывалось немало неспокойного деклассированного люда. При всяком удобном случае они мстили своим врагам, грабили торговцев, путешественников и жителей близлежащих равнинных селений. Одним из таких неспокойных периодов была затяжная Кавказская война XIX в. За это время чуть ли не два поколения горцев выросли в условиях ставших привычными вооруженных насилий. Следует отметить, что кавказское «хищничество» той эпохи находит себе немало аналогий в других

(как мусульманских, так и немусульманских) регионах мира. В XVIII–XIX вв. точно так же шла борьба горцев с централизованным (и нередко колониальным) государством в Бирме и Афганистане, на Балканах и в Магрибе. В Западной Европе того времени сходные явления можно обнаружить в Горной Шотландии, на Корсике и в Пиренеях. Эти параллели бросаются в глаза и не раз отмечались еще дореволюционными исследователями абречества (см., например: *Данилевский*: 1995, 31).

Объективности ради нужно также сказать, что в эпоху покорения Северного Кавказа Российской империей обе стороны применяли бандитские методы борьбы с противником, такие, как набеги на вражеское селение с грабежами и убийствами мирных жителей. Достаточно вспомнить, что в первой половине XIX в. грабительские рейды на территорию противника совершали не только разбойники-абреки вроде чеченца Бей-Булата Таймиева (Таймазова), но и царские генералы.

В наместничество генерала А.П.Ермолова (1817–1827) в ответ на враждебные действия горцев русские войска сжигали целые аулы, вырезали непокорное население, захватывая скот и прочее имущество (АКАК: 1875, VI, ч. 2, 26–30, 541). Так, во время похода 1819 г. против Сурхай-хана Казикумухского Ермолов сровнял с землей «прекрасные городки» Нагорного Дагестана (*Ермолов*: 1868, т. 1, 99; *Эльмесов*: 1991, 184). «В Башлах не осталось камня на камне, и следы основания его совершенно изглажены», — писал он. Сельские общины, проявившие покорность русским войскам, обязаны были выдать заложников (*аманатов*) как гарантию своей верности. Аманатов содержали в Дербенте и Тифлисе. В 1820 г. только от аварских селений Северного Дагестана в Тифлисе было 32 заложника (ЦГИА РГ, ф. 2, оп. 1, д. 648, л. 68, д. 848, л. 7, д. 2071, л. 115; см. также: *Пушкин*: 1964, 649–650).

Подобная практика сохранилась и после отставки Ермолова с поста кавказского наместника и главнокомандующего. Печальную известность получили слова императора Николая I, обращенные к новому главнокомандующему, генерал-фельдмаршалу И.Ф.Паскевичу: «Предстоит Вам... усмирение навсегда горских народов или **истребление непокорных** (выделено мной. — *В.Б.*)» (Движение горцев: 1959, 58). Журналы военных действий на Северном Кавказе пестрят сообщениями о разоренных горных селениях, сожженных полях, конфискованных у горцев стадах и ремесленных изделиях. В 1830 г. в Северном Азербайджане было разгромлено Джаро-Белоканское общество, присоединившееся к имамату Гази-Мухаммеда: «Селения Гогами, Джары и Закаталы... истреблены до основания вместе с обширными древними садами... Обитатели упомянутых разоренных селений... переселены на плоскость Алазанскую (т.е. в Грузию. — *В.Б.*)» (РГВИА, ф. ВУА,

д. 6237, л. 174). Рейд в августе 1832 г. в горную Чечню корпуса генерала Г.В.Розена завершился сожжением 60 селений (Движение горцев: 1959, 724, примеч. 46). В рапорте о своих действиях в Чечне в 1834–1840 гг. полковник А.П.Пулло сообщал о проведении им «набегов... с истреблением населения... и взиманием аманатов» (РГВИА, ф. ВУА, д. 6438).

Царские генералы продолжали брать от «замиренных» ими горцев заложников-аманатов до самого окончания Кавказской войны. В частности, в рапорте о действиях российских войск в Чечне от 8 сентября 1858 г. командующий Левым крылом Кавказской линии генерал-лейтенант Н.И.Евдокимов докладывал главнокомандующему генерал-адъютанту А.И.Барятинскому: «Заложники от (чеченского. — *В.Б.*) общества Митхо были взяты еще прежде полковником кн. Челокаевым. Аккинцы просили у меня несколько дней срока, чтобы предварительно усмирить абреков, наполняющих их маленькое общество. Полученское и полутавлинское общество Чаберлой (Чеберлой. — *В.Б.*) также прислало мне своих людей с предложением покорности...» (АКАК: 1904, XII, 1111).

В свою очередь, все три имама Дагестана и Чечни широко пользовались услугами абреков. Их отряды не менее жестоко выжигали непокорные селения, захватывая скот и уводя в плен жителей. Так поступали с сельскими общинами горцев, отказавшимися присоединиться к имамату. Например, в июле 1832 г. Гази-Мухаммед безуспешно пытался отбить у старосты с. Чиркей принадлежавший ему скот (РГВИА, ф. ВУА, д. 6261, ч. 1, л. 191). В следующем году отряд Гамзат-бека напал на с. Гергебиль и захватил там рогатый скот и до 300 лошадей (РГВИА, ф. ВУА, д. 6281, л. 240). В 1834 г. его ополченцы ограбили жителей селений Бацада и Тануси (РФ ИИАЭ, ф. 1, оп. 1, д. 426, 1669, л. 177). В марте 1836 г. мюриды Шамиля взяли приступом с. Игали и уничтожили дома тех, кто отказался присоединиться к имамату (ЦГА РД, ф. 133, оп. 4, д. 4, л. 4).

Сведения о подобной тактике ведения военных действий имеются не только у противников шамилевского движения, но и у его приверженцев. В письме к генерал-лейтенанту О.А.Реуту сам Шамиль так описывал действия своих сторонников: «Уведомляю Вас, что конфедерация (букв. «войско» — араб. *джайш*, см.: Приложение. Социально-правовая лексика восточного происхождения) койсубулинцев, конфедерация гумбетовцев, конфедерация андийцев, конфедерация хунзахцев (букв. *нуцалов*. — *В.Б.*), конфедерация багулал, конфедерация чамалал и прочие... заключили соглашение (*йувафикун*) совместно вести войну и разрушать любое селение, которое отделится и отпадет от них...» (Арабоязычные документы эпохи Шамиля: 2001, 114–115; пер. с араб. мой. — *В.Б.*; см. также: Движение горцев: 1959, 151–152). Восторженный апологет и хроникер Шамиля Мухаммед-

Тахир ал-Карахи рассказывает, как в 1843 г. была сожжена столица аварских ханов с. Хунзах (аль-Карахи: 1990, II, 12–13). В памятной записи (*та'рих*) об уничтожении Хунзаха, включенной в эпитафию имама Гамзат-бека, говорится: «...Затем пошел на них (хунзахцев. — *В.Б.*) тот имам Шамиль (*Шаму'ил*) с ополчением [сельских обществ] (*би-джунуд*), поскольку они (хунзахцы. — *В.Б.*) им не подчинились, покорил укрепления неверных (*ал-куффар*) в их селениях и дотла разорил (*харраба*) их город (т.е. Хунзах. — *В.Б.*) из-за укоренившегося в нем неверия. Возблагодарим же Аллаха за это...» (*Лавров*: 1968, ч. 2, 102, 242; пер. с араб. мой*. — *В.Б.*). В феврале 1845 г. подобная участь постигла другое аварское селение — Чох. Войска наиба Шамиля, Даниял-бека, бывшего султана Елисуйского, сожгли Чох и увели в плен его жителей (*аль-Карахи*: 1990, II, 20–22; см. также: *Тахнаева*: 1997, 40–45, 88–92). В память об уничтожении Чоха уже после окончания войны, в 1864–1865 гг., на одной из восстановленных тогда квартальных мечетей селения была выбита скупая историческая надпись: «Разрушили войска Шамиля (*Шаму'ил*) наши дома и мечети в 1260 (1845. — *В.Б.*) году...» (*Бобровников*: 1999а, 32, 37). В письме Шамилю его наиб Мухаммед-Амин так описывал свои действия в Адыгее в 1854 г.: «Мы спалили дома отступников, убили некоторых из них, некоторых заключили в тюрьму, а некоторых избили» (Сто писем Шамиля: 1997, 279). В 30–50-е годы XIX в. у многих наибов и прочих высших должностных лиц имамата были заложники, взятые в обеспечение верности из разных сельских общин (там же, 274).

Перечисление всех этих жестокостей не должно смущать читателя. Не нужно считать политиков XIX столетия какими-то извергами. По верному замечанию, сделанному когда-то Проспером Мериме, нельзя подходить к поступкам людей прошлого с современными мерками. То, что в демократическом обществе кажется преступлением, в менее цивилизованном государстве сходит за похвальное проявление отваги. Рассказывая о том, как в 1806 г. его современник египетский паша Мухаммед-Али перебил приглашенных им в гости мамлюков, Мериме не без иронии замечает, что французский министр граф де Виллель на его месте поступил бы так же, а Мухаммед-Али, живи он во Франции XIX в., просто уволил бы членов оппозиции (*Мериме*: 1963, 150–151).

Еще важнее отметить, что цитированные выше авторы чрезмерно преувеличивали значение профессионального разбоя на Кавказе. Ведь даже имевшиеся в распоряжении ученых конца XIX в. весьма неполные источники отчетливо говорят о том, что «хищнические на-

* Мне пришлось заново перевести текст эстампа, приведенный в книге Л.И.Лаврова, поскольку перевод этой части надписи, выполненный Лавровым, довольно далек от оригинала.

беги» отнюдь не являлись основным источником существования местных жителей. На это обстоятельство обратили внимание еще некоторые дореволюционные кавказоведы. Так, И.Пантюхов отмечал: «Не будучи знакомы с внутренней жизнью лезгин (здесь: дагестанские горцы вообще. — *В.Б.*), но зная их только как смелых грабителей, летописцы и историки... считали лезгин дикарями и разбойниками. Правильная внутренняя организация лезгинских общин, честность взаимных отношений и оседлая земледельческая культура не дают, однако, основания считать лезгин дикарями. Главные средства к существованию лезгинам всегда давали не разбои, а земледелие и скотоводство» (*Пантюхов*: 1901).

Распространенный в дореволюционной науке и обществе взгляд на горцев как на прирожденных разбойников еще в 1860-е годы остроумно раскритиковал крупнейший исследователь кавказских языков того времени П.К.Услар. «В эпоху романтизма (1820–1840-е годы. — *В.Б.*) и природа, и люди на Кавказе были непонятны... — писал он. — Горцев не могли мы себе представить иначе, как в виде людей, одержимых каким-то беснованием, чем-то вроде воспаления в мозгу, — людей, режущих налево и направо, пока самих их не перережет новое поколение беснующихся. И было время, когда эти неистовые чада нашей поэтической фантазии приводили в восторг часть русской читающей публики! Другие читатели, более рассудительные, все-таки верили в возможность существования такого племени беснующихся, но в замену восторгов советовали истребить их *с корнем вон*» (выделено П.К.Усларом) (*П.К.* [*Услар*]: 1868, 4–5).

Истоки такого взгляда на северокавказских мусульман следует искать в увлечении российской публики восточной экзотикой. Это явление верно уловил Л.Н.Толстой, сам служивший на Северо-Восточном Кавказе в годы Кавказской войны. Ему принадлежит блестящая критика кавказской экзотики, вложенная в уста героя «Казаков» Оленина: «Совсем иначе, чем он воображал, представился ему Кавказ. Он не нашел здесь ничего похожего на все свои мечты и на все слышанные и читанные им описания Кавказа. „Никаких здесь нет бурок, стремнин, Амалат-беков*, героев и злодеев... люди живут, как живет природа: умирают, родятся, совокупляются, опять родятся, дерутся, пьют, едят, радуются и опять умирают...“» (*Толстой*: 1979б, 251–252).

Несостоятельность оценки горца как профессионального разбойника окончательно доказана историками и этнографами советского времени в ходе полевых и архивных изысканий, которые показали, что основой существования горского общества было развитое земледельческо-скотоводческое хозяйство. Набеги же, там, где они имели место, носили спорадический характер (*Гарданов*: 1967, 50–55; *Осма-*

---

* Герой популярной среди русской читающей публики второй трети XIX в. романтической повести А.А.Бестужева-Марлинского «Аммалат-бек».

нов: 1990, 52–60). По словам самих горцев, в них участвовали не столько для личного обогащения, сколько для приобретения славы и уважения земляков (*П.К.* [*Услар*]: 1868, 38).

В советском кавказоведении можно выделить два основных направления. Первое развивало кавказофобские идеи российской дореволюционной литературы. Его сторонники считали абречество частным случаем профессионального бандитизма, по их мнению, присущего примитивному горскому обществу. В духе господствовавшей в советское время марксистской парадигмы существование абречества объяснялось особенностями «горского феодализма», основанного на «экономике набега» (*Багиров*: 1950, 21–37; *Смирнов*: 1952; *Фадеев*: 1955, 67–77). Такое толкование абречества господствовало в кавказоведении в позднее сталинское время.

В 1980-е годы возродить его попытался осетинский историк М.М.Блиев. Он увидел в абречестве «военную экспансию отсталых скотоводческих племен горцев», стоявших на первобытной стадии «военной демократии», против более цивилизованных земледельческих жителей равнины. Согласно его концепции, Кавказская война была естественной защитной реакцией централизованного Российского государства на эту экспансию (*Блиев*: 1983; 1989; *Блиев, Дегоев*: 1994, 37–109). Эту точку зрения поддержали некоторые историки из научно-исследовательских центров Северного Кавказа и Москвы. Так, по мнению Т.С.Магомадовой, «специфика строя тайповых обществ породила... организованные верхушкой вольных обществ набеги ради добычи на территории соседей. В XVIII — начале XIX в. объектом таких набегов стали российские города и станицы» (*Магомадова*: 1988, 53; *Виноградов*: 1987, 9).

Взгляды М.М.Блиева и его сторонников вызвали резкую критику большинства северокавказских историков и этнографов. В последние десятилетия в отечественном кавказоведении возобладало противоположное направление, трактующее абречество как разновидность партизанской национально-освободительной борьбы, ответную реакцию горцев на «колониальные захваты царизма на Кавказе» (см., например: *Магомедов*: 1987, 109; *Ибрагимбейли*: 1994, 43–48; *Рамазанов*: 1997, 62).

Оправдывая абречество кавказских горцев, советские ученые по инерции разделяли некоторые положения дореволюционной историографии. Если набеги абреков, происходивших из низов, и походы сельских ополчений были для них крестьянской герильей, то набеги, организованные адыгскими князьями или ханами Дагестана, определялись как «хищничество». Такой точки зрения придерживался видный историк первой половины XX в. Н.И.Покровский (*Покровский*: 1939, 188). Ее разделял и крупный исследователь адыгских народов В.К.Гарданов, по мнению которого «в хищничестве (т.е. набегах. —

В.Б.) были повинны только феодальные верхи, а не народные массы» (*Гарданов*: 1967, 56). Такая же непоследовательность присуща и ряду современных ученых (*Народно-освободительное движение*: 1994, 245–249).

Гораздо более стройная концепция этого явления сложилась у западных советологов. Восприняв и логически развив идеи ранней советской историографии, они предложили рассматривать кавказское абречество как «прогрессивное антиколониальное движение», поддержанное всеми слоями горского общества; повторное появление его на рубеже XIX–XX вв. и в 1920–1940-е годы для сторонников такого взгляда свидетельствовало о живучести национально-освободительных традиций горцев. Причем сама деятельность абреков рассматривалась не как сущность, а как одно из проявлений такого движения. Своей популярностью среди западных ученых эта концепция в немалой степени обязана работам известного советолога Александра Беннигсена (см., например: *Bennigsen, Lemercier-Quelquejay*: 1986). В настоящее время подобные взгляды развивает его дочь М.Беннигсен-Броксап, известный специалист по Северному Кавказу (*Bennigsen Broxup*: 1986, 5–6, 14; North Caucasus Barrier: 1992, 112–117; ср.: *Gammer*: 1994, 250–252).

При видимой логичности и обоснованности отдельных положений рассмотренных выше разных концепций все они, на мой взгляд, страдают одним и тем же методологическим пороком. Абречество рассматривается вне времени и пространства. Подобный подход основан на подспудном убеждении в неизменности «традиционного» общества. Поэтому для характеристики абречества порой используются данные, относящиеся к разным эпохам. При недостаточности источников сведения современных этнографических обследований априорно проецируются в прошлое. Порочность такого метода убедительно доказана М.А.Агларовым и В.К.Кажаровым, известными специалистами по истории соционормативных институтов горцев (*Агларов*: 1988, 18–21, 141, 143; *Кажаров*: 1994, 181, 322).

Чтобы исправить эти ошибки и понять, что же такое абречество как явление, вызванное определенными историческими условиями, нужно провести более скрупулезный текстологический анализ самых разных первоисточников той эпохи, для которой оно было наиболее характерным. При таком подходе несложно обнаружить, что основная масса свидетельств о профессиональных разбойниках-абреках на Кавказе приходится на XIX–XX вв. Сам термин «абрек», как это ни удивительно, стал употребляться на «разбойничьем» Кавказе в его современном значении весьма поздно — только в 30–40-е годы XIX в.

2
О происхождении понятия «абрек»

По словам Ф.И.Леонтовича, обобщившего сведения дореволюционных авторов об этом термине, «абрек — изгой, исключенный из семьи и рода... По своему положению абреки были бездомные бродяги. Обстоятельства сложились так, что жить и воровать для них одно и то же. Юридическое положение абрека высказывалось в полной его беззащитности и бесправности» (*Леонтович*:. 1882, I, 360). Почти так же, но более кратко этот термин определен в «Историко-этимологическом словаре осетинского языка» В.И.Абаева: «беглец, совершивший какой-то проступок» (*Абаев*: 1958, 25–26; см. также: *Шагиров*: 1977, 56). Такое значение термин «абрек» имел не всегда. Интересно проследить основные периоды его многовековой одиссеи, установленные современными лингвистами и этнографами.

Считается, что этот термин восходит к ср.-перс. **aparak* (н.-перс. *avara*) — «бродяга, грабитель» (Этимологический словарь русского языка: 1963, I, ч. 1 (А), 17). Из персидского через тюркские уже в древности он попал в кавказские языки. В некоторых из них, например в аварском, термин сохранил свою изначальную форму (авар. *апараг*, мн. *апарагзаби*, ср.: карат., цез., бежт. *апаракI* (*Саидов*: 1967, 34; *Магомедова*, *Халилова*: 2001, 25; *Халилов*: 1999, 29; 1995, 29), однако повсюду утратил прежний, оскорбительный оттенок. В Нагорном Дагестане и Чечне XVI–XVIII вв. *апарагами* называли свободных переселенцев, занимавших в сельской общине промежуточное положение между полноправными общинниками и рабами. Аварская пословица гласит: «Дом пришельца — на краю селения» (авар. *Апарагасул рукъ росо раIалда*). Среди апарагов было немало кровников, бежавших из родных мест из-за совершенного ими убийства (*Анчабадзе*: 1979, 137; *Агларов*: 1988, 101–104; см. также обычно-правовой документ XVIII в. из с. Урада: РФ ИИАЭ, ф. 5, оп..1, д. 57, л. 3).

Судя по моим полевым материалам, на северо-западе Нагорного Дагестана потомков свободных переселенцев из других сельских общин до сих пор называют *апарагами* (полевой материал В.О.Бобровникова, собранный в 1995–1997 гг. в Цумадинском районе РД). До начала XX в. их семьи либо вливались в местные кланы (*тухум*, *кабила*), либо объединялись в отдельные кланы, называвшиеся по тому сельскому обществу или союзу общин (*джама'а*), откуда они произошли. Например, тухумы переселенцев из багвалинских селений, живущие в селениях Бежта и Тлядаль, а также в аварских селениях Салатавии, до сих пор носят имя Багулал (т.е. «багвалинцы») (*Хашаев*:

1961, 223; *Мансуров*: 1995, 23; *Халилов*: 1995, 383). Во второмтретьем поколении апараги наделялись землей и получали равные с коренными жителями права. Однако при заключении браков горцы старались не выдавать своих дочерей за «чужаков», предпочитая им местные, более знатные тухумы. Отголоски деления жителей горных общин на коренных и пришлых сохраняются в большинстве селений Нагорного Дагестана.

У горцев Северо-Западного Кавказа тот же термин, звучавший здесь как *абрег* (кабард. *абредж*, более древняя форма — *абрегъ*; абхаз. и абаз. *абрагъ*, осет. *абырэг*, мегрел. и сван. *абраги*), до конца XVIII — начала XIX в. означал изгнанного из общества за проступок или преступление представителя «благородного» сословия — князя (*пши*) или дворянина (*уздень*) (*Кажаров*: 1994, 337–338; см. также: АВПР, ф. 115, Кабардинские дела, оп. 1 (1754 г.), д. 6, л. 218).

Важно отметить, что ни в одном из перечисленных случаев *апараг/абрег* еще не употреблялся по отношению к бездомному бродяге, вынужденному жить разбоем. Дагестанские апараги были надежно защищены от преследований кровников общиной и кланом-тухумом своих хозяев-*кунаков*, у которых они поселились на чужбине. Адыгские и осетинские князья-абреки обычно находили убежище у своих вассалов-дворян в Закубанье и Малой Кабарде (современные Краснодарский край, Карачай, Чеченская Республика).

В русский язык слово «абрек» попало из черкесского (адыгского) ближе к концу Кавказской войны XIX в. Причем к этому времени оно означало уже не столько «беглец» и «изгой», сколько «разбойник». Так стали называть любого «немирного горца» (*Кажаров*: 1994, 337). С такой негативной коннотацией оно впервые встречается в изданном в 1863 г. толковом словаре Ф.Г.Толля (*Толль*: 1863, I, 9). Столь же черными красками рисует абреков словарь В.Даля, куда этот термин вошел со второго издания, опубликованного в 1880 г.: «Абрэк — отчаянный горец, давший срочный обет или зарок не щадить головы своей и драться неистово; также беглец, приставший для грабежа к первой шайке» (*Даль*: 1880, I, 2; см. также: Энциклопедический словарь: 1891, I, 41).

К этому времени слово «абрек» приобрело подобное значение и в большинстве кавказских языков (*Абаев*: 1958, 25–26). Наряду с ним в том же значении нередко употреблялось тюркское слово «качак» (например, кум. *къачагъ/къачакъ*, мн. *къачакълар*) — «разбойник, бандит, беглец, скрывающийся от властей и промышляющий грабежом» (см.: *Джидалаев*: 1990, 161). Оно отмечено у аварцев, цезских народов, даргинцев, лакцев, лезгин и других народов Нагорного Дагестана (авар. *хъачагъ*, бежт., карат., лак. и цез. *къачагъ* и т.д.; см.: *Саидов*: 1967, 524; *Джидалаев*: 1994, 20; *Халилов*: 1995, 153; 1999, 146; *Магомедова, Халилова*: 2001, 178).

И все же в эпоху военного противостояния России и горцев в первой половине XIX в. представление коренных жителей Северного Кавказа об абреках отличалось от взгляда, принятого среди русских военных. Об этом свидетельствует любопытный разговор об абречестве полковника Руновского с Шамилем. «Значение слова „абрек" у нас понимают различно, — отмечал Руновский. — Некоторые думают, что это бездомные горцы, голяки, у которых, кроме лошади, оружия и оборванной черкески, ничего нет, и что вследствие этих именно причин они вечно мотаются в окрестностях наших передовых линий, чтобы грабить... Другое мнение основано на созвучии слов „абрек" и „обрек"; причем это последнее слово производят от глагола „обречь", „обрекать". Те, кто придерживается этого мнения, убеждены, что абреки суть отчаянные фанатики, которые из религиозной ненависти к христианам вообще, а к русским по близкому соседству в особенности „обрекли" себя на смерть и на истребление возможно большего числа неверных.

Судя по словам Шамиля, и то и другое мнение вполне ошибочны или по крайней мере нимало не сходны с тем понятием об абреках, которое имеет Шамиль и все горцы. На вопрос мой: „Что такое абрек?" — Шамиль объяснил, что абрек — то же, что эмигрант, ускок, беглец.

— Дагестанскую милицию (иррегулярная конная жандармерия из горцев-добровольцев. В ней служило немало перебежчиков с земель, подвластных имамату, в том числе кровники самого Шамиля и его приближенных. — *В.Б.*) знаешь?

— Знаю.

— Вот это абреки... А знаешь, что ваши мирные горцы бегали от вас и являлись ко мне?

— Знаю.

— Вот это тоже абреки. Больше нет» (Дневник полковника Руновского: 1904, 1422–1423).

Постепенно в XIX — начале XX в. термин снова, но уже не так сильно меняет свое значение, превращаясь и для северокавказских мусульман, и для российских военных и гражданских чиновников, служивших на Кавказе, в «благородного разбойника из кавказских горцев». Одним из первых эту трансформацию подметил М.Ю.Лермонтов (*Лермонтов*: 1976, IV, 12). Генерал-майор Б.Н.Полозов, перед революцией служивший в жандармерии Елизаветпольской губернии (сейчас Северный Азербайджан) и сам боровшийся с абреками, пишет, не скрывая уважения к своим бывшим противникам: «Часть разбойничьего люда... на Северном Кавказе называют абреками, а на юге, в Закавказье, — кочахами (искаж. *гачаг*), т.е. „беглецами" (ср. тур. *kaçak* — „беженец"; азерб. *гачаг* — „разбойник, дезертир, контрабандист"; см.: *Джидалаев*: 1990, 161. — *В.Б.*). Абреки, или кочахи,

ничего почти общего с русскими разбойниками, в первую очередь ворами и грабителями, не имеют. Правда, все они также находились под угрозой Сахалина или даже виселицы, а многие уже побывали на каторге и со сказочными приключениями бежали, после мытарств по тайге и России добрались до Кавказа и вступили в шайку какого-нибудь знаменитого *харамбаши* (атамана. — *В.Б.*) и таким образом переходили на нелегальное, но свободное житье в лесных и горных дебрях седого Кавказа. На каторгу эти натуры попадали главным образом, около 80 процентов, за убийство по старинному азиатскому обычаю кровной мести „канлы“» (*Полозов*. 1905 и 1906 годы в Закавказье//BAR, *л.* 1–2).

Последние изменения в нюансах толкования термина «абрек» произошли в советское время. Под влиянием официальной советской пропаганды он предельно идеологизируется, приобретая значение «участник антиколониального/антигосударственного движения против России/СССР». Например, в Толковом словаре русского языка Ожегова *абрек* определяется следующим образом: «В период присоединения Кавказа к России: горец, участвовавший в борьбе против царской администрации и русских войск» (*Ожегов*: 1960, 15; см. также аналогичную статью в Большой Советской Энциклопедии: 1926, 83 (Абрек); далее БСЭ, конечно, отмечала, что «после революции 1917 г. абречество выродилось в обычный уголовный бандитизм»). Примерно в таком же значении термин «абрек» вошел во все советские словари и энциклопедии.

3
Набег и его участники

Семантика термина «абрек» постепенно менялась вместе с переменами в условиях жизни горцев. Современное абречество возникло не на пустом месте, без соответствующих предпосылок никакие государственные преобразования не могли бы вызвать его к жизни.

Какие же социальные институты лежат в основе профессионального разбоя на российском и советском Кавказе? На мой взгляд, это военные дружины молодежи и сельские ополчения, культ воина-джигита, обычаи кровной мести и гостеприимства.

Вплоть до включения Северного Кавказа в состав Российского государства в XIX в. военные силы мелких политических образований — сельских общин, их союзов и ханств — формировались по принципу всенародного ополчения. Интересно отметить, что в арабоязычных письмах, записях норм адата и прочих историко-правовых

Басхан-кала:
дом-крепость мужского союза в с. Кванада

текстах дореформенного времени горское общество каждого такого образования чаще всего называлось «войском» (*джайш*). По справедливому замечанию А.Р.Шихсаидова, привыкшие думать на родном языке авторы этих текстов так передавали местное понятие, обозначавшее одновременно и «общество» и «ополчение». У аварцев это слово *бо*, у даргинцев — *хуребо*, у разных андийских народов — *игьа* [иха], у ближайших соседей дагестанских горцев из горной Грузии — *эри* (*Шихсаидов, Гаджиев, Давудов*: 1996, 324; *Хашаев*: 1956, 70; *Магомедова, Халилова*: 2001, 154). Смысл этого термина, кажется, в том, что в любую минуту средневековое горское общество, община, могло превратиться в военный отряд, способный сокрушить любого врага. Основу таких военных отрядов составляли союзы неженатой молодежи горцев (дарг. *ихтилат* от араб. *ихтила'* — «отдых за беседой, чаем, едой», кубач. *батирте*, рут. *сехбат*, цез. *сидар бахIру* и проч.), детально изученные отечественными этнографами.

Юноши проводили зиму и раннюю весну в большом «общем домекрепости» (авар. *гьоркъо рукъ*, кубач. *гулала-хъали*, хевсур. *сапехно*), то упражняясь в воинском искусстве, то пируя (подробнее см.: *Карпов*: 1996а, 24–92). Дома эти обычно принадлежали отдельным тухумам. Единичные постройки такого рода сохранились до наших дней. Во время поездок по Нагорному Дагестану мне довелось осмотреть

один такой «большой дом» в багвалинском селении Кванада. По имени недавнего владельца его называют *Басхан-хъала* (багв. Басханова крепость). Это одна из древнейших построек в селении. Она представляет собой большой двухэтажный дом с плоской крышей, сложенный из крупных каменных блоков. Его размеры — 14×8,7 м. Внешней, продольной стороной здание было обращено на околицу селения. С торца к нему прежде примыкали большие деревянные ворота. Обе продольные стороны снабжены узкими бойницами. Согласно местным преданиям, записанным в 1947 г. Е.М.Шиллингом, сидевшие в крепости ополченцы стреляли из луков, а в более позднюю эпоху — из кремневых ружей (*Шиллинг*: 1993, 176–178). При отсутствии современной военной техники взять такую крепость стоило немалого труда.

В некоторых горных селениях Северного и Южного Дагестана такие большие дома состояли из одной залы, которая поражала своей величиной (до 100 м^2 и более при высоте часто более 4 м). По мнению архитектора Г.Я.Мовчана, изучавшего большие дома у аварцев, это были «тухумные фаланстеры», в которых прежде жили большие семьи горцев (*Мовчан*: 1972, 131). Однако его концепция не находит подтверждения ни в архитектурном, ни в этнографическом материале. По верному замечанию М.А.Агларова, не засвидетельствовано ни одного случая, чтобы в этих домах жили большие семьи (*Агларов*: 1988, 106; см. также: *Хан-Магомедов*: 1998, 33–36). Такие здания в прошлом служили не только местом собраний юношей, но и помещением, где всем тухумом справляли свадьбы и иные общественные и фамильно-родовые празднества.

Юноши и мужчины, входившие как в союзы молодежи, так и в сельские ополчения (араб. *джайш*, *'аскар, риджал*; авар. *бо*, дарг. *хуребо*, багв. *къокъаби*, груз. *эри* и проч.), не были ни профессиональными воинами, ни тем более разбойниками. Косвенно на это указывает тот факт, что ополчения союзов сельских общин и отдельных ханств могли включать до нескольких десятков тысяч человек, т.е. все боеспособное мужское население. Такие отряды (авар. *къапила*) разбивались на «десятки» и «сотни». В знаменитом «Завещании Андуника», документе XV в., перечисляющем владения аварского *нуцала*, говорится: «В области Дагестан двести десять тысяч мужей (*риджал*), в том числе шестьдесят тысяч в Табасаране, тридцать тысяч у Кайтага, сто тысяч мужей в войске (*'аскар*) падишаха Газикумухского (Газикумух — араб. форма названия лакского селения Кази-Кумух, или Кумух. — *В.Б.*), двадцать тысяч в войске нуцала Аварского...» (*Шихсаидов, Гаджиев, Давудов*: 1996, 322, 324).

Когда в апреле–мае сходили снега, ополчение одной или нескольких общин могло совершать набеги на соседей. Раз в год члены мужского союза главного селения горской конфедерации или ханства объезжали подвластные им селения. Те обязаны были беспрекослов-

но принимать их как почетных гостей и подолгу содержать у себя. Этот обычай, носивший в Дагестане название *пахты* и удивительно напоминающий древнерусское «полюдье» (подробнее о нем см.: *Кобишанов*: 1989, 42–54; *Карпов*: 1996а, 105–118), не раз приводил к серьезным межобщинным столкновениям и даже к распаду союзов общин Нагорного Дагестана. В свою очередь, ополченцы должны были защищать общину от внешнего вторжения. По местным преданиям, кубачинские *батирте* обороняли селение от полчищ иранского завоевателя XVIII в. Надир-шаха, а хевсурское ополчение с. Шаитли, засев в башнях, отбилось от осаждавших Шаитли войск Шамиля (*Шиллинг*: 1949, 174–175). Ополченцы выполняли также некоторые сельскохозяйственные (очистка полей от камней, косьба и проч.) и строительные работы (см.: *Шаманов*: 1972, 86–87; *Мафедзев*: 1979, 37–52).

Подробное описание сборов ополчения тухума Дайитилал с. Хунзах на битву с Надир-шахом приведено в аварской балладе:

Как только узнали о беде из письма,
Хунзахские Дайитилал выступили в поход.
Взяв винтовки в чехлах из волчьих [шкур],
Зажав в руках крымские ружья (*хъирмал, ед.ч. хъирим*),
что и птице выбьют глаз,
Заткнув за пояс пистолеты,
Опоясавшись саблями, разрубающими всадника вместе с конем,
В стальных панцирях и шлемах,
Взяв прочные щиты для [защиты от] ружей,
[Пристегнув] пороховницы, бьющиеся о спину [при езде],
Надев на руки налокотники,
Вскочив на грызущих железные удила неудержимых коней,
Догоняющих [дикого] зверя [одним] прыжком,
Покрыв коней черкесскими седлами,
Приторочив к [седлам] андийские бурки,
[Пристегнув сумки] с общественной казной (*байтулмал*),
бьющиеся о спину [при езде],
Подняв значки [на копьях], достающие до луны в небесах,
[Так] одним отрядом (*къокъа*) они поднялись на газават.

(Надиршагъ виххизавиялъул кечI: 1942, 11–12;
пер. с авар. мой. — *В.Б.*)

В диалоге пленного казикумухского хана Сурхая и Надир-шаха, приведенном в песне, победитель, видя доблесть вновь подошедшего отряда противника, спрашивает у Сурхая:

— Долгой тебе жизни, безрукий Сурхай,
Чей сын там вот — скачет на черном коне?
Радостной тебе жизни, безрукий Сурхай,
Из чьих краев отряд, что подошел?

— Хунзахские Дайитилал — подошедший отряд, —
Дымом ружей своих они сожгли весь свет, —
Разве ты не слышал про лучших храбрецов?
На черном коне — сын мой Муртазали.

(Героические песни: 1971, 186, 202.)

По справедливому замечанию современного дагестанского этнографа М.А.Агларова, *тухум* как воинское подразделение выступал только в экстраординарных ополчениях «вольных обществ». Обычно же для набега или отражения нападения неприятеля набирались ополченцы со всей сельской общины (*Агларов*: 1988, 128; ср.: *Шиллинг*: 1993, 158–159).

Любопытно отметить, что как эпитеты, так и структура только что приведенных песен об отражении нашествия Надир-шаха ополчением горцев удивительно напоминают песни о набегах. На это обстоятельство уже обращали внимание дагестанские фольклористы (см., например: *Ахлаков*: 1968, 180). В справедливости этого замечания читатель может убедиться сам, сравнив процитированные выше отрывки с переводами аварских песен о набегах, которые разбираются в следующем параграфе данной книги, посвященном культу горца-джигита. Тем самым фольклорные материалы косвенно указывают на то, что походы союзов горской молодежи и целых ополчений могли носить как наступательный, так и оборонительный характер. Их целью мог быть как грабеж соседей, так и возмездие за причиненное насилие.

Во главе военных отрядов независимых сельских общин Дагестана и Чечни стояли выборные предводители (тюрк. *хан*, иран. *шах*, авар. *цевехъан* [цевекхан], кубач. *бикт-халел*). У адыгов до середины XVIII в. их роль играли князья-*пши*, реже дворяне-*уздени*. Важнейшей традиционной прерогативой предводителя (или князя) было право объявления войны и мира и созыва дворянского ополчения; он же занимался организацией военных походов. Причем уже упоминавшиеся выше набеги-*зекве* носили в основном не захватнический, а оборонительный характер (АВПР, ф. 115. Кабардинские дела, оп. 1 (1754 г.), д. 6, 243об., 246об., 248об., 251; Кабардино-русские отношения: 1957, т. 2, 263, 274). Должность князя отнюдь не являлась синекурой. Адыгские пши не только предводительствовали войсками, но и первыми шли в бой, показывая на личном примере образцы доблести и рыцарского отношения к своему долгу.

Важно отметить, что у большинства кавказских горцев — народов Дагестана, вайнахов, части адыгов и осетин — не существовало жестких сословных рамок. «Быть удальцом в горах, — отмечал Н.Берзенов, — значит быть аристократом» (*Берзенов*: 1851). Это утверждение, пожалуй, слишком категорично. На самом деле у горцев Северного Кавказа была и родовая аристократия. Чтобы войти в ее состав, мало было прославиться как лихой «наездник». Нужно было еще иметь

Мавзолей рутульского бека

знатных предков: на Северо-Западном Кавказе — из сословия князей-*пши* или высшего горского дворянства (кабард. *лIакъуэлъэш* [тлекотлеш], *дыжьыныгъуэ* [дыжиниго], известных в русских документах XVIII в. как «лутшие» или «старшие уздени»), в Дагестане — *беков* и *ханов*, некоторые из них возводили свой род к первым исламским миссионерам Кавказа из числа потомков сподвижников и родственников самого пророка Мухаммеда.

В то же время участие в войне, тем более руководство походом, давало возможность достичь почета и власти. Примером для подражания каждому мужчине-горцу служил вырабатывавшийся веками образ удальца-джигита (чеч., ингуш. *кIант* [кант]). Некоторые из отличившихся на поле брани джигитов сосредоточивали в своих руках огромную, хотя и временную власть. Известны случаи, когда они подчиняли себе свои сельские общины, становясь их наследственными правителями (*бек*, *хан*). По полевым материалам, собранным Л.Б.Панек, рутульские беки Южного Дагестана вели свой род от «бывших предводителей набегов» (*Панек*: РФ ИИАЭ, ф. 3, оп. 36, д. 2, л. 59). Существует одно любопытное аварское предание, записанное со слов Казанбия, внука знаменитого шамилевского наиба Хаджи-Мурата. В нем говорится, что после убийства имама Гамзат-бека (1834), незадолго перед тем истребившего род ханов Хунзаха, власть над селением

перешла в руки «организованной из молодежи партии (шайки), именовавшейся „абурикзаби" (искаж. авар. *апарагзаби*, здесь: абреки. — *В.Б.*). Партия эта не составляла соединения членов какого-либо рода. „Абурики" своевольничали, производили насилия, у кого хотели отбирали быков, лошадей и скот». Сам Хаджи-Мурат не принадлежал к этой «партии», но в нее входил его двоюродный брат Хедарас Гасан-оглы (Дагестанский сборник: 1927, 15, 16). Эта история, возможно, засвидетельствовала начавшееся в то время превращение военных дружин молодежи в профессиональных пореформенных разбойников — абреков.

Х.Стевен, наблюдавший в начале XIX в. одно из чеченских обществ, отмечал, что «предводителей своих выбирают они из семейства, которое в течение веков давало им всегда отличных военачальников и потому у них в большом почтении» (*Стевен*: 1824, 260). Нередко случалось, что община расправлялась со слишком возвысившимся военным предводителем (*Карпов*: 1996а, 132). Дагестанские «вольные общества» то призывали, то изгоняли беков и потомков от брачных союзов беков с дочерьми свободных общинников — *чанков*. Обычай постоянной смены воинов в отрядах ополчения, по мнению Р.М.Магомедова, мешал появлению здесь военного сословия, способного захватить власть (*Магомедов*: 1979, 25).

4
Культ джигита и горские обычаи

Отношение горцев к разбою было двойственным. С одной стороны, им восхищались у юношей, для которых он был средством добыть славу настоящего джигита. Об этом мы можем судить по местному фольклору. Один из любимых сюжетов песен горцев — подвиг юношей в набегах. Так, в аварской песне с мельчайшими подробностями описываются приготовления к набегу, прекрасное оружие, которое берет с собой удалец: «...египетский меч с написанным приветствием Пророку, крымская или мажарская винтовка (авар. *хъирим*) с голубым прикладом; конь, как невеста, убранная к свадьбе; гурии держат стремя молодцу; хлопнув ладонью по коню, садится на него молодец и пускается в путь! „Дай Бог тебе счастья!" — приговаривает ему вслед певец». Торжество звучит в строках о победах на поле брани: «...куда коснулась рука наша, там плач поднялся, куда ступила нога наша, там пламя разлилось; захвачены девы с прекрасными руками и глазами; пойманы мальчики, пышущие здоровьем...».

На обратном пути горцы, отягощенные добычей, вынуждены вновь биться — теперь уже с догнавшим их неприятелем. При этом они, по

Мужское надгробие с атрибутами джигита:
конь, шашка, крымское ружье-кремневка, сапоги

словам автора песни, проявляют чудеса храбрости: «Один ринулся, как орел, сложивший крылья; другой ворвался в ряды врагов, как волк в овчарню. Неприятель бежит, подобно листьям, гонимым осенним ветром. Не туча легла на горы, столб дыма покрыл Ширак; не весенний дождь, а кровавые ручьи полились в Алазань. Горцы возвращаются с добычей и славой». Как правило, аварские песни XVIII–XIX вв., сложенные о героях набега, кончаются пожеланием: «Да родятся у каждой матери подобные сыны (авар. *Гьединал гъареги эбелалъ васал!*)» (*П.К.* [*Услар*]: 1868, 39–41; ему же принадлежат все приведенные выше переводы с аварского; см. также: *Ахлаков*: 1968, 49–59, 181–202).

Этот жанр песен получил у аварцев название «джарского» (авар. *ЦIоралъул кучIдул*). К нему относятся древнейшие произведения аварского фольклора, составленные, кстати, на хунзахском общеаварском «ополченском» койне (авар. *болмацIцI*). Их сюжет — ежегодные набеги дружин горской молодежи на Грузию и город Закаталы (*ЦIор*), представлявшиеся певцу страной богатства и изобилия. Следует иметь в виду, что эти героические песни содержат не столько исторические воспоминания о реальных набегах, сколько трафаретные восхваления удали и мужества удальцов джигитов (подробнее об этом см.: *Ахлаков:* 1968, 181–182, 184). То же можно сказать и о другом цикле «разбойничьих песен» в аварском фольклоре XIX в., связанном с личностью уже упоминавшегося выше Хаджи-Мурата (*Жирков*: 1927, 109–112).

Столь же популярны были песни о разбойничьих набегах дружин горской молодежи у вайнахских народов. О характере этого эпоса верное представление дает чеченская песня XIX в., записанная и переведенная на русский язык К.Гатуевым. В ней девушка-горянка прославляет своего возлюбленного:

Свою руку положу под голову моему молодцу-храбрецу.
На вороном коне ночью переплыл он Терек.
Вот он подъехал к казачьей станице — перескочил через вал.
Вот он схватил курчавого мальчугана — везет его...
Смотрите, подруги, смотрите:
Гонятся за моим молодцом-храбрецом.
И пыль и дым от выстрелов, и ничего не видно.
Смотрите, подруги, смотрите:
Настигают моего молодца-храбреца.
Выхватил он из чехла крымское ружье,
Повалил одного казака...
Вот другая казачья лошадь скачет без седока.
Ранен мой храбрец-молодец.
Кровь течет по его руке...
Радость — счастье...
Я ухаживать буду за моим молодцом-храбрецом...
Перевязывать буду его рану шелковым рукавом...

(*Гатуев*: 1926, 16–17.)

Надгробия шахидов в с. Кванада

С другой стороны, один из мотивов горского фольклора — осуждение набегов как злого, безбожного деяния. Такой характер, в частности, носят песни о разорении горных селений войсками Надир-шаха (XVIII в.), до сих пор широко распространенные в Дагестане. Самые ожесточенные проклятия у создателей этих баллад вызывают дагестанские ополчения, присоединившиеся к завоевателю (Песни горцев: 1990, 22–26, 209–216). Проклятием участникам набега заканчивается и песня о разорении отрядом Шамиля с. Чох, записанная в 1995 г. дагестанским историком П.И.Тахнаевой. Безымянный автор плача желает тем из них, кто был убит при осаде селения и похоронен на «кладбище газиев» (авар. диал. *Гъазилзабазул хIебал*) под Чохом, вечно гореть в аду:

...багулалы и чамалалы,
Что в могилах у озера Бурула...
Пусть будут души этих юношей снедаемы адским пламенем!
На кладбищенской стене поет соловей:
Тленсерухцы и каратинцы, горите, брошенные в [адское] пламя!

(Аварский текст см.: *Тахнаева*: 1997, 89; пер. мой. — *В.Б.*)

Подобные мотивы часто встречаются в песнях и исторических преданиях, записанных у рутульцев и других народов Дагестана. Рутульский краевед из с. Шиназ Р.А.Рамазанов недавно опубликовал двустишие, в котором шиназцы с печалью вспоминают, как их стада угнали аварские мюриды Шамиля:

В город вошел народ толпою,
Быков угнали в Аварию.

В этих строках речь идет о сражении, происшедшем в Шиназской долине в 1857 г. В нем шиназцы сразились с 3000 мюридов Даниялбека, угнавшими у них с летних пастбищ 12 000 голов скота (*Рамазанов*: 1999, 222; см. также: АКАК: 1904, XII, 1050). После рейдов шамилевских войск 1840–1850-х годов и среди самих аварцев в селениях Хунзахского плато, согласно рапортам российских военных, было «незаметно расположения к... мюридам — как к грабителям» (Движение горцев: 1959, 370).

С осуждением о набегах «горских разбойников» (*качаков*) говорит Абдулхусейн Зайнулабид-оглы Ибрахимов из Кизляра, написавший в 1915 г. хронику родного города («Тарих-и Кызлар-кала»): «Так как ташгечивские качаки (жители соседнего Аксая. — *В.Б.*) кроме того, что грабили дворы, имущество, скот, лошадей и притесняли жителей Абсийахкента (кумыкского селения на месте нынешнего Кизляра. — *В.Б.*), еще и пятнали честь их девушек и невест, то жители Абсийахкента, чтобы оградить себя от ташгечивских неприятелей и особенно чтобы уберечь [своих] девушек, в 1686 году построили вокруг своего учреждения (*идара*) крепостную стену... По рассказам людей, даже после постройки лагеря (русской крепости XVIII в. — *В.Б.*) ташгечивские качаки не обходили новую Кизляркалу. Говорят, Шамиль приходил с войском в Кизляркалу. Хамзатхан и Качак Осман (известные абреки начала XX в. — *В.Б.*) приходили сюда в 1908 году...» (Дагестанские исторические сочинения: 1993, 219–220, 225).

Рассмотренные выше элементы местной дореформенной культуры — мужские союзы и культ воина-джигита — помогали небольшим общинам горцев выживать в условиях постоянных междоусобиц и завоеваний с севера и юга, сдерживали горское общество в обстановке жестокости и насилия от сползания в состояние анархии. Как и повсюду, в нем, конечно, были свои разбойники. Некоторые из них (например, аварский Хочбар, по преданиям живший в начале XVIII в.) даже стали героями народных песен и героических сказаний. Но, как показывают исследования историков и этнографов, профессиональный бандитизм оставался в этом обществе явлением антисоциальным, из ряда вон выходящим.

ГЛАВА 2

«Умиротворение» горцев и рождение профессионального разбоя

Социальные потрясения и государственные реформы, пережитые горцами Северного Кавказа после окончательного покорения их Россией, вызвали глубокую трансформацию местного общества и его мировоззрения. В результате целого ряда перемен и как следствие — реакции на русское завоевание и сложилось современное абречество. Оно представляло собой профессиональный разбой нового типа, характерный для пореформенного общества, однако воспринималось самими горцами, политиками и учеными как продолжение удальства или «хищничества» местных джигитов. Однако на самом деле социальные и культурные признаки абречества значительно изменились в XIX–XX вв.

1
Кавказская линия и билетная система

Политика «умиротворения» горского общества на Северном Кавказе была начата российскими властями еще в конце XVIII в. В ходе Кавказской войны в Дагестане и Чечне было продолжено строительство Кавказской линии — цепи крепостей, кордонных линий и казачьих станиц. Через каждые 25–50 км были устроены отдельные форты или редуты. Между ними, с интервалами в 3–5 км, находились станицы, посты и заставы. Первые укрепления были заложены на Северо-Западном Кавказе еще в правление Екатерины II, в 1777 г., в 10–30-е годы XIX в. построили Сунженскую и Лезгинскую кордонные линии, в 1818 г. была усилена Нижне-Сунженская линия, укреплен редут Назрановский (совр. Назрань) в Ингушетии и построена крепость Грозная (совр. Грозный) в Чечне (*Броневский*: 1996, 118–120).

Целью русских военных властей было превращение горцев в послушных подданных Российской империи. «С устройством крепости Грозная, — писал генерал Ермолов, — я предложу жившим между Тереком и Сунжей злодеям, мирными именующимися, правила для жизни и некоторые повинности» (цит. по: *Рамазанов*: 1994, 31). В Северном Дагестане в 1819 г. была заложена крепость Внезапная,

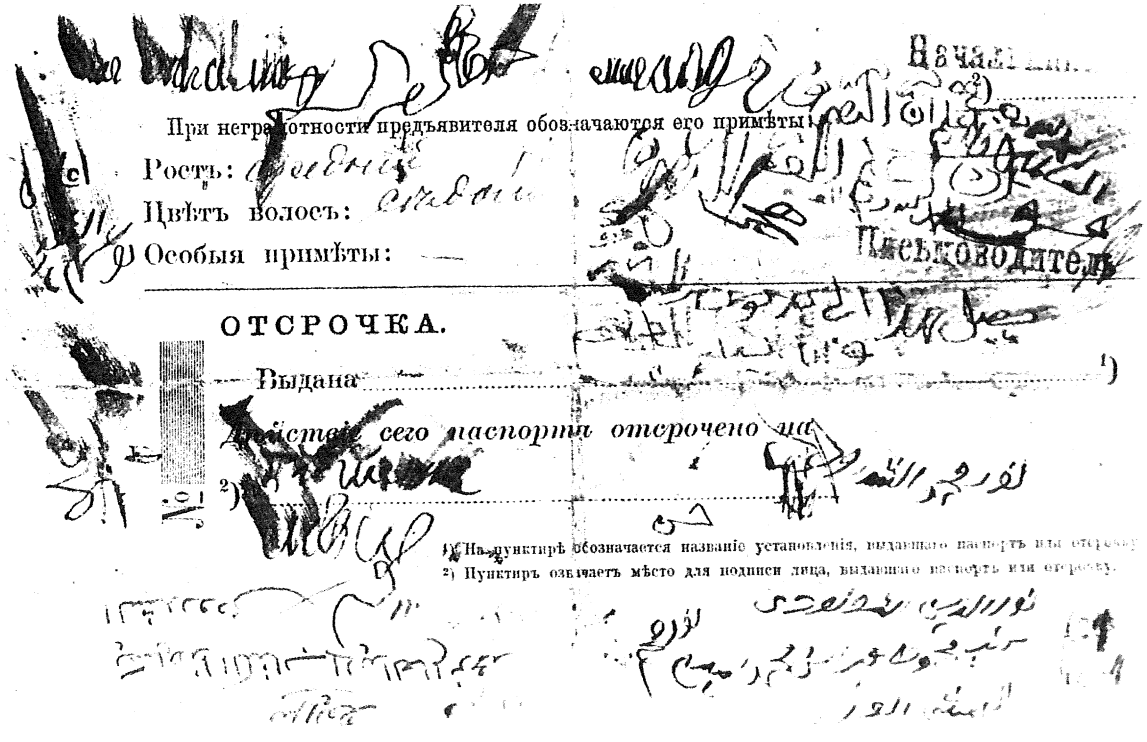
РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ

а в 1821 г. — Бурная. Согласно плану Ермолова, русские войска продвигались в глубь горной Чечни от Сунжи, выжигая «немирные» селения и вырубая покрывавшие ее леса. Жителей горских селений на пути строительства часто сгоняли с насиженных мест.

К середине XIX в. Кавказская линия достигла полного развития в военном отношении. К этому времени ею управлял особый начальник. Линия включала в себя Черноморскую кордонную линию, Центр, Правый и Левый фланги, а также Владикавказский округ. Левый фланг (впоследствии переименованный в Левое крыло) охватывал Терскую, Нижне-Сунженскую и Кумыкскую линии, а также Чечню с передовой Чеченской линией (Движение горцев: 1959, 721–722).

Кавказская линия значительно ограничивала свободу передвижения горцев. Въезд на ее территорию и выезд за ее пределы разрешались только по «билетам» — своего рода временным паспортам, выдававшимся горцам русскими военными чинами или местными, «туземными» властями. В предписании Кабардинскому временному суду от 1847 г. указывалось: «Если окажется, что кто-либо из кабардинцев будет держать у себя в гостях прибывших из-за Кубани, из-за Терека и из назрановцев (т.е. ингушей. — *В.Б.*), который не явился к русскому начальству (за получением билета. — *В.Б.*) или не имеет билета, то подвергнется штрафованию по усмотрению вины его; а если будет передерживать подозрительных людей, абреков, то подвергнется строгому по законам русским взысканию» (ЦГА КБР, ф. 23, оп. 1, д. 48, т. 1, л. 11–11об., цит. по: *Кажаров*: 1994, 342).

Столь же строгая билетно-паспортная система по мере завоевания распространялась и на другие районы Северного Кавказа. Горцы Северо-Западного Дагестана должны были получать билеты для передвижения по российским землям у правителей Аварского ханства. В 1817 г. генерал-майор А.А.Вельяминов предписывал кади, правившему в с. Акуша, «чтобы аварцев, не имеющих билетов за печатью Сурхай-хана (правитель Аварского ханства до 1830 г. — *В.Б.*), никто к себе не принимал, а тем более не привозил бы в своем обществе ни в какой российский город. Если кто-нибудь из непокорных аварцев будет найден в обществе с акушинцами, то как аварцы, так и акушинцы, с какими будут они находиться, будут арестованы и подвергнутся строгому по законам взысканию...» (ЦГИА РГ, ф. 2, оп. 1, д. 963, л. 2). Позднее подобные требования были предъявлены и к другим джамаатам горцев (ЦГА РД, ф. 133, оп. 4, д. 7, л. 21; Движение горцев: 1959, 266). Утвержденная генерал-фельдмаршалом А.И.Барятинским Инструкция для окружных начальников Левого крыла Кавказской линии от 23 марта 1860 г. закрепляла право выдачи временных паспортов–билетов за русскими офицерами. Согласно этому документу, начальник округа мог «выдавать за своей подписью билеты туземцам, желающим отправиться по своим делам в разные места Кавказского

При неграмотности предъявителя обозначаются его приметы.

Рость:

Цвѣтъ волосъ:

Особыя примѣты: —

ОТСРОЧКА.

Выдана

Действіе сего паспорта отсрочено до

1) На пунктирѣ обозначается названіе установленія, выдавшаго паспортъ или отсрочку.

2) Пунктиръ означаетъ мѣсто для подписи лица, выдавшаго паспортъ или отсрочку.

Временный паспорт горца конца XIX в.

(Северного Кавказа. — *В.Б.*) или Закавказского края и даже во внутренние русские губернии сроком до одного года на печатных бланках... коими бланками снабжают также и участковых начальников для выдачи билетов...» (гл. II, § 19 // АКАК: 1904, XII, 1193). Паспортный режим для горцев смягчился только к концу XIX в.

В 1840–1860-е годы одной из мер борьбы с нарушением билетной системы стало переселение виновных в контролировавшиеся регулярными войсками и казаками земли современной Ростовской области и Ставрополья. В 1846 г. наместник Кавказского края князь М.С.Воронцов предписал «принять по всей Кавказской линии и Черномории в руководство: немедленно по совершении побега кем-либо из мирных горцев переселять семейства их на жительство в земли войска Донского... а пойманных беглецов отсылать на службу в арестантские роты внутри России» (ЦГА КБР, ф. 23, оп. 1, д. 89, л. 1об., цит. по: *Кажаров*: 1994, 345). Уже цитировавшаяся выше Инструкция Барятинского 1860 г. уполномочивала военных начальников округов без суда и следствия ссылать пойманных абреков, их укрывателей «и вообще людей вредных и преступных... на жительство во внутрь Империи (на определенный срок или навсегда) или же прямо в Сибирь на поселение...» (гл. II, § 16). Параграф 17 Инструкции воспрещал кому бы то ни было входить в какие-либо переговоры «с абреками из туземцев, бежавшими к непокорным горцам» (АКАК: 1904, XII, 1193).

Если удавалось поймать беглеца, то по приговору военного суда его наказывали шпицрутенами и ссылали либо на каторгу, либо в расквартированные вдали от Кавказа арестантские роты. Если беглец-абреком оказывался «аульный владелец» (т.е. князь-*пши* или дворянин-*уздень*), карали все селение: жителей его расселяли. Кроме того, в это время на Северо-Западном Кавказе широко практиковалось переселение целых селений из недавно покоренных труднодоступных горных районов на земли на равнине, в окружении казачьих станиц (*Берже*: 1882, т. 36, 340; *Фадеев*: 1889, т. 1, ч. 2, 149; *Надеждин*: 1895, 112–113). Так появились современные укрупненные села Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Абхазии. В 1817 г. в связи с проведением Сунженской укрепленной линии большая часть ингушей Сунженского района была переселена из предгорий в Назрань.

После окончания Кавказской войны командующий войсками Кубанской области генерал Н.И.Евдокимов организовал в 1858–1868 гг. массовое переселение горцев Северо-Западного Кавказа на кубанские земли. Его план, одобренный правительством Александра II, заключался «в изгнании горцев из их трущоб и заселении Западного Кавказа русскими». В мае 1862 г. было утверждено положение о заселении предгорий западной части Главного Кавказского хребта кубанскими казаками и переселенцами из России (подробнее см.:

Магомеддадаев: 1996, 15). Горцы, не пожелавшие переселиться на равнину, вынуждены были покинуть Кавказ и эмигрировать в Османскую империю. Они называли себя *мухаджирами*.

Горцы Дагестана избежали массового насильственного переселения на равнину. Однако и им было знакомо мухаджирство, появившееся тут в годы Кавказской войны. Еще Шамиль ввел практику переселять жителей селений, оказавших сопротивление или поддержку имамату, на другие земли. Например, разрушив в 1843 г. Хунзах как оплот Аварского ханства, он переселил его жителей на земли, подчинявшиеся имамату. В 1844 г. жители Чиркея перешли на сторону Шамиля и были поселены им на территории «вольного общества» аварцев Салатавии (*аль-Карахи*: 1990, II, 9–10, 17–18). И те и другие переселенцы также получили название *мухаджиров*. По сведениям Абдуррахмана Газикумухского, «большинство мухаджиров [жили] в крепости Ириб у Даниял-султана Илисуйского (Елисуйского, ал-Илиссави. — *В.Б.*) и в крепости Улиб, известной под названием крепость Гергебиля, в селениях Согратль, Чох, Цуриб общества Карах, в Бецоре и других селениях. Что касается специальных селений для них, то это селения, построенные на поляне Цуриба и в лесу Бецора на участке близ селения Мушули, в Талгоде выше селения Игали. Мухаджиры жили торговлей, грабежом и набегами на жителей пограничных с ними селений (т.е. территорий, не входящих в имамат. — *В.Б.*), [долей] с заката» (*Абдурахман из Газикумуха*: 1997, 96; см. также: Сто писем Шамиля: 1997, 74). Подобные переселения широко использовали и русские власти. В 1871 г. после восстания дагестанского «вольного общества» Ункратля пять его селений были переселены в Ставрополье. Дома восставших были разрушены. В 1875 г. ункратлинцам было дозволено вернуться в Нагорный Дагестан, но не в свои родные места (*Бацадаса*: 1994, 27–28).

2
Маргинализация горской знати

«Мирным горцам» было запрещено собирать сельские ополчения и княжеские дружины. Бывшие военные предводители горцев оказались не у дел. Им оставалось либо поступить на службу к русским, либо быть объявленными вне закона как «преступники и злодеи». Адыгские князья и дворяне превращались в служилое сословие Российского государства. В 1822 г. генерал Ермолов упразднил должность главного князя Кабарды (*Думанов*: 1990, 218). Постановления 1820–1850-х годов лишили принявших российское подданство кабардинских князей

их военных функций, в первую очередь права собирать войска, объявлять войну, совершать набеги. Многочисленное сословие князей-*пши* и вассально зависящих от них дворян-*узденей* было лишено привычных источников дохода — дани с прежде подвластных им народов (*Кажаров*: 1994, 182, 189), добычи, захватываемой в набегах.

Значение княжеского сословия у горцев Северо-Западного Кавказа постепенно сходит на нет. Автор статьи «Привилегированные сословия Кабардинского округа», опубликованной в 1870 г. в «Сборнике сведений о кавказских горцах», писал: «В последние сорок лет, пережитые кабардинцами под непосредственным управлением русского правительства, бывшие междусословные отношения в Кабарде совершенно изменились. Сила и значение князя каждый день утрачивают свое обаяние, и с каждым днем народная масса становится самостоятельней... Таких же князей, которые бы образом жизни соответствовали прежнему понятию кабардинцев о княжеском достоинстве, в фамилиях Кайтукина, Бекмурзина и Мисостова нет никого; только в фамилии Атажукина есть один представитель древнего типа кабардинского князя, измененный, впрочем, влиянием своего времени. Со смертью же и этого представителя (умер в 1868 г.) останется в Кабарде ничего не значащий княжеский титул, а некогда широкая жизнь кабардинского пши перейдет в область легендарного предания» (Привилегированные сословия: 1870, 12). В Дагестане положение *ханов*, *беков* и *чанков* было подорвано в период Кавказской войны. В это время окончательно потеряли независимость крупнейшие независимые правители края, традиционно возглавлявшие ополчения горцев, — *шамхал*, *уцмий*, *майсум* и кумыкские беки. Все бывшие правители получили вознаграждение и пожизненные пенсии (Национальная политика: 1997, 94–95).

В Нагорном Дагестане горскую знать физически истребили в годы Кавказской войны. Она не поддержала «вольные общества» в их вооруженной борьбе за независимость под лозунгами «священной войны против засилья неверных» (*газават*). Все три имама — Гази-Мухаммед, Гамзат-бек (Хамза-бек) и Шамиль — вели беспощадную борьбу с горскими князьями и дворянами, принявшими сторону русских властей.

За недолгое правление Гази-Мухаммеда было казнено около тридцати аварских беков с семьями. Сельские старшины, не согласные с политикой Гази-Мухаммеда, были брошены в гимринскую тюрьму (*Бобровников*: 2001б, 30). Гамзат-бек, хотя и принадлежал по рождению к *чанкам*, истребил несколько кланов горской знати. Наиболее известным его предприятием было уничтожение аварского ханского дома. В 1834 г. Гамзат-бек приказал казнить Сурхай-хана Аварского. В августе того же года имам осадил с. Хунзах, резиденцию аварских ханов, и, захватив в заложники (*аманаты*) юных наследников ханского престола, перебил их. «На другой день, — рассказывает очевидец, —

Гамзат-бек приказал умертвить старуху Паху-Бике... Гимринец Салихилау ворвался во дворец ханши, которая в то время читала Коран, схватил ее за руку, ввел в конюшню и шашкой отрубил ей голову». Имущество ханов было передано в казну имамата (араб. *байт ал-мал*). Сам Гамзат-бек вскоре погиб, «изрубленный в куски, в мечети... в отмщение за убийство ханов» их молочными братьями Османом и Хаджи-Муратом (*Гаджи-Али*: 1995, 26–27).

Шамиль продолжал его политику в 1834–1859 гг. При нем последний представитель рода аварских ханов, мальчик Булач-хан, был сброшен в пропасть (1834 г.), а большинство кланов беков и чанков в горах и предгорьях вырезаны (*Гаджи-Али*: 1995, 29; *Агларов*: 1988, 134). Их владения составили основу государственного имущества имамата. После разгрома имамата эти земли перешли в российскую казну. В 1859 г. Аварское ханство было ненадолго восстановлено, но прошения уцелевших беков и чанков о восстановлении в правах и привилегиях так и не были удовлетворены русскими властями. В архивах сохранились сотни таких дел.

Вот одно из них, весьма характерное: «Наши предки, чанков Телетля, Гонода и Ругуджа, переселились из Казикумуха в наши настоящие места жительства, и мы происходили из рода казикумухских ханов... Документы наши уничтожили мюриды Шамиля, убив 25 человек наших отцов и родственников... У нас, телетлинцев и уринцев, были отобраны Шамилем родовые земли, а у ругуджинцев — Гамзат-беком. Но русским начальством по покорении Дагестана возвращены нам, телетлинцам и ругуджинцам, наши земли, и уринцам возвратили одну треть, а две трети остались в руках сельского общества. В настоящее время мы живем в селениях наравне с прочими узденями и во всем на одинаковых правах с ними и имеем одинаковые адаты...» (Показания чанков Гунибского округа: 1969, 293). Другой типичный случай — дело кедибских беков, весь род которых был заживо сожжен в ноябре 1844 г. наибом Шамиля Аличом в их родовой башне (РГВИА, ф. 400, д. 45, л. 512; *Гайдарбеков*: РФ ИИАЭ, ф. 3, оп. 1, д. 236, т. XIII, л. 368).

В с. Карата этнограф Е.М.Шиллинг записал историю истребления местного бекского рода Пакибай ('Акибай). Каратинские уздени составили против них заговор во главе с муллой (*дибиром*) Галбацем. Главу тухума Маллу и его сыновей убили, «жен велели бросить в реку и пригласили в Карату Шамиля... Трое детей Турач-Али[, сына Маллы,] были... заперты в доме. Пленники пытались вылезти через дымоход. Тогда про них сказали — все равно из волчат вырастут волки, и лишили детей жизни» (*Шиллинг*: 1993, 107).

Истории об истреблении ханов, чанков и беков при Шамиле до сих пор популярны среди горцев. Интересно отметить, что рассказчики, не скрывая проявленной в этой бойне жестокости, в целом

одобряют действия имама. Пытаясь оправдать резню знати в XIX в., все они обязательно подчеркивают, что предки ханов и беков были разбойниками, людьми «без закона и религии», грабившими путешественников и жестоко притеснявшими своих менее знатных односельчан. Чтобы дополнительно очернить кланы горской знати, некоторые рассказчики выводят их из «неверных христиан» — грузин или русских. Это общий фольклорный сюжет для всего Северо-Восточного Кавказа. Здесь мы имеем дело с мифологизацией истории в народной исторической памяти. Представления эпохи Кавказской войны переносятся на более раннюю эпоху — средневековье.

Собранные мной полевые и фольклорные материалы позволяют предположить, что именно в послешамилевский период складываются легенды о русском происхождении тухумов горской знати. С этого времени исторические предания Нагорного Дагестана называют родоначальником аварских ханов (*нуцалов*) русского князя времен Абу Муслима (VIII в.), который почему-то носил мусульманское имя Сурака́т (см., например: *Умаханов*: 1993, 12). В 1995 г. в багвалинском селении Хуштада я записал со слов Муртазали Салманова легендарную родословную тухума местных ханов Инссигъай, к которому принадлежал сам рассказчик и который, по его словам, управлял селением до обращения багулал в ислам. В самом конце своего рассказа мой информатор «вспомнил», что родоначальник его тухума был русский и носил фамилию Галушкин. Любопытно отметить, что по другой (также фиктивной, со множеством местных доисламских имен) генеалогии того же тухума, записанной по-арабски в 30-е годы XX в., его родоначальники вышли из *саййидов* (см. подробнее: *Бобровников*: 1999а, 29–47).

Судя по всему, легенда о русском происхождении аварских ханов была записана на рубеже XIX–XX вв., попав в некоторые исторические хроники горцев, такие, как знаменитые «Тарих Дагистан» и «Тарих Аби Муслим» (Дагестанские исторические сочинения: 1993, 105, 166; Из истории Дагестана. Запись М.П.Инквачилава // РФ ИИЯЛ, ф. 1, оп. 1, д. 378, л. 6(б), цит. по: *Шихсаидов*: 1969, 202). Вообще во второй половине XIX в. представления об общественном устройстве, существовавшем до Кавказской войны и русского завоевания, у горцев предельно мифологизируются. Подобные предания о якобы русском происхождении местной знати были записаны отечественными этнографами и в Средней Азии начала XX в. (личный архив Л.Ф.Поповой, РЭМ, С.-Петербург).

3
Судьба мужских союзов

Мужские союзы сильно изменились в XIX в. Сельское ополчение, прежде опиравшееся на союзы неженатой молодежи, было реорганизовано уже при Шамиле. На территории имамата мобилизации подлежали все боеспособные мужчины от 15 до 50 лет. Подобно членам мужских союзов, они регулярно упражнялись в воинском искусстве и охраняли границы. Воспоминания о службе в ополчении сохранились в устных преданиях. Так, по словам хуштадинцев, их *къокъаби*, тренируясь, взбегали на гору Ангараз (багв. *Пангараз*), высочайшую вершину Богосского хребта, с тяжелым камнем в руках (полевой материал В.О.Бобровникова, 1992 г., Цумадинский район РД). Во главе отрядов ополченцев были поставлены заместители имама — *наибы* и младшие командиры из числа «наибских или шариатских *мюридов*». Они должны были заботиться о том, чтобы все ополченцы имели определенную амуницию и необходимое количество провизии, особое внимание уделялось оружию и одежде. Состоятельные ополченцы должны были сражаться на лошадях. С расширением имамата была создана должность *мудиров*. Каждому из них подчинялось несколько наибов вместе со своими отрядами.

С конца 30-х годов XIX в. Шамиль начал создание регулярного войска горцев на основе рекрутской повинности. Каждые 10 дворов должны были выставить одного вооруженного всадника. Эти всадники — *муртазики* — освобождались от сельских работ и всецело посвящали себя военной службе. Конницей командовали наибы (РГВИА, ф. ВУА, д. 6468, *л.* 7–9, 13–14; Движение горцев: 1959, 368–369, 373–374). Кроме того, в середине 40-х годов Шамиль организовал регулярный отряд пехоты — *низам*, находившийся под его непосредственным командованием (подробнее см.: *Гемер*: 1993, 38–40).

В свою очередь, российские военные власти попытались превратить сельские ополчения во вспомогательные отряды русской армии. С 1820-х годов на основе этих ополчений (*бо*, *хуребо*) в Нагорном Дагестане создавались конные и пешие отряды *горской милиции* (с функциями жандармерии) (подробнее об этом см.: *Лапин*: 2001, 110). Подобно местным ополчениям, они созывались лишь на время военных действий. В милицию набирали добровольцев. Во главе отрядов были поставлены служившие в русской армии выходцы из местной мусульманской знати, традиционно возглавлявшие ополчения горцев. Так, в 1836 г. назначенный правителем Аварии полковник Ахмет-хан Мехтулинский «обязался содержать в Аварии милицию из своих подвластных до восстановления спокойствия в Дагестане» (РГВИА, ф. ВУА, д. 6317, *л.* 6).

Милиционер из с. Ахты

Подобные отряды были созданы в Казикумухском, Кюринском и Кубинском ханствах, шамхальстве Тарковском, владениях Табасаранских и некоторых чеченских и дагестанских «вольных обществах», например в селениях Акуша и Шиназ. Каждый из них насчитывал от нескольких сотен до нескольких тысяч человек (РГВИА, ф. ВУА, д. 6342, л. 64, 117, 142, д. 6361, л. 32, 108–109, д. 6388, л. 45–46; ЦГИА РГ, ф. 1083, оп. 6, д. 358, л. 44; подробнее см.: *Лапин*: 2001, 110–111, 114–121). На содержание горской милиции казна отпускала местным владельцам огромные суммы. Один только Ахмет-хан получал ежегодно 1000 руб. (РГВИА, ф. ВУА, д. 6317, л. 6–7, 15; см. также: д. 6281, л. 200). Тем не менее этих средств вечно не хватало,

и власти заставляли горцев выплачивать налог на содержание милиционеров. Каждая семья («дым») платила в их пользу от 1 до 2 руб. в год (Сведения о податях, натуральных повинностях и других налогах, взимающихся с жителей Дагестанской области. 1867 // РФ ИИАЭ, ф. 5, оп. 1, д. 60, л. 2–15). Однако боевые действия милиционеров, как правило, не были успешными. Служба в милиции не пользовалась популярностью у горцев. Несмотря на высокие штрафы, многие сельские общины отказывались содержать отряды горской милиции (РФ ИИАЭ, ф. 1, оп. 1, д. 2308, л. 10; Движение горцев: 1959, 269, 274, 296, 313).

Не только в Нагорном Дагестане, но и на всем Северо-Восточном Кавказе сельские ополчения были упразднены после окончания Кавказской войны. Лишь немногие отряды горской милиции продолжали нести охрану порядка на своих участках (Адаты Дагестанской области: 1899, 32–35). Например, в Даргинском округе половина всех конных милиционеров, 300 человек, была распущена. Оставшиеся в составе этой конной жандармерии продолжали нести службу ежегодно в течение 5–6 летних и осенних месяцев. На время сборов милиционеры получали содержание от казны и от местных сельских общин (за счет налога по 1 руб. с домохозяйства ежегодно) (Сведения о податях, натуральных повинностях и других налогах, взимающихся с жителей Дагестанской области. 1867 // РФ ИИАЭ, ф. 5, оп. 1, д. 60, л. 16–17; ср. данные о горской милиции в соседней Чечне: *Ибрагимова*: 2000, 196–200). Повсюду разрушались боевые башни и военные укрепления горцев.

Мужские союзы, хотя и сохранились, были лишены своих важнейших функций. Во второй половине XIX в. они уже не охватывали всех молодых людей селения, в то же время их состав пополнился женатыми мужчинами до 40–50 лет. В первые десятилетия XX в. военные дружины горской молодежи выродились в своего рода мужские клубы, где горцы проводили зиму, устраивая спортивные состязания и пируя в складчину (*Булатова*: 1988, 115). В таком обличье «большие дома» просуществовали в Северо-Западном Дагестане до 30–50-х годов XX в. (*Магомедов*: Библиотека ДГУ, 48–50).

* * *

Меры, предпринятые властями России, помогли «замирить» горцев и стабилизировать внутриполитическую обстановку в регионе. В то же время они подготовили почву для появления профессионального абречества. Еще А.С.Пушкин, проезжая в 1829 г. через Большую Кабарду в Грузию, отметил здесь распространение «злодейств черкесов» под влиянием репрессий российских войск. «Черкесы нас ненавидят, — писал он. — Мы вытеснили их из привольных пастбищ; аулы

Боевая башня в с. Хуштада

Набег черкесов на Кавказскую линию

их разорены; целые племена уничтожены. Они час от часу углубляются в горы и оттуда направляют свои набеги. Дружба *мирных* (выделено А.С.Пушкиным. — *В.Б.*) ненадежна: они всегда готовы помочь буйным своим единомышленникам» (*Пушкин*: 1964, 647).

По верному замечанию В.Х.Кажарова, российское правительство превратило целый ряд прежних военных лидеров горцев в абреков-изгоев по отношению к России, объявив их вне закона и лишив права убежища. Само горское общество не изгоняло их и не считало преступниками. Более того, многие действия новых абреков, в первую очередь участие в набегах на российские земли, в силу разобранных нами выше представлений, от которых нельзя было избавиться в одночасье, продолжали восприниматься народом как продолжение славных традиций джигитов прошлого (*Кажаров*: 1994, 338).

Таким образом, с одной стороны, деклассированные князья и военные предводители сельских ополчений постепенно превращались в профессиональных разбойников-абреков, каковыми их и считали российские власти. Многие из них стали знаменитыми абреками первой половины прошлого века, например кабардинский князь Тау-Султан Атажукин (Привилегированные сословия: 1870, 5). Некоторые абреки,

вышедшие из знати, — Даниял-бек Елисуйский, Хаджи-Мурат Аварский, Мухаммед Анзоров из Кабарды и другие — занимали видные посты в имамате Шамиля (см.: *Бушуев*: 1939, 93–94, 96–97; Народно-освободительное движение: 1994, 236, *Gammer*: 1994, 251).

С другой стороны, возникла среда, при негласной поддержке которой абреки могли продолжать свои набеги и грабежи. Архивными документами отмечены многочисленные случаи укрывательства «немирных» кунаков на Северном Кавказе XIX в. Так, в 1853 г. в рапорте начальнику Центра Кавказской линии генерал-майор Грамотин указывал: «В Кабарду и другие подведомственные мне племена Центра Кавказской линии часто и много приезжают из разных мест по своим делам люди, из коих нельзя положиться на благонамеренность каждого и о прибытии которых не только я, но часто приставы и экзекуторы не бывают извещены» (ЦГА КБР, ф. 23, оп. 1, д. 48, т. 2, л. 52). Если же из-за доноса открывалось местопребывание абрека, нередко его хозяин скрывался вместе с ним за линией. Характерное дело такого рода произошло на Черноморской кордонной линии в 1845 г., где Джамбулат Немиров, «следуя обычаю черкесскому, скрыл» у себя убийцу «и переправил его за Кубань» (*Гарданов*: 1967, 300–301).

О появлении благодатной почвы для развития абречества говорят и участившиеся с 1830-х годов случаи утаивания горцами совершенных в их селениях преступлений. В основном это касалось убийств и особенно изнасилований, по нормам обычного права влекущих за собой кровомщение. По наблюдениям дореволюционных авторов, кабардинцы, чеченцы, дагестанцы и другие горцы старались не предавать огласке такие случаи и тайно решить их по адату (*Полозов*. В дебрях Закавказья, л. 5–6; *Кажаров*: 1994, 421; *Бобровников*: 1997б, 26). Кроме того, тщательно скрывались от начальства и случаи конокрадства и грабежа на больших дорогах, в которые во второй половине XIX в. постепенно выродилось наездничество-*зекве*. Рапорты военных и гражданских властей пестрят сообщениями об открывшихся случаях продажи и дарений горцами добытого в набегах или украденного скота (*Умаханов*: 1993, 49–51; *Шиллинг*: 1993, 104).

ГЛАВА 3
Насилие в горских адатах до и после русского завоевания

Формы и социальное значение насилия в горском обществе были самыми различными. Как мы видели выше, военные действия мужских

союзов и сельского ополчения горцев могли вылиться либо в набег, который сами горцы порой считали чем-то преступным и антисоциальным, либо в оборону родной земли от завоевателей и насильников. Местное обычное право узаконивало и регулировало два основных вида насилия — *кровную месть* и *ишкиль*.

1
Кровная месть и куначество

Ни у кого из современных кавказоведов не вызывает сомнения, что кровная месть (авар. *бидул къисас*, от арабского шариатского термина *кисас*; аналогичное понятие есть во всех кавказских языках) была издавна широко распространена во всех районах Северного Кавказа. Между тем в нашем распоряжении имеются лишь единичные описания случаев кровомщения в Нагорном Дагестане в дореформенную эпоху. Причем это весьма нетипичные примеры, когда столкновения между тухумами или джамаатами спорадически возобновлялись на протяжении жизни нескольких поколений. Например, в даргинском селении Кадар два тухума враждовали около 200 лет, с XVII до 60-х годов XIX в. (*Комаров*: 1868, 43–49).

О кровной мести до эпохи российского завоевания приходится судить лишь по косвенным данным: записям решений сельских сходов о мерах предотвращения этого явления, скупым «историческим записям» (*таварих*) на полях арабских рукописей XVII–XIX вв., а также по устным преданиям горцев. Следует признать возможной лишь частичную реконструкцию этого явления до начала XIX в. В методологическом отношении крайне опасно принимать на веру устные рассказы стариков о правилах кровомщения, принятых у их предков. Не говоря об ошибках памяти, нельзя забывать, что самые ранние такие свидетельства записаны в начале XX в., т.е. юность рассказчиков приходилась уже на пореформенное время. Еще сомнительнее мне представляется проецирование случаев кровомщения, зафиксированных в XIX — начале XX в., на более раннюю эпоху. Между тем эта ошибка встречается наиболее часто даже в скрупулезных и точных исследованиях (см., например: *Агларов*: 1988, 158–159; *Чурсин*: 1995, 18–19; *Бабич*: 1999, 55–74).

Основываясь на записях дореформенного адата, можно с уверенностью говорить о том, что кровомщение было ответной мерой на оскорбление женщины, захват земли, умышленное ранение или убийство, а также тяжкое оскорбление словом или действием (кража лошади или собаки хозяина либо нанесение им увечья и т.п.) (см.: Гидатлинские адаты: 1957, 14, 18, 32, 34).

Например, молодой человек ухаживает за девушкой, обещает жениться на ней, затем почему-либо отказывается от своего намерения. Братья или другие близкие родственники девушки, считая, что девушке и всей фамилии нанесено оскорбление, мстят обидчику, преследуют его, убивают. Начало конфликту положено. Или за одной девушкой ухаживают двое; один предлагает другому оставить девушку в покое, тот не соглашается; возникает вражда, приводящая к убийствам и кровомщению (см.: Хрестоматия по истории права и государства Дагестана: 1999, I, 53, 69).

В условиях малоземелья к кровной мести между тухумами и даже целыми селениями могли привести поземельные споры, в основном о праве пользования пастбищами и водоемами. Ссоры и драки нередко заканчивались увечьями и убийствами, за которые адат устанавливал кровомщение (см.: Хрестоматия по истории права и государства Дагестана: 1999, I, 52, 69) (об аналогичных законных поводах для кровомщения в других районах Кавказа — Чечено-Ингушетии, Северной Осетии, Кабарде и Грузии — см.: *Гаглоев*: 1964, 254; *Барамия*: 1965, 15; *Плиев*: 1969, 6; *Думанов:* 1990, 97–98; *Бабич*: 1999, 57; по другим регионам мусульманского Востока, в частности по Египту, где кровная месть до сих пор не изжита, см.: *Айру*: 1954, 154; *Peters*: 1999).

Считалось, что все эти действия пятнают бесчестьем не отдельного человека, а весь его род, тухум. Смыть это бесчестье можно было лишь кровью тухума обидчика (авар. *бидул хIакъ босизе* — букв. «взять долг за кровь»), либо действуя до полного физического истребления клана виновного (в основном в случае изнасилования), либо совершая однократный акт мести, как бы пресекая насилие — насилием.

Мстить старались именно убийце. Если не удавалось, убивали кого-либо из его близких родственников, но только в исключительных случаях — общественное мнение не поощряло такие действия.

Обязанность кровомщения лежала прежде всего на родных братьях пострадавшего или убитого. В арабоязычных сводах адата для обозначения этих лиц существовал специальный термин — «держатель крови» (араб. *сахиб ад-дам*) (Хрестоматия по истории права и государства Дагестана: 1999, I, 49–51). Если не было брата, мстить должны были ближайшие родственники по отцовской линии. При отсутствии таковых — члены тухума, к которому принадлежал убитый. Однако на практике последнее правило, хотя и возможное чисто теоретически, обычно не применялось. Если при встрече с убийцей член рода не совершал акта кровной мести, общественное мнение всей общины резко осуждало его. Отмечены случаи, когда вдова убитого внушала сыну с малолетства как святую обязанность отомстить за отца. И много лет спустя акт мести совершался (*Чурсин*: 1995, 18). Аварцы даже

сложили балладу о сестре-героине, поехавшей в далекую Хевсуретию (Грузия), чтобы отомстить за убитого в набеге брата (Героические песни: 1971, 113).

Очутившиеся на Кавказе путешественники XVIII — начала XX в., пленясь местной экзотикой, нередко сгущали краски, описывая кровомщение. В сборнике адатов, составленном в 1845 г. войсковым старшиной Черноморского казачьего войска А.А.Кучеровым, отмечалось: «Мщение у горцев развито в высшей степени... Отец семейства рассказывает уже детям своим — отрокам о мщении как о высшей добродетели, которую он внушает им выполнять непременно, а сии впоследствии внушают оное своим детям, и таким образом переходит оное мщение из рода в род, отчего получивший обиду изыскивает все средства, позволительные и непозволительные, отмстить достойно обидевшему его. На сем-то основано у них правило, что кровь отвечает кровью, или, как они выражаются, „кровь за кровь", то есть что убийца непременно должен быть сам убит» (*Леонтович*: 1882, I, 140). Сильно драматизировал ситуацию и А.К.Сержпутовский, проехавший по Нагорному Дагестану в начале XX в. По его словам, «месть продолжается иногда многие годы; от нее погибают не только семьи, но нередко целые селения» (*Сержпутовский*: 1916, 288–289).

На практике в большинстве случаев кровная месть сдерживалась так называемой системой *композиций* — натуральных или денежных штрафов согласно нормам обычного права. По словам большого знатока адыгского быта Л.Я.Люлье, «у горцев кровомщение не есть необузданное, неудержимое чувство, вроде вендетты корсиканцев; это скорее обязанность, налагаемая честью, общественным мнением, требованием крови за кровь» (*Люлье*: 1859, 40). Бежтинская пословица гласит: «*Гье гьейд боцIона бахъаас*» (букв. «Кровь кровью не смывается») (*Лугуев, Магомедов*: 1994, 144). В некоторых обществах существовали правила, по которым кровомщение ограничивалось восемью поколениями по прямой отцовской линии родства (например, в с. Кубачи) (*Агларов*: 1988, 130). Однако чеченцы, например, говорили: «Мы кровь своих убитых не продаем» (*Лаудаев*: 1872, 25–26).

Гидатлинские адаты XV–XVII вв. и большинство других сводов норм обычного права позднесредневекового Дагестана устанавливают в возмещение за убийство, увечье или тяжкое оскорбление (например, изнасилование жены, прелюбодеяние) не талион, а цену крови (*дият; алым*) (Гидатлинские адаты: 1957, 14–21; Дагестанские исторические сочинения: 1993, 98, 144). Сохранилось немало договоров между разными обществами об унификации этого штрафа (Гидатлинские адаты: 1957, 32–33, 34–35, 38–39; Из истории права: 1968, 222, 224, 226, 231–232; Хрестоматия по истории права и государства Дагестана: 1999, I, 32, 47–48, 49–53, 72–73, 74, 89–90, 98–99, 101–102; мечетный архив с. Хуштада и проч.).

Пролитая кровь представителей разных сословий горского общества традиционно оценивалась по-разному, особенно на Северо-Западном Кавказе и в равнинном Дагестане. По подсчетам В.К.Гарданова, изучавшего адат кабардинцев, «цена крови» князя «колебалась от 6 до 8 тыс. быков... тогда как „цена крови" простого свободного адыга (кабард. *лъхукъуэлI*) составляла в XVIII в. всего лишь 160 быков...». За убийство раба платили его «рыночную стоимость» (*Гарданов*: 1967, 233). По верному замечанию В.Х.Кажарова, «высокая „цена крови" князя укрепляла и безопасность его подвластных» (*Кажаров*: 1994, 406). Согласно адату, кровная месть не могла быть обращена против лица, занимающего более высокое положение в социальной иерархии.

В большинстве районов Нагорного Дагестана и Чечни с сильной независимой общиной для предотвращения взаимного истребления целых тухумов было принято высылать убийцу (а в некоторых районах — и его ближайших родственников) далеко за пределы владений той сельской общины и даже конфедерации («вольного общества»), откуда он происходил. Многие селения Нагорного Дагестана основаны тухумами кровников, бежавшими от кровомщения. В Анди немало фамилий выходцев из Цудахарского и Акушинского «вольных обществ», а в Гидатле, Акуше, Цудахаре — андийских и т.д. (*Шиллинг*: Народы андо-цезской группы).

В Гидатле для примирения (авар. *маслахIат/маслигIат* [маслахат/маслиат] от араб. *сулх, мусалаха*) враждующих фамилий собирались старшины (*ру'аса'*) всех шести селений, составлявших Гидатлинское «вольное общество». При этом совершался следующий обряд (тюрк. *бет гермек*). Члены враждующих фамилий становились в два ряда. Между ними стояли старшины из нейтральных фамилий. Один из них читал молитву, затем произносил речь, заклиная навсегда прекратить вражду. После этого мир объявлялся восстановленным и устраивалось угощение (в некоторых обществах — за счет нейтральных фамилий) (Гидатлинские адаты: 1957, 35, 39). Примирение иногда сопровождалось уплатой виновной стороной некоторой компенсации деньгами или имуществом, но делалось это негласно, иначе пострадавших могли обвинить в корыстных побуждениях. После примирения кровники становились «кровными братьями» (авар. *бидул вацал*, см.: *Агларов*: 1988, 130).

Положение кровника или путника регулировалось обычаем гостеприимства, распространенным практически у всех мусульманских и христианских народов региона. «Есть три качества, — отмечал в своих наблюдениях о жизни черкесов Дж.Лонгворт, — которые в этих краях дают человеку известность, — храбрость, красноречие и гостеприимство» (Адыги, балкарцы и карачаевцы: 1974, 516). «Гостеприимство у черкесов считается первейшей добродетелью, и гость у них, кто бы

он ни был, есть особа неприкосновенная», — сказано в сборнике адатов А.А.Кучерова (*Леонтович*: 1882, I, 125).

О гостеприимстве горцев с теплотой отзывались дореволюционные авторы, очутившиеся в самых отдаленных районах Нагорного Дагестана, Чечни или Грузии. «Можно смело утверждать, что только священный обычай гостеприимства дает возможность проникнуть в эту почти недоступную страну», — писал А.К.Сержпутовский (*Сержпутовский*: 1916, 6). Традиционно отношение горца к гостю-кунаку основывалось на двух принципах: во-первых, оно распространялось на любого человека, в том числе преступившего закон и даже изгнанного из своего общества как кровника; во-вторых, ради безопасности гостя хозяин обязан был жертвовать всем, даже собственной жизнью (*Кажаров*: 1994, 321). В случае убийства кунака в доме, где он укрылся, хозяин отвечал за пролитую кровь как перед родственниками погибшего, так и перед своим джамаатом. Согласно Гидатлинским адатам, «с того, кто навел чужака не из нашего союза (араб. *ахад мин гайр нахийати-на*, в значении *бо*, „*вольное общество*“) на переселившегося в наш союз (*ман назала би-нахийати-на*) [кровника] с тем, чтобы убить его, [брать] котел для пени (араб. *фидйа*) [в пользу союза]» (Гидатлинские адаты: 1957, 26; пер. мой. — *В.Б.*). Эти нормы не раз спасали жизнь горцев, оказавшихся в положении беглецов-абреков. Следует заметить, что мечети и другие священные места правом неприкосновенности не пользовались: «В мечеть убежишь, и там не оставлю» — гласит аварская поговорка (*Чурсин*: 1995, 18).

Куначество отношения связывали не только отдельные семьи и кланы, но сельские общества или даже государства. Об этом свидетельствует один любопытный документ. Когда в 1774 г. Кабарда отошла по Кучук-Кайнарджийскому миру к России, которая свои притязания на нее обосновывала тем, что кабардинцы с XVI в. платили дань московским царям, то кабардинцы написали русским властям, «что они никогда в российском подданстве не были и если со времен царствования Иоанна Васильевича имели сношения с этим государством, то не как подданные и покорные царю, а лишь как *конаки* (т.е. кунаки. — *В.Б.*)» (*Броневский*: 1996, 123). В данном случае кабардинцы апеллировали к хорошо известному горцам правилу, согласно которому любой гость считался гостем всего общества или княжества, которое должно было обеспечивать его безопасность всеми доступными ему средствами.

В Нагорном Дагестане похожие отношения иногда устанавливались между ханствами и «вольными обществами». Недаром в ботлихском, годоберинском, чамалинском и ряде других андийских языков слово «аварцы» (подданные Аварского ханства) стало синонимом «гостя, кунака» (*Смирнов*: 1989, 135–141; подробнее об этом см.: *Бобровников*: 1998в, 111, 129; 2001г, 74, 93).

Согласно адату, к числу особо тяжких и бесчестных проступков относилось нарушение неприкосновенности лиц, находившихся под защитой общины: гостей, путников, кровников-*канлы*, *дибиров*, *суфиев*, пастухов или других наемных работников, временно обосновавшихся в селении ремесленников. Имелись специальные постановления по союзам общин (а не только по одному селению), оберегавшие кровников, нашедших защиту у общества. «Если [канлы не из нашего союза] был убит по наводке и доносу, — говорится в постановлении Гидатлинского союза, — то на доносчике лежит выкуп (*дийа*) и кровная месть» (*фа-'алай-хи... дам*) (Гидатлинские адаты: 1957, 26; пер. мой. — *В.Б.*; см. также аналогичное постановление аварского селения Обода: Хрестоматия по истории права и государства Дагестана: 1999, II, 98).

Примечательно, что доносчик приравнивается к убийце и к нему применяются адекватные меры: *дият*, или кровомщение, — настолько велика цена нарушения иммунитета лица, находящегося под покровительством общины на ее территории.

Согласно обычному праву, тухум (*кабила*) считался неделимой социальной единицей и юридическим лицом. Это представление отразилось в обычае совместной присяги. Чтобы снять с себя подозрения в совершении какого-либо преступления или противоправного поступка в случае, когда явных улик не было, член тухума должен был «очиститься» совместной присягой сородичей (*тахлиф*). Существовал специальный юридический термин, означавший человека, приносившего такую присягу, — *тусев* (тюрк.). Присягавшему было достаточно поклясться именем Аллаха, что подозреваемый невиновен в возводимом на него преступлении. Однако чаще в дореформенном Нагорном Дагестане применялась так называемая *кебинная присяга* по адату (*кебин талак*, *хатун талак*). В случае открывшегося лжесвидетельства поклявшийся обязан был развестись с женой. Уличенный холостой лжесвидетель, принесший кебинную присягу, передавал в вакф местной мечети свою землю (араб. *мулк*).

Количество присягающих различалось в зависимости от тяжести обвинения. Очень серьезное дело о прелюбодеянии требовало у аварцев совместной присяги 26 человек. Характерное постановление Цекубского джамаата по этому поводу гласит: требуется «присяга (*тахлиф*) пятнадцати ближайших сородичей (*акариб ар-раджул*), чтобы снять... [обвинение] в прелюбодеянии». В том же адатном кодексе говорится: «...вместе с [подозреваемым в] краже лошади клянутся [, чтобы обелить его,] пятнадцать мужчин из его тухума (*мин кабилатих*), в краже быка — семь, коровы — пять, овцы — один», но «если кто-либо не признает себя виновным в поджоге [чужого] *мулька* (частно-семейной собственности. — *В.Б.*), то должен очиститься присягой (*би-халф*) пятнадцати сородичей из своего тухума (*мин кабилатих*); если же он не признает себя виновным в поджоге *харима* (неделимых

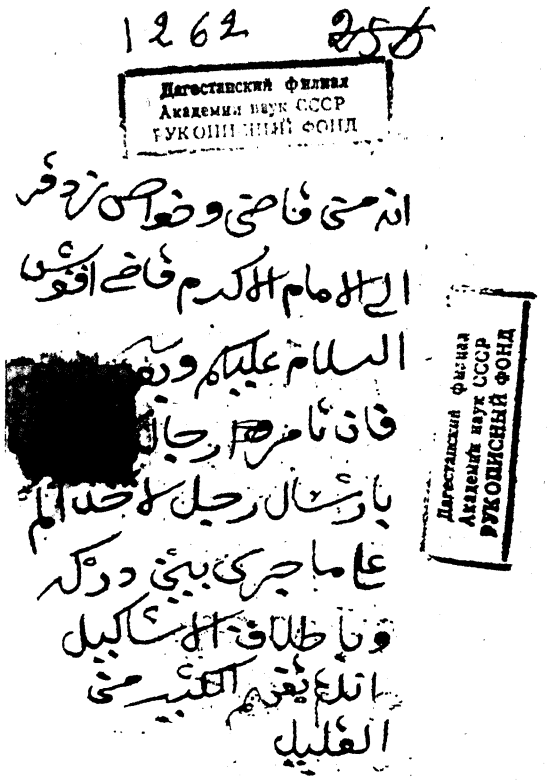
общинных угодий. — *В.Б.*), то [также] должен очиститься присягой пятнадцати мужчин, по пять человек от каждого тухума (*мин кулл кабила*) [селения]» (Хаза каус расма' цекал ва 'адати-хим: 1965, 104, 105, 106; пер. мой. — *В.Б.*). Нередко руководители клана пытались не допустить своих родственников к лжесвидетельству, боясь положенного за него по адату наказания.

2
Ишкиль и средневековые мусульманские юристы

Представление о коллективной ответственности клана и, шире, всей общины за совершенное преступление породило на Северном Кавказе еще один любопытный элемент правовой практики. Речь идет об *ишкиле*, или *баранте*, — захвате имущества родственников или односельчан ответчика, с тем чтобы заставить его выплатить задержанный долг или удовлетворить истца исполнением другого рода обязательств.

Широкое распространение ишкиль получил в Дагестане. Сохранилась обширная переписка XVII–XIX вв. между «вольными обществами», ханами и мусульманскими юристами о прецедентах ишкиля (см., например: РФ ИИАЭ, ф. 16, оп. 1, № 1260–1310). Шариат резко отрицательно относился к ишкилю. В XV–XVIII вв. по всему Северо-Восточному Кавказу мусульманские юристы (*факихи*) Ахмед Йеменский, Давуд Хаджияв из с. Усиша, Саид из с. Аракани, Ибрагим Хаджи из с. Урада вели долгую борьбу с этим явлением как с правовой нормой, несовместимой с шариатом. Но, судя по источникам, пропаганда против ишкиля особого успеха не имела. В частности, Ахмед Йеменский, вначале отменивший ишкиль в Кумухе, через несколько лет был вынужден восстановить его, когда его собственная жена, разведясь с ним, унесла с собой его имущество (*Агларов*: 1988, 159; *Шихсаидов*: 1999а, 10).

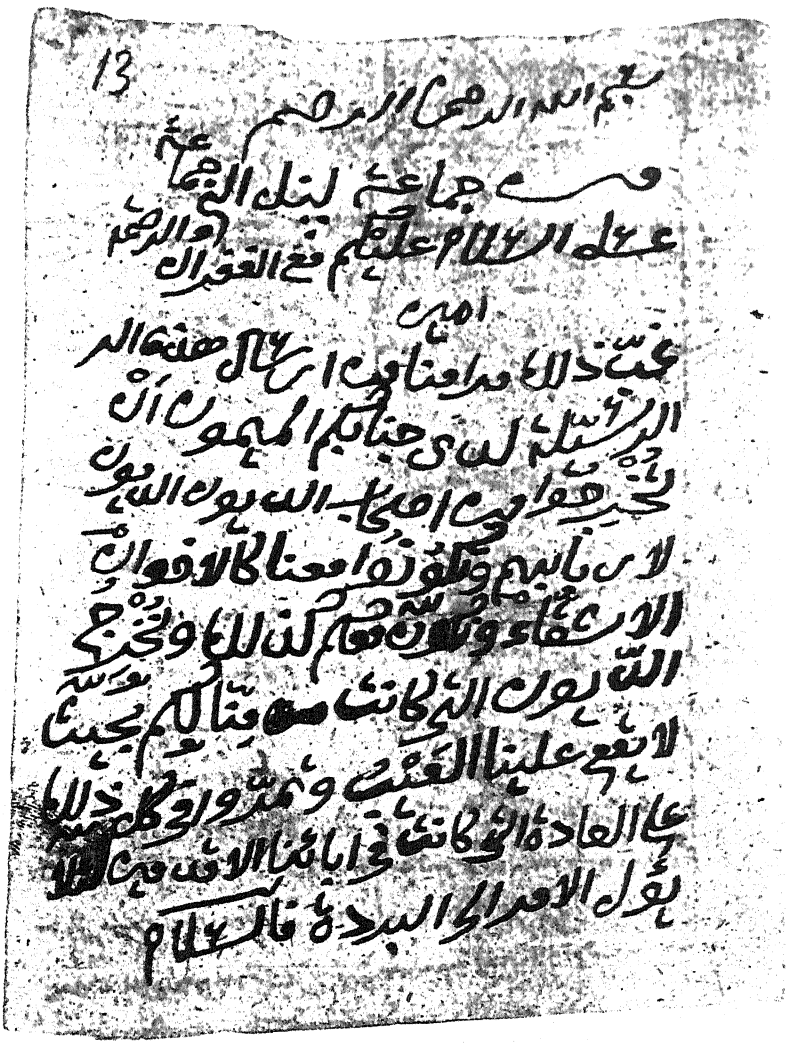
Община регулировала условия и порядок применения ишкиля. Запрещая ишкиль на своей территории, она поддерживала его за ее пределами. Так, постановления Андалальского общества, запрещавшие ишкиль на территории джамаата под угрозой штрафа в размере одного быка, тот же штраф устанавливали за помеху совершения такого акта «правосудия» на чужой территории (Фа-хазихи 'ухуд ва мавасик вака'ат байн джами' кура 'андалал: 1965, 63). Согласно Гидатлинским адатам, самовольный ишкиль, без согласия на то старшин Гидатля (*ру'аса'*), был запрещен по отношению к лицам, происходившим из Карахского, Келебского и Ратлубского джамаатов (Гидатлинские

Письмо об ишкиле

адаты: 1957, 20). Следовательно, у Гидатлинского «вольного общества» был договор с перечисленными выше «вольными обществами» о праве старшин контролировать отношения сторон по поводу ишкиля.

Известно немало примеров заключения подобных договоров устно или письменно, при почетных свидетелях из нейтральных обществ (см., например: Письмо сельского общества Тлакал: РФ ИИАЭ, ф. 16, № 1310; Хрестоматия по истории права и государства Дагестана: 1999, I, 33–34, 96–97). Угрожая ишкилем, общество могло выставить дополнительные условия. Например, араканцы требовали у общества Охли заставить вора-охлинца возместить убыток и сурово наказать его, в противном случае Араканское общество грозило применить ишкиль ко всему обществу Охли. Таковы же требования с. Тлондода к обществу Ассаб, общества Кеди — к Гаквари и т.д.

Письмо общины Тлондода общине Ассаб

(Письма сельских обществ Тлондода, Кеди к сельскому обществу Гаквари: РФ ИИАЭ, ф. 16, № 1310, 1292).

Любопытный способ ишкиля описан в конце XVIII в. *кади* Рамазаном из с. Гаквари: «Если должник из одного общества не выплачивал долг должнику из другого общества, то истец мог воспользоваться куначескими связями в обществе ответчика. Кунак истца в пятничный день общеджамаатской молитвы в мечети забирал обувь всех находившихся членов джамаата из прихожей. Обувь получали только после того, когда молившиеся в мечети принуждали должника или ответчика выплатить долг или выполнить любые другие требования, считавшиеся законными» (архив М.Нурмагомедова, цит. по: *Агларов*: 1988, 161).

Ишкиль мог служить орудием политического и экономического давления. Случай такого рода описан в письме Абумуслима, шамхала Тарковского, обществу Чиркей (XVIII в.), в котором он жалуется на захват чиркеевцами 21 пары быков, двух заложников и лошадей то ли у подданных шамхала, то ли у него самого (РФ ИИАЭ, ф. 5, оп. 1, д. 1662, л. 10). Таким способом Чиркей добивался у шамхала признания своей политической независимости и освобождения от уплаты дани.

Угроза одной общины другой подвергнуть ее ишкилю означала прежде всего то, что, если какие-либо условия не будут выполнены, истцы могут применить ишкиль по отношению к любому члену общины, откуда происходит должник, вор и т.п. Таким образом, в ишкиль вовлекались совершенно непричастные к тяжбе люди; между обществами возникало если не военное, то своего рода «ишкильное» противостояние, при котором невозможно было вести торговые дела или свободно совершать поездки друг к другу.

Распространению ишкиля на Северном Кавказе способствовало широкое развитие в горском обществе торговли, которая являлась важной отраслью экономики и средством регулирования экономической жизни различных зон региона (вплоть до высокогорных районов), а также кредитных отношений. В Аварии законодательно устанавливалась пеня на просроченные долги и как последнее средство дозволялось применение ишкиля: «Если должник не возвращает долг в установленный срок до применения к нему ишкиля, то на него возлагается пеня; так, например, если кто-нибудь просрочил один *ратал* (здесь: мера объема. — *В.Б.*) чего-либо в течение года, то должен вернуть полтора ратала, если просрочил один *аббаси*, то [возвращает] *аббаси* и два *дирхема*, если просрочил один *кали* (здесь: мера объема. — *В.Б.*) — то полтора кали (Нафахат азахир ал-кара фи 'арсат 'адат ал-кура: л. 5; пер. мой. — *В.Б.*).

Ишкиль, как и кровомщение, вошел в юридическую систему кавказского адата в форме, регулируемой джамаатом. Это компенсиро-

вало отсутствие в горском обществе долговых тюрем и других средств принуждения, кроме экономического (пеня) и морального (общественное осуждение). Своды адата XVII–XVIII вв. показывают, что к эпохе позднего средневековья применение ишкиля претерпело некоторые изменения. К этому времени он постепенно превратился в экстраординарное средство судебного принуждения. Община, до того как дозволяла ишкиль, привлекала должника к суду по заявлению истца: «Если должник покинул аул после того, как исполнители (араб. *шурта*'; авар. *гIелиби* [*элиби*, мн. от *эл*]) предупредили его о необходимости явки на суд для разбирательства, то исполнитель вправе взыскать с него долг в пользу истца» (Гидатлинские адаты: 1957, 20–21). Это очень важное свидетельство в пользу того, что долговые отношения на первом этапе регулировались судом и властью, а ишкиль вступал в силу на втором этапе, когда первое средство не достигало цели.

3
Борьба с кровной местью в Российской империи

Большинство отечественных ученых, занимающихся проблемами кровомщения, к сожалению, все еще разделяют ошибочную точку зрения на кровную месть как на «стойкий пережиток стародавних родовых отношений». Вместе с тем они уверяют, что под влиянием развития у горцев феодальных отношений этот «обычай медленно, но неуклонно перерастал в... систему композиций» (*Лугуев, Магомедов*: 1994, 143; см. также: *Чурсин*: 1995, 18). Однако это априорно усвоенное марксистское клише не подтверждается фактическим материалом. Почему-то в XIX–XX вв. кровная месть упорно не желала «отмирать», несмотря на непрекращавшуюся борьбу с ней.

Кровная месть — больное место российской дореволюционной политики на Северном Кавказе. Сначала военные, а затем гражданские власти вели долгую борьбу с этим явлением, но так и не смогли искоренить его. Сразу же после того, как горцы приняли российское подданство, им было строго запрещено мстить кровникам и применять *ишкиль*. Отношение российских властей к этим явлениям в Дагестане строилось на принципах, опробованных в конце XVIII в. в Кабарде, раньше вошедшей в правовое пространство России. Наиболее последовательная борьба велась с кровомщением.

В Кабарде еще в 1793 г. власти запретили разбирать дела о кровомщении согласно адату. Они были переданы Верхнему пограничному суду в Моздоке, действовавшему на основании российских за-

конов (*Бутков*: 1869, ч. 2, 263–265, 267). Мелкие уголовные и гражданские преступления из ведения третейских судов (кабард. *хасэ*) и сельских сходов (кабард. *зэIушIэ* [зевше]) были переданы в «родовые (адатные) суды и расправы». Волнения кабардинцев, вызванные деятельностью родовых судов и расправ, вынудили власти заменить их в 1807 г. *мехкеме* — шариатскими судами. Однако уже в 1822 г., когда покорение Кабарды Россией было завершено, вместо распущенных мехкеме был создан Кабардинский временный суд под контролем российской военной администрации; тяжкими уголовными правонарушениями, в том числе и делами о кровомщении, стали заниматься российские военные суды.

В «Наставлении» Кабардинскому временному суду генерал Ермолов предписал разбирать только на основе действующих законов Российской империи «убийство, измену, возмущение в народе, побег за пределы линии (Кавказской. — *В.Б.*) с злым намерением, подвод хищников к злодействам и сношения с ними, набеги на границы линии, нападения и хищничества в оной, обнажение оружия в ссорах с причинением ран» (цит. по: *Леонтович*: 1882, I, 417–419). В 1820–1840-е годы администрация Кавказской линии ужесточила наказания уличенных в кровомщении по всему Северо-Западному Кавказу: было запрещено откупаться от кровной мести штрафом; высылка кровника из общества была заменена ссылкой на каторгу.

Под влиянием распространения норм шариата, более сурово наказывающих за кровную месть, у адыгов в 1807 г. появился новый адат: «Если кто без причины кого-либо убьет, то по закону также лишается жизни». «Цена крови» была сохранена в случаях неумышленного убийства, причем без учета общественного положения убийцы. Все слои кабардинского общества должны были выполнять новую адатную норму: «Если кто нечаянно убил, то за кровь платит 1500 руб. серебром ближайшему наследнику» (*Леонтович*: 1882, I, 254).

В то же время, видя в «немирных князьях» опасного противника для российского господства в регионе, российские военные власти старались уничтожить старый адатный принцип, запрещающий мщение лицу, занимающему более высокое положение в социальной иерархии. В знаменитой прокламации 1822 г. наместник Кавказа генерал Ермолов предписывал кабардинцам: «Узденям и простому народу повелеваю при всякой встрече с изменниками действовать оружием и забыть глупое обыкновение не стрелять в князей, когда они стреляют». Далее он предупреждал, что «если простой народ стрелять не будет, то население будет наказано оружием» (*Леонтович*: 1882, I, 261). Таким образом, власти не просто допускали, но открыто поощряли убийство князей, пытавшихся выйти из российского подданства.

На практике эта политика оказалась палкой о двух концах. С одной стороны, было подорвано уважение к князьям, среди которых многие

«бунтовали» против российской власти. С другой — был уничтожен принцип, сдерживающий кровомщение. Из правоохранительного института кровная месть постепенно превращалась в противоправное, преступное деяние, дестабилизируя положение в горском обществе. Судя по материалам, собранным кабардинским историком В.Х.Кажаровым, кровомщение все чаще осуществлялось руками деклассированных элементов (*Кажаров*: 1994, 421–423).

После покорения Северо-Восточного Кавказа судебная реформа была проведена в Нагорном Дагестане и Чечне. С 50–60-х годов XIX в. власти усиленно пропагандировали отношение к кровомщению как к «несправедливому обычаю», «архаичному адату», который требуется запретить; кровомщение предлагалось приравнять к убийству, совершенному при отягчающих обстоятельствах.

Не довольствуясь пропагандой среди верхушки горцев Дагестана и Чечено-Ингушетии, поступившей на российскую службу, военно-народная администрация изъяла дела о кровомщении из ведения сельских судов. В 1860–1865 гг. убийства рассматривались в созданных тогда народных судах Дагестанской и Терской областей по местному адату, позднее — только военными судами по российским законам (*Грабовский*: 1870, 18). На Северо-Восточном Кавказе вводились все новые и новые карательные меры против кровомщения. Чтобы искоренить кровную месть, виновных в умышленном убийстве и нанесении увечья в 1870–1910 гг. отправляли в арестантские роты и высылали в отдаленные губернии России на срок от 3 до 10 лет (*Бердяев*: 1936, 15; подробнее см.: *Бобровников*: 1999б, 37–38). Для горца оказаться вне своей общины и клана было страшнее любого штрафадията. Срок изгнания кровника в 1911 г. увеличили до 20 лет (Предписание председателя Дагестанского народного суда от 20 сентября 1911 г., № 2288 // ЦГА РД, ф. 21, д. 17, л. 18). Особенно сурово карали виновных в кровомщении по отношению к должностным лицам новой, военно-народной администрации.

Приведем одно из дел, типичных для первых лет русского гражданского правления на Северном Кавказе. В 1871 г. группа горцев из с. Сильди в Нагорном Дагестане была задержана *наибом* Хаджиявом из с. Карата, начальником Ункратлинского участка, в который входил их *джамаат*. Он конфисковал у них кожу, полученную контрабандой из Телави (в Грузии). В отместку сильдинцы напали на дом наиба в с. Нижнее Хваршини, сожгли здание, а самого наиба зарубили. Для наказания бунтовщиков в Сильди прибыл отряд горской милиции под командованием прапорщика Ахмед-хана из тухума старосты селения (*бегавул*), но сильдинцы разбили его.

Вспыхнуло восстание, распространившееся на соседние селения Хушет, Нижнее и Верхнее Хваршини и Метрада. Оно было подавлено при помощи регулярных русских войск только несколько месяцев

спустя. По приговору военного суда все участники бунта были высланы в Ставрополье. Селения их были разрушены, за исключением 14 домов в с. Сильди, принадлежавших клану сельского старосты, его ближайших родственников и поручика Ахмед-хана, оставшихся верными властям (ЦГА РД, ф. 126, оп. 3, д. 50, л. 1–5). Интересно отметить, что согласно нормам местного адата родственники убитых наибов и сельских старост в виде «цены крови» (*дията*) получили в аренду из казны общинные пастбища опустевших селений.

Некоторый успех борьба против кровной мести все-таки имела. Уже к началу 1865 г. при помощи российских властей в разных округах примирились до 60–90% давних кровников. В 1870–1910 гг. сократилось число случаев кровомщения в Аварском и Казикумухском округах. В с. Кадар удалось примирить два тухума, враждовавших около 200 лет (*Комаров*: 1868, 44). В Кубачи и некоторых других селениях в пореформенное время не было зарегистрировано ни одного случая кровной мести (см.: *Шиллинг*: 1996а, 67).

Благодаря усилению влияния ислама на горское общество обряд примирения (*бет гермек*)* в Дагестане и Чечне получил новую, более исламизированную окраску: добившись согласия тухума убитого на примирение, убийца (*канлы*) в сопровождении однотухумцев шел с повинной в дом своих врагов, надев на себя оружие — для совершения над ним акта мести и саван — для собственного погребения. Глава тухума убитого снимал с канлы шашку, саван и папаху. *Дибир* читал первую суру Корана (*Фатиха*) (на севере Дагестана чтение сопровождалось коллективной молитвой — *зикром*). Обряд завершался угощением, которое устраивали родственники убийцы. На юге Нагорного Дагестана для окончательного примирения кровники из разных тухумов нередко женили своих детей без уплаты калыма виновной стороне. Обряд часто совершался у святилищ (*зиярат*) местных шейхов (полевой материал В.О.Бобровникова, собранный в 1997 г. в Махачкале и Рутульском районе РД; см. также: *Рамазанов*: 1990, 45; *Мусаева*: 1995, 158–159).

Если примирения достичь не удавалось, староста-*бегавул* при посредничестве дибира и членов сельского суда часто добивался согласия родственников потерпевшего принять «цену крови» (*дият*, *алым*).

---

* Практика кровомщения в Дагестане XIX — начала XX в., и особенно ее этнографическая, обрядовая сторона, неплохо освещена в работах дагестанских и российских этнографов. На сегодняшний день кровная месть и медиаторство остаются одной из немногих детально изученных сторон местного дореволюционного адата. По этой причине подобные сюжеты специально рассматриваться не будут. Интересующихся этим вопросом я могу отослать к статьям и монографиям Б.В.Далгата, С.А.Лугуева, М.К.Мусаевой, Х.-М.О.Хашаева, Р.М.Магомедова. См., например: *Далгат*: 1968, 151–153, 160–163; *Лугуев*: 1980, 81; *Лугуев, Магомедов*: 1994, 143–148; *Мусаева*: 1995, 156–161; *Хашаев*: 1956, 60–63; *Магомедов*: 1960; см. также следующие описания: *Комаров*: 1868, 26–35; *Алибеков*: 1927, 6–20.

В разных округах Нагорного Дагестана покупательная способность российского рубля была различной, к тому же местные композиции за убийство сильно отличались друг от друга. Так, за неумышленное убийство в селениях Бацада и Согратль взимался дият в 100 отрезов ткани (*кирбас*), в Гидатле — 30 коров, в обществах дидойцев — 60 коров, в с. Тамуда — 12 мер (*кали*) зерна и 25 руб., у тиндинцев и чамалал — 180 руб., у цезов — 300 руб. или столько же овец, в селениях Кайтаго-Табасаранского округа — 50–400 руб., в селениях Казикумухского и Самурского округов — 150–300 руб. (мечетный архив с. Хуштада; РФ ИИАЭ, ф. 5, оп. 1, д. 8, 24, 26; ПОА РАН, ф. 103, оп. 1, д. 344, л. 13–24).

Несмотря на все старания властей, искоренить кровомщение в пореформенный период так и не удалось. По официальной статистике в Нагорном Дагестане и Чечено-Ингушетии около 80% всех тяжких уголовных преступлений совершалось на почве кровной мести. В начале XX в. ежегодно совершалось более 2500 актов насилия (500–600 убийств и более 2000 ранений). 40% из них приходилось на долю Андийского, Кайтаго-Табасаранского и Даргинского округов, где тухумы односельчан разделяла кровная вражда (*Комаров*: 1868, 47–48; ср.: *Самурский*: 1925, 47).

Кровомщение между кланами по-прежнему чаще всего возникало на почве ссор и драк между соседями, а также оскорбления женщин и прелюбодеяния. Например, в ноябре 1866 г. Даций Даций-оглы из с. Охли Темир-Хан-Шуринского округа убил свою жену Ашуру, ее родственника Чопан Казан-оглы и сына последнего по подозрению в умышленном убийстве своего сына Османа (ССКГ: 1868, I, 59–67). Другой характерный случай кровной мести произошел в сентябре 1868 г. в с. Ашага-Картас Кюринского округа. Магомед-Рагим Гасан-оглы убил кинжалом своего односельчанина Рамазана Кырхляр-бег-оглы. В ходе расследования, проведенного местным наибом, выяснилось, что убийство произошло на почве давней затаенной вражды. За 15 лет до того Рамазан сильно избил своего будущего убийцу, подозревая его в незаконной связи с женой своего брата Ага-Рза (ССКГ: 1870, III, 11).

В пореформенное время учащаются случаи кровомщения, поводом к которым служили драки в нетрезвом виде. Под влиянием контактов с русскими переселенцами и сезонного отходничества в Центральную Россию резко возросло потребление горцами водки и бузы*. Участились случаи ранений в пьяных драках между горцами, спускавшимися по делам в окружные центры и приходившими на пятничные базары. Если в 1862 г. их было отмечено 6, то в 1864 г. — 24, а в 1866 г. — уже 126 (*Комаров*: 1868, 38). В декабре 1868 г.

* *Буза* — распространенный доныне в Нагорном Дагестане алкогольный напиток, который может достигать крепости 20°. Обычно его варят из солода.

Акай Абдуррахман-оглы из с. Нижнее Казанище Темир-Хан-Шуринского округа в пьяном виде смертельно ранил выстрелом из пистолета своего родственника Амир-хана Хасай-оглы. Решением Дагестанского областного суда виновный был выслан на три года кровником-*канлы*. По адату с него был также взыскан штраф-*дият* в 100 руб. В мае следующего года брат покойного Шуайб Хасай-оглы встретил на дороге жителя с. Гонода Гунибского округа Сали Галев-оглы и, по ошибке приняв его за своего кровника, затеял с ним ссору. В последовавшей за этим стычке Шуайб убил Сали выстрелом из пистолета. Дело разбиралось в Управлении начальника Северного Дагестана по российским законам (ССКГ: 1870, III, 12; ср.: ЦГА РД, ф. р.-260, оп. 5, д. 30).

Кроме того, в пореформенное время отмечены тщательно скрывавшиеся от российских властей случаи кровной мести в ответ на воровство и грабеж (чаще всего в Андийском, Даргинском и Кайтаго-Табасаранском округах).

Так, в ноябре 1869 г. в с. Могох Аварского округа Мирза Халиф-оглы, подозревая своего односельчанина Магому Амир-Ханилав-оглы в краже вещей у своей невесты, пришел в мечеть, где тот молился, и, нанеся ему несколько ран кинжалом, пытался скрыться. Раненый и его родственники настигли Магому. Произошла драка, в которой Мирза Халиф-оглы был убит и еще семь человек ранено. Между семьями убитого и Магомы Амир-Ханилав-оглы возникло кровомщение. Дело о нем разбиралось военными властями Аварского округа (ССКГ: 1870, III, 14–15).

Типичным примером убийства в ответ на воровство с целью оскорбления можно считать инцидент 1899 г. в с. Гагатль, где мужчинами из тухума Хадисилавлал был убит Идилав, неоднократно обворовывавший и публично оскорблявший их род (*Умаханов*: 1993, 49–51). Отметим также случаи угона чеченцами с. Харачой стад своих кровников из пограничных селений Ботлих, Миарсо, Саситли (архив М.Пахрудинова, с. Тлондода; ЦГА РД, ф. р-37, оп. 21, д. 10, л. 23, 47; д. 14, л. 23). Такие дела, по рассказам стариков, старались не доводить до властей. Кровники нередко решали их по дореформенным нормам адата, требовавшим обязательной смерти обидчика или его ближайшего родственника.

В целом ряде сельских обществ вместе с кровником продолжали высылать и его ближайших родственников. Семьи убийц часто сами бежали из родных селений, боясь мести более сильных тухумов. Такие случаи в пореформенное время отмечены в селениях Гимры, Игали, Кахаб-росо и Ашильта. В с. Гдым в конце XIX в. тухум был основан семьей, изгнанной из с. Зрых за убийство односельчанина одним из ее членов. Таким образом, ряд норм адата, касающихся кровной мести, сохранял силу закона. Более того, имело место обратное влияние

обычного права на российскую администрацию. Как свидетельствуют мемуары русских офицеров и гражданских чиновников, долго служивших на Кавказе, многие из них настолько приспособились к нравам горцев, что начинали находить справедливой даже кровную месть, «смотря сквозь пальцы» на случаи кровомщения во вверенных им участках (*Полозов*. В дебрях Закавказья // BAR, *л.* 2; *он же*. Высочайшее помилование // BAR, *л.* 6, 7–8; см. также: *Лермонтов*: 1976, IV, 26).

4
«Искоренение» кровной мести при Советской власти

При Советской власти нормы кровомщения претерпели значительные изменения. Революция 1917 г. и Гражданская война (1918–1921) сопровождались ростом преступности. Повсюду на Северном Кавказе действовали банды. Они целыми кланами вырезали своих политических противников, будь то «белые» или «красные». УГРО Северо-Кавказского края отмечал участившиеся здесь случаи самосуда, начинавшиеся простым избиением, а заканчивавшиеся убийством с истязаниями заподозренных в конокрадстве, поджоге и прочих преступлениях (*Бабич*: 1999, 138, 150–151). Советская власть с самого начала своего существования активно боролась с кровной местью — «проклятым наследием царского режима».

В Дагестане, по данным прокуратуры за 1924 г., 80% всех тяжких уголовных правонарушений совершалось на почве кровной мести (*Даниялов*: 1988, 188; ср.: *Мисроков*: 1979, 33). В 1928 г. специальная комиссия Президиума Дагестанского ЦИК отмечала рост общего числа убийств, и особенно случаев кровной мести. В связи с этим НКЮ ДАССР было поручено разработать программу необходимых мероприятий по предупреждению преступлений такого рода. Под руководством народных судей в сельских районах с середины 20-х годов создавались общества «Долой кровную месть!» (ЦГА РД, ф. р-187, оп. 6, *д.* 45, *л.* 60). В 1928 г. в УК РСФСР была введена глава X — о «Преступлениях, составляющих пережитки родового быта», согласно которой было запрещено взимать *дият* за убийство (ст. 194–195) и совершать *ишкиль* (*баранту*, ст. 200, 202). Любопытно отметить, что для пресечения кровной мести, баранты и других типичных для Дагестана уголовных преступлений глава X использует и наказания, заимствованные из дореволюционного адата, такие, как изгнание убийцы и его ближайших родственников из общины его кровных врагов

(ст. 195), денежные компенсации (ст. 199, 200, 203, 204). К концу 20-х годов советские юристы вернулись к дореволюционной квалификации кровомщения как убийства, совершенного при отягчающих обстоятельствах. Нападение на почве кровной мести приравнивалось к тяжкому уголовному правонарушению (ст. 201, см.: Систематизированный текст общесоюзных уголовных законов: 1948, 495–498, 503).

Однако избавиться от этого зла не удавалось. В 20-е годы мягкие меры наказания в отношении убийц, происходивших из социальных низов, приводили к тому, что, досрочно освобожденный, убийца возвращался в свое родное селение, где его вскоре убивали родственники погибшего. Сами горцы с презрением относились к подобным приговорам советских судов, которые за глаза называли «принимая во внимание». «Один убивает другого, — говорили крестьяне, — и попадает под суд, а суд со всей строгостью присуждает убийцу к 6–8 годам заключения, и еще со строгой изоляцией, а потом, „принимая во внимание“ его происхождение (бедняк, батрак, рабочий и т.д.), его темноту, то обстоятельство, что он судим впервые и т.д., сокращает срок наполовину, а там подоспевают разные манифесты, годовщины и т.д., и не проходит двух лет, как убийца уже дома. Ясно, что кровники возвратившегося домой убийцы не могут мириться с этим, и вот происходит второе убийство, а там третье, четвертое...» (*Даниялов*: 1988, 188).

Вот один характерный случай. В 1923 г. крестьянин-середняк Пулен-оглы из с. Акуша Даргинского округа Дагестана убил своего односельчанина, тоже середняка, Кайнура Зайнутдин-оглы. Отсидев в тюрьме всего год, он вернулся домой и вскоре был убит ночью братом убитого Абдуллой Зайнутдин-оглы, с которым был еще один акушинец. Убийц арестовали, но вскоре выпустили за недостаточностью улик. Между тем кровомщение ширилось. В 1926 г. дядя Пулен-оглы, Магомед-оглы, застрелил следователя Магомеда Кайнурова из тухума своих кровников, считая, что тот смягчил наказание Абдулле Зайнутдин-оглы. Окружной суд рассмотрел новое убийство, но вновь оправдал обвиняемых за недостаточностью улик (ЦГА РД, ф. р-117, оп. 7, д. 74, л. 207–208).

Шариатское правосудие, узаконенное в республике в начале 20-х годов, также не могло справиться с кровомщением. Еще в 1921 г. это отметил инспектировавший работу шарсудов народный комиссар юстиции ДАССР А.Далгат. По его наблюдениям, шариатские суды часто выносили приговоры о выдаче убийц родственникам убитого для отмщения, однако осуществить эти приговоры мешало множество обстоятельств. Так, например, один из смертных приговоров шариатского суда должен был быть приведен в исполнение три года спустя (сын убитого, ребенок, не мог убить своего кровника). По статистиче-

ским материалам, собранным Далгатом, «ни один подобный приговор шариатских судов не был приведен в исполнение» (ЦГА РД, ф. р-37, оп. 19, д. 8, л. 6).

В 30–50-е годы борьба государства с кровной местью усилилась. На Северном Кавказе стали применять более суровые меры пресечения этого преступления. Еще в 20-е годы представители Прокуратуры Дагестанской АССР и Чеченской АО просили Центр разрешить применять смертную казнь за убийства, совершенные «на почве кровной мести» (*Мокринский*: 1927, 109; см. также: Архив Дагестанского обкома КПСС (ныне в составе ЦГА РД, ф. р-1, оп. 6, д. 270, л. 9–10). Тем самым они фактически выступили в поддержку древнего талионного принципа адата, запрещенного во время реформы обычного права в XIX в. Однако Москва отклонила эту поправку к УК. По настоятельной просьбе Прокуратуры Северо-Кавказского края в 1931 г. пленум Верховного суда РСФСР в Москве принял поправку к Уголовному кодексу Российской Федерации. С этого времени убийства на почве кровной мести стали рассматриваться как «государственные преступления» по ст. 58, п. 8, за совершение которых предусматривалась высшая мера наказания — расстрел (УК РСФСР: 1935, 109).

С конца 50-х годов кровная месть в регионе пошла на убыль. Немало кровников в годы сталинских репрессий погибли в ссылке или лагерях, куда они попадали по доносам и ложным обвинениям представителей враждующих с ними фамилий. По новому Уголовному кодексу РСФСР убийства, совершенные на почве кровной мести, рассматривались как умышленное убийство, совершенное при отягчающих обстоятельствах (ст. 102, п. «к»), и карались тюремным заключением от 8 до 15 лет или смертной казнью.

К 70–80-м годам число официально зарегистрированных случаев кровомщения по всему Северному Кавказу значительно сократилось. Согласно статистике МВД Дагестанской АССР, преступления, квалифицированные как «пережитки местных обычаев (включая кровную месть)», составляли лишь 0,7% общего числа преступлений в республике (*Юнусов*: РФ ИИАЭ, ф. 3, оп. 2, д. 441, л. 35, 58). Следует заметить, что цифра эта, вероятно, сильно занижена. Дело в том, что к этому времени существовала установка на изживание «пережитков прошлого» на советском Кавказе, в связи с чем происходила подтасовка официальной статистики. Многие дела по кровомщению проходили в ней как простые убийства и ранения. Такая фальсификация данных отмечена и в других республиках региона, в частности в Грузии (*Барамия*: 1965, 16).

В послевоенные десятилетия центром этого вида преступлений стали большие города, выросшие на равнине. Вместе с семьями переселенцев в города перекочевала и кровная месть. Она заняла свою

нишу в структуре городской преступности. По данным МВД, в конце 70-х — начале 80-х годов месть была основным мотивом 47% зарегистрированных в больших городах телесных повреждений и 70% убийств (*Юнусов*: РФ ИИАЭ, ф. 3, оп. 2, д. 441, л. 58). Наряду с мужчинами своим кровникам стали мстить и женщины. Из жертв кровной мести они все чаще становились ее активными проводниками. Судя по моим полевым материалам, с 60-х годов в больших городах на равнине некоторые семьи кровников для наказания своих обидчиков начали нанимать профессиональных убийц. Такие случаи отмечены также в Аджарии, Абхазии и Казахстане (данные, приведенные в канд. дис. А.С.Джандиери и С.Х.Жадбаева; цит. по: *Бабич*: 1999, 200; см. также: *Искандер*: 1991, 229–250).

Мотивы и способы кровомщения особо не изменились. Поводом к кровной мести в советское и постсоветское время были и остаются, с одной стороны, умышленное или неумышленное ранение и убийство, с другой — оскорбление женщины и прелюбодеяние.

Так, в 1962 г. в с. Кванада Цумадинского района Дагестана сельский учитель Камиль родом из с. Тинди в состоянии опьянения застрелил кванадинца Расула, с которым враждовал уже много лет. Убийца был тотчас же арестован и осужден на 10 лет лагерей. Но, после того как он вышел на свободу и вернулся домой, брат убитого, Али-Хаджи, в отместку убил Камиля (полевой материал В.О.Бобровникова, собранный в 1996 г. в Цумадинском районе РД).

На горном хуторе Уна в Рутульском районе Южного Дагестана в 1985 г. произошел следующий случай. У жившего здесь колхозника Гаджи была сварливая и скупая мать. Пытаясь отучить сына от расточительного гостеприимства, она спрятала его бурку, сказав сыну, что бурку, издеваясь над ним, унес его гость из соседнего селения Шиназ, который временно жил в Уна с женой и сыновьями. Гаджи оставил навет без внимания. Тогда через несколько дней мать сказала сыну, что тот же гость пытался ее изнасиловать. Гаджи бросился к дому шиназца, но не застал его там и зарезал кинжалом его 12-летнего сына. Обнаружив затем в поле своего «обидчика» со вторым сыном, он опасно ранил обоих кинжалом и скрылся в горах. Вскоре дело дошло до сведения властей, которые распорядились послать в Уна несколько десятков вооруженных шиназцев для поимки убийцы. Машина с шиназцами случайно задавила Гаджи, преградившего ей дорогу. Шофера этой машины родственники Гаджи несколько лет таскали по судам. Шиназцы же покинули хутор Уна, который вскоре совсем обезлюдел (полевой материал В.О.Бобровникова, собранный в 1997 г. в Рутульском районе РД).

В сельской местности поводом к кровомщению оставались поземельные споры. В советское время они не раз возникали сначала между сельскими обществами, а затем между колхозами и совхозами.

Согласно докладной записке Наркомзема ДАССР в Дагестанский ЦИК от 13 октября 1924 г., поземельные споры между сельскими обществами доходили до вооруженных столкновений больших групп мужчин и женщин, в результате чего случались и убийства, и ранения (ЦГА РД, ф. р-37, оп. 21, д. 19, л. 2).

Так, в ходе поземельного конфликта дагестанского селения Анди и чеченского селения Цонторой в годы Гражданской войны андийцы убили на спорном участке цонтороевца Ота Или Хаджиева. В отместку в 1925 г. цонтороевцы убили андийца Хангерея Абукулайтли, который не раз до этого угонял их стада с того же участка. Для разбора дела в 1926 г. была назначена дагестано-чеченская комиссия (ЦГА РД, ф. р-127, оп. 166, л. 1–9; ср.: д. 163–165, 167–168).

В 1937 г. в Цумадинском районе Нагорного Дагестана двое колхозных сторожей с. Хуштада захватили потравивший пастбища их колхоза скот соседнего колхоза с. Тинди. Чабаны-тиндинцы пытались отбить стадо. Они легко ранили обоих сторожей, но и сами получили ранения. Тогда по тревоге около 400 мужчин и женщин из Тинди и 80–100 хуштадинцев сошлись для боя. Представители районных властей успели явиться на место инцидента и приостановить побоище. 24 человека с обеих сторон было задержано, а зачинщики столкновения присуждены к разным срокам лагерей (ЦГА РД, ф. п-1, оп. 1, д. 3785, л. 41–42). Однако периодические стычки тиндинцев и хуштадинцев продолжались в течение еще почти 20 лет (частные архивы М.Пахрудинова, с. Тлондода, и Б.Кебедова (Б.Мухаммада), г. Кизилюрт*).

Во время судебного разбирательства обоих столкновений местные власти выгораживали своих односельчан. Подобные случаи отмечены в Чечено-Ингушетии, Северной Осетии и Кабардино-Балкарии (см., например: *Бабич*: 1999, 175–176).

Как и в дореволюционную эпоху, при Советской власти в случае столкновения кланов-тухумов или целых общин сторону, признанную виновной, порой выселяли в отдаленные места республик и областей. Так поступили в 1926 г., когда из горного селения Ругуджа в Аварском округе Дагестана была выселена на равнину большая часть тухума Омара Хондочилава, зачинщика длившихся более пяти лет межтухумных столкновений. Земли были выделены в отдалении от кровников в переселенческом ауле Пильтиевский (ЦГА РД, ф. р-37, оп. 20, д. 73, л. 115об.). Виновные в убийствах, поджогах и нанесении увечий были сосланы без семей за пределы ДАССР.

---

* Использованные в книге документы из библиотеки Б.М.Кебедова, вероятнее всего, навсегда утрачены в 1998–1999 гг. В декабре 1997 г. владелец библиотеки, являвшийся идейным главой дагестанских ваххабитов, бежал из Кизилюрта в с. Урус-Мартан в Чеченской Республике, а через несколько лет покинул территорию Российской Федерации. Принадлежавшее ему собрание было уничтожено органами МВД.

После кровопролитных столкновений из-за спорных пастбищ горных селений Эчеда и Саситли, произошедших в 1928 г., специальная комиссия Президиума Дагестанского ЦИК решила переселить на равнину в двухнедельный срок всю общину с. Эчеда, виновника постоянного возобновления конфликта. Против эчединской администрации было возбуждено уголовное дело (ЦГА РД, ф. р-37, оп. 20, д. 100, л. 99; оп. 21, д. 19, л. 1). В архивах сохранились описания сотен подобных дел.

Для примирения кровников районные советы неоднократно создавали примирительные комиссии. В них кроме представителей враждующих сторон и местного колхозного начальства с 50–60-х годов стало принято включать стариков. В 1957–1962 гг., при возвращении на Северный Кавказ депортированных в 1944 г. чеченцев, кровников вызывали в примирительные комиссии и брали с них подписку о прекращении вражды. Существование разных видов примирительных комиссий отмечено в советское время в коллективных хозяйствах селений Акуша, Кванада, Нижнее Казанище, Хаджал-махи, Хунзах, Цада, Шиназ и многих других (ЦГА РД, ф. р-37, оп. 24, д. 31, л. 12). Власти порой закрывали глаза на посредничество дибиров и других религиозных лидеров селений в примирении-*маслахат* (ЦГА РД, ф. р-37, оп. 21, д. 14, л. 31).

К 1960–1970-м годам сам обряд примирения сильно изменился. Он перестал включать в себя распространенный на дореволюционном Кавказе красочный обряд принятия убийцы в клан его кровных врагов путем установления искусственного молочного родства между убийцей-*канлы* и родителями убитого (*бет гермек*). Этот и другие обряды, вплоть до 1940-х годов сопутствовавшие примирению кровников, в послевоенные десятилетия уже не отмечены исследователями. Теперь обязательно только угощение всего селения, оно и знаменует окончание кровной вражды (полевой материал В.О.Бобровникова, собранный в 1995–1997 гг. в Махачкале, Дербенте и разных горных районах РД). В отмирании дореформенной адатной обрядности следует видеть результат распада горских тухумов и влияния на горскую деревню современной городской цивилизации.

Не менее сильные изменения претерпела к 1970–1990-м годам и сама кровная месть. Хорошо известные вплоть до 1940–1950-х годов случаи продолжения кровомщения в двух-трех (и даже до семи) поколениях кровников отошли в прошлое. Теперь конфликты этого типа развиваются гораздо быстрее. Кровная месть уже не распространяется на клан кровника. Обычно дело ограничивается ответным убийством или ранением убийцы или его ближайших родственников. Ослабление как адатных, так и советских правоохранительных механизмов в постсоветское время привело к вырождению кровомщения в самосуд, учиняемый над убийцей родственниками или односельчанами потерпевшего.

5
Постсоветская метаморфоза кровной мести

Распад СССР и обострение криминогенной обстановки в регионе способствовали появлению все новых случаев кровной мести. К концу 90-х годов количество убийств и ранений в Дагестане превысило даже дореволюционный уровень. Сегодня 10–15% всех зарегистрированных в республике преступлений совершаются на почве кровной мести. Большинство случаев кровной мести отмечено в Центральном и Северо-Западном Дагестане (Годовой отчет МВД РД на 1 января 1998 г. // Текущий архив МВД РД. Махачкала), как, впрочем, и было в дореволюционный период и первые десятилетия Советской власти. Вследствие массового переселения горцев из этих районов на равнину область распространения кровомщения в настоящее время охватывает и часть равнинных районов республики и сопредельных районов Чечни и Ставрополья.

Приведем несколько характерных примеров. В 1996 г. житель дагестанского селения Гергебиль в нетрезвом виде выстрелом из пистолета ранил в голову своего односельчанина. Убийца скрылся в горах, а пострадавший скончался по пути в больницу. Через несколько дней родственники убитого в отместку подожгли дом, в котором подозреваемый в убийстве жил со своим отцом. Большой двухэтажный дом сгорел. Благодаря вмешательству местного отряда ОВД других столкновений между родней кровников не произошло (Новое дело. Махачкала, 22.11.1996). В апреле 1997 г. в с. Советское Магарамкентского района Южного Дагестана обстреляли машину жителя совхоза им. Герейханова, ранее судимого за убийство односельчанина. Потерпевший скончался на месте, а его дочь (1992 г. рождения) была серьезно ранена. В совершении преступления подозревали родственников убитого им человека (Новое дело. 18.04.1997; см. также: Новое дело. 03.12.1993; 14.03.1997).

Широкую известность по всему Северному Кавказу получил случай кровомщения в г. Буйнакске, произошедший в марте 1997 г. Ранее судимый Г., выйдя на свободу, изнасиловал и убил девочку Ш.Омарову. Когда тело убитой было найдено, толпа буйнакцев, предводительствуемая ее родными, устроила самосуд. 4 марта предполагаемый убийца и его сообщница были растерзаны на центральной площади города, а тела их сожжены. Местная милиция побоялась разогнать толпу. Правительство, общественные и религиозные лидеры республики обнародовали свои протесты против самосуда, но помешать ему не смогли (Новое дело. 14.03, 21.03, 06.06.1997; полевой материал В.О.Бобровникова, собранный в 1997 г. в Махачкале и Буйнакске).

В постсоветское время кровная месть часто приобретает религиозную окраску. Так, в только что упомянутом случае самосуда в Буйнакске ожесточение толпы было немало усилено тем обстоятельством, что оба подозреваемых в убийстве девочки принадлежали к небольшой протестантской общине адвентистов седьмого дня, недавно появившейся в городе. Чаще всего случаи кровной мести оказываются связаны с новым расколом внутри мусульман. Дело в том, что в конце 1970-х годов в городах и переселенческих аулах горцев на равнине появились исламские молодежные группировки фундаменталистского толка, в 90-е годы получившие название «ваххабитов». После распада в 1991 г. СССР это движение стало быстро распространяться по всему Дагестану. Несколько десятков селений на равнине и в горах распались на враждующие общины «ваххабитов» и «традиционалистов». «Ваххабитам» противостоят большинство дагестанских мусульман, имамы и главы администраций подавляющего большинства селений региона.

Обе стороны настроены агрессивно, но особенно вызывающе ведут себя реформаторы. Они срывают шесты с флажками с могил шейхов, открыто поносят своих односельчан из другой группировки во время пятничной проповеди (*хутба*) в своих молельных домах и мечетях, гнушаются разговаривать и есть с ними. Из-за этого между враждующими сторонами часто случаются столкновения. Самые серьезные из них произошли в 1994–1999 гг. (*Макаров*: 2000, 35). В марте 1996 г. «традиционалисты» из с. Кванада избили своих врагов-«ваххабитов» и разобрали их единственную мечеть. Только благодаря вмешательству ботлихского ОМОНа кровопролитие было остановлено. Но все же ситуация в селении, как и вокруг других «ваххабитских» общин региона, остается напряженной (полевой материал В.О.Бобровникова, собранный в 1995–1997 гг. в Цумадинском и Рутульском районах РД; подробнее см.: *Бобровников*: 1998б, 106–107).

Справедливости ради нужно отметить, что к насилию все чаще прибегают и «ваххабиты». В июле 1996 г. «ваххабит» убил А.Атаева, главу администрации с. Кадар Буйнакского района Дагестана. В мае 1997 г. в селениях Чабан-махи, Кара-махи и Кадар Буйнакского района «ваххабиты» вновь напали на своих односельчан-«традиционалистов». В селении Кара-махи с обеих сторон было убито двое и ранено несколько человек. Несколько семей оказались вовлечены в кровную вражду, вскоре приведшую к новым жертвам. Вслед за этим было совершено покушение на «ваххабита» из Кара-махи, которого с ранением доставили в больницу г. Буйнакска (Новое дело. 16.05, 30.05.1997).

В мае 1998 г. «ваххабитская» община Кара-махи захватила местное отделение милиции и изгнала из селения представителей республиканских властей. В конце августа 1999 г. в конфликт были втянуты

федеральные силы. По просьбе правительства Дагестана, ставшего на сторону противников «ваххабитов», войска окружили, а затем захватили мятежное селение, разрушив его при штурме. Большинство карамахинцев вынуждены были бежать в ближайший райцентр Левашинского района с. Леваши (подробнее см.: *Бобровников, Ярлыкапов*: 1999, 21–23).

ГЛАВА 4

Периодическое возвращение абречества

В периоды ослабления российской власти на Северном Кавказе регион захлестывает волна насилия. Наиболее общественно опасной его формой стало абречество, сложившееся как новое социальное явление в эпоху Кавказской войны XIX в. На это обстоятельство обратил внимание еще дореволюционный кавказский администратор П.В.Козачковский, посвятивший абречеству отдельную книгу. «Разбои на Кавказе ведут начало со времен покорения края», — писал он (*Козачковский*: 1913, 2). На мой взгляд, в истории абречества можно выделить несколько основных периодов: эпоху Кавказской войны и антироссийских восстаний, завершившуюся к 1870-м годам; время между двумя русскими революциями начала XX в. (1905–1913); годы Гражданской войны и первые десятилетия Советской власти (1918–1944); наконец, полную общественных потрясений постсоветскую эпоху. От периода к периоду формы и значение насилия на Кавказе существенно менялись.

1
Кавказская война и восстание 1877 г.

Во время Кавказской войны и восстаний 1860–1877 г. абречество как форма насилия сохраняло еще немало дореформенных местных черт. Районы действия абреков совпадали с ареалом распространения набегов. Это Алазанская долина в Грузии, земли казаков в Терской, Кубанской (современные Чечня, Кабарда и Карачай) и Дагестанской областях. Время набегов по-прежнему приходилось в основном на весенние и летние месяцы. Подобно прежним дружинам горской

молодежи, абреки образовывали отряды (от нескольких десятков до нескольких сотен человек), которые грабили и сжигали селения и при возможности захватывали их жителей в плен (*Рамазанов*: 1997, 58, 62). Объектом нападения абреков нередко становились селения, где проживали их кровные враги. Не случайно знаменитый чеченский абрек Бей-Булат Таймиев был убит в 1832 г. своим кровником (*Бушуев*: 1939, 62). Другой известный абрек, Вара из чеченского с. Гехи пал жертвой предательства чеберлоевского наиба Мурада Гуданата, имевшего с Варой кровные счеты. Гуданат заманил Вару в с. Новые Атаги и дал знать о его приезде русскому отряду из укрепления Воздвиженское. Драгуны окружили дом, где укрылся абрек, и Вара был убит в последовавшем между ними бою (*Гатуев*: 1926, 15). В то же время абречество означало разрыв с дореформенным горским обществом. Жившие профессиональным разбоем, абреки уже не возвращались к мирной крестьянской жизни и хорошо сознавали свое изгойство.

Характерной чертой этого периода в истории абречества была его связь с освободительным движением горцев. Как уже говорилось, немало абреков сражалось в войсках Шамиля и четвертого имама Мухаммеда Согратлинского. Знаменитые абреки Назир-абрек и Атабай Карачаевский погибли в сражениях с русскими войсками. По воспоминаниям военного министра генерал-фельдмаршала Д.А.Милютина, «в числе защитников Гуниба (последнего убежища Шамиля, взятого русскими в 1859 г. — *В.Б.*) были и отчаянные абреки (качаги)» (*Милютин*: 2000, 125). После разгрома имамата отряды абреков участвовали в серии локальных антироссийских выступлений и в массовом дагестано-чеченском восстании 1877 г. Кроме набегов и грабежей на большой дороге абреки занимались нападениями на крепости и убивали русских офицеров. Так, в 1872 г. ими был убит начальник Хасавюртовского округа, объезжавший свою территорию (РГВИА, ф. 400, д. 31, л. 3).

Для борьбы с абречеством российские власти несколько раз безуспешно пытались разоружить горцев. Планы разоружения мусульман Северного Кавказа как превентивной меры против развития абречества зародились у российской администрации края еще в конце XVIII — начале XIX в. (*Кажаров*: 1994, 356–359). В частности, о них рассказывали А.С.Пушкину его друзья, служившие на Кавказе. Суммируя эти проекты, поэт писал: «Почти нет никакого способа их усмирить, пока их не обезоружат, как обезоружили крымских татар, что невероятно трудно исполнить по причине господствующих между ними наследственных распрей и мщения крови. Кинжал и шашки суть члены их тела, и младенец начинает владеть ими прежде, чем лепетать» (*Пушкин*: 1964, 648).

С созданием паспортной билетной системы билеты горцам выдавались «с оружием» (т.е. с правом ношения оружия) или «без оружия».

В Джаро-Белоканском «вольном обществе» после подавления восстания 1830 г. было решено «лезгинам (здесь: горцам. — *В.Б.*), не участвовавшим в возмущении, воспретить носить оружие, кроме одного кинжала, и, чтобы затем отличить мятежников от других... объявить, что позволяется носить оружие не иначе как только по печатным [билетам] на русском диалекте, без коих встречающихся с оружием брать под стражу и отправлять в Сибирь» (РГВИА, ф. ВУА, д. 6239, *л.* 31). По проекту генерал-майора А.П.Пулло, в 1834–1840 гг. «от всех покорных аулов должно непременно брать по одному ружью с десятой сакли... в продолжение двух лет по примеру 1839 года взято будет от горцев до 2500 ружей» (РГВИА, ф. ВУА, д. 6238, *л.* 24). Большое количество огнестрельного оружия было изъято после подавления восстания 1877 г. Однако разоружить горцев до революции так и не удалось. Значительное количество оружия им удалось укрыть от властей.

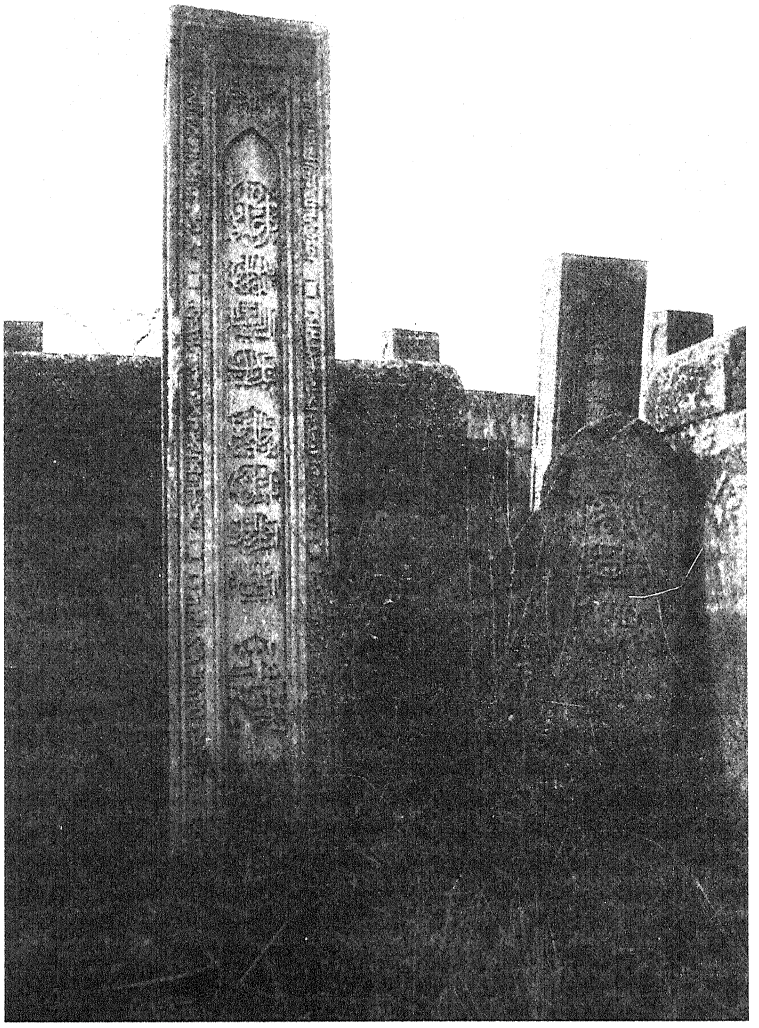
2
Революция 1905–1907 гг.

Новая вспышка активности абреков приходится на время революции 1905–1907 гг. Толчком послужило поражение России в русско-японской войне. Общую ситуацию того времени неплохо обрисовал жандармский офицер генерал-майор Полозов: «Революция 1905–1907 годов на Кавказе протекала не повсюду одинаково. Здесь она имела иной характер, нежели в других частях Империи... Чечня, Ингушетия, Кабарда, Дагестан и остальные мусульманские области оказались чужды политическим требованиям русских революционных партий. Они на деле доказали свою преданность Белому Царю и верность России, охотно вступая в ряды формировавшейся тогда в центральных губерниях конной стражи из добровольцев. Правда, в Терской области, где оперировал неуловимый Зелимхан, число абреков несколько увеличилось. Политика не политика, а отчего же не поразбойничать и не свести счеты с кровниками, благо полиция и войска заняты, одни — рабочими беспорядками на нефтяных полях, а другие ослаблены выделением частей в Манжурию, на войну с Японией. В общем же на Северном Кавказе было сравнительно тихо, зато на юге, в Закавказье, т.е. в Грузии и Азербайджане, картина была совсем другая. Экспроприации, похищения с выдачей пленников за выкуп и террористические акты продолжались и тогда, когда повсюду жизнь уже вошла в обычную колею» (*Полозов.* 1905 и 1906 годы в Закавказье // BAR, *л.* 1).

На 1910-е годы падает деятельность самых прославленных кавказских абреков. К этому времени абречество приобретает новые черты. Действия разбойничьих отрядов смещаются к городам и крупным переселенческим аулам на равнине и в предгорьях. Укрывались же абреки по-прежнему в горах. Например, когда упомянутый выше Зелимхан Гушмазукаев (1872–1913) ограбил 27 марта 1910 г. Кизлярское казначейство, то укрылся с деньгами в горной Чечне. Это была месть бывшему атаману Кизлярского отдела Вербицкому за выступления против Зелимхана в газетах. В налете на банк принимало участие 60 человек. Окружив вокзал в два часа ночи, Зелимхан убил проходившего по станции машиниста, ранил двух стражников и, вскрыв находившиеся на вокзале две кассы, похитил 18 тыс. руб. Уйдя от погони, абреки скрылись в горах (*Бердяев*: 1930; *Гатуев*: 1926, 99–105). В 1905–1913 гг. известный абрек Буба из лезгинского селения Икра в Южном Дагестане с отрядом в 20 человек «на всем протяжении берега Каспийского моря от Баку до Петровска (совр. Махачкала. — *В.Б.*) каждый рыбный промысел, крупных садовладельцев и богатых купцов г. Дербента обложил взносом соразмерно своих операций». Благодаря поддержке местных жителей он мог за считанные дни довести свой отряд до 200 человек (*Козачковский*: 1913, 79; ЦГА РД, ф. 2, оп. 4, д. 5, л. 2–4, 5). Из городов Буба получал оружие и амуницию (ЦГА РД, там же).

В это время абреки еще не поддерживали городских революционеров, но начали вмешиваться в экономические и религиозные дела горского общества. Сельским и окружным властям приходилось выполнять их требования об уменьшении налогового обложения горцев. Упомянутый нами Буба как-то запретил горянкам-сунниткам идти осенью на сезонные промыслы к шиитам Дербента (там же, л. 5). В отместку за расстрел солдатами Ширванского полка 17 чеченцев на базаре в Грозном 17 октября 1905 г. Зелимхан Гушмазукаев остановил возле станции Кади-юрт пассажирский поезд, ограбил его и расстрелял 17 русских пассажиров (*Гатуев*: 1926, 63–64).

О росте влияния абреков на народное сознание свидетельствует стихийная канонизация в это время ряда погибших абреков, объявленных святыми (*шейхами*), например азербайджанца Ших-Заде. Их могилы стали объектами поклонения в Азербайджане, Дагестане, Чечне и Кабарде (Большая Советская Энциклопедия: 1926, 83) и остаются таковыми до сих пор в Дагестане и Северном Азербайджане (полевой материал В.О.Бобровникова, собранный в 1997 г. в районах Южного Дагестана), причем культ шейхов-абреков приближается к исламскому культу мучеников-*шахидов*. Отождествление абреков начала XX в. с воителями (*гази*) и мучениками за веру (*шахид*) отметил и горский фольклор. Недаром в аварской песне о мести Зелимхана Гушмазукаева за его семью, высланную русскими властями, поется:

Надгробие шахида

... Говорят, в чеченских лесах [появился] лев,
Объявивший газават за перебитых детенышей,
Заставляющий бледнеть христиан...

(*Ахлаков*: 1968, 171; пер. с авар. мой. — *В.Б.*)

Вместе с рождением пореформенного абречества на Северном Кавказе складывается и особый жанр героических песен об абреках. Первые из них отмечены уже в середине XIX в. Расцвет жанра приходится на первую треть XX столетия. Песни, посвященные знаменитым дореволюционным абрекам, появляются как у горцев Дагестана и Чечни, так и у жителей равнины. В качестве примера можно привести кумыкские историко-героические песни (кум. *йыры*) о Зелимхане Гушмазукаеве из Харачоя, его современниках — кумыкских абреках Хамзатхане из Буглена и Качак-Османе (Гьамзатханны йыры: 1939, *л.* 63–65; Залимханны йыры: 1939, *л.* 57–61; Чечеклер: 1939, 279–280). Любимым героем этих песен стал, конечно, Зелимхан. Генетически песни об абреках тесно связаны с более древними песнями о набегах. Их эпическая стилистика, гиперболы, сами эпитеты и, наконец, представление о неуязвимости героя сходны (*Ахлаков*: 1968, 176–178; Песни горцев: 1990, 160–162). Новизна абрекского фольклора проявляется в их большей историчности, воспевании отдельных «деяний» абреков.

Тип дореволюционного абрека весьма колоритно воплотился в разбойнике по прозвищу Дали Али (азерб., Храбрец Али), шайка которого много лет действовала в горах Северного Азербайджана, Южной Грузии и Дагестана. Яркий портрет *качака* оставил в своих воспоминаниях лично знавший его генерал-майор Б.Н.Полозов. По его словам, это был бесстрашный, жестокий, но справедливый, даже в мелочах, атаман-*харамбаш*, пользовавшийся непререкаемым авторитетом среди своих людей и у окрестных горцев. Дали Али отличался большой набожностью. Как правоверный шиит, «он побывал на богомолье в Кербеле, почему имел звание Кербалая и красил бороду хной в красный цвет». Достигнув 60-летнего возраста, он решил бросить набеги и «уйти на покой». «Али был не только бесстрашный головорез, но и большой, хотя своеобразный политик». Когда в 1906 г. на виноградники князя Голицына напал большой отряд восставших рабочих, входивших в большевистскую Армию революции, Дали Али с 16 абреками наголову разбил восставших и спас жизнь управляющему имением. При поддержке последнего ему удалось добиться у императора Николая II помилования для себя и своей шайки. Дали Али дожил почти до 80 лет и пал жертвой случая. В 1913 г. его заколол кинжалом его собственный слуга, влюбившийся в 16-летнюю жену старика (*Полозов*. Высочайшее помилование // BAR, *л.* 1–9).

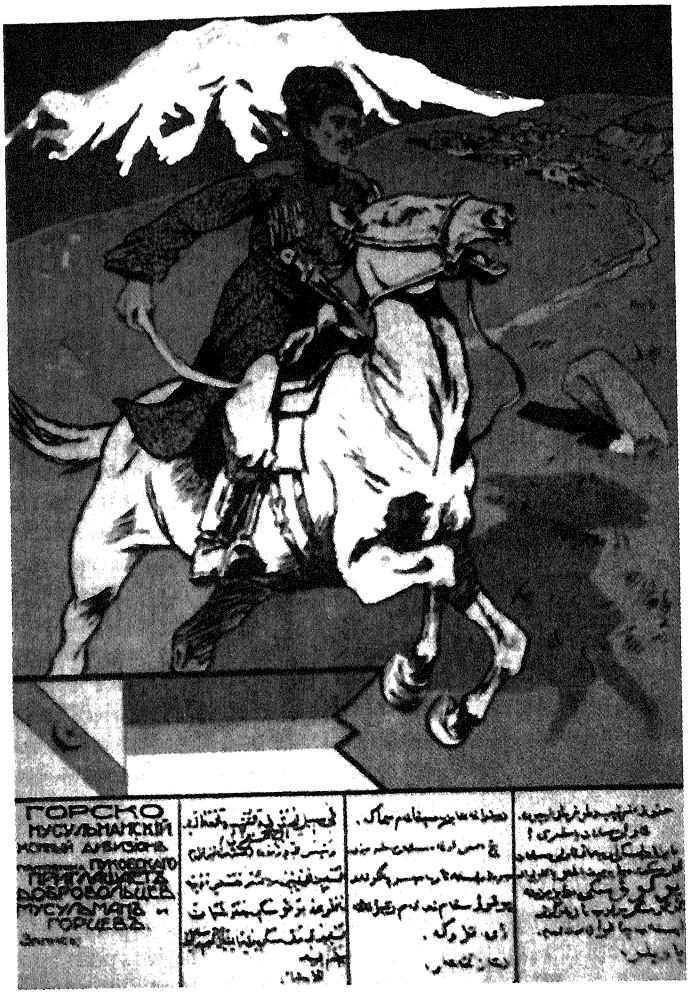
Основным методом борьбы российских войск с абречеством в это время оставались (как и в эпоху Кавказской войны) военные рейды и

карательные экспедиции. Причем средство это всегда было весьма дорогостоящим, но не всегда эффективным. В 1908–1913 гг. власти Дагестанской и Терской областей вынуждены были держать в районах действия абреков (в частности, в Кайтаго-Табасаранском и Темир-Хан-Шуринском округах) значительные отряды регулярных войск и местной милиции (*Рамазанов*: 1997, 63). В боях с горской милицией погибли Ших-Заде и Зелимхан Гушмазукаев; Буба Икринский и Саламбек Гараводжев из ингушского селения Сагопш сдались властям и по приговору военно-полевого суда были повешены (1913 г.) (*Козачковский*: 1913; *Гатуев*: 1926, 124; *Бердяев*: 1936, 5–16). К началу Первой мировой войны Кавказ вновь был замирен, но ненадолго.

3
Гражданская и Великая Отечественная война

В годы Гражданской войны Дагестан, Чечня, Кабарда и Ставрополье стали ареной действия банд солдат-дезертиров и партизанских отрядов горцев. Некоторые небольшие города, как Хасавюрт, были ими разорены и к 1921 г. перестали существовать (*Османов*: 1965, 316). В промежуток между двумя русскими революциями абречество успело политизироваться и идеологизироваться. Заключив союз с красными как с врагами царской России, абреки сблизились и с мусульманскими лидерами горцев. Большинство банд, называвших себя «красными партизанами», сражались в 1918–1920 гг. на стороне накшбандийского шейха Али-Хаджи из даргинского селения Акуша и большевиков, другие поддержали врагов Советской власти — аварских шейхов Узун Хаджи из селения Салта и Наджмутдина из с. Гоцоб (Гоцинского).

Некоторые партизанские отряды Нагорного Дагестана и Чечни влились даже в Добровольческую армию генерала А.И.Деникина. Эта еще малоизвестная для отечественных ученых страница истории абречества хорошо документирована материалами эмигрантских архивов. В частности, в Бахметьевском архиве в Нью-Йорке мне удалось найти сведения о создании весной 1919 г. в г. Святой Крест (ныне Буденновск) под Пятигорском Чеченской конной дивизии Белой добровольческой армии. В 1919–1920 гг. дивизия совершила поход на Астрахань, затем участвовала в боях за Украину и Крым. Любопытно отметить, что среди вступивших в нее мусульман-добровольцев многие мстили красным за своих родственников, убитых при установлении Советской власти в Чечне (*Де Витт*: 1938–1957//BAR, ч. 1, л. 2–9, ч. 2, л. 27–28).

Плакат времен Гражданской войны
о наборе горцев-добровольцев
в Мусульманский конный дивизион
полковника Ш.-Х.Берладника-Пуковского

Но большинство абреков в годы Гражданской войны вели непримиримую борьбу с белым движением. Последнее само настроило их против себя, возродив карательные методы «умиротворения» горцев времен Кавказской войны. О ненависти горцев-мусульман к белым сохранилось множество свидетельств очевидцев, в частности будущего писателя М.А.Булгакова, мобилизованного в Добровольческую армию врачом. Описывая экспедицию белоказаков на Чечен-аул в октябре 1919 г., он замечал: «...голову даю на отсечение, что все это кончится скверно. И поделом — не жги аулов» (*Булгаков*: 1990, 101). Успех большевиков на Северном Кавказе в 1920 г. объясняется, в частности, поддержкой, оказанной им бывшими главарями абреков — даргинскими «красными партизанами» Кара-Караевым, Гиреем Куппинским, Качак-Омаром (*Караев*: 1968, 23, 36). Перейдя на службу к Советской власти, абреки надолго сохранили разбойничьи привычки. В частности, упомянутый выше К.Р.Караев, конвоируя в годы Отечественной войны колонну немецких пленных, не довел их до места назначения, но всех расстрелял дорогой (полевой материал В.О.Бобровникова, собранный в 1997 г. в Махачкале).

В начале 1920-х годов сельские банды по-настоящему терроризировали советских и партийных работников по всему Дагестану. Они на деле пытались осуществить знаменитый призыв Узун Хаджи «повесить» на одной большой веревке «всех, кто пишет слева направо (т.е. немусульман, пишущих не на арабском, а на русском языке. — *В.Б.*), — комиссаров, инженеров, учителей» (ЦГА РД, ф. р-268, оп. 1, д. 5; Красный землероб. 01.04.1925).

Террор против представителей Советской власти развернулся в основном в Центральном, Северном и Северо-Западном Дагестане. Например, в Кизляре было убито 75 советских и партийных работников. В Даргинском округе в 1922 г. бандиты убили председателей Мекегинского и Сюрингинского учисполкомов Алхасова и Раджабова. В Лакском округе в 1922–1923 гг. ими были расстреляны секретарь Кулинской партийной ячейки С.Сулейманов, председатель Антикулинского учисполкома Э.Омаров и начальник милиции Магарского участка Н.Г.Алиев (Красный землероб. Махачкала, 01.04.1925).

Действия банд наносили деревне большой материальный ущерб. Например, в Кизлярском округе при каждом налете на селение бандиты угоняли по 6–8 лошадей. В Анчикулакском округе лишь в течение трех месяцев было угнано около 5 тыс. лошадей. В некоторых районах Северо-Западного Дагестана крестьяне вынуждены были проводить полевые работы и пасти скот с оружием в руках. Ущерб, нанесенный бандами за 1923–1925 гг. только пяти предгорным округам и трем районам республики, исчислялся суммой более чем 425 тыс. руб. (ЦГА РД, ф. р-268, оп. 1, д. 128).

Наджмутдин Гоцинский (×), Узун-хаджи Салтинский (××)
и генерал-майор М.Халилов (×××)
во главе партизанских отрядов горцев

Время от времени угоны скота случались даже в 30-е и начале 40-х годов. Еще в 1937 г. первый секретарь Дагестанского обкома ВКП(б) Н.Самурский в письме И.В.Сталину жаловался на периодические «набеги» на Северный Дагестан бандитов из горной Чечни. По его данным, летом 1937 г. «группа бандитов в 28 человек, спустившись из Чечни на плоскость Хасавюртовского района, с налета разгромила сельсовет и угнала скот. Правда, мы успешно отбили взятое, но мы не гарантированы и в будущем от набегов подобного характера» (ЦГА РД, ф. п-1, оп. 16, *д.* 77, *л.* 13).

В 1921–1925 гг. при поддержке абреков и местных жителей накшбандийский шейх и бывший имам Дагестана и Чечни Наджмутдин Гоцинский вел против Советской власти партизанскую борьбу в горах Дагестана и Чечни (*Караев*: 1968, 51–58). Банды объявлялись в горах еще в начале 1930-х годов, а в Чечне — до самого начала Отечественной войны. До 1944 г. поддержка местного населения позволяла им действовать порой совершенно открыто, несмотря на значительные контингенты войск, которые власти вынуждены

были постоянно держать против абреков (ЦГА РД, ф. 2, оп. 4, д. 5, л. 2–4, 5).

Для борьбы с бандитизмом еще в 1922 г. Дагестан и некоторые районы Чечено-Ингушетии были объявлены на военном положении. Было начато формирование отрядов сельской милиции и частей особого назначения (ЧОН) (ЦГА РД, ф. р-10, оп. 5, д. 85, л. 4). Было запрещено кустарное изготовление холодного и огнестрельного оружия. Артели оружейников, сохранившиеся в таких древних центрах металлообработки, как Кубачи, Верхнее Казанище, Харбук, переключились на изготовление предметов домашнего и хозяйственного обихода. В Верхнем Казанище такая артель получила демонстративное название «Долой кинжал!» (*Шиллинг*: 1936, Архив РЭМ, ф. 5, оп. 2, д. 85, л. 13).

Чтобы искоренить бандитизм, власти в очередной раз провели разоружение горцев. К сентябрю 1925 г. операция по разоружению была завершена в горной Чечне. По сводке ОГПУ, «репрессии выразились в воздушной бомбардировке 16 аулов, ружейно-пулеметном и артиллерийском обстреле 101 населенного пункта из общего количества 242 аулов. Среди населения во время обстрела было убито 6 и ранено 30 человек, убито 12 бандитов, взорвано 119 домов. Изъято более 300 человек бандэлемента, самыми видными из которых являются Нажмудин Гоцинский, Атаби Шамилев и Эмин Ансалтинский. За время операции было изъято 25 299 винтовок, 4319 револьверов, 1 пулемет и около 80 тыс. патронов». Шейх Наджмутдин Гоцинский сдался после бомбардировки горного селения Дай и вскоре был расстрелян по приговору военно-полевого суда (РГВИА, ф. 25896, оп. 9, д. 287, л. 24).

Спустя год после завершения чеченской операции, в сентябре 1926 г. было проведено разоружение Нагорного Дагестана. Органы ОГПУ оценивали запасы огнестрельного оружия в Дагестане в 100 тыс. стволов (что в действительности было несколько преувеличено) (РГВИА, ф. 25896, оп. 9, д. 316, л. 2); силами сельских коммунистов, милиции и ЧОН было изъято 60 тыс. единиц оружия военного образца, причем бывшие «красные партизаны» получили право сохранить винтовки и револьверы. Такого зарегистрированного у них оружия насчитывалось 15 тыс. единиц. У остального населения было оставлено только холодное оружие: шашки и кинжалы (ЦГА РД, ф. р-1, оп. 3, д. 149; *Караев*: 1968, 74).

Однако значительную часть оружия местное население смогло укрыть. Используя эти запасы, горцы Южной Чечни и Северного Дагестана восставали против проведения коллективизации в 1929 и 1932 гг. Окончательное разоружение горцев было проведено в 1944–1946 гг. после депортации с Северного Кавказа чеченцев, ингушей, карачаевцев и балкарцев, поставлявших основные «кадры» раннего

советского абречества. Физическое истребление наиболее опасных главарей абреков и ликвидация запасов оружия в горах (*Даниялов*: 1992, 68; ср.: *Бердяев*: 1936, 25; Дагестанская правда. Махачкала, 23.03.1996) позволили почти полвека поддерживать относительное спокойствие и порядок во всем регионе.

4
Чеченский конфликт 1990-х годов

Распространение организованной преступности примерно в таких же масштабах, как в 1920-е годы, произошло в постсоветское время. Это было связано с кризисом власти в Российской Федерации вообще и на Северном Кавказе в частности. Немалую роль в пропаганде бандитизма сыграл образ абрека, благородного разбойника, героя «освободительной борьбы горцев с русским царизмом», культивировавшийся в литературе народов Кавказа в послевоенные десятилетия (подробнее об этом см.: *Бобровников*: 1998а, 125–126).

Сильный толчок к взрыву насилия, охватившему постсоветский Северный Кавказ, дала война, которую Советский Союз вел в Афганистане в 1979–1989 гг. Афганскую «школу» прошли многие полевые командиры обеих чеченских войн — 1994–1996 гг. и той, что началась в августе–сентябре 1999 г. Часть из них — ветераны-«афганцы»; некоторые из арабских «муджахедов», сражающихся ныне на стороне чеченских повстанцев, например знаменитый Хаттаб, выходец из чеченской диаспоры Иордании или Саудовской Аравии, участвовали в антисоветском афганском партизанском движении (*Roy*: 1998; Kavkaz-Center:http.//www.kavkaz.org, 09.10.2000). Афганская война дала и «рядовые кадры» постсоветского бандитизма. По официальным данным, из нескольких десятков тысяч россиян, служивших в 40-й армии (Ограниченный контингент советских войск в Афганистане), 2958 человек составляли дагестанцы (*Бекишиев*: 1997, 114). Некоторые из них впоследствии активно участвовали в двух чеченских войнах и в послевоенных грабежах и захватах заложников (полевой материал В.О.Бобровникова, собранный в 1995–2001 гг. в Махачкале, Хасавюрте и других районах РД).

За время первой чеченской войны, 1994–1996 гг., у местного населения скопились огромные запасы оружия, которое стало предметом нелегальной купли-продажи. Во время полевых обследований мне стали известны случаи, когда жители пограничных селений распродавали часть колхозного имущества, приобретая на вырученные деньги оружие (*Бобровников*: 1998б, 102). Вооружение горцев Северного

Кавказа завершилось к 1997 г., сведя на нет все положительные результаты разоружения 1920–1940-х годов.

В августе–сентябре 1999 г. значительное количество современного стрелкового вооружения ВС РФ было передано отрядам дагестанских ополченцев, созданным для отпора сторонникам Б.М.Кебедова (Б.Мухаммада), Ш.Басаева и Хаттаба, вторгшимся в Северо-Западный Дагестан из Чечни. Однако, когда бои в Нагорном Дагестане прекратились, основная часть выданного оружия осталась на руках у гражданского населения. В сентябре 1999 г. дагестанский парламент — Народное Собрание — принял в первом чтении проект закона «О праве граждан Республики Дагестан на приобретение, хранение и ношение огнестрельного оружия». Апеллируя к «традициям» дагестанских горцев, документ узаконивает использование современного оружия дагестанцами на условии его регистрации в органах МВД (Дагестанская правда. 24.09.1999). Согласно этому закону граждане Республики могут хранить и в случае необходимости применять зарегистрированное гладкоствольное оружие, а по прошествии 5 лет с первой регистрации приобретать и современное нарезное вооружение. Но бóльшая часть оружия, хранящегося у жителей Дагестана, так и не была зарегистрирована.

Сохранившиеся со времен чеченской войны 1994–1996 гг. партизанские отряды под руководством полевых командиров типа Арби Бараева и братьев Ахмадовых в 1997–1999 гг. терроризировали Чечню, Ингушетию, Северную Осетию и Дагестан. Горские банды переместились в переселенческие районы на равнину. Их базы находятся в поросших лесом горах и предгорьях. Члены этих банд — холостые или женатые люди 30–40 лет. К этой возрастной категории относятся все известные полевые командиры: братья Ахмадовы* — Абу (1966 г. р.), Апти (1961 г. р.), Рамзан (1970 г. р.), Ризван (1957 г. р.); Шамиль Басаев (1965 г. р.), Хаттаб (1967 г. р.), Салман Радуев (1967 г. р.), Хусейн Елхоев (1968 г. р.), Турпал-Али Атгериев (1969 г. р.), Арби Бараев (1973—2001). Многие из них имеют высшее (или незаконченное высшее) гуманитарное или техническое образование. Среди руководителей отрядов немало выходцев из местной партийной и комсомольской номенклатуры советского времени, в частности такие известные полевые командиры, как Ш.Басаев и С.Радуев (Совершенно секретно. 2000, № 6, 8–9). Банды регулярно угоняют скот из пограничных селений. Широкое распространение получили сегодня похищения людей с целью вымогательства выкупа (полевой материал В.О.Бобровникова, собранный в 1995–1996 гг. в Махачкале, Буйнакске, Хасавюртовском, Цумадинском, Цунтинском районах РД). Характерное преступление произошло в с. Баташюрт

* Один только Увайс Ахмадов (1952 г. р.) несколько выпадает из этой возрастной категории.

Хасавюртовского района. В декабре 1996 г. бандиты из соседней Чечни похитили фермера этого селения Б.Арсланханова и его машину. Через неделю чеченская милиция освободила его. Но машина осталась в руках бандитов, потребовавших за нее выкуп. Не добившись денег, в начале 1997 г. они завлекли на чеченскую территорию двух близких родственников Арсланханова, которых продержали в плену несколько месяцев, требуя большого выкупа (Новое дело. 07.02.1997, 21.02.1997). Собранные мной в 1995–1997 гг. факты говорят об участии этих банд в актах возродившейся в последнее время кровной мести.

ГЛАВА 5

Психология современного «абрека»

В постсоветское время появился новый интересный источник для изучения абречества — интервью с известными преемниками кавказских абреков, взятые российскими и зарубежными журналистами. Чаще других с представителями прессы беседовал чеченский террорист и полевой командир Шамиль Басаев.

1

Интервью с Шамилем Басаевым

Несколько месяцев спустя после захвата заложников в Буденновске Шамиль Басаев дал интервью американскому журналисту из Keston News (ноябрь 1995 г.). Второе было записано корреспондентом ливанского журнала «Ал-Ватан ал-'арабий» и опубликовано в ливанской газете «Ал-Аман» в 1999 г., накануне вторжения «боевиков» Басаева в пограничные горные районы Дагестана — Ботлихский и Цумадинский. В обоих случаях беседа велась на русском языке. Однако мы располагаем только сокращенным английским пересказом трехчасовой беседы с Басаевым американского журналиста Лоренса Юззелла* и полным арабским текстом ответов Басаева на вопросы арабского

* Я крайне признателен моему другу и коллеге М.Ю.Рощину за подробное описание обстановки интервью Л.Юззелла с Ш.Басаевым, в котором он также принимал участие.

журналиста. Поэтому в моем переводе с английского и арабского некоторые слова и выражения могут отличаться от устного русского оригинала.

Я выбрал эти материалы потому, что выраженные в них взгляды кажутся мне весьма характерными для современных «абреков». Похожие заявления я не раз слышал от менее известных руководителей и членов горных банд во время полевых обследований в Цумадинском, Ахвахском и Хасавюртовском районах Дагестана.

Основной темой первой беседы был «набег» «боевиков» на г. Буденновск в июне 1995 г., приведший к захвату заложников и массовым жертвам среди гражданского населения. По мнению американского журналиста, использование заложников как живого щита во время боя и убийство мирных жителей мучили совесть Басаева, поэтому он постоянно оправдывался: «...были мирные жители, убитые нами, этого я отрицать не стану». По замечанию Басаева, «боевики» пытались свести такие жертвы к минимуму, но «дороже всего» были для террориста его люди, поэтому он заботился в основном об их жизнях. Вину за жертвы среди захваченных «боевиками» заложников Басаев возложил на русские власти. По его словам, «весь русский народ (кроме правозащитника Сергея Ковалева) стал заложником преступлений Москвы против Чечни, начиная с кровавой депортации чеченцев в Казахстан» в 1944 г., потому что не смог предотвратить их. На вопрос журналиста, не стоит ли «боевикам» покаяться в содеянном зле, он сказал: «Пусть сперва покаются русские».

Свои действия в Буденновске Шамиль Басаев оправдывал борьбой Чечни, а также «других нерусских южных республик», от Дона до Волги, за «независимость от русского колониализма». По его словам, «выше победы Чечни в этой войне он ставит только свою веру». Даже ради достижения независимости «он никогда бы не отрекся от исламской веры». Во время беседы Басаев не раз подчеркивал свою приверженность идеалам ислама. Как мусульманина его возмущали не только действия, но и символика русских властей. Особенно «чудовищным» ему показалось возвращение при Ельцине в герб России двуглавого орла — животного, которое «противно замыслам Аллаха», ибо его нет в природе. Вообще Басаев слишком внимательно, порой суеверно, относится к символам. Судя по интервью, себя он считает орудием Аллаха, мстящего русским за все зло, совершенное большевиками на Кавказе (*Uzzell*: 1995).

Во второй беседе, проходившей четыре года спустя, Шамиль Басаев более определенно высказался о своих религиозных и политических идеалах: «То, что происходит сейчас (в Дагестане. — *В.Б.*), — это великий джихад, священная война ради изгнания неверных с исламской земли, пребывающей в лоне ислама целых тринадцать веков... Мы боремся за очищение Дагестана от русских войск... за провозгла-

шение исламской республики и создание великой Чеченской империи в Чечне и Дагестане, а затем и на земле Ингушетии».

На вопрос о своем положении среди повстанцев Басаев ответил, что «дагестанские братья (по вере. — *В.Б.*) назначили» его своим «военным предводителем». Он сказал, что «братья» уже сформировали в Дагестане «правительство во главе с Серажутдином Рамазановым (родственник скончавшегося в марте 1998 г. лидера умеренного крыла дагестанских „ваххабитов" Ахмад-*кади* Ахтаева родом из с. Кудали — см.: Новое *дело*. 18.09.1998. — *В.Б.*), а также парламент-*шура* и исламский суд, чтобы судить предателей и трусов...».

Идею исламской республики Басаев назвал «наследием наших предков, которое мы будем стремиться претворять в жизнь всякий раз, как представится возможность» (Ал-Аман. 17.09.1999; см. также статью А.Х.Дудаева «Чеченское исламское государство», опубликованную в Грозном в газете «Аль-Каф» за ноябрь 1998, № 1: *Дудаев:* 1998). В другом интервью, данном в те же дни, Ш.Басаев заявил, что будет «продолжать священную войну, пусть даже весь мир запылает синим пламенем... пока не будут освобождены мусульмане от Волги до Дона» (цит. по: Moscow News. 01.09.1999).

Приведенные выше цитаты требуют некоторого комментария. Они показывают, как далеко зашла политизация и идеологизация абречества, начавшаяся накануне установления Советской власти на Кавказе. Сегодня оно стало внушительной политической силой со своей казной, армией, судом, политическими организациями и средствами массовой информации (газета «Кавказский дом», электронная газета «Кавказ-Центр»). С ним вынуждены считаться как российские власти, так и их политические противники на Северном Кавказе.

Недаром в сентябре 1998 г., когда аварский поэт Адалло Алиев, заместитель Ш.Басаева в движении «Конгресс народов Чечни и Дагестана» (в настоящее время «Маджлисуль Шура», искаж. араб. Маджлис аш-Шура в значении Верховный Совет), был арестован в Махачкале за незаконное ношение оружия*, Масхадов через несколько дней добился от дагестанских властей его освобождения (Известия. 08.09.1998). Федеральные силы не могли арестовать лидеров радикальной дагестанской оппозиции Магомеда и Надиршаха Хачилаевых, пока те скрывались в Чечне у полевых командиров (Интерфакс. 15.10.1998). Осенью 1998 г. С.Радуев заявил о том, что он нанесет вооруженные удары по российским войскам в Дагестане, если М.Хачилаев, арестованный в сентябре 1998 г., не будет освобожден (Известия. 12.09.1998). Глава чеченского правительства А.Масхадов так и не смог остановить военные действия против федеральных сил, начатые в августе–сентябре 1999 г. отрядами Ш.Басаева и Хаттаба.

---

* Речь шла об именном пистолете, подарке генерала Дж.Дудаева.

В ходе второй чеченской войны федеральным войскам удалось физически уничтожить многих видных полевых командиров. ФСБ арестовала Радуева. В Дагестане прошел суд над известным террористом. Но до сих пор ни российский Центр, ни его северокавказские сторонники не могут ни искоренить организованную преступность, ни стабилизировать обстановку в Чеченской Республике. Почти ежедневно здесь происходят теракты, массовые убийства, похищения заложников.

Лидеры современного абречества все чаще обращаются к исламу, рассматривая его как основу легитимизации движения. Среди полевых командиров мало глубоко верующих, они скрывают свое равнодушие к религии под маской воинственного ислама, призывая к джихаду против неверных, захвативших исламские земли. В последние годы особенно популярны у них лозунги создания исламского государства (*эмирата*), возрождения шариатских судов, существовавших на Кавказе в первые годы Советской власти.

Среди соперничающих криминальных группировок нет единства. Одни поддерживают руководителей суфийских братств накшбандия, кадирия и шазилия, недавно возобновивших свою деятельность. Другие, возглавляемые более радикально настроенными полевыми командирами, подобно Ш.Басаеву и А.Бараеву, связаны с «ваххабитами» (подробнее об этом см.: *Бобровников, Ярлыкапов*: 1999, 22–23; см. также: Известия. 14.08.1999; Мир за неделю. 09–16.10.1999).

Таким образом, налицо перерождение абречества в конце XX в. в политизированную преступность нового типа. Она уже не противопоставляет себя государственному закону, а требует пересмотра этого закона и всего государственного устройства страны в соответствии с собственными нуждами. Мне кажется, что здесь мы имеем дело с чрезвычайно опасным политическим бандитизмом, который еще в XIX в. превосходно охарактеризовал Ф.М.Достоевский.

Говоря об отличии современных ему революционеров-«экспроприаторов» от заурядных преступников, он писал: «...я вот что заметил при этом: что самый закоренелый и нераскаянный убийца все-таки знает, что он **преступник** (выделено Ф.М.Достоевским. — *В.Б.*), то есть по совести считает, что он нехорошо поступил, хотя и безо всякого раскаяния. И таков всякий из них; а эти ведь... не хотят себя даже считать преступниками и думают про себя, что **право имели** (выделено мной. — *В.Б.*) и... даже хорошо поступили, то есть почти так. Вот в этом-то и состоит, по-моему, ужасная разница. И заметьте, все это **молодежь** (выделено мной. — *В.Б.*), то есть именно такой возраст, в котором все легче и беззащитнее можно подпасть под извращение идей» (*Достоевский*: 1973, 280).

2
Власть и насилие

Еще важнее отметить происходящее у нас на глазах огосударствление абречества, или криминализацию власти. Идет сращивание государственного аппарата с абречеством, выдающим себя за исламскую и национальную оппозицию федеральному центру с его «имперскими амбициями». В 90-е годы новое поколение северокавказских политиков вроде М.Удугова, Ш.Басаева, М. и Н. Хачилаевых, Г.Махачева, опирающихся на криминальные группировки, добилось важных постов сначала в чеченском, а затем в дагестанском правительствах. Некоторые из них, например Н.Хачилаев и Г.Махачев, побывали и депутатами Думы в Москве. После убийства его брата Магомеда, известного спортсмена, бизнесмена и криминального лидера, Н.Хачилаев на какое-то время отстранился от политической борьбы. Но осенью 2001 г. в интервью корреспондентам некоторых дагестанских газет он выразил желание вернуться в «большую политику» (Новое дело. 14.09.2001). Идеологи современных «абреков» добиваются для себя создания «исламской государственности» в Чечне и Дагестане. По-видимому, это такой же блеф, как и требование возвращения к моральным и правовым нормам шариата. Недаром в последние годы некоторые полевые командиры закрыли действовавшие на контролируемой ими территории шариатские суды Чеченской Республики, дерзнувшие предъявить им уголовные обвинения (полевой материал В.О.Бобровникова, собранный в 1996–1998 гг. в Москве, Махачкале и разных районах РД).

В последнее время северокавказские криминальные группировки активно ищут связей на международном уровне. Полевые командиры или их эмиссары (как, например, З.Яндарбиев в Пакистане и Азербайджане) пытаются играть роль неофициальных представителей Чеченской Исламской Республики Ичкерия. Чеченские представительства такого рода появились в целом ряде арабских и западных стран, в Турции и некоторых странах СНГ — Грузии и Азербайджане. Несомненным успехом на пути к международному признанию северокавказских криминальных структур является встреча эмиссара правительства А.Масхадова Ильяса Ахмадова с представителями госдепартамента США, состоявшаяся в октябре 2000 г. в Вашингтоне (Независимая газета. 11.10.2000).

В то же время даже самим полевым командирам ясно, что рассчитывать на международное признание им пока еще рано. Свидетельство тому — частые выпады против США, Израиля и ООН на страницах антироссийской чеченской прессы, и в первую очередь издающейся в Интернете газеты «Кавказ-Центр». Ничем другим как желанием

эпатировать международное общественное мнение и придать себе больше веса в его глазах нельзя объяснить резкую критику ООН З.Яндарбиевым. В интервью газете «Кавказская Конфедерация» он обвинил ООН в антимусульманской «сатанинской» деятельности и потребовал от нее немедленно принять Чечню в члены Совета Безопасности ООН, создать новый «реальный... орган руководства международным сообществом» под контролем чеченцев (Kavkaz-Center, http://www.kavkaz.org, 09.10.2000).

ЧАСТЬ II

Суд по адату и шариату и реформы XVIII–XIX вв.

Насилие — одна и не самая важная сторона соционормативной культуры Нагорного Дагестана и других районов Северного Кавказа. Чтобы у читателя невольно не сложилось впечатление о горцах как о заурядных уголовниках, я решил «уравновесить» первую часть не менее подробным изложением истории местных правоохранительных институтов. В этом разделе книги я перехожу к анализу систем права, использовавшихся в судебной практике Нагорного Дагестана в дореволюционную эпоху.

Рассматривая работу судов по обычному и мусульманскому праву, нельзя упускать из виду многочисленные реформы горского общества. Мусульманское общество Северного Кавказа давно стало своего рода полигоном для самых различных государственных экспериментов, продолжающихся здесь без малого полтораста лет. В некоторых районах Нагорного Дагестана и Чечни правовые преобразования начались еще в XVIII в. и продолжались в имамате Шамиля, Российской империи, СССР.

ГЛАВА 6

Обычное право и правовой плюрализм

Наряду с разнообразными местными системами адата в Нагорном Дагестане, да и на всем Северном Кавказе издавна использовались правовые нормы шариата в разных правовых интерпретациях, а также элементы разных типов государственного права — от законов Грузинского царства до позднеосманских канунов. После присоединения

Северного Кавказа к России горцы-мусульмане вынуждены были подчиняться законодательству сначала Российской империи, а затем СССР. Не менее мозаичной ситуация остается и в постсоветское время. Чтобы лучше разобраться в ней, следует возможно более полно использовать богатый опыт, накопленный этнографией и историей права не только на Северном Кавказе, но и в других регионах мира.

1
Кредо правового плюрализма

В методологическом отношении для решения задач данного исследования крайне важна концепция «правового плюрализма». Под термином «правовой плюрализм» (англ. *legal pluralism*) скрывается одна из наиболее перспективных и в то же время спорных концепций в современной этнографии права. Его ввели западноевропейские ученые, пытавшиеся осмыслить свои наблюдения о том, что в бывших европейских колониях кроме государственного всегда было и остается множество (*plurality*) местных негосударственных систем права. Рождение концепции относят к 1971 г., когда проф. Ж.Жиллисан опубликовал в Брюсселе сборник статей своих единомышленников под названием «Правовой плюрализм» (*Gillissen*: 1971). В книге были систематизированы материалы полевых обследований на эту тему и впервые сформулировано понятие правового плюрализма (франц. *pluralisme juridique*) как «наличия в рамках одного конкретного общества нескольких правовых механизмов, по-разному действующих в одинаковых ситуациях» (*Vanderlinden*: 1971, 19).

Благодаря проведению все новых и новых полевых исследований в регионах с колониальным прошлым и без оного понимание правового плюрализма постепенно усложнялось. Появилось более дюжины его различных толкований. В 70–90-е годы целый ряд авторов занимались разработкой теории и методологии правового плюрализма. Наиболее видное место среди таких теоретиков кроме упомянутого выше Ж.Вандерлиндена занимают редактор «Журнала правового плюрализма» Дж.Гриффитс, а также Кибит и Франц фон Бенда-Бекманн, Г.Р.Вудмэн, С.Мур, С.Э.Мерри, Л.Посписил. Чаще всего цитируется определение, которое в 1988 г. дала Салли Энгл Мерри. Исходя из подходов Гриффитса, Посписила и Мур, она называет правовой плюрализм «ситуацией, при которой две или более правовые системы сосуществуют в одном социальном поле» (*Merry*: 1988, 870; см. также: *Pospisil*: 1971; *Griffits*: 1986a; *Moore*: 1986).

В основе этого определения лежит понятие *«полуавтономное социальное поле»* (*semi-autonomous social field*), разработанное Салли Мур и принятое большинством сторонников теории правового плюрализма. Под ним понимается общественная ячейка, или, точнее, некоторое социальное пространство, которое вырабатывает и соблюдает свои собственные поведенческие и правовые нормы. Обычно поле сопротивляется внешним правовым влияниям. По определению Мур, социальное поле «может создавать свои внутренние законы, обычаи и символы, но в то же время... подчиняется законам, решениям и иным факторам окружающего его внешнего мира. Полуавтономное социальное поле обладает способностью к правотворчеству и средствами для претворения в жизнь созданных им самим правовых норм; в то же время оно действует в более широком социальном пространстве, которое может влиять и проникать в него либо по желанию лиц, принадлежащих к социальному полю, либо по своей собственной инициативе» (*Moore*; 1973, 720).

Ни один из ведущих специалистов по этнографии права, склоняющихся к рассматриваемой концепции, не подвергал критике трактовку С.Мерри. Ф. фон Бенда-Бекманн предложил собственную формулировку, но по сути это то же, только перефразированное определение (*Benda-Beckmann F. von*: 1983, 7). Следует отметить также одно из толкований, предложенных в 1986 г. Гриффитсом: «...правовой плюрализм есть... положение вещей в любом социальном поле, при котором поведение соответствует более чем одному правопорядку». Гриффитс выделяет два вида правового плюрализма. По его модели, он может быть либо явным (по Гриффитсу — «сильным»), либо скрытым, когда одна система права, например европейское позитивное право, подчиняет себе и подавляет все другие (по Гриффитсу — «слабые») (*Griffits*: 1986a, 1; 1986b, 5).

Концепция «правового плюрализма» быстро завоевала себе сторонников как среди этнологов, так и среди ряда юристов и политиков. Появилась международная Комиссия по обычному праву и правовому плюрализму (Commission on Folk Law and Legal Pluralism), объединяющая в своих рядах теоретиков права, этнологов и практикующих юристов. В Нидерландах (Постбус, Ниймеген) издается Бюллетень (Newsletter), распространяющийся по всему миру. Со второй половины 90-х годов он стал распространяться также в России и других странах бывшего социалистического блока. В состав Комиссии вошли российские (в том числе и кавказские) этнологи (Кто есть кто: 1999, 12).

Быстро растет число периодических изданий, посвященных этой проблематике. Наиболее влиятельным из толстых научных журналов по этнографии права стал «Журнал правового плюрализма» (Journal of Legal Pluralism), созданный в 1981 г. на базе «Журнала африкан-

ских правовых исследований» (Journal of African Law Studies). Каждые два года проводятся международные конференции. XI международный конгресс «Обычное право и правовой плюрализм в меняющихся обществах» проходил в Москве в августе 1997 г. Участвовать в нем довелось и автору этих строк. Все эти факты говорят о том, что правовой плюрализм стал господствующей концепцией в этнографии права. Некоторые ее сторонники полагают, что его «можно рассматривать как ключевую концепцию для постмодернистского взгляда на право» (*Santos*: 1987, 297; *Merry*: 1992, 357–358).

В чем же привлекательность концепции «правового плюрализма»? Почему она была принята так стремительно, затмив все другие подходы? На мой взгляд, в значительной мере это объясняется разочарованием европейских ученых в приоритете ценностей современной западной цивилизации, растущим интересом к изучению бывших колониальных и социалистических обществ, ранее считавшихся «традиционными» и «отставшими» в своем развитии. В последней трети XX в. европоцентристские иллюзии большинства западных ученых рассеялись. Деление общества на «традиционные» и «современные», а права — на «закон» и «доправовой обычай» оказалось слишком искусственным и не соответствующим быстро меняющейся на наших глазах действительности.

Общие настроения в науке в период возникновения этой концепции удачно выразил ученик Б.Малиновского известный английский этнолог Эдмунд Лич: «...политические утопии, сложившиеся в умах мыслителей-реформаторов восемнадцатого и девятнадцатого веков, оказались столь же лишенными реального содержания, как и религиозные утопии более ранних поколений. „Прогресс“ стал почти грязным понятием. Наши огромные технические достижения не сделали нас ни счастливее, ни выше в моральном отношении. Напротив, материальное преуспевание обернулось для европейцев комплексом вины...» (*Leach*: 1977, 13). По верному замечанию Лича, уверенность в «цивилизаторской миссии белых», характерная для поколения Малиновского, более не существует. Если в первые десятилетия нашего столетия этнографы-романтики изучали «дикарей», надеясь восстановить черты наших первобытных предков, то современные этнологи, разочаровавшиеся в экзотике Востока, видят в «традиционных обществах» зеркало современности (*Leach*: 1977, 14).

Немалую роль в развенчании европоцентристского позитивистского взгляда на общество и право сыграли полевые исследования, у истока которых еще в 10–20-е годы XX в. стоял Б.Малиновский, один из основателей современной западной этнологии. Чрезвычайно сильное влияние на развитие зарубежной этнографии права имела упоминавшаяся выше его книга «Преступление и обычай в обществе дикарей». На материалах островов Тробриан в Меланезии Малиновский пока-

зал, как местному обществу без европейского права и государства удавалось поддерживать правопорядок при помощи взаимных обязательств (*reciprocity*) и ряда иных юридически не формализованных норм (*Malinowski*: 1966).

При выработке методологии этнографии права немалую роль сыграла работа А.Р.Рэдклифф-Брауна «Общественные и частные деликты в первобытном праве», впервые изданная в 1933 г. (*Radcliff-Brown*: 1933). Как и Малиновский, Рэдклифф-Браун пытался найти ответы на вопросы, до сих пор волнующие исследователей: каким образом управляются общества без государства и формальных юридических институтов — судей, судов, полиции, адвокатов, писаных законодательств, конституции? Как узнать, какие правовые нормы действуют там? А если эти нормы известны, то почему им подчиняются (конечно, если им действительно следуют)? Но в отличие от Малиновского упор в этой и других работах Рэдклифф-Брауна был сделан не на управляемых, а на управляющих — правовую и социальную элиту общества.

Большой вклад в разработку проблематики обычного права, впоследствии ставшей главным объектом изучения сторонников правового плюрализма, внесли М.Глакмэн, Т.О.Элиас и другие этнологи, занимавшиеся «Черной» Африкой (*Gluckman*: 1965; *Elias*: 1956). При несомненных достоинствах исследований этих классиков этнографии права нельзя не отметить присущий всем им серьезный недостаток. Пытаясь воссоздать первоначальные, беспримесные формы местных обычаев, их авторы сознательно абстрагировались от современных им колониальных государств (*Бенда-Бекманн К. фон*: 1999, 8). Люди, описанные в книгах Малиновского или Глакмэна, как будто не знают о существовании европейцев, между тем дело происходит в начале или даже середине XX в. Тем самым местное общество и право вырываются из конкретных исторических условий своего существования.

Дальнейшие исследования обычного права уже в колониальном и постколониальном контексте подвели западных ученых к кредо правового плюрализма: государство не имеет монополии на правотворчество (*Tamanaha*: 1993, 193). Существуют как государственные, так и негосударственные системы права и общества. Культурные и социальные границы между ними отнюдь не столь отчетливы, как думали ученые-позитивисты XIX — первой половины XX в. Правовая культура и самосознание должны быть признаны не только у юристов и образованных классов общества, но и у его «низов» (*Burbank*: 1995, 391). Обычное право имеет свои, местные принципы, которые не следует описывать при помощи устоявшихся европейских юридических понятий, восходящих еще к римскому праву (*Leach*: 1977, 23–25).

Эти выводы были получены в ходе конкретных полевых исследований во многих странах мира. Концепция правового плюрализма

позволила выработать относительно плодотворную методику изучения самых различных форм права и общества. Сегодня правовой плюрализм изучается на примерах не только бывших колоний, но и промышленно развитых стран Европы и Северной Америки, как в малых обществах без своей государственности и писаного права, так и в обществах с многовековыми традициями государственного строительства и законодательства (*Comaroff*: 1985; *Macaulay*: 1986; *Messick*: 1986; *Dupret*: 1999).

2
Обычай и правовой плюрализм в постсоветской интерпретации

Я так подробно остановился на интеллектуальной одиссее концепции правового плюрализма в современной этнографии права для того, чтобы показать, насколько она может быть полезной для исследований на бывшем советском Северном Кавказе вообще и в Нагорном Дагестане в частности.

Как известно, для отечественных ученых долгие годы было абсолютно невозможно приложить методику правового плюрализма к российским материалам. «Железный занавес» долго лишал их возможности диалога с зарубежными коллегами. Более того, развитие российской этнографии права, которая в конце XIX — первой трети XX в. достигла успехов, сопоставимых с достижениями более поздней юридической антропологии, было насильственно прервано в годы сталинских репрессий. По верному замечанию А.А.Никишенкова, изучение негосударственных норм регулирования общественных отношений «как бы ушло из юридической плоскости и осуществлялось в рамках анализа „пережитков" древних форм родовой и общинной организации, семейно-брачных отношений. Традиционные отношения собственности рассматривались почти исключительно через призму формационных политэкономических макромоделей» (*Никишенков*: 1998, 4).

С 50-х и вплоть до начала 90-х годов соционормативной культурой в России и на Кавказе занимались единицы. Немалый вклад в ее изучение на кавказских материалах внес уже упоминавшийся выше известный советский этнограф М.О.Косвен. Кавказ привлекал его главным образом своей архаикой. В общественном быту и фольклоре кавказских горцев он видел немало «пережитков» первобытности, в частности дуальной социальной организации, мужских союзов, доправовых юридических обычаев (*Косвен*: 1925; 1961, 128–129). Изучение первобытного общества на северокавказских материалах

продолжили ученики Косвена, в частности А.И.Першиц. Едва ли не больший интерес представляют работы другого современного российского этнолога, Ю.И.Семенова. Занимаясь главным образом первобытным обществом, он много сделал для изучения истории общины, соотношения власти, права и обычая в адате (см., например: *Семенов*: 1968, 1979, 1997). Юрию Ивановичу принадлежит оригинальная концепция *ущерба*, которым он заменяет понятие преступления в адате. Согласно Семенову, обычное право выступает первоначально как доправовой обычай, субъектами права в нем являются не индивиды, а коллектив (род, община). С возникновением государства природа адата меняется, он постепенно превращается в право (*Семенов*: 1997, 11–12, 18–22). Не всё в подходе Ю.И.Семенова, в целом остающегося в рамках формационной парадигмы, кажется мне приемлемым. Но нельзы отрицать его большого вклада в систематизацию кавказских и прочих этнографических материалов по адату.

В истории советской этнографии права нельзя обойти молчанием период поиска диалога с историками и юристами, занимавшимися проблематикой права и власти. В 70-е годы в ней сформировалось целое направление, получившее название *потестарно-политической этнографии*. Ее предметом исследования стали отношения и системы права и власти в первобытных и древних обществах. Сам термин (от лат. *potestas* — «власть») был предложен известным советским этнографом-теоретиком Ю.В.Бромлеем (*Бромлей*: 1972, 63; 1973, 15). Проблематика потестарно-политической этнографии была определена в работах Л.Е.Куббеля (*Куббель*: 1979, 241–277). В рамках этой дисциплины в 70–80-е годы работали не только этнографы, но и юристы, как, например, А.Б.Венгеров. Из совместных этнографо-правовых исследований заслуживают внимания работы Венгерова, Куббеля и Першица, в частности разработанное ими с привлечением материалов адата кавказских горцев понятие *мононорма*, предполагающее сочетание юридического, социального и бытового содержания норм права в догосударственных обществах (*Венгеров, Куббель, Першиц*: 1984, *Першиц*: 1979). Этот термин удачно отражает условность культурных границ, проводимых современными исследователями между разными областями гуманитарного знания и социальной практики.

Начиная с периода «перестройки» положение в отечественной этнологии резко меняется. Прежние идеологические барьеры пали. Со второй половины 80-х — начала 90-х годов произошел всплеск интереса к обычному и отчасти мусульманскому праву. В разных республиках Северного Кавказа было проведено несколько индивидуальных и коллективных исследований по проблематике правового плюрализма. В качестве примера можно привести проект, осуществленный мною при поддержке Института «Открытое общество» (Фонд

Сороса) с участием П.Гарб (Калифорнийский университет, Ирвайн), И.Л.Бабич и Л.К.Гостиевой (Институт этнологии и антропологии РАН, Москва). В ходе работы были собраны и проанализированы архивные и полевые материалы, касающиеся использования норм обычного права в колхозах Северного Кавказа и Закавказья (краткое содержание проекта см.: *Bobrovnikov*: 1999, 25–26).

Группа энтузиастов под руководством Н.И.Новиковой, представляющих разные научные дисциплины, объединилась в семинар по этнографии права, или юридической антропологии, при Институте этнологии и антропологии РАН в Москве. В его работе, начатой в 1995 г., участвовали и некоторые кавказоведы, в том числе автор этих строк, Я.В.Чеснов, И.Л.Бабич. Материалы семинара были опубликованы (Homo juridicus: 1997). И.Л.Бабич издала монографию «Эволюция правовой культуры адыгов», в которой рассматривается политика дореволюционной России и СССР по отношению к адату и то, как она проводилась в жизнь в практике разнообразных местных судов со второй половины XIX по конец XX в. (*Бабич*: 1999).

Тематика правового плюрализма стала настолько популярной, что в вузах Москвы и столиц кавказских республик было защищено несколько кандидатских и докторских диссертаций по обычному праву на Кавказе (см., например: *Викторин*: 1985; *Куадже*: 1988; *Бабич*: 2000). В Грузии в 90-е годы появилась Лаборатория по изучению грузинского обычного права при научно-координационном центре «Социально-культурные традиции» Академии наук Грузии (*Бабич*: 1997, 95). Совсем недавно на юридическом факультете Дагестанского государственного университета в Махачкале был создан Центр правовых исследований. При его поддержке дагестанский историк Т.М.Айтберов смог опубликовать интересную подборку арабских источников по дагестанскому адату XVIII–XIX вв. (Хрестоматия по истории права и государства Дагестана: 1999, I–II).

В последнее время понятие «правовой плюрализм» и его синонимы часто появляются в работах зарубежных и отечественных этнологов и юристов по России вообще (см., например, недавнюю работу: *Martin:* 2001) и Северному Кавказу в частности (*Мусаева*: 1995, 146; *Першиц, Смирнова*: 1998, 81; Обычное право и правовой плюрализм: 1999, 5, 7, 210; Человек и право: 1999, 109–110; *Бабич*: 1999, 4–5). Применение этой концепции к кавказским материалам кажется мне вполне оправданным. Она помогает лучше понять особенности развития соционормативной культуры горцев, сначала входивших в местные негосударственные правовые пространства, а затем оказавшихся в составе Российской империи и СССР.

Действительно, уже первые дошедшие до нас достоверные источники говорят о множественности систем права по всему Кавказу. Политической раздробленности и этноконфессиональной пестроте

края соответствовало многообразие форм обычного права (*Агларов*: 1988, 166). В социальных полях клана, сельской общины, союза общин, ханств адат сочетался с местными интерпретациями правовых норм шариата в его *ханафитской* и *шафиитской* редакциях у мусульман или с церковно-каноническим правом у православных христиан и не до конца исламизированных народов. До присоединения к России такие социальные поля либо были абсолютно независимы и не подчинялись государству, либо находились в разной степени зависимости от него.

Преобразования, произошедшие в регионе за последние полтора-два столетия, вели то к укреплению правового плюрализма (во второй половине XIX и начале XX в., в постсоветскую эпоху), то к формированию скрытого, или, по терминологии Гриффитса, «слабого», полиюридизма (при Шамиле, в ходе советских реформ).

Преимущества полиюридического подхода к местной действительности еще не исчерпаны. Методика правового плюрализма в основном применялась к исследованиям по конфликтологии (Межнациональные конфликты на Кавказе: 1995). Кроме того, наши этнологи унаследовали немало ошибочных клише позитивистского и эволюционистского типа, от которых их западные коллеги освободились уже к середине XX в. Сегодня отечественных и западных ученых интересуют разные научные проблемы. Методология и даже язык постсоветской и западной этнологии различны. Из-за разрыва международных научных связей в годы «железного занавеса» и «холодной войны» большинству ученых из стран бывшего социалистического блока стало почти невозможно понимать своих зарубежных коллег.

В постсоветской этнологии нередко случается, что заимствованные из западной науки понятия бездумно вставляются в старые позитивистские схемы. Постмодернистские идеи парадоксальным образом начинают служить не критике, а оправданию эволюционистского взгляда на право и общество. В этом отношении показательной мне кажется попытка А.И.Першица включить понятие правового плюрализма (или *полиюридизма*) в эволюционную перспективу. По его мнению, в древности и средневековье полиюридизм на Кавказе носил этноюридический характер. У каждого народа был свой местный адат. Дальнейшая эволюция соционормативной культуры региона шла по пути усложнения полиюридизма: «...на этнический полиюридизм наложился полиюридизм конфессиональный, возникающий с проникновением христианства... а затем ислама с... шариатом... Но, пожалуй, ярче всего выражен в регионе политический полиюридизм, возникший с вхождением края в состав Российской империи, а затем РСФСР и России» (*Першиц, Смирнова*: 1998, 81).

Еще более серьезным недостатком постсоветской интерпретации правового плюрализма является преувеличение «*традиционализма*»

догосударственной соционормативной культуры. Обычное право привычно ассоциируется у большинства отечественных исследователей с глубоким прошлым, неизменной традиционной культурой (*Кондрашева*: 1999, 207; *Смирнова, Тайсаева*: 1999, 211). Причем для доказательства этого положения приводятся дореволюционные материалы, априорно проецируемые на современность и, как правило, не подтвержденные источниками (*Ахмадов, Ильясов*: 1995, 21; *Смирнова*: 1995, 20). Вообще анализ правовых норм и институтов часто бывает вырван из конкретного исторического контекста. Почти все работы, посвященные адату разных кавказских народов, искусственно ограничиваются изучением небольшого отрезка его развития с XIX до начала XX в.

В духе архаизирующей тенденции попытки местных властей в 90-е годы реанимировать институты горцев, вроде адатных или шариатских судов, характеризуются как «возрождение и укрепление некоторых норм адата и шариата» (*Бабич*: 1999, 235–236; см. также: *Гостиева*: 1995, 28–29). Между тем собранные мной и некоторыми другими этнологами полевые материалы убеждают как раз в обратном: благодаря массовым переселениям и последующим реформам второй половины XIX и особенно XX в. обычное право и другие элементы плюралистичной правовой ситуации в регионе необратимо изменились. «Исламское и адатное возрождение» на самом деле означает формирование в регионе абсолютно новых постсоветских традиций (подробнее об этом см.: *Бобровников*: 1995, 26; 1997а, 193–199).

Кроме того, современные отечественные этнологи склонны абсолютизировать границы между правовыми нормами и институтами, сосуществующими в рамках одного социального поля. Происходит то, что Гриффитс называл «внутренним» адвокатским подходом в условиях «слабого» правового плюрализма (*Griffits*: 1986а, 43–44). На практике такой подход оборачивается преувеличением роли одной из составляющих полиюридизма. Так, сначала в ученых кругах, а затем и среди самих кавказских горцев утвердилось превратное представление о том, что время до Шамиля было «эпохой адата», в которую господствующее положение в юриспруденции занимало обычное право, а реформы имама называют «эпохой шариата» (см., например: *Хашаев*: 1961, 66–67; ср.: *Агларов*: 1988, 155).

Современные этнографические описания судебных институтов создают у читателя ложное представление о том, что после российских реформ 1860-х годов и в раннее советское время отдельно существовали три разных типа судов — адатные, медиаторские и шариатские (например: *Мусаева*: 1995, 138; ср.: *Бабич*: 1999, 79, 163–165). На самом деле, как показывает анализ постановлений сельских сходов по адату и делопроизводства сельских судов, с XVIII в. в регионе про-

исходила рецепция норм шариата в местные правовые системы, постепенное взаимопереплетение принципов адата и шариата и исламизация обычного права. Одни и те же люди составляли сельский суд, который разбирал иски по семейному праву по адату, а уголовные и отчасти поземельные дела — по шариату. Они же примиряли тяжущиеся кланы и селения. Разные судебно-правовые системы на Северном Кавказе полностью не дифференцировались (*Агларов*: 1988, 182).

Еще одной характерной особенностью постсоветской этнографии права на Северном Кавказе является романтически-прикладной подход к явлениям правового плюрализма. Следуя знаменитому тезису Маркса, что общественные науки должны не просто постигать, но и преобразовывать мир, многие современные этнологи пытаются применить свои знания в научно-практических проектах, имеющих целью реставрировать «традиционные правовые институты горцев», чтобы укрепить пошатнувшийся правопорядок в регионе. По точному замечанию А.А.Никишенкова, «сложились особые публицистические жанры „воспевания" традиционной культуры народов, в которых особое место отводится обычному праву... Не случайно... что в этой публицистической деятельности активное участие принимают этнологи — представители национальной интеллигенции» (*Никишенков*: 1998, 3; ср. изложенные выше соображения со взглядами целого ряда авторов сборника: Межнациональные конфликты на Кавказе: 1995, 5, 20, 22, 28, 29, 30).

Вслед за ними идею развития местных обычаев подхватили и республиканские власти. Однако при этом они обычно не учитывают смены социальных функций местных правовых норм в ходе реформ XIX–XX вв. Ведь такие институты, как кровная месть и ишкиль, из правоохранительных превратились в противоправные. Поэтому поддержка некоторых «горских традиций» на практике может лишь обострить криминогенную обстановку, пример чего мы видим сегодня в Чечне и Ингушетии, где власти попытались возродить уголовные наказания по адату и шариату за тяжкие правонарушения.

3
Как избежать «безумия» правового плюрализма?

Пример постсоветского кавказоведения прекрасно показывает, что концепцию «правового плюрализма», как и любую другую теорию, нельзя перенимать бездумно. Она также способна привести исследователя к ложным умозаключениям. Методологические недостатки этой теории были отмечены в 80–90-е годы и у западных ученых. Причем

отмечать их стали сами создатели концепции правового плюрализма. Критика коснулась в первую очередь понимания «права» сторонниками этой концепции. В 1993 г. Б.Таманаха опубликовал статью под провоцирующим на дискуссию названием: «Безумие социологического представления о правовом плюрализме». Он обратил внимание на то, что сторонники концепции описывают внегосударственные правовые явления, исходя из принципов государственного позитивного права (*Tamanaha*: 1993, 192).

Больше всего споров и возражений у антропологов и юристов вызывают такие понятия, как обычное или традиционное право. Эти термины у западных исследователей (хотя и не в такой степени, как у их российских коллег) устойчиво ассоциируются с представлением о неизменности прошлого. Между тем из опыта конкретных полевых исследований и изучения истории права хорошо известно, что в мире не существует неизменных правовых систем. Чрезмерное акцентирование целостности и преемственности обычного права, приводящее к искажению его реального исторического развития, было подвергнуто резкой критике (Бенда-Бекманн К. фон: 1999, 9). Учитывая изменения, произошедшие в обычном праве в ходе его переосмысления и кодификации колониальными властями, ряд антропологов предложили выделить два разных исторических термина: обычное колониальное право (*customary law*) и доколониальное аборигенное право (*indigenous law*) (*Benda-Beckmann F. von*: 1979; *Fitzpatrick*: 1980; *Moore*: 1986; *Starr, Collier*: 1987; 1989).

Американские этнологи Старр и Коллиер критикуют концепцию «правового плюрализма» за то, что она рассматривает взаимоотношения в праве и обществе чрезмерно упрощенно и статично, не учитывая фактора внешних и внутренних влияний. Среди многих американских сторонников этой теории все еще распространено ошибочное представление о том, что политико-правовые системы обладают равными возможностями и уравновешивают друг друга. В действительности же одни системы права подчиняют своему влиянию другие. Порой под влиянием господствующей системы другие неузнаваемо меняются (*Starr, Collier*: 1989). Частным примером такой трансформации может служить история обычного права, кодифицированного при колониальном управлении.

Другие критики, в том числе и придерживающиеся рассматриваемой концепции, такие, как Г.Вудмэн, Ж.Вандерлинден, Ф.Стриджбош, отметили свойственную ей терминологическую путаницу. Ключевые для нее понятия «право», «плюрализм», «социальное поле» определены слишком сложно и малопригодны для использования в конкретных эмпирических исследованиях (*Vanderlinden*: 1989, 153; *Woodman*: 1995, 23; *Стриджбош*: 1999, 213–217). В плане методологии слабым местом концепции является упор на изучение государства в ущерб

исследованию подчиненных ему социально-правовых групп. За это правовой плюрализм подвергся резкой критике юриста из Новой Зеландии М.Джексона (*Jackson*: 1992).

В 90-е годы был предпринят целый ряд попыток усовершенствовать методологию правового плюрализма. На мой взгляд, среди них заслуживает внимания подход, предложенный исследователями мусульманского права и общества стран Ближнего Востока, такими, как Б.Дюпре, Н.Бернар-Можирон, Л. аз-Звайни, и некоторыми другими. Их взгляды были изложены на заседаниях «круглого стола» по вопросам правового плюрализма в арабском мире, проведенного в Каире в декабре 1996 г. Результатом обсуждения стала книга, выпущенная в феврале 1999 г. В теоретическом плане следует отметить попытку Б.Дюпре заменить понятие *правовой плюрализм* на *нормативная плюральность* (*normative plurality*). Последняя понимается им как результат взаимодействия разных полуавтономных социальных полей. Еще важнее кажется мне предложение этих этнологов делать акцент не на государстве и законодателях, а на локальных социальных полях и лицах, создающих и применяющих правовые нормы, — судьях, свидетелях, подсудимых (*social actors*) (*Dupret*: 1999, 36–39; *al-Zwaini*: 1999, 45).

Сторонники концепции правового плюрализма на Северном Кавказе еще слишком мало внимания уделяют изучению повседневной юридической практики местных мусульман — адатному и шариатскому судопроизводству, использованию норм адата и шариата в государственных судах, языкам функционирования обычного права. Пора перенести и ракурс изучения практики правового плюрализма с макроуровня на микроуровень, с государства и прикладной конфликтологии на местные социальные пространства и живых людей, которые создают и видоизменяют правовые нормы. Используя хорошо известное определение М.Фуко, этнологам следует больше внимания обращать на *микрофизику* правового плюрализма на Северном Кавказе.

ГЛАВА 7

От «эпохи адата» к «эпохе шариата»

Руководствуясь изложенными выше методологическими рекомендациями, я попытаюсь рассмотреть дагестанский случай правового плюрализма в исторической ретроспективе государственных реформ на Северном Кавказе. В первую очередь следует кратко обрисовать,

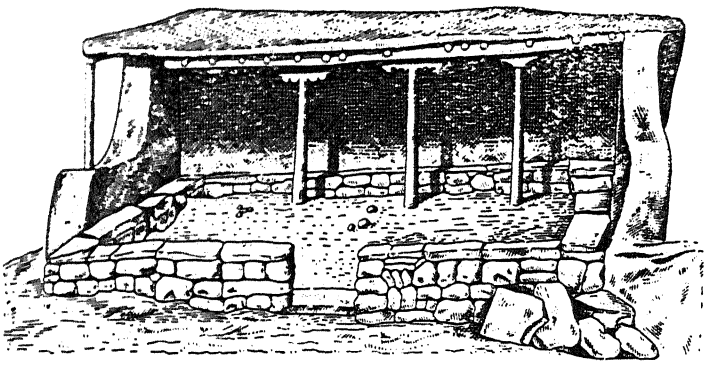
как шло развитие горского судопроизводства по адату и шариату до русского завоевания и проведения глобальных судебно-административных реформ XIX–XX вв. Вся история соционормативной культуры Нагорного Дагестана подтверждает справедливость замечания А.И.Першица и Я.С.Смирновой о том, что правовой плюрализм «существовал на Северном Кавказе на протяжении всего доступного исторической реконструкции времени» (*Першиц, Смирнова*: 1998, 81).

Как уже отмечалось выше, в народном историческом сознании мусульман Нагорного Дагестана сложилось представление, что история местной соционормативной культуры эволюционировала от низшего к высшему, от «эпохи адата» (например, авар. *балъалъул заман*), продолжавшейся до конца XVIII в., к «эпохе шариата» (авар. *шариIаталъул заман*), как называют правление Шамиля (*Саидов*: 1967, 54; *Магомедханов*: 1993, 32). Насколько справедливо это представление?

В значительной мере оно основывается на критических замечаниях мусульманских ученых-пуристов конца XVIII — второй половины XIX в. Мухаммед-Тахир ал-Карахи в написанной им хронике шамилевского движения обличал дагестанских мусульман в том, что «у них... не имелось людей, призывающих к проведению в жизнь исламских решений и запрещающих мерзкие с точки зрения ислама поступки. Дагестанцы руководствовались тогда (до начала проповеди имамов времен Кавказской войны XIX в. — *В.Б.*) обычным правом (*расм*). Мало того, дагестанские *кади* толкали народ к использованию обычного права, восхваляли старшин (*ру'аса'*) за проведение этого права в жизнь и его развитие и даже обозначали его термином *'адл* (справедливость. — *В.Б.*)» (*аль-Карахи*: 1990, I, 17).

Его современник, алим из Южного Дагестана Хасан-*эфенди* ал-Алкадари в своей истории средневекового Дагестана пишет, ссылаясь на труды известного ученого и правоведа (*факих*) XVIII в. Мухаммеда Кудутлинского, «что в его эпоху в Дагестане... между людьми тяжбы и преступления не разрешались по священному шариату, а большинство их решалось в судах по оставшимся от отцов и дедов законам в виде адатов (т.е. правовых норм адата. — *В.Б.*) и обычаев. По этому поводу покойный (Мухаммед Кудутлинский. — *В.Б.*) сильно упрекал адатных судей и аксакалов и писал обличения на тему „Те, кто судит не по велениям Аллаха, суть братья идола“» (*Алкадари*: 1994, 152).

Сопоставление средневековых арабских источников и полевых материалов, собранных в XX в., позволило дагестанским историкам и этнологам подвергнуть сомнению это утверждение (*Агларов*: 1988, 155). Источники прямо говорят, что начиная со средневековья у обращенных в ислам жителей Нагорного Дагестана были свои суды (*байт ал-карйа, байт ар-руа'са'*) и судьи (*ру'аса', 'укала'*). Они разбирали тяжбы как по обычному, так и по мусульманскому праву (Фа-инна ахл кура кил кад иттафаку 'ала хаза ар-расм: 1965, 85; Хаза каус

Место сбора старшин и судей (*байт ар-ру'аса'*)
в с. Микрах

расма' цекал ва 'адати-хим: 1965, 110). Сфера применения того или другого со временем сильно менялась. Арабский историк и географ XIII в. Закария ал-Казвини описывает судопроизводство одного из культурных центров Южного Дагестана того времени — Цахура. По его словам, «есть у них имам-проповедник (*хатиб*) и судья по шариату (*кади*), который разбирает тяжбы по учению имама аш-Шафии (т.е. *шафиитского толка, или мазхаба*, мусульманского права. — *В.Б.*)» (*Cazwini*: 1848, 405).

Из письменных источников XVI–XIX вв. известно, что время от времени сельские кади брали в свои руки власть в сельских общинах и мелких политических образованиях горцев. Наследственными правителями были кади Южного Табасарана (*Гасанов*: 1994, 142), кади с. Акуша, возглавлявшие одноименное «вольное общество», и согратлинские кади во главе конфедерации андалальцев (*Агларов*: 1988, 187; *Мансурова*: 1995, 109–111). «Каждое из даргинских обществ („вольных обществ", дарг. *хуребо*. — *В.Б.*) управлялось в прежнее время (до русского завоевания. — *В.Б.*) своим кадием», — говорится в примечании к адатам, записанным в середине XIX в. у даргинцев (Адаты Даргинских обществ: 1873, 128).

Некоторые из сельских кади задолго до начала шамилевского движения боролись за распространение исламских норм в местном праве и обществе. Одним из таких юристов-реформаторов был *саййид* Ахмед Йеменский, судьба которого хорошо известна из его переписки, поздних исторических записей и эпитафии (*Лавров*: 1968, ч. 2, 107–108; *Айтберов*: 1978, 75). Это был профессор (*мударрис*) и судья (*хаким*) знаменитого египетского университета ал-Азхар родом из Йемена, который в 30-е годы XV в. отправился на Кавказ для распространения ислама. В 1434 г. Ахмад Йеменский обосновался

в с. Газикумух (Кумух), где возглавил медресе и суд. Оттеснив на второй план светского правителя-*шамхала*, он попытался упрочить позиции мусульманского права в подвластном Кумуху «вилаете Гумик»: запретил горцам пить бузу, отменил некоторые противоречащие шариату уголовные и гражданские нормы адата (*Шихсаидов*: 1999а, 10).

В том же направлении в XVIII в. в Аварии действовал знаменитый юрист Мухаммед Кудутлинский (*Шихсаидов*: 1999б, 51–52). Известно еще несколько рьяных поборников исламизации соционормативной культуры горцев, живших в разное время. Не все в деятельности этих реформаторов удавалось, подчас им приходилось отступать и идти на компромисс с местным адатом. После их смерти или отъезда некоторые шариатские нормы опять забывались.

Развитие соционормативной культуры региона определялось сложной взаимоадаптацией обычного и мусульманского права. Представление же о нераздельном господстве адата в дореформенном Дагестане относится скорее к области легенд.

1
Суд и закон по средневековым источникам

Среди отечественных этнологов, как и среди их респондентов в Нагорном Дагестане, широко распространено представление о том, что время до русского завоевания было «золотым веком» адата, когда он принимал наиболее «чистые», беспримесные формы. Однако, к сожалению, первоисточников от этой эпохи почти не сохранилось. Поэтому, начиная с М.М.Ковалевского, ученые пытаются восстановить «изначальный», дореформенный вид дагестанского адата главным образом при помощи опросов стариков-горцев и сопоставления архивных документов XIX в. Как уже отмечалось выше, этот подход таит в себе серьезную опасность. Мы невольно проецируем на дореформенное прошлое исторические факты, относящиеся к более поздней эпохе.

Чтобы избежать методологических просчетов моих предшественников, я попытаюсь сделать такую реконструкцию исключительно на основании дореформенной эпиграфики, рукописей и данных исторической топонимики. Пусть картина будет более фрагментарной, но зато более достоверной. Ведь имеющиеся у нас довольно скудные средневековые источники позволяют восстановить некоторые черты дореформенного суда по адату и шариату. Как известно, на Северо-Восточном Кавказе в отличие от северо-западной части региона устная передача обычного права не была распространена (см.: Материалы по обычному праву кабардинцев: 1956, 4; *Бабич*: 1999, 18). В Даге-

стане существовала давняя традиция записи адатных правовых норм и конкретных постановлений адатных судов. С принятием ислама, который начал распространяться в Южном Дагестане еще в VIII–X вв., языком права стал арабский (*ал-луга ал-'арабийа ал-фусха*) — язык священной книги мусульман, Корана.

В нашем распоряжении имеются уникальные эпиграфические памятники первой половины XIV в. Это единичные арабские записи судебных решений по поземельным делам в Южном и Центральном Дагестане, обнаруженные и опубликованные А.Р.Шихсаидовым и Л.И.Лавровым. Ввиду чрезвычайной важности этих памятников ниже я привожу полные русские переводы их текстов.

В стене минарета мечети даргинского селения Худуц сохранился ценный правовой текст — дарственная грамота 1318–1319 гг. с записью ряда норм поземельного и уголовного права. Это довольно длинная убористая надпись в восемь строк, выбитая почерком *насх* на глыбе из речного камня. Содержание документа таково: жители Кумуха с согласия правившего ими *шамхала* отдают селению Анджибек (или Анчибачи) все владения с. Худуц. Анчибачи — ныне заброшенное поселение. По местным преданиям, его жители переселились в основанное позже знаменитое селение Кубачи (*Шихсаидов*: 1984, 87). Вот текст документа в переводе А.Р.Шихсаидова с исправлением вкравшихся в текст его публикации опечаток (*Шихсаидов*: 1984, 82–86):

«(1)* (Басмала). Места поклонения (*ва инна-л-масаджид* — т.е. мечети. — *В.Б.*) — для Аллаха, поэтому не призывайте с Аллахом никого (Коран, LXXII: 18). Этот камень написан по случаю отдачи жителями ал-Гумика (с. Кумух. — *В.Б.*) селения, называемого (2) Худиц (Худуц. — *В.Б.*). Пришел некий житель Ан-дж-б-к (с. Анджибек/Анчибачи) [по имени] К-б-с (Къубас) и [вместе с ним] Муса, К-ба и Лукман в Гумик. После этого призвали [они] Аййуба и кади ар-Риджа (с. Рича. — *В.Б.*) Халифа, и пришли они [все вместе] (3) в Гумик. Все жители Гумика собрались (*ва-джтама'у ахл Гумик куллу-хум*, должно быть: *ва-джтама'а*) на месте сбора (*махфил*), и [решили] все они отдать селение Худиц с согласия жителей Гумика. Этот текст [был] написан в присутствии (4) шамхала Ах-сбара и старшин (*кубара'*) их (т.е. кумухцев. — *В.Б.*). Эту запись засвидетельствовали своими подписями (*шахада 'ала хаза-л-китаб би-расми-хим; расм* — „знак". — *В.Б.*) дом (*байт*) Малиджа, дом Б-г-тара (Багъутар), дом 'Али Чупана, дом Б-з-хуса; из жителей [селения] Ан-дж-б-к — К-б-с (Къубас), (5) Муса, Лукман, К-ба; из жителей ар-Риджа — Халифа, Будалай и С-р-т (вар.: Х-б-р-т). Записал Аййуб сын Мазида. [После этого] не остается ни тяжбы, ни претензий. Дийа (*дият*. — *В.Б.*) жителей Ан-дж-б-ка — это

---

* В скобках в переводах этой и последующих надписей указаны номера строк оригинала.

дийа Гумика, [чтобы] были (6) радости и несчастья общими, как у братьев (в тексте: подобно брату). И отдал[и] селение Худиц, достояние их (*марафика-хум*, т.е. хозяйство жителей Худуца. — *В.Б.*), пашни их (*хукула-хум*), горные пастбища их (*джибала-хум*) и все, что связано с пределами (*хадд*) селения Худиц. Было отдано [все указанное] (7) жителям Ан-дж-б-ка. [Всем остальным], кроме его жителей, нет [ничего] из этого, [иначе как] с разрешения жителей Ан-дж-б-ка. В году семьсот восемнадцатом хиджры (1318-19 г. — *В.Б.*) Пророка — да благословит его Аллах и приветствует. Написал этот камень К-б-с (Къубас) — да помилует Аллах его, (8) его родителей и всех мусульман».

Другой, чуть более поздний документ представляет собой надпись 1356 г. из 10 строк, заключенных в картуши. Он вырезан на стеле с изображениями всадника на коне, стилизованного льва и скорпиона, стоящей перед входом в соборную мечеть лезгинского селения Курах. Согласно толкованию Л.И.Лаврова, идентифицировавшего все упомянутые в тексте топонимы и нанесшего их на карту (*Лавров*: 1966, ч. 1, 196–199), перед нами юридически оформленная опись земель местного «вольного общества». Ее текст в переводе Лаврова (*Лавров*: 1966, ч. 1, 118, 287) выглядит следующим образом:

(справа от текста) «О все разрушающая судьба! (слева внизу) О владелец тайны! (слева в середине) Воистину, тайна уже обнаружилась!

(1) О услужающий телу, сколько старающийся (2) ему услужить, в то время как ты не телом, а душой человек! (3) Это горы Кураха: от мельницы Хибитара до (4) загона для скота, [принадлежащего] Ругуну, и до Хаджиева камня, и до вершины (5) Кул-Кула, и до горы Архита, и до (6) Хараджского моста, и до Друшдульского тока (7) до вершины горы, не занятой Хбуком. А это горный хребет со стороны (8) юга: от [озера] Кулан-вир до [горы] Т-р-к-р-кил (вар.: Ц-р-ф-р-кил) выше Кимихура (9), и до речки под Титалем, и до М-гун-Кура, [где] кончается (10) стойло (*истаблун*)* [и] начинается Зилинки. В 757 году (1356 г. — *В.Б.*)».

Наконец, имеется еще один интересный эпиграфический памятник, в который были включены любопытные сведения о поземельном праве того времени. Содержание надписи: строительство первой мечети кубачинцев; привилегии, дарованные *шамхалом* и кумухцами жителям с. Кубачи (Зерехгеран) после добровольного принятия последними ислама; земельное пожалование писцу. Эта надпись из даргинского селения Ашты была сначала с ошибками прочитана и издана

---

* У Л.И.Лаврова ошибочно «конюшня». Однако в Нагорном Дагестане не засвидетельствовано отдельного содержания лошадей в конюшнях, были только общие загоны для скота. Арабское *истаблун* здесь следует переводить как «стойло», «загон для скота». Я благодарен А.Р.Шихсаидову за эту поправку.

Курахская стела 757/1356 г.

Лавровым (*Лавров*: 1976, 217), а затем исправлена Шихсаидовым (*Шихсаидов*: 1984, 374–376). Текст не датирован, но по целому ряду признаков был отнесен Лавровым к XIV в. Ниже я воспроизвожу более точное чтение, предложенное Шихсаидовым. Ряд соционормативных понятий приводится в новом толковании, предложенном недавно А.Р.Шихсаидовым (*Шихсаидов, Гаджиев, Давудов*: 1996, 324) и разделяемом мной. Такое толкование подтверждается другими эпиграфическими текстами и рукописями XV–XVIII вв.:

«(1) (Басмала). Оживляет мечети Аллаха тот, кто уверовал в Аллаха и в последний день, выполняя молитву, давал очищение и не боялся (2) никого, кроме Аллаха, — может быть, такие окажутся идущими верно. Сей мир подобен преходящей тени или преходящему облаку... или дню (3)...(?) (4) Построил эту мечеть Б-з-р (вар.: Б-з-ц) шамхал сын Т-з (?) с разрешения общества — *ал-'аскар* (букв. „войска". — *В.Б.*) для общества (*ар-риджал*) зерехгеранцев, когда оно перешло в ислам от неверия. Не будет на нем ни *хараджа*, [ни] подношений яйцами. (5) [Это было] по повелению *эмира* и его брата Бугдая — милость Аллаха над ним, — Сардар (?) Нугая (Нукъай), Малиджа, Ахмада, Ш-м-ш-д-г (?), Йусуфа и с разрешения кади Карима сына Мухаммеда. Не будет на нем (т.е. обществе, в тексте „на них". — *В.Б.*) *хараджа* [впредь] никогда. (6) Написал это Хаджжи 'Умар при свидетельстве 'Али Л-г-ча и *хатиба* Идриса. Это (?) общество (*ар-риджал*) и Назли (?) (7) дочь Идриса в присутствии [других] мусульман выделили *мульк* вместе с собой [и] Хаджжи 'Умару».

Приведенные выше арабские исторические и строительные надписи являются первыми памятниками обычного права, отмеченными на территории Северо-Восточного Кавказа. Terminus post quem для первых правовых актов, известных в Нагорном Дагестане, можно отодвинуть до XII–XIII вв., если принять во внимание устное предание, связанное с одной раннесредневековой строительной надписью из с. Ахты*.

От нее сохранились только начало: «Крепость построил (*кал' 'амила*) Ш-л-р-х...» и схематический рисунок креста с подковой (*Лавров*: 1966, ч. 1, 95; фото надписи см.: *Шихсаидов*, 1984, 417). Большая часть поверхности данной плиты, на которой, возможно, находился конец надписи, сколота. Местные жители уверяли А.Р.Шихсаидова, что здесь находился текст договора жителей верхней, левобережной части селения с переселенцами, обосновавшимися на низком, правом берегу р. Ахты-чай, с указанием повинностей (*харадж?*), которые последние обязаны были нести в пользу первых, предоставивших им земли для поселения. Далее предание рассказывает, что как-то ночью правобережные жители Ахты прокрались к надписи, закрыли камень

---

* Я признателен А.Р.Шихсаидову, обратившему мое внимание на ахтынское предание.

войлоком, чтобы не шуметь, и сбили текст договора (*Рамазанов, Шихсаидов*: 1964).

Доказательств подлинности этого предания у нас нет, но следует отметить, что подобные случаи уничтожения камней с договорами и повинностями известны в разных районах Дагестана и Чечни (см., например: *Лавров*: 1968, ч. 2, 83). Во время полевой работы в Нагорном Дагестане я сам не раз слышал подобные истории и сталкивался со случаями порчи эпиграфических памятников с целью уничтожения текстов договоров и повинностей, в частности в селениях Кванада и Рутул. Поэтому мне кажется, что ахтынское историческое предание, несомненно, свидетельствует о том, что записи правовых актов и попытки их уничтожения случались в Нагорном Дагестане уже в раннем средневековье.

Худуцкий и курахский документы сообщают о взаимоотношениях между членами общины и об урегулировании вопросов о границах общинных владений по обычному праву. Возможно, того же касалась надпись из Ахты. В записи из Худуца также говорится о правилах урегулирования кровной мести при помощи композиций (*дият*), т.е. об уголовном праве согласно местному адату. Важно отметить, что они могут считаться и первыми документальными свидетельствами существования правового плюрализма в этом регионе, ведь аштынская надпись, отметившая принятие ислама зерехгеранцами, сообщает о частном землевладении (*мульк*) и поземельном налоге (*харадж*) по мусульманскому праву.

Благодаря этим надписям мы имеем образцы юридического оформления сделок в средневековых горских судах. Весьма убедительной кажется гипотеза А.Р.Шихсаидова о том, что Худуцкая грамота зафиксировала «практику составления договоров, их юридический облик». Ученый выделяет в ней следующие части: «1. Вводный текст (отрывок из Корана); 2. Перечисление лиц, прибывших в Гумик; 3. Сбор жителей Гумика на традиционное место схода и принятие коллективного решения о передаче земель Худуца; 4. Фиксация факта присутствия шамхала и старшин при составлении текста дарственной грамоты; 5. Перечисление лиц, засвидетельствовавших данную запись; 6. Повторное, но более конкретное перечисление переданных земель; закрепление особых прав за новыми владельцами; 7. Имя того, кто „написал камень"; 8. Дата. Из текста видно также, что он был составлен первоначально на бумаге, а затем уже этот актовый документ был перенесен на камень» (*Шихсаидов*; 1984, 362).

В остальных надписях XIV в. мы находим те же составные части, причем расположенные примерно в том же порядке. Еще более поразительно то, что в записях поземельных и уголовных постановлений багулал согласно адату, скопированных мной из большого Корана середины XVIII в., хранящегося в мечетной библиотеке с. Хуштада,

Свод адата багулал
в Хуштадинском Коране середины XVIII в.

основные элементы — те же, как и их порядок, и даже повторы похожи.

Судя по всему, официальный тип юридических документов уже сложился в мусульманском Нагорном Дагестане к XII–XIV вв. Почти без изменений мы встречаем этот формуляр в копиях правовых актов, дошедших до нашего времени в составе рукописей XVI–XVIII вв. Первый известный правовой памятник такого рода — постановление джамаата с. Тпига от июля 1553 г. о выходе из подчинения Казикумухскому шамхалу и о прекращении уплаты шамхалу поземельного налога (*харадж*) с окрестного агульского селения Зулер. Как и в хуштадинском случае, текст документа представляет собой историческую запись (*та'рих*), сделанную на листках большого мечетного Корана из Тпига, хранящегося ныне в Рукописном фонде Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН в Махачкале. Здесь есть две его копии, более полная и краткая, несколько расходящиеся между собой по составу свидетелей соглашения. Русский перевод постановления выполнен и дважды опубликован А.Р.Шихсаидовым (*Шихсаидов*: 1967, 150–151; *Махмуд из Хиналуга*: 1997, 198–199).

Сопоставление эпиграфических правовых актов XIV в. с тпигским и хуштадинскими рукописными документами XVI–XVIII вв. позволяет

сделать любопытный вывод. Если в судебном делопроизводстве XII–XIV вв. еще встречались незначительные расхождения, то к XVI–XVIII вв. по всему Северо-Восточному Кавказу стали следовать единому правовому шаблону. Правовое сознание горцев отличалось консервативностью. Вероятно, в дальнейшем тип юридического документа не претерпел существенных изменений вплоть до начала правовых реформ XIX в.

Формуляр правовых актов в позднесредневековом Нагорном Дагестане неплохо характеризует более полный вариант тпигского адата 1553 г. Вот его текст:

«Это пояснение и доказательство на будущее. Подлинно Улхайшамхал предъявил свои претензии селению Тпиг по поводу некоего селения, именуемого Зулер: „Харадж с этого селения предназначается мне". Но затем было отвергнуто это притязание. Было решено, что не было и не осталось на этом селении [какого-либо] хараджа, ничего вообще — в присутствии справедливых и давших клятву.

Прекращение претензии было утверждено в присутствии следующих свидетелей: мулла ʻАли-Гули из Хутхула, Салих из Дулдуга, Раджаб сын Абкана из Дулдуга, Ахмад из Курдали, Хусейн из Арага, Мухаммед Ахун из Кумуха (Кумук), Мухаммед сын Худая и ʻУмар из Кая, Ибрахим сын Йахйи и Ахмад сын Сулеймана из Зерехгерана (Зирикани).

Написал [этот] первый текст пыль от стоп Ахмад по прозванию Кади.

Утверждено это в субботу месяца шаʻбан девятьсот шестидесятого года по хиджре Пророка — мир над ним (шаʻбан 960 г.х. начался 13 июля 1553 г.)» (*Шихсаидов*: 1967, 150).

Остановимся подробнее на отдельных элементах юридических актов, выходивших из средневековых горских судов. Преамбулой к ним обычно служит *басмала*. Реже она также включает в себя *хамдалу* и/или кораническую цитату. Так начинается подавляющее большинство дошедших до нас дореформенных правовых текстов, например «Соглашение между хунзахскими и гидатлинскими обществами» (Гидатлинские адаты: 1957, 38–39), «Соглашение между селениями Тлисси и Хуштада», «Договор о продаже ахвахцами горы Тархуб хуштадинцам» (ал-Кур'ан ал-карим: 1153/1740-41). В случае, когда документ обладает большой ценностью и воспроизведен в исторической записи (*таварих*), преамбула может включать и назидательные тексты (Курахская и Аштынская стелы). Менее важные записи, касающиеся уголовных норм адата, как правило, не имеют вступления. Тпигский документ и хуштадинские записи адата показывают, что к XVI–XVIII вв. преамбулу с басмалой стала, как правило, завершать фраза: «Это разъяснение (и аргумент) (на будущее)» (араб. *хаза байан (ва-бурхан) (ли-йаум ал-гад)/* реже: *хаза байан ли-йаум ал-ати*). После этого начи-

налось изложение самого дела, нередко вводимое словами «вот согласились...» (*фа-кад иттафака*) (см.: ал-Кур'ан ал-карим (1153/1740-41); РФ ИИАЭ, ф. 25, оп. 1, д. 1680, л. 35; Гидатлинские адаты: 1957, 32–33, 34–35, 38–39; Хрестоматия по истории права и государства Дагестана: 1999, I, 33–34, 35, 43, 49, 71–72, 74, 75, 79, 80, 81, 82, 84, 89, 90, 91, 92, 95, 96–97, 100, 104–105, 106, 109).

Для того чтобы придать документу юридическую силу, в конце его нередко приписывали айат из Корана. Я не раз встречался с подобным обычаем в документах XVIII в. из частных и мечетных архивов Цумадинского района Нагорного Дагестана (например: мечетная библиотека с. Хуштада; частные собрания рукописей М.Пахрудинова и М.Магомедгаджиева в с. Тлондода). Наиболее важные постановления горских сходов и судов фиксировались в качестве памятных, исторических записей (*таварих*) на обложке и полях рукописных Коранов и сборников хадисов, переданных в *вакф* соборным мечетям. В уже упоминавшихся тпигском и хуштадинском Коранах постановления суда записаны на листах, вставленных в середину книги. Следует иметь в виду, что бумага в Нагорном Дагестане до конца XIX в. была редка и дорога.

Стелы с выбитыми на них правовыми документами обычно встраивались в стены соборных мечетей. Встречающиеся на них рисунки могли носить магический характер — они охраняли надпись от уничтожения. В этой связи интересным кажется предположение М.А.Агларова о том, что на Курахской стеле выбит скорпион, аналогичный рисункам на печатных амулетах с арабскими письменами, издававшихся в Темир-Хан-Шуре в начале XX в. Только в отличие от амулетов рисунок «охранял» не здоровье отдельного человека, а целостность территории джамаата или «вольного общества» (*Агларов*: 1988, 90–91). Такие рисунки отмечены также на пограничных столбах, встречающихся в XIV–XIX вв. по всему Северному Кавказу (ср.: *Лавров*: 1968, ч. 2, 83, 154). По мнению А.Р.Шихсаидова, подобную охранительную функцию несли подкова и крест, выбитые на Ахтынской стеле.

Необходимый элемент составления документа — присутствие и «подписи» свидетелей, а порой и писца (*катиб*). После разбора обстоятельств дела и изложения решения сельского суда в Худуцкой и Аштынской надписях сообщаются имена находившихся при этом свидетелей. Характерно, что свидетелей от селения Худуц, подаренного кумухцами предкам кубачинцев и, следовательно, рассматриваемого как объект, а не как субъект права, не было. Та же практика свидетельства (*шахада*) зафиксирована в более поздних записях постановлений сельских сходов и судов, дошедших до нас в рукописях XVII–XIX вв. Но сам состав свидетелей изменился. В документах XIV в. это были представители местной светской и мусульманской верхушки: «шамхал

Ах.сбар и старшины (*кубара'*)» кухумцев, имам-«*хатиб* Идрис» из Кумуха. Под Худутской грамотой «подписались» также представители «домов» (*буйут*) Кумуха и Анчибачи. Вполне вероятным мне кажется предположение А.Р.Шихсаидова, который видит в них глав подразделений местных тухумов.

В правовых текстах XVII–XVIII вв., относящихся к периоду ослабления горской знати и укрепления горных джамаатов (*Шихсаидов*: 1984, 425; *Агларов*: 1988, 134–135), в качестве свидетелей фигурируют только старшины и кади джамаатов или «вольных обществ», участвующих в сделке, а также наблюдатели из нейтральных селений. Такая практика отмечена уже в упоминавшемся выше тпигском постановлении. Свидетелями освобождения зулерцев от хараджа к шамхалу были приглашены представители от всех важнейших окрестных джамаатов — Арага, Дулдуга, Кая, Курдали, Хутхула, а также общин Кумуха и Зерехгерана. При заключении «Соглашения обществ Ансуб и Исиниб» 1076/1666 г. в качестве свидетелей «присутствовали Нуцал сын 'Умма-Нуцала; из старшин (*кубара'*) Кара-Киши: сын Сулеймана Султан-Хусейн, сын Кази-Мухаммед-хана Йунус, сын Алико...* из правителей (*ру'аса'*): глава селения Исиниб Хусейн сын Атанаса, написавший (*катиб*) настоящее постановление Кадиясулав (авар., внук *кади*. — *В.Б.*) сын кади Ша'бана Ободинского, из селения Ахвах — Гази и Тункуч» (РФ ИИАЭ, ф. 1, оп. 1, д. 426, л. 154; см. публикацию текста с ошибками: Из истории права: 1968, 227; ср.: РФ ИИАЭ, ф. 25, оп. 1, д. 1680, л. 36; ал-Кур'ан ал-карим 1153/1740-41; Гидатлинские адаты: 1957, 12–13, 32–33).

Приведенные выше источники позволяют реконструировать не только правила оформления правовых актов, но и элементы процесса по адату и мусульманскому праву. Худутская грамота подробно описывает ход судебного разбирательства. Четверо старшин с. Анчибачи приходят в Кумух, где при посредничестве ричинского кади и некого Аййуба обращаются с прошением о земельном пожаловании. Это важное дело разбирается на общем сходе, в месте, которое называется *махфил* (араб., «место сбора»). Вероятно, это *годекан* или *гим* — площадь перед соборной мечетью, как и в других дагестанских селениях. На слушании дела присутствуют судьи и правители кумухской общины — *шамхал* и старшины (*кубара'*).

Для разбора особо важных судебных дел в «вольных обществах» были и специальные места сходов за пределами селений. Их названия сохранились в микротопонимике, например «поляна совета» (багв. *Багъалъль хIаш*) у багулал (*Бобровников*: 1996, 8). Аштынская надпись позволяет предположить, что менее значительные дела (например, выделение *мулька*) разбирались не на сходе, а в суде «по повелению

---

* Лакуна в тексте документа.

амира (здесь: светского правителя. — *В.Б.*)... и с разрешения *кади*». Крайне важно отметить, что кади решал тяжбы не только по шариату, но участвовал также в судебных разбирательствах по адату. В свою очередь, «светские» судьи и правители (*хукама'*) могли участвовать в шариатском суде. Этот факт позволяет предположить, что в дореформенную эпоху, как и в XIX в., состав адатного, шариатского или третейского суда обычно не различался. В них принимали участие одни и те же люди.

В записях правовых актов результат судебного разбирательства или решения схода выражается словами: «с разрешения старшин»/ «с разрешения общества» (*бизни-р-ру'аса'; бизни-р-риджал*); «согласились»/«заключили соглашение» (*кад иттафаку*) (см.: РФ ИИАЭ, ф. 1, оп. 1, д. 1642, л. 37; д. 1669, л. 44, 149, 153, 154, 163, 166, 171; Гидатлинские адаты: 1957, 32–33, 34–35, 38–39, 40–41; Из истории права: 1968, 221, 222, 223, 224, 226, 227, 229, 230–232). В одной из обнаруженных мной уголовных норм хуштадинского адата второй половины XVIII в. говорится: «Жители селения хуштадинцев (авар. *хушдал*), стар и млад (араб. *сагиру-хум ва кабиру-хум*), согласились...» (ал-Кур'ан ал-карим: 1153/1740-41).

Языком суда и схода был, конечно, один из местных кавказских языков. В случае, когда в судебное разбирательство оказывались вовлеченными представители разных народов, использовались местный *lingua franca*, например аварский (*болмацIил*) у андийских народов. На это косвенно указывает запись топонимов в таких делах *аджамом* (т.е. в арабской графике) на аварском языке (см., например, знаменитое «Завещание Андуника»: 890/1485 // РФ ИИАЭ, ф. 14, оп. 1, д. 220, л. 8а; см. также: ал-Кур'ан ал-карим: 1153/1740-41). Когда решение было вынесено, писец или кади составляли официальный документ на арабском языке; под ним подписывались свидетели, и дело считалось оконченным. Неграмотные могли рисовать свои знаки (*расм*) или оставлять отпечатки пальцев, под которыми писец подписывал их имена. Такие «подписи» сохранились на некоторых документах XVIII — начала XIX в. из разных районов Нагорного Дагестана.

2
Адат как общинное и семейное право

По правовым актам XIV–XVIII вв. можно достаточно ясно представить себе законодательство дореформенного Нагорного Дагестана. Его основные принципы и положения были довольно однообразны. Эту особенность дагестанского адата отметил еще Ковалевский.

«Я считаю также более или менее установленным, — писал он, — то общее положение, что, несмотря на пестроту племенного состава и разнообразие языков, жители Дагестана придерживаются более или менее одинаковых начал права» (Ковалевский: 1890, т. 2, 9).

Анализ памятников дагестанского дореформенного права позволяет выделить два основных «уровня» правотворчества, или полуавтономных социальных поля, согласно терминологии С.Мур. Правовые нормы создавались и поддерживались, во-первых, на уровне отдельной семьи (*байт*; *акариб*) либо клана-тухума (*кабила*) и, во-вторых, на уровне селения, «вольного общества» или ханства (*джама'а*; *джайш*; *нахийа*). Право второго, высшего уровня было писаным, семейный закон, как правило, бесписьменным. По этой простой причине до нас дошли в основном памятники общинного адата.

Имеющиеся источники касаются в основном двух областей права: имущественного (поземельного) и уголовного. Бóльшая часть из них относится к адату, а не к шариату. Что касается шариатских записей, то это, как правило, списки *вакфов* и духовные завещания (араб. *васийа*). Составители документов, по верному замечанию Ю.И.Семенова, четко не отделяли уголовное право от гражданского. В адате решающим было понятие *физического* или *имущественного ущерба* (например, авар. *зарар* — «вред», «убыток»; см.: РФ ИИАЭ, ф. 5, оп. 1, д. 407, л. 52, 54, 57, 64, 69, 74, 84, 93). Оно тесно переплеталось с понятием *оскорбления*, и разрешались такого рода конфликты одинаковыми способами (*Семенов:* 1997, 22).

Ю.И.Семенов видит в этом свидетельство архаичной предклассовой стадии развития, на которой находилось горское общество (Национальная политика: 1997, 91, 93; см. также: *Ладыженский:* 1928). На мой взгляд, источники не позволяют сделать такой вывод (см. подробнее: *Агларов:* 1988, 72–89). Дело гораздо проще. Выделение уголовной, гражданской и иных областей юриспруденции, к которым мы привыкли, основывается на традициях европейского позитивного права, уходящего корнями в римское право. Конечно, ни то ни другое не было известно создателям дагестанского адата.

Если вчитаться в источники по общинному дореформенному адату, нельзя не заметить одну коренную особенность правового сознания горцев. Среди них бытовало представление, что как **преступление**, так и **наказание** по своей сути являются не индивидуальными, а **коллективными действиями.** Согласно адату, любое правонарушение причиняет ущерб или затрагивает честь не столько отдельного человека, сколько того рода и общественной группы, с которыми он связан. Говоря о разборе «преступлений против личности» согласно адату, следует иметь в виду, что под личностью понимался не индивид, а коллектив — семья, клан, квартал, селение и т.д. Субъектом права является не индивид, а то социальное поле, которое вырабатывает

правовые нормы, — клан либо селение. Человек, не имеющий или лишившийся своей социальной группы, не может иметь какой-либо правовой защиты. Это изгой, которого каждый может оскорбить, ограбить или даже убить. Для члена джамаата это был худший вид наказания.

Наилучшим подтверждением сказанного являются записи адата. Как уже говорилось, основным принципом не только дагестанского, но и вообще северокавказского обычного права являются *композиции* — система штрафов за совершенное правонарушение. Убийцы, прелюбодеи и воры присуждались к штрафу в пользу как потерпевшего (или его родных) (*даман*), так и всего селения (*фидйа*), достоинство которого они оскорбили. Например, селения Мачада (*МечI*) и Ригитль «согласились на то, чтобы взыскивать с убийцы сорок котлов и быка по выбору наследников, а также котел в их (т.е. обоих селений. — *В.Б.*) пользу». В с. Батлаич «за тем, кто заключил в свои объятия или задержал незамужнюю женщину, два быка в пользу жителей селения и один бык в пользу родственников женщины». В с. Ассаб записан следующий адат: «...за вором в пользу аула бык, а также возмещение краденого хозяину в пятикратном размере, независимо от размера стоимости краденого» (Из истории права: 1968, 224, 229, 231).

Представление о коллективном характере преступления и наказания отразилось в обычае очищения подозреваемого коллективной присягой его родственников, разобранном нами выше. Когда же для обеления обвиняемого в убийстве «не наберется из его ближайших родственников (*мин акарибих*) пятнадцати мужчин, то их (приносящих присягу. — *В.Б.*) пополняют из жителей селения» (РФ ИИАЭ, ф. 5, оп. 1, д. 62; см. также: Гидатлинские адаты: 1957, 14; пер. мой. — *В.Б.*). В том же Гидатлинском «вольном обществе» существовал адат, согласно которому семья, а в исключительных случаях тухум ответчика отвечали своим имуществом за преступление одного из своих членов, если тот оказывался слишком беден, чтобы самому заплатить пеню.

«Штраф (*фидйа*) и возмещение (*даман*) взыскиваются с виновного, пока не иссякнет его имущество, затем они взыскиваются с его близких и дальних родственников (*мин ахли-хи мин ал-усул ва-л-фуру'*), братьев и не выданных замуж сестер, хотя бы они (т.е. сестры. — В.Б.) и не жили в его доме; причем взыскиваются с тухума его дальних родственников по отцу (*'асабат*) только после того, как иссякнет имущество первых» (РФ ИИАЭ, ф. 5, оп. 1, д. 62; пер. с араб. мой. — *В.Б.*; см. также: Гидатлинские адаты: 1957, 30).

Штраф за порчу, потраву или хищение общинной (*харим*) и мечетной (*вакф*) собственности был очень высоким. «Если кто-либо украл мечетское имущество, за ним штраф — бык», — сказано в «Адатах селения Ассаб» (Из истории права: 1968, 231). В Гидатлинском союзе

такой же штраф брали «с того, кто поднял ложную тревогу (о набеге врагов на селение. — *В.Б.*) или позволил угнать стадо с пастбища» (Гидатлинские адаты: 1957, 18, 20, 24). Самым суровым было наказание за порчу или уничтожение общественного моста, который связывал «вольное общество» с соседями и по которому ежегодно перегоняли скот на летние пастбища в горах. В худшем случае виновному грозило изгнание из общества — лишение «огня и воды», т.е. гражданская смерть. В таком случае он приравнивался к кровнику (*канлы*), причем мстить ему были обязаны все члены общества. Вот текст подобного постановления:

«С виновных в нерадивой охране моста, повлекшей за собой пожар, — будь то целое селение (*ахл карйа*) или отдельные люди — [штраф] сто котлов... С того, кто поджег большой мост, — штраф (*фидйа*) в сто котлов, а также изгнание из Гидатлинского союза (*ихрадж мин нахийат Хид*), если виновный из нашего общества... С того из дибиров (*куда*), кузнецов, плотников, сельских каменотесов или мельников, кто поможет ему (т.е. изгнаннику. — *В.Б.*) или выполнит для него какую-нибудь работу, — [штраф] — котел. С прохожего из числа простонародья, кто поможет ему (т.е. изгнаннику. — *В.Б.*) чем-нибудь, хотя бы даже [предоставлением] огня и воды, — [штраф] — овца. Ударивший его (т.е. изгнанника. — *В.Б.*) не платит пени (*фидйа*), убивший его — виры (*дийа*), а портящий его имущество — возмещения (*даман*); напротив, с него самого и с помогающего ему взыскиваются штраф и выкуп, а также оба они считаются кровниками (*'алайхи ва 'ала му'инихи дам*)» (РФ ИИАЭ, ф. 5, оп. 1, д. 62; пер. с араб. мой. — *В.Б.*; ср.: Гидатлинские адаты: 1957, 24).

Безжалостно преследуя своего бывшего члена, лишившегося покровительства адата, община в то же время могла принимать под свою защиту отдельных лиц, семьи и даже целые селения. Худуцкая грамота свидетельствует о том, что при подчинении одного джамаата другому первый принимал право второго: «...не остается ни тяжбы, ни претензий. *Дийа* жителей Анчибачи — это *дийа* Гумика», с тем чтобы «были радости и несчастья общими, как у братьев». Похожий адат конца XVIII в. я переписал в с. Хуштада: «Поистине, селение Тлисси вошло в общину (*ахл*) селения хуштадинцев (авар. *хушдал*), заключило договор (*ва'аду*) об этом, и сделались оба аула как бы единым селением во всех делах, а законом (*'адл*, т.е. *'адат*. — *В.Б.*) их (т.е. тлиссинцев. — *В.Б.*) будет хуштадинский закон, все равно, хорош он или плох» (ал-Кур'ан ал-карим: 1153/1740-41).

Таким образом, социальное поле адата временами могло значительно расширяться, охватывая порой целые горные долины или еще более значительные районы. Общины, подчинившиеся власти одного селения, или же джамааты, заключившие между собой военно-политический союз (*джайш, нахийа*), договаривались о том, что их жители

будут следовать одним и тем же местным законам. В этом случае и возникали своды адата, подобные Гидатлинским адатам, Кодексу Умму-хана Справедливого или Постановлениям кайтагского уцмия Рустем-хана (Гидатлинские адаты: 1957, 32–33, 38–39; Фа-хазихи 'ухуд ва мавасик вака'ат байн джами' кура 'андалал: 1965, 67; Нафахат азахир ал-кара фи 'арсат 'адат ал-кура*: РФ ИИАЭ, ф. М.-С.Саидова, папка 8, *л.* 1–7; Из истории права: 1968, 182, 195).

Судя по адатным записям, общинное право дореформенной эпохи, как правило, не знало апелляций. Решения сельских судов были окончательными и пересмотру не подлежали. В то же время, если община не могла сама решить какой-либо серьезный поземельный спор или рассудить тяжущиеся тухумы, для вынесения решения обращались к третейским судьям. Вплоть до середины XIX в. в этой роли выступали представители горской знати; многие из них возводили свою родословную к арабам-*сайидам* и считались правосудными (араб. *'адил*) по своей природе. Один из правителей Аварского ханства, Умму-хан даже получил прозвище Справедливый. Известно немало случаев, когда отдельные джамааты и «вольные общества» цезских и андийских народов обращались к аварским *нуцалам*, казикумухским *шамхалам* и султанам Елисуйским (Из истории права: 1968, 74; *Лугуев, Магомедов:* 1994, 138). Местную горскую знать — *беков* и *чанков* — эти джамааты обычно люто ненавидели (см., например: *Хашаев:* 1961, 152) и поэтому обращались к правителям отдаленных территорий.

Несмотря на скудость источников, можно сделать некоторые предположения и о функционировании обычного права в более узком и закрытом социальном поле семьи и рода. Горцы полагали, что община не должна вмешиваться в отношения между членами одной семьи и даже целого тухума. В теории глава семьи и клана должен был единолично разбирать все столкновения внутри их и «не выносить сора из избы». Поэтому практически во всех записях дореформенного адата регулировались только иски **между тухумами.** Слова «чужой»,

---

* Этот кодекс дважды (1948, 1965) опубликован Х.-М.О.Хашаевым под заголовком «Кодекс законов, составленный во времена эмира 'Умма-хана Аварского Справедливого, умершего в 1044 году х[иджры]/1634 х[ристианской эры]. Копия, переписанная из записей ученого Хадиса Хандихского». Факсимиле рукописи, изданное в 1965 г., ясно показывает, что этот заголовок написан другим почерком на узкой полоске бумаги, позднее приложенной или приклеенной к началу рукописи. Сам стиль заголовка (в частности, датировка по н.э.) обнаруживает его более позднее происхождение (вероятно, 40-е годы XX в.). Подложность заголовка и невозможность отнесения данного свода к Умма-хану окончательно выяснились в ходе экспедиции в Дагестан осенью 2001 г. автора этих строк с немецким историком М.Кемпером. Среди неразобранных бумаг в фонде М.-С.Саидова мы обнаружили фотокопию оригинала рукописи с ее первоначальным заголовком «Дары красот, дремлющих во дворе адатов селений».

«другой» (*ал-гейр, ахад*) означают в этих текстах нанесение ущерба или оскорбления другому клану (РФ ИИАЭ, ф. 1, оп. 1, д. 426, л. 149, 153, 154, 171; Гидатлинские адаты: 1957, *passim*).

По семейному (и общинному) адату строго каралось прелюбодеяние. Так, например, у аварцев горец, заставший во время прелюбодеяния свою жену, мать, дочь, сестру, племянницу, внучку или тетку, должен был убить обоих прелюбодеев, не внося никому никакого дията (Гидатлинские адаты: 1957, 18–19, 28–29). Если соблазнитель скрывался невредимым, то между ним и обманутым мужем возникала кровная месть. В некоторых районах, например в Верхнем Кайтаге, соблазнитель мог жениться на своей любовнице и примириться с ее прежним мужем, уплатив ему брачный выкуп (*калым*). Но обманутый муж был вправе не отдать жену, а убить ее. Например, в своде решений Цекубского джамаата сказано: «Если муж застанет жену при прелюбодеянии и убьет обоих [прелюбодеев], то кровь их пропадает без возмещения (*фа-мухдаран*). Если же любовник остался живым после ее убийства, то он считается кровным врагом [мужа] (*'адувв*) до убийства или до примирения с ним. А если жена осталась живой после убийства любовника, то убийца становится кровным врагом и изгоняется из селения до тех пор, пока не будет убита та женщина. Когда же он убьет ее, то возвращается к себе на родину. С него ни *дият*, ни штраф (*фидйа*) не взимаются, пока он не убьет или не простит ее в течение года. По истечении года с нее взимается штраф» (Хаза каус расма' цекал ва 'адати-хим: 1965, 104).

У тиндинцев обманутый муж, убивший или ранивший только прелюбодея и пощадивший свою жену, должен был поклясться вместе с 12 ближайшими родственниками, что застал соблазнителя при совершении полового акта. Если же он прощал соблазненную, а соблазнителя убивал, то сам мог стать объектом кровной мести со стороны рода убитого (Из истории права: 1968, 18).

По древнему адату ингушей, муж отрезал или откусывал неверной жене нос, затем публично прогонял ее и требовал от ее родных возвратить *калым*, а также уплатить штраф в 48 коров. Обычай отрезать нос жене, нарушившей супружескую верность, отмечен в XVIII–XIX вв. у осетин и других народов Кавказа (*Грабовский:* 1876, 53; *Ладыженский:* 1928; Адыги, балкарцы и карачаевцы: 1974, 307; *Дубровин:* 1991, 141, 349; *Карпов:* 1996б, 114). Чтобы верно понять значение этого адата, нелишне будет вспомнить, что повсеместно на Кавказе (как и в других регионах мира) нос считался символом чести рода. У некоторых народов, например у берберов Кабилии в Алжире, «нос» и «честь» обозначались одним и тем же термином (берб. *ниф*) (*Bourdieu:* 1979, 117–121).

На практике к убийству внутри семьи и клана прибегали крайне редко. За преступления против нравственности чаще изгоняли из

тухума. Об изгнании преступника нередко объявлялось на центральной площади селения (*годекан; гим*). Наблюдатели середины XIX в. отмечали, что в Кайтаге «от тухума отделяются более за распутную жизнь, чем за воровство и убийство, что не считается бесчестным» (Памятники обычного права Дагестана: 1965, 35). Тут требуется сделать одно небольшое пояснение: воровство или убийство не считались противоправными и бесчестными, если они были совершены по отношению к объявленным вне закона врагам тухума и селения. В противном случае эти действия подлежали полной уголовной ответственности как по адату, так и по шариату (см.: *Агларов:* 1988, 128).

Практически не вторгаясь в семейные установления адата, община резко осуждала расправы по доносу и подозрению в прелюбодеянии. Один из таких прецедентов послужил сюжетом баллады *МугIрул Пали* (авар. «Горный Али»). Оклеветана молодая жена Али, который пасет в горах скот. Али доносят, что его жена раздарила своим любовникам украшения, подаренные им ей, когда она была новобрачной. Али спешит домой и, не обнаружив украшений на жене, убивает ее, но узнает от умирающей, что украшения ею спрятаны: «Жемчуг и яхонт, что были на моей голове, не смела носить, когда нет тебя, и, чтоб не поблекли, положила в сундук» (*Schiefner:* 1873). В отчаянии, кляня себя, Али ударами кинжала кончает и с собой. Эта баллада с трагической развязкой была очень популярна среди аварцев, даргинцев и лакцев (*Агларов:* 1988, 112–113). Известный дореволюционный лингвист А.Шифнер записал ее вскоре после окончания Кавказской войны. Можно предположить поэтому, что песня была сложена гораздо раньше, по крайней мере в XVIII в.

Конечно, были и такие тяжкие правонарушения, совершенные в рамках семьи, которые не могли оставить общество равнодушным. К ним горцы привыкли относить убийство сыном отца или матери. В таком случае община объявляла преступника вне закона. Каждый мог убить его и разорить его имущество. Как правило, такое же суровое наказание грозило виновному в смерти своего ближайшего родственника — брата или сестры. Характерный адат такого рода записан у аварцев: «Жители селения Батлаич согласились признавать убившего своего отца или мать, или брата, или сына, врагом каждого; в пользу жителей селения брать долю убийцы от имущества убитого, [положенную ему] по наследству; резать в пользу жителей селения одного быка стоимостью в двадцать пять козлят с того, кто помог такому убийце» (Из истории права: 1968, 230).

Отце- и матереубийство нередко рассматривались как святотатство. Горцы Южного Дагестана и Чечено-Ингушетии публично побивали отцеубийцу камнями (Саидов: 1964, 126–128). У табасаранцев дом его сжигали, а братья должны были убить его. Если отцеубийца был схвачен местным беком, то его забивали насмерть палками (Из

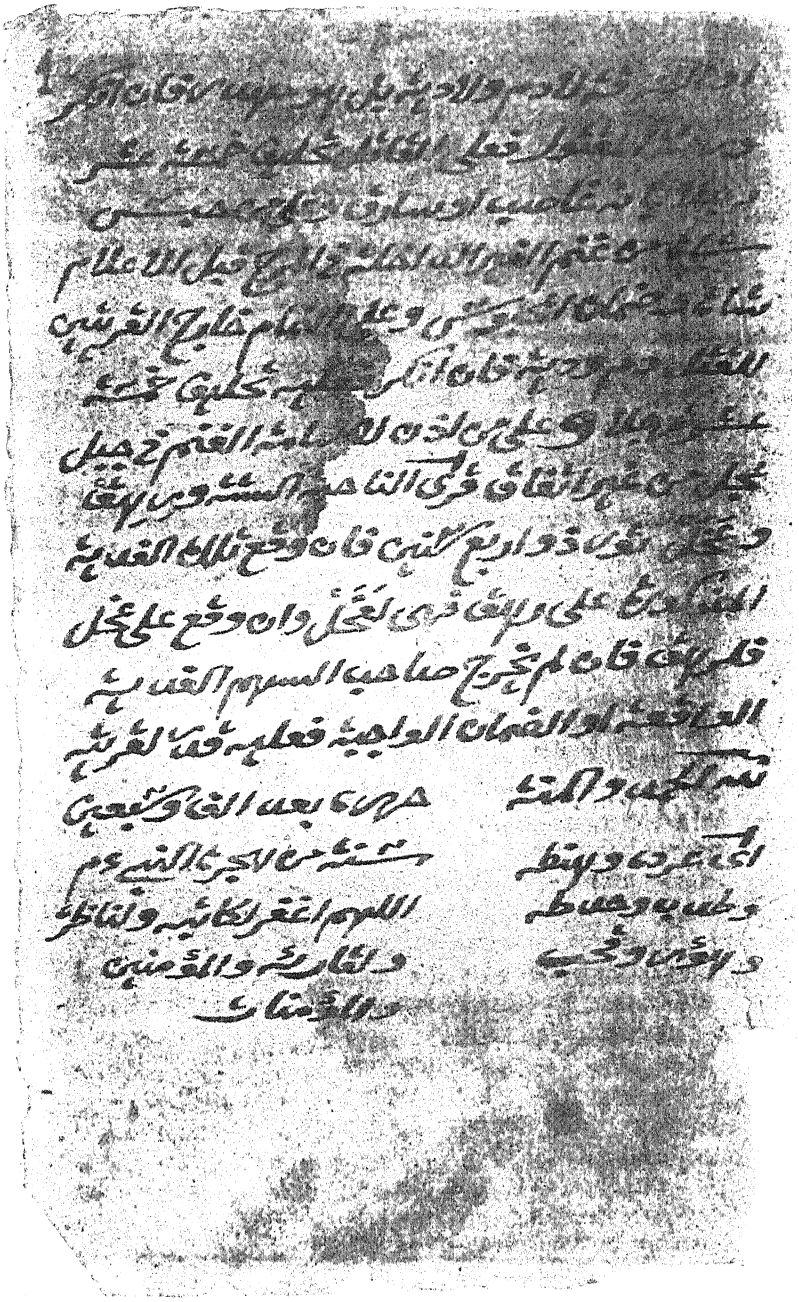
истории права: 1968, 161). Не менее сурово такие преступления наказывались и у других народов Кавказа. Например, сваны и балкарцы надевали преступнику на шею цепь из камней (балкар. *каа*) и также изгоняли из общества (*Ладыженский:* 1928).

3
Рецепция шариата в дагестанском адате XVIII в.

Говоря об основных чертах дореформенной соционормативной культуры горцев, крайне важно отметить ее способность быстро меняться, гибко приспосабливаясь к новым общественным условиям. Эту особенность нередко упускают из виду, когда говорят об истории обычного права. Большинство исследователей дагестанского адата предпочитали рассматривать его в **статике**, а не в исторической динамике (см., например: *Гусейнов:* 1993, 8–9; *Лугуев, Магомедов:* 1994, 133–134; *Мусаева:* 1995, 138–140). Читая их труды, трудно отделаться от впечатления, что время шло, общество развивалось, а обычаи и правовая система Нагорного Дагестана не менялись, застыв на раз и навсегда установленном архаичном уровне.

Между тем известно немало записей адата, оговаривающих право джамаата изменить правовые нормы через несколько лет. «Срок действия настоящего постановления — два года», — читаем мы в одном из уголовных постановлений схода хунзахского джамаата, помеченных 983/1575 г. (Из истории права: 1968, 222). В найденных мной записях Хуштадинского адата XVIII в., выдержки из которых приведены выше, я обнаружил палимпсест — тексты отмененных постановлений смывались, а поверх них записывались новые законы. Некоторые части двух листов с правовыми текстами адата, вставленных в большой мечетный Коран, совсем почернели от того, что их неоднократно использовали подобным образом. Этот обычай объясняется дефицитом бумаги в Нагорном Дагестане того времени.

О постоянном развитии и изменении местного права также свидетельствуют дошедшие до нас своды норм адата отдельных союзов сельских общин. Существует превратное мнение, будто эти нормативные тексты были созданы сразу и потом уже не менялись. Некоторые дагестанские историки даже относят их к эпохе русского владычества в XIX в. Однако источниковедческий и палеографический анализ этих сводов показывает, что дело обстояло иначе. Еще в 80-е годы XX в. В.Г.Гаджиев совершенно верно отметил, что «дошедшие до нас в записях сборники адатов состоят из разновременно возникших пластов ряда вставок и глосс, внесенных сознательно и бессознательно

Гидатлинские адаты. Рукопись XIX в., переписанная с копии середины XVII в

многочисленными копиистами и другими лицами, в руках которых находились данные памятники» (*Гаджиев:* 1987б, 86). К сожалению, ученый оперировал исключительно русскими переводами сводов адата. Палеографическое изучение ряда арабских сводов, предпринятое мною совместно с немецким историком М.Кемпером, позволило подтвердить эту гипотезу. Тетрадки (араб. *дафатир*) адата союзов общин переписывались по многу раз, в последний раз порой даже в конце XIX или начале XX в. К тетради адата с. Ассаб была даже приплетена более древняя копия свода норм местного права*, уже переписанного в ней (РФ ИИАЭ, ф. 5, оп. 1, д. 59, л. 2).

Другое распространенное заблуждение — представление о том, что в судебной практике горцев сферы приложения адата и шариата были всегда четко разграничены. Обычное право господствовало в области уголовного и отчасти поземельного права, а шариат преобладал в гражданском праве (его семейном и наследственном разделах) (*Агларов:* 1988, 155). Причиной такого разделения с легкой руки А.И.Першица считаются отсталость и чрезмерная жестокость мусульманского уголовного права, якобы претившая горцам. «В шариате, — по его словам, — гражданско-правовые нормы более модернизированы, чем отличающиеся поистине варварской жестокостью уголовные» (*Першиц:* 1979, 225). Ученый полагает, что брачно-семейное мусульманское право привилось в Дагестане благодаря его «большей исторической продвинутости» и «гуманности» по сравнению с адатом (*Першиц, Смирнова:* 1998, 82). Это определение не раз повторялось в работах по обычному праву на Северном Кавказе.

Подобная аргументация представляется мне абсолютно надуманной. Она опирается на взгляды, свойственные не горцу-мусульманину прошлого, а современному россиянину, который боится шариата и сводит его к «средневековым жестокостям», вроде отрубания рук и побивания камнями. Темы «шариатской угрозы» на Северном Кавказе мы еще коснемся в разделе, посвященном современности. Сейчас же я бы хотел привести несколько контрдоводов. Надеюсь, содержание первой и второй частей этой книги убедило читателя в том, что в прошлом горцы отнюдь не были гуманны и мягкотелы. Были приведены примеры жестоких наказаний по средневековому адату: забивание насмерть отцеубийц, отрезание носа прелюбодейкам. В с. Хуштада я записал предание о том, как около полутора веков тому назад сельский сход осудил раба, убившего своего хозяина, на сожжение заживо (*Бобровников:* 1996, 11).

Процесс исламизации Северо-Восточного Кавказа затянулся почти на тысячелетие. Отмеченное выше разграничение сфер применения адата и шариата сложилось в Нагорном Дагестане не в раннем сред-

---

* Я благодарен Михаэлю Кемперу, обратившему мое внимание на это обстоятельство.

невековье, а только к самому концу XVIII — первой половине XIX в. (*Бобровников:* 1999б, 31) и никоим образом не может расцениваться как результат победы гуманности над жестокостью и исторического прогресса над отсталостью.

Средневековые источники не позволяют с уверенностью определить, в каких областях права и в каких районах шариат утвердился в первую очередь. Ислам, а с ним и шариат крайне медленно проникали в горные районы. К настоящему времени историками установлено, что в результате военных походов арабов времен Халифата мусульманами стали только жители Дербента и близлежащих предгорных селений. К X в. ислам окончательно утвердился в Южном Дагестане. К XI–XII вв. арабские путешественники отметили появление у населения этого региона судей по шариату (*кади*) и ученых-юристов, сведущих в мусульманском праве (*фикх*) (см., например: *Абу Хамид ал-Гарнати:* 1971, 26). В это время среди местных мусульманских общин встречались как *ханафиты*, так *шафииты* и *ханбалиты*. Позднее шафиитская религиозно-правовая школа восторжествовала во всем Дагестане (*Халидов:* 1998, 24).

Ислам продолжал распространяться с юга на север, с равнины в горы. На втором этапе исламизации, под влиянием военных походов и проповеди местных миссионеров, к XIII–XIV вв. мусульманами стали большинство горцев Дагестана. Ислам утвердился на большей части территории Северо-Восточного Кавказа, вытеснив прежние религиозные верования и правовые системы, включая христианство и иудаизм. Андо-цезские народы и чеченцы стали мусульманами еще позднее. Только в XV–XVI вв. мусульманские миссионеры из Аварии и Засулакской Кумыкии построили на землях Чечни и Ингушетии первые мечети. От аварцев и кумыков вайнахи переняли шафиитский мазхаб суннитского ислама. В то же время в их быту, общественной жизни и праве еще долго сохранялось немало доисламских — частью языческих, частью христианских — обычаев (подробно см.: *Шихсаидов:* 1969; *Бобровников:* 1998а, 31).

Окончательное утверждение ислама на Северо-Восточном Кавказе произошло в XVII–XIX вв. Во второй половине XVIII в. Нагорный Дагестан и Чечню охватило стихийное исламское движение, по своему значению сопоставимое с Реформацией в позднесредневековой Европе. На это время приходится деятельность известных мусульманских правоведов, в частности Мухаммеда Кудутлинского, о котором говорилось выше. Многие горные джамааты заменили гражданские нормы адата шариатскими. Существуют архивные источники, подтверждающие это. В частности, в прошении *чанков* аварских селений Гидатля, поданном российской администрации вскоре после окончания Кавказской войны, говорилось: «В настоящее время мы передаем имение детям по шариату, так было и в старину (т.е. перед правлением

Шамиля. — *В.Б.*)» (Показания чанков селений Телетль, Гонода, Ругуджа: 1959, 708).

Уголовное право в большей части региона по-прежнему опиралось на адат. Как мы видели, несмотря на все усилия мусульманских юристов, горцы вплоть до начала шамилевского движения упорно держались таких недопустимых по мусульманскому праву обычаев, как *ишкиль*. Лишь отдельные селения, такие, как Акуша и Цудахар, перешли к шариатским уголовным нормам. С начала XVIII в. тут были установлены шариатские нормы отмщения (*кисас*); за воровство и пьянство стали применяться телесные наказания (*худуд*), за прелюбодеяние — казнь через побивание камнями (*раджм*) (*Комаров*: 1868, 35; *Мансурова:* 1995, 109).

Постановления о переходе к мусульманскому праву при решении тех или иных судебных дел выносили на сельских сходах. Сохранилось несколько десятков исторических записей (*таварих*) документов, подобных следующим.

«...Поистине, общины и жители селений конфедерации томурaльцев (*джама'ат ва ахали кура нахийат Тумурал*)... согласились применять благородный мусульманский шариат, а не обычное право (*аш-шар' аш-шариф ал-ахмадий ла ар-расм ал-'адий*) при выделении наследства и разделе его (*фи тамйиз тарикат ва таксими-хум*, ошибочно вместо *таксими-ха*. — *В.Б.*) между мужчинами и женщинами... в день двадцать второго ша'бана 1122 года... от хиджры богоизбранного Пророка, да благословит его Всевышний Аллах и приветствует» (1710 г.) (РФ ИИАЭ, ф. 14, № 583; см. также: Хрестоматия по истории права и государства Дагестана: 1999, I, 36; пер. с араб. мой. — *В.Б.*).

«...Все жители селения Ассаб (*'Ис*) согласились начиная с 1154 года хиджры (1741-42 г.) передавать в шариатский суд все тяжбы, которые возникают между ними, за исключением дел об убийстве и краже, [оскорблении] женщин (*амр ан-ниса'*)... согласились также взыскивать по одному котлу с того — с обеих сторон, — кто не пошел в шариатский суд. Свидетельствуют это Хадис Мачадинский и 'Абдуррахман 'Урадинский» (РФ ИИАЭ, ф. 1, оп. 1, д. 286, *л.* 73; см. также: Из истории права: 1968, 232; Хрестоматия по истории права и государства Дагестана: 1999, I, 42; пер. с араб. мой. — *В.Б.*).

«Причина составления этих постановлений, соответствующих шариату (*хаза ал-калимат аш-шар'иййа*), в том, что жители [конфедерации] Ахты-пара (*ахали Ахту-пара*) утвердили [такой] договор (*зиммата-хум*): штрафовать на три тумана тех юристов (*фукаха'*), старшин (*ру'аса'*) и богачей, кто преступит шариат посланника Аллаха, да благословит его Аллах и приветствует; [за то же правонарушение] брать с остального народа по два тумана с каждого отдельного (*мунфарид*) [домовладельца и главы семьи]; если же шариат преступит [целый] тухум

или квартал (*кабила ау махалла*), штрафовать их также по числу домов, взимая с каждого дома те же два тумана... Записано это было по приказу лучшего из юристов, гордости ученых Мухаммед-Хашима Ахтынского, который умер в тысяча сто шестьдесят первом году (1748 г.). Затем с согласия общины обновил [эти постановления] через шестнадцать лет после его кончины, в тысяча сто семьдесят седьмом году (1763-64 г.), благородный Рамадан-*эфенди*, да помилует его Аллах! Я же переписал их со второй копии, сделанной рукой Рамадана-эфенди, четвертого сафара 1216 года (1801 г.)» (Хрестоматия по истории права и государства Дагестана: 1999, I, 46; пер. с араб. мой. — *В.Б.*).

«Это разъяснение на будущее и нерушимое обещание, и продлится вечно. Население аула Мехельта решило изгнать того, кто не соблюдал законы шариата, противоречил, брал взятку, лжесвидетельствовал, брал плату за кровь (*дийа*). При этом присутствовали кади-мулла Мухаммед из Ичиали, Хаджжи Мухаммед из селения Цинитль, Исма'ил сын 'Османа из селения Аргвани, 'Али-мирза из того же селения, Курбан Мухаммед из селения Сиух, Кундалав из селения Сиух, Мухаммед из селения Нижнее Инхо, Мута'аллим сын 'Али из селения Игали» (РФ ИИАЭ, ф. 16, № 1704; пер. с араб. мой. — *В.Б.*).

Чаще в своды местного адата просто заносились отдельные законы шариата, однако не отмечались писцом или кади, составлявшими список, как таковые. Для них и обращавшихся к сводам местных мусульманских юристов все было ясно без дополнительных указаний. Эта особенность арабских записей дагестанского адата XVIII–XIX вв. значительно затрудняет их точную интерпретацию. Поскольку среди этнологов и историков, работавших с этими документами, практически не было специалистов по *фикху*, многие шариатские нормы, принятые обычным правом, рассматривались исследователями как адатные (см., например: Из истории права: 1968, 71, 75; *Агларов*: 1988, 129, 154).

Любопытно отметить, что даже после перехода к нормам шариата общинное дореформенное право горцев по-прежнему оставалось узколокальным. Решения сельского суда по шариату считались окончательными и не подлежали пересмотру. Джамаат строго запрещал каждому из своих членов обращаться в шариатский суд чужой общины. Сохранилось немало специальных постановлений сельских сходов на этот счет. Например:

«[Члены] Акушинской общины пришли к соглашению между собой и постановили, скрепив это клятвой, что будут следовать шариату, обычному праву и постановлениям своих кади и муэдзина (*йакуну 'ала аш-шари'а ва-р-расм ва 'ала хукм кади-хим ва му'аззини-хим*). С того же, кто отделится от них и будет поступать вопреки их [закону] (*фа-ман инфарада ва халафа мин-хум*), [брать] быка за это правона-

рушение (*ли-л-джурм*)... Это соглашение (*ва'д*) записано в 1162 году (1748-49 г.)» (Хрестоматия по истории права и государства Дагестана: 1999, I, 47; пер. с араб. мой. — *В.Б.*).

Отметим также один любопытный арабский документ, переписанный в даргинском селении Усиша в XIX в. и восходящий, вероятно, к XVIII столетию. Он устанавливает большую пеню для каждого усишинца, осмелившегося опротестовать решение местного суда у кади крупного соседнего аула Акуша:

«...Договорился джамаат резать быка того, кто отправился в Акуша после того, как его дело было решено в Усиша по шариату или адату, бытующему в этом селении... Я переписал это со старой записи в реставрированной рукописи, дата которой не указана. В добавлении к рукописи в конце стоит дата 1270 год хиджры (1853 г.). А я — идущий по пути Аллаха Мухаммед» (Из истории права: 1968, 234, 236).

4
Правовая реформа Шамиля: правда и вымыслы

Современное состояние обычного права и формы правового плюрализма в Нагорном Дагестане в значительной мере были предопределены административно-судебными преобразованиями, проведенными в первой половине XIX в. в имамате Шамиля. Образ этого незаурядного политического деятеля и реформатора очень сильно мифологизирован. Со времен Кавказской войны в нем привыкли видеть прямо-таки революционера, пытавшегося круто повернуть ход истории общества и права на Северном Кавказе, но обманувшегося в своих надеждах привить шариат горцам. Еще военный начальник Южного Дагестана А.В.Комаров считал, что стремление руководителей исламского повстанчества — Шейха Мансура, Гази-Мухаммеда, Шамиля — заменить суд по адату шариатским судом потерпело полный крах. «Шамиль... настойчиво и энергически, в течение 27 лет, стремился к уничтожению суда по адату... однако он не достиг цели. По взятии Шамиля в плен все население Дагестана немедленно восстановило у себя разбор дел по адату, и от шамилевского шариата осталось только одно воспоминание...» (*Комаров:* 1868, 7).

Без особых изменений эту формулировку воспроизводили крупнейшие советские исследователи дореволюционного Дагестана Х.-М.О.Хашаев, В.Г.Гаджиев и др. (*Хашаев:* 1961, 47; *Гаджи-Али:* 1995, 19–20). К настоящему времени огульное осуждение политики Шамиля давно сменилось ее не менее неумеренным восхвалением. Однако, за

исключением М.Гемера (см. книгу, подготовленную на основе его диссертации: *Gammer:* 1994, 225–247, а также ее русский перевод 1997 г. и статьи: *Гемер:* 1993, 37–43; 1997), практически никто серьезно не обращался к анализу собственно правовых преобразований имама в общей истории адата и шариата в Дагестане. Знаменитое уложение, или *низам*, Шамиля еще ждет своего исследователя.

Мне представляется, что борьба Шамиля с некоторыми нормами адата не шла вразрез с развитием обычного права в Нагорном Дагестане. Как мы видели, «соглашения» (*иттифак*) свидетельствуют, что еще в первой половине XVIII в. многие аварские, даргинские и андийские общины (*джамааты*) перешли к шариату при решении брачно-семейных, а порой и некоторых уголовных дел. Таким образом, Шамиль только продолжил местные правовые реформы уже в более широком социальном поле своего имамата, охватывавшего большую часть Нагорного Дагестана и Чечни.

Шамиль (правил в 1834–1859 гг.) создал в регионе военно-теократическое государство — *имамат*. Превращение имама в правителя началось еще при первом имаме Гази-Мухаммеде. В поддержавших его селениях он нередко оставлял своих заместителей-*наибов*. У Гамзат-бека были уже постоянные наибы, каждый из которых возглавлял определенный район. После уничтожения аварских ханов (1832 г.) Гамзат-бек открыто взял власть над всей Аварией в свои руки. Процесс оформления государственного аппарата завершился при Шамиле. К середине 50-х годов XIX в. третий имам стал суверенным правителем, сформировав и используя сложный государственный аппарат (в частности, в 1842 г. был создан совет (*диван*) из приближенных Шамиля) (Движение горцев: 1959, 619–620).

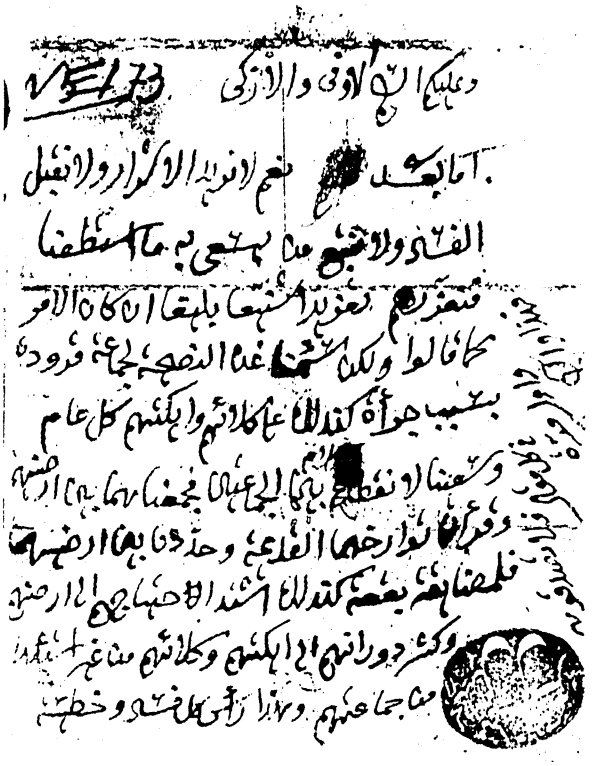
Идеологией и политической основой своего государства Шамиль сделал мусульманское право (*шариат*). Это было действенное оружие в борьбе с «неверными» русскими завоевателями. Он провел целый ряд судебно-административных реформ. Их целью провозглашалось укрепление шариата и искоренение тех норм обычного права (*'ада, расм*) и нововведений (араб. мн. *бида'*, ед.ч. *бид'*а), которые появились на Кавказе в результате контактов с русскими и противоречили исламу. В одном из писем к наибу Баширу имам писал: «Распоряжайся в своем вилайете (наибстве. — *В.Б.*), руководствуясь высокочтимым шариатом. Запрещай неприличные дурные поступки и разврат...» (Сто писем Шамиля: 1997, 214–215). Инструкции и постановления Шамиля, принятые в 1842–1847 гг. по разным правовым и военным вопросам и известные под названием *низам*, были равносильны законодательству (*Гемер:* 1993, 41).

На местах имам попытался разграничить судебную и военно-исполнительную власти. Одно из изданных им постановлений-*фетв* гласило: «*Наибы*... должны оставить решение дел по шариату муфтиям и кади

и не входить в разбирательство тяжб, хотя бы и были *алимами*. Им предоставляется вести дела только военные. Сим низамом запрещается вручать одному лицу две должности (т.е. судебную и военную. — *В.Б.*)» (Низам Шамиля: 1870, 10). В 1840-е годы для контроля над деятельностью наибов была введена должность *мудира*. Ему подчинялись округа, составленные из нескольких *наибств* (*вилайа*) — административных округов, на которые делилась территория имамата. Мудирами были назначены Даниял-бек, султан Елисуйский, Кебед-Мухаммед из Телетля и сын Шамиля Гази-Мухаммед (*Абдурахман из Газикумуха:* 1997, 78).

Другим новшеством было введение иерархии судов. Вводилось право апелляции на решения сельских судов. Над сельскими кади были поставлены *муфтии* в наибствах. Интересно отметить, что границы последних, как правило, совпадали с границами присоединившихся к движению «вольных обществ» — Анкратля (авар. *Анкьракь* — «Семиземелье»), ауховцев, багулал, каратинцев, чамалал и пр. (*Абдурахман из Газикумуха:* 1997, *л.* 91а–93б, 95а–98а; см. также: Движение горцев: 1959, 403, 729). Во главе пирамиды стоял сам имам (*амир ал-му'минин* — араб., «предводитель правоверных»), которому принадлежала верховная исполнительная, законодательная и судебная власть. Два дня в неделю — субботу и воскресенье — он посвящал приему жалобщиков. Решение самого имама обычно выносилось на месте и не подлежало пересмотру (*Алкадари:* 1994, 132; Арабоязычные документы эпохи Шамиля: 2001, 121, 123; подробнее см.: *Гемер:* 1997, 10–13).

Считаясь высшим авторитетом в вопросах *фикха* (араб. *муджтахид*) в имамате (Дневник полковника Руновского: 1904, 1459–1460), он позволял себе изменять некоторые нормы шариата, приспосабливая их к условиям Нагорного Дагестана и затяжной войны с русскими. В частности, были сильно изменены уголовные нормы шариата, предусматривающие членовредительство (*худуд*). К ворам вместо отрубания кисти правой руки применялось трехмесячное тюремное заключение в яме за первые два преступления и смертная казнь в случае рецидива (РГВИА, ф. ВУА, д. 6468, *л.* 16–17; *Руновский:* 1862, 342–344). Пьянство каралось палочными ударами (их число было увеличено — более 40). Пьяниц и курильщиков сажали в тюрьму, табак уничтожали, бузу и водку выливали на землю (*Смирнова:* 1989, 22). Пойманного за эти преступления во второй раз обычно казнили (*Руновский:* 1862, 338–339; Движение горцев: 1959, 404–405). По справедливому замечанию М.Гемера, «вообще, как видно, Шамиль старался избегать наказаний, ведущих к телесным увечьям» (*Гемер:* 1993, 42). Такое отношение к уголовным наказаниям могло возникнуть у него под влиянием уголовных норм местного, в частности аварского, адата (ср.: Гидатлинские адаты: 1957, 17–19, 23, 35).

Из переписки Шамиля с наибами
по судебным вопросам

Сохранившиеся в частных и мечетных архивах записи решений имама выявляют еще одну любопытную особенность его политики. Порой Шамиль не отменял, а **изменял местные нормы адата.** Например, им были упорядочены штрафы, взимавшиеся за незаконную вырубку деревьев в общинных лесах, «запретных по адату», и за нарушение очередности пользования оросительными сооружениями джамаатов (*Шарафутдинова:* 1982, 169; Движение горцев: 1959, 494–495, 499–501, 531–532, 560, 601–602, 619–620; см. также: *Бобровников, Рошин:* 1995, 124).

Вот несколько характерных постановлений из недавно опубликованных писем имама к своим наибам:

«Обуздывай тех, кто притесняет жителей селения (*ахл карйа*) Хиндах в отношении воды [для полива] (*фи хакк ал-ма'*), будь то Инховхаджи или Мухаммед из Кудали, или кто-либо другой из кудалинцев и

керехцев; запрети же им орошать свои пашни их водой, когда они сами ждут, пребывая в нужде» (Письмо Шамиля наибу Кебед-Мухаммеду, 3 ша'бана 1269/12 мая 1853 г. // Сто писем Шамиля: 1997, 94); «Не запрещай общине наиба Исмаила (*риджал ан-на'иб Исма'ил*) пользоваться лесом (*айка*) для нужд укрепления, ибо это общее дело» (Письмо Шамиля наибу Курбанил Мухаммеду, 25 ша'бана 1274/10 апреля 1858 г. // Там же, 158; пер. с араб. мой. — *В.Б.*).

Ввиду убыли мужского населения в годы войны в некоторых селениях им были введены правила об обязательных браках вдов, находящие аналоги в дошамилевских постановлениях согласно адату (*Руновский:* 1862, 344–353; *Тахнаева:* 1997, 73–75). Известны поземельные постановления имама и его муфтиев, которые следует отнести скорее к новому адату, чем к шариату. Так, спор из-за пастбища между харачоевцами (чеченское «вольное общество») и андийцами был решен им с учетом адатного «соглашения», записанного на камне в XVII или XVIII в. и хранившегося в с. Харачой под Ведено (*Попов:* 1868, 7; *Лавров:* 1968, ч. 2, 83, 154).

Любопытный поземельный адат, принятый на сельском сходе и одобренный Шамилем, сохранился в уже не раз упоминавшемся выше мечетном Коране середины XVIII в. в с. Хуштада. Интересно отметить, что в отличие от предыдущих записей адата в той же книге здесь впервые появляется печать муфтия, поставленного Шамилем судить в Багвалинском наибстве (*вилайат Багулал*), в которое вошли Хуштада и другие джамааты багулал. Этот памятник был обнаружен, переведен и дважды опубликован дагестанским историком Т.М.Айтберовым:

«Жители селения Хуштада (авар. *хушдал*) с разрешения имама Шамиля (*Шаму'ил*) согласились: разделить между собой *харим*, который находится на берегу реки*. Раздел этот производят они на условии, что участок, полученный после раздела харима, никогда не будет продаваться ими кому бы то ни было из числа лиц, проживающих за пределами селения Хуштада. Жители селения Хуштада согласились также: толстое (*гализ*) наследство должно будет уйти из рук человека, который долю свою от названного здесь харима продаст кому-либо, проживающему за пределами селения Хуштада, в каком бы то ни было количестве. С этим согласились опытные и...** люди. Записал это кади Хасан Хуштадинский сын Салмана. 1273 год (1856-57 г.)» (Хрестоматия по истории права и государства Дагестана: 1999, I, 108–109; см. также: Рукописная и печатная книга: 1991, 157, 158).

От 30–50-х годов XIX в. сохранилось немало подобных документов о разделе общинного *харима* на частно-семейные *мульки* при

---

* Речь идет о зимних пастбищах на южном склоне Богосского хребта. В багвалинской микротопонимике эта местность называется Милгъол (багв., «солнечная сторона») (подробнее см.: *Бобровников:* 1996, 6–14).

** *Лакуна в тексте документа.*

«оживлении харима» (араб. *ихйа' ал-харим*) согласно мусульманскому праву (например, документы Государственного Исторического музея в Москве, д. 49, цит. по кн.: *Покровский:* 2000, 364). Эти земли нередко переходили во владение приближенных Шамиля — его *наибов* и *мюридов* из числа местных жителей, реже — к *мухаджирам*, введенным в состав джамаатов, чей харим подлежал разделу.

Возьмем для примера характерный правовой акт из писем Шамиля:

«Оставь подателю сего Даде участок общественной земли у реки, которым он распоряжался (*ма кана фи йадихи мин харим ан-нахр*)... Оставь нашему брату Ибрахиму место, где косят траву на общественной земле у реки (*макта' ал-хашиш фи харим ан-нахр*), ведь он говорит, что нуждается в этом наделе» (Письмо Шамиля наибу Мухаммеду из Гоцоба, 27 зу-л-хиджжа 1275/8 августа 1858 г. // Сто писем Шамиля: 1997, 166).

Такие разделы вызывали недовольство местных жителей (Сто писем Шамиля: 1997, 270; *Покровский:* 2000, 364–365). Отражение подобных настроений можно найти в местном фольклоре и исторических преданиях. Во время полевых исследований в Цумадинском районе мне не раз рассказывали о том, что хуштадинцев, разделивших свой харим, Бог покарал за нарушение закона (*адат*): вскоре их постигла чума, а при Советской власти разделенные земли харима, ставшие садами (багв. *Милгьол, Мишол*), были отняты под строительство военного завода в с. Агвали (полевой материал В.О.Бобровникова, собранный в 1992, 1995 гг. в Цумадинском районе РД).

Суммируя все сказанное выше, можно с немалой уверенностью предположить, что Шамиль не был таким уж непримиримым врагом адата и сторонником «чистого» шариата, каким его рисуют дагестанские исторические предания. Правовая реформа (*низам*) Шамиля, как и другие мероприятия в имамате, проводившиеся в условиях непрерывной войны, не могла быть последовательной и окончательной. Положения мусульманского права сочетаются в ней с некоторыми нормами адата. В наибствах по законам низама судили обязательно с учетом местного обычного права.

Вопреки укоренившемуся мнению реформы Шамиля не прерывались после его поражения в войне с Россией. Как мы увидим ниже, российские власти нередко продолжали его преобразования, порой проводя их руками шамилевских наибов, перешедших на российскую службу. Опыт реформ Шамиля в дореволюционном Дагестане был использован и на юге края, а также на равнине, никогда не входивших в состав имамата. Как ни парадоксально такое утверждение на первый взгляд, уничтожение горской знати и унификация судебно-административного аппарата Нагорного Дагестана и Чечни, осуществлявшиеся в имамате, помогали утверждению российского владычества на Северо-Восточном Кавказе.

ГЛАВА 8

Военно-народное управление

25 августа 1859 г. имам Шамиль, окруженный русскими войсками в с. Гуниб, сдался в плен командующему Кавказским корпусом генерал-адъютанту князю А.И.Барятинскому. В горах Северо-Западного Кавказа партизанская война продолжалась до 1864 г. Отдельные джамааты и «вольные общества» дагестанцев и вайнахов время от времени «бунтовали» против российского владычества. Последнее крупное восстание, возглавленное четвертым имамом Мухаммедом из Согратля и всколыхнувшее чуть ли не весь Северо-Восточный Кавказ, произошло во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Однако, несмотря на последние вспышки протеста и ответное насилие со стороны российских войск, стало ясно, что в 60-е годы XIX в. началась новая эпоха. В судьбах горского общества и права произошел перелом.

Первыми значение происшедшей перемены оценили российские военные. Это отчетливо видно по официальной переписке. «Вся Чечня и Дагестан ныне покорились державе российского императора», — говорилось в выпущенном 27 августа 1860 г. обращении Барятинского к народу Дагестана (РФ ИИАЭ, ф. 1, д. 362, л. 41). В тот же день в рапорте российскому военному министру Д.А.Милютину главнокомандующий писал: «Итак, мюридизму нанесен последний удар. Судьба Восточного Кавказа решена окончательно... Полувековая война на Восточном Кавказе окончена... Я сделал распоряжение о немедленном устройстве во всех новопокоренных обществах нашего управления» (АКАК: 1904, XII, 1178–1179).

1

Переход горцев в российское подданство

После разгрома имамата Шамиля и с окончанием Кавказской войны горцы оказались включены в российское правовое пространство. И прежде отдельные *джамааты* и *ханства* вступали в российское подданство. Присягая на Коране и обещая не производить набегов на земли Российской империи и союзной ей Грузии, а также не поддерживать врагов России, они получали право прогона скота через

هذا الفرمان من الامبراطور الفادشاه الى اخيه السردار الاعظم

فلما انتهت الحروب المتطاولة في ولاية قفقاز اعطى الامبراطور الفادشاه العظيم هذا الفرمان نظرا بالرحم الخدمة العساكر للسردار الاعظم الشائع صيته وذالك عساكر قفقاز ومضمونه انه قد انتهت الحروب المريعة للدم المشتملة لصيانة اطراف ولايتنا المتضعفة بديار قفقاز من لجج الاشرار وتمشوا خلائقها من العقل والصباى وقطع الطرق وخربت لتصيك قرية محظوظة بأن هجمت الحروب التي ابتدئت بها من مائة وخمسين سنة بفتح ولايته من ولاية قفقاز وبأن تشرت اقلا خلق الروس بانه لم يبق بعد الان عندنه ديار قفقاز قلوبهم واحدة من غير طاعته فلما اشتاء هذه الحروب العظيمة ولتذكير المشقات التي تحملها عساكر قفقاز بغير رغيب وكاضعوا لانتهاء هذه الحروب الكبيرة بالفوز والفلاح في آخرها قد امرت في الفرمان الصادر من جنابي لوبني منشيق بتعيين ثاني المخصوص لذكر فتح ولاية قفقاز ولتبعلق كل واحد من افسار وسلدات وغيرهم ممن خدموا الفادشاه العظيم في هذه الحاج وبتعيين مدبل مدبل خاص لذكر فتح الولاية الغربية من ولاية قفقاز حاصة لمن كان فتال ابزلي منذ اربعة سنين قبل الان فلجزاء المناسب لخدمة التي اختتم بها فتح كلاية قفقاز بايدي عساكر قفقاز في تلك الحروب وثبات قد امرت في الفرمان الصادر من جنابي الى جناب حكماء سنوي بكون اجل خدمة الفادشاهية خمسة عشر سنة لسلدات الذين كانوا في عساكر قفقاز الى سنة ١٨٥٤ وكان الذين شرعوا في خدمة الفادشاهية قبل اليوم الثاني من شهر ستيابر من سنة تسعة وخمسين بعد الف وثمان مائة يستحقون الاستراحة عن الخدمة بعد مضي عشرين سنة واما السلدات الذين كانوا في كلاية قفقاز في اوقات الحروب وذهبوا الى ولاية الروس قبل سنة الستين واتا الفادشاه الاعظم قد امرت لوبني منشيق باستراحة السلدات الذين بقي من هذهم خمسة عشر سنة في سنة ١٨٥٤ فما يكون عليهم ذنب ولا تقصير مانع عن الاستراحة وايضا قد امرت لجنابه العالي بتعيين اجل لخدمة الفادشاهية للقدامات الغيابية والتركيبة في فاتح ولاية كل واحد منهم خمسة عشر سنة وفي ما قبلها سبعة سنين واتا فوض الى جنابكم العالي ان تخبروا بهذا الفرمان الى جميع عساكر قفقاز الشجاعة وكافة خلائقها الذين وجدوا لانتهاء الصعب الابدية والشكر السرمدية من اطراف ولايتنا على استراحة قفقاز وفخرها لاجل الدولة الروسية واتا املتفت الى جنابكم في كل الزمان بح

وسنة الكلب مكتوبة بيد امبراطور الاعظم محيي المخلص ملك كستنديز

Указ 1864 г. императора Александра II
в ознаменование покорения Кавказа

Военный министр генерал-адъютант
граф Д.А.Милютин

российскую территорию и, главное, разрешение торговать в русских городах и крепостях (см., например: ЦГИА РГ, ф. 2, оп. 1, д. 910, л. 2). До конца 50-х годов XIX в. русское подданство означало для горцев лишь уплату ежегодной дани русским военным властям (ясак) (АКАК: 1866, I, 210, 481). В разных частях Дагестана дань эта принимала самые разнообразные формы. Как отмечалось в записке, представленной 15 сентября 1864 г. в Главный штаб Кавказской армии, «сообразно времени полной подчиненности каждого общества (сельской общины или союза общин горцев. — *В.Б.*) в крае (Дагестане. — *В.Б.*), их развитию и промышленности одни из них платят подати, другие — земский сбор; иные вносят подати деньгами, а другие произведениями земли; некоторые выставляют подводы натурно, а некоторые содержат военных нукеров или выставляют чагар (крепостных. — *В.Б.*)...» (Сведения о податях, натуральных повинностях и других налогах, взимаемых с жителей Дагестанской области // РФ ИИАЭ, ф. 5, оп. 1, д. 60, л. 1). Российская сторона не вмешивалась во внутренние дела горцев. Договоры признавали экстерриториальность права обеих

сторон. На российской территории горцы должны были подчиняться российским законам. В Нагорном Дагестане российские подданные обязаны были руководствоваться местным адатом и шариатом.

Сохранившиеся в русских архивах договоры позволяют представить себе правовые взаимоотношения российской стороны и горцев накануне покорения Нагорного Дагестана. 26 февраля 1802 г. в г. Георгиевске был заключен федеративный союз России с горскими князьями. Целью договора было «водворить мир и тишину **между** (выделено мной. — *В.Б.*) горскими владельцами, прекратить между ними самоуправство и доставить взаимную свободу торговли». Подписавшие договор *шамхал* Тарковский, *уцмий* Кайтагский, *кади* и *майсум* Табасаранские стали получать большое российское жалованье (*Броневский:* 1996, 149). Джаро-Белоканское «вольное общество» и *султан* Елисуйский, разбитые генерал-майором В.С.Гуляковым, по договору от 17 апреля 1803 г. обязались платить России ежегодный *ясак* в 220 пудов шелка-сырца. Взамен им были обещаны российское покровительство и свобода торговли в Грузии (*Броневский:* 1996, 150).

Характерные договоры российской военной администрации с «вольными обществами» есть в письмах 1817–1819 гг. генерала А.П.Ермолова к разбитым им джамаатам селений Чиркей и Акуша:

«Жителям сел[ения] Чиркей объявляется, что, прощая сделанное ими нарушение спокойствия, позволяется им по-прежнему жить безопасно в домах своих, обрабатывать поля, пасти скот свой и производить торг во всех местах, где находятся войска российские, которые с ними будут поступать приязненно. Жители, собравшись в мечетях, дадут присягу на Алкоране быть верными подданными великого российского государя, для чего посланы будут от меня особенные люди. Жители по сделанному старшинами селений расчету должны представить положенное число баранов или вместо их скота. Каждый год должны платить российскому императору дань, состоящую, со всех вообще салатавских селений (аварское „вольное общество" Салатавия. — *В.Б.*), из пятисот баранов, а с каждого селения — по расчету старшин. На собственных землях должны быть караулы, и не допускать воровства и разбоев» (ЦГИА РГ, ф. 2, оп. 1, д. 848, *л.* 2).

В другом письме, отправленном в 1819 г. акушинскому кади Зухум-кади, Ермолов предписывал:

«Вы обязаны впредь исполнять следующее: сохранять прежний образ управления и прежние обычаи без всякой перемены... Наблюдать, чтобы во владениях даргинских не было пристанища неприятелям и врагам России, и не иметь с ними никакой связи... Войска собирать только для охранения своих границ, но без воли главнокомандующего не входить в чужие земли... Согласуясь с милосердием великого нашего государя, не отягощаю я добрый народ даргинский податью, но в знак подданства повелеваю каждый год в сентябре

Мишлешское соглашение 1230/1815 г.

месяце представлять две тысячи баранов к коменданту кр[епости] Дербентской...» (там же, *л.* 4, 7).

Отдельные договоры такого рода сохранились и в записи горской стороны. Уникальный арабский текст из цахурского селения Мишлеш в Южном Дагестане был опубликован Л.И.Лавровым (*Лавров:* 1961, 180–181). Это выбитая грубоватым насхом историческая запись на плите, встроенной в стену старого здания, возможно бывшей мечети. К сожалению, в публикацию Лаврова вкрались ошибки и неточности в переводе правовых терминов, некоторые из них были исправлены при втором издании текста (*Лавров:* 1968, ч. 2, 92). Я счел возможным полностью исправить эти ошибки в предлагаемом ниже русском переводе:

«(1)* Мишлешская община (*джама'ат ал-мишлиший*) решила (*иттафака*) (2) договориться с христианами (3) и быть с ними сообща в добре и зле (*ва джа'алу 'ала-н-насара сава' ма'а-хум фи-л-хайр ва-ш-шарр*)**. В дату (4) от [*хиджры*] Пророка, да благословит его Аллах и приветствует (*са-лам-'айн-мим*), тысяча двести тридцатый год (1814-15 г.)».

Л.И.Лавров считал, что эта надпись «свидетельствует о дружественном настроении цахуров к русским во время распространения русского влияния в Южном Дагестане» (*Лавров:* 1968, ч. 2, 162; 1961, 181). На мой взгляд, такая интерпретация слишком категорич-

---

* В скобках указаны номера строк оригинала надписи.

** Л.И.Лавров сначала неверно прочел *иттафака* («соглашаться, решать») как «высказать»; кроме того, в эстампе было неверно прорисовано слово *ал-хайр*. Во втором издании памятника эти ошибки были исправлены, но появились новые: прочтение «Мишлеш» вместо «мишлешский» (*ал-мишлиший*); неточный перевод фразы *джа'алу 'ала-н-насара сава' ма'а-хум*.

на. Можно с тем же основанием предположить, что джамаат Мишлеша, подобно Джаро-Белоканскому обществу, был разбит русскими войсками, и тогда цахуры заключили с Россией договор о дружбе. Выражение *джа'алу 'ала-н-насара* может также иметь значение: «уладили отношения, примирились с христианами». В пользу последней интерпретации говорит приведенный выше случай с султаном Елисуйским, владения которого граничили с Мишлешем. Интересно отметить, что, как и в приведенных выше документах, посредником между кавказскими мусульманами и Российской империей здесь также является *джамаат, ханство* или иное местное, пусть даже одноаульное политическое образование.

Положение радикальным образом изменилось в 60-е годы XIX в., когда период вооруженного противостояния с Россией сменился чередой мирных, но не менее тяжелых для горцев реформ. Российские власти пришли к выводу о необходимости преобразования внутреннего устройства горского общества, поняв, что после победы над Шамилем нельзя более строить отношения с новыми мусульманскими подданными страны по законам военного времени. Чтобы Дагестан и остальной Северный Кавказ действительно стали неотъемлемой частью империи, нужно было привязать горцев к России, приучить их к новым условиям существования. Эту задачу и должно было решить «устройство нашего управления... во всех новопокоренных обществах», которым занимался Барятинский.

2
«Родовая теория» в колониальной практике

Для управления кавказскими горцами в 60-е годы XIX в. была разработана система специальных административно-судебных институтов, получивших название военно-народного управления. Как и любые государственные установления, военно-народное управление опиралось на свою идеологию, выработанную в ходе знакомства российского общества с горцами. Когда Кавказская война была еще в самом разгаре, в 40-е годы XIX в., высшие российские власти пытались как можно точнее уяснить себе характер местного права и общества у новых мусульманских подданных Империи на Кавказе. Они консультировались у лучших специалистов по мусульманскому праву в тогдашней России, профессора Казанского университета А.К.Казембека и российского чиновника Н.Е.Торнау, долго управлявшего мусульманами Азербайджана, а также у востоковеда Н.В.Ханыкова. В ответ на запросы кавказского военного начальства Н.Е.Торнау дважды,

в 1843 и 1848 гг., писал подробные аналитические записки о законах и обычаях мусульман Закавказья. В наместничество Барятинского, в начале 60-х годов, он совместно с Казембеком представил в распоряжение властей проект «Об устройстве судебного быта мусульман», где изложил свои взгляды на проводившуюся тогда судебно-административную реформу (ЦГИА РГ, ф. 416, оп. 3, д. 736, л. 1–45; копия документа, сделанная в середине XX в., хранится также в Махачкале: РФ ИИАЭ, ф. 5, оп. 1, д. 14).

Следует отметить, что завоевание Кавказа Россией шло вместе со становлением российского кавказоведения, причем и ведущие научные учреждения, и кавказское начальство разместились в Тифлисе. В 1851 г. А.В.Головнин учредил здесь Кавказский отдел Императорского Русского географического общества (КОИРГО). Это был первый из отделов Общества, образованных во второй половине XIX столетия. Правительство ежегодно выделяло КОИРГО субсидию в 2000 руб. (Энциклопедический словарь: 1897, XXII, 402–403). Наиболее плодотворным периодом его существования были 50–70-е годы. Тогда была составлена 10-верстная карта Кавказа, проведены исследования по статистике, языкознанию, этнографии и истории края. Усилиями КОИРГО в Тифлисе были изданы многотомные краеведческие альманахи: «Сборник сведений о кавказских горцах» (ССКГ, 1868–1881), «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа» (СМОМПК, 1881–1915), «Известия КОИРГО» (1872–1917). Общество было тесно связано с российскими военными властями и не раз сотрудничало с ними при разработке тех или иных законопроектов. Корреспондентами КОИРГО были и некоторые мусульманские ученые Дагестана, такие, как Абдулла Омаров и Абдуррахман Газикумухский. Пользуясь специально разработанным в Обществе вопросником, последний составил первое этнографическое описание Северо-Западного Дагестана с краткой характеристикой материальной культуры края, местных обычаев и права (*Абдурахман Газикумухский.* Раздел, повествующий о дагестанских селениях... // *Абдурахман из Газикумуха:* 1997, л. 135б–218б).

Среди российских военных чиновников, в чьих руках оказалось управление Дагестаном, было немало членов КОИРГО, занявшихся изучением Кавказа. Еще Лермонтов отмечал увлечение русских, служивших на Кавказской линии, историей и этнографией края (*Лермонтов:* 1976, IV, 146). Среди них в первую очередь следует назвать генерал-майора барона П.К.Услара (1815–1875), создателя российской школы кавказского языкознания. Он впервые описал ряд северокавказских языков, издал в русском переводе произведения горского фольклора, в частности знаменитую аварскую песню об абреке Хочбаре, разработал проект алфавита и азбук для изучения кавказскими горцами своих родных языков (*Услар:* 1883–1979). В селениях Хунзах и

Кумух, городах Грозном и Темир-Хан-Шура Услар открыл первые светские школы для горцев-мусульман. Его проект национально-языковой реформы для кавказских горцев не получил поддержки правительства. Однако идеи, выраженные в трудах Услара (большинство их было посмертно опубликовано академиком Шифнером), оказали огромное влияние на российскую этнографию XIX–XX вв.

В области этнографии и особенно изучения обычного права немалый вклад внес начальник военно-народного управления (1865–1883) генерал от инфантерии А.В.Комаров. За время своей долгой службы на Северном Кавказе он собрал обширные материалы по этнографии Дагестана (Энциклопедический словарь: 1895, XV, 815–816). Наиболее известные из его сочинений — «Адаты и судопроизводство по ним» (*Комаров:* 1868) и «Народонаселение Дагестанской области» (*Комаров:* 1876). В отличие от Услара Комаров и большинство других российских военных, занимавшихся этнографией Дагестана, испытали немалое влияние «романтической школы» русской этнографии конца XVIII — начала XIX в. Ключевыми понятиями этой школы были «*поземельная* (или *родовая*) *община*», «*вольные общества*» и «*народное право*».

Полковник И.Гербер, академик Г.А.Гильденштедт, С.М.Броневский, К.Ф.Сталь и другие российские путешественники и ученые конца XVIII — XIX в. верно подметили целый ряд особенностей горского общества. Они с удивлением обнаружили, что при крайней неразвитости полицейско-принудительного аппарата горцы умудрялись поддерживать законность и стабильность общественной жизни в своих селениях (*Гербер:* 1958, 75, 112). Были отмечены слабость бекского сословия и отсутствие крупных ханств в Нагорном Дагестане и Чечне, огромная роль тухумов, локальность адата, ограниченного пределами одного или группы селений (см.: Дагестан в известиях русских и западноевропейских авторов: 1992, 222).

Из этих верных в сущности наблюдений были сделаны ошибочные выводы. Исследователи горского общества преувеличили замкнутость малых социальных групп — кланов-*тухумов* и селений-*джамаатов*. Анархия и нестабильность времен Кавказской войны казались им вечным состоянием горского общества. Произошедшее в XVIII — первой половине XIX в. ослабление знати и стирание сословных рамок между узденями, освобожденными рабами и беками были восприняты как признак первобытного коллективизма горцев. В общем представления российских ученых середины XIX в. о Нагорном Дагестане несколько резко, но верно выразил Н.Данилевский. По его словам, «касательно образа правления у горцев можно сказать, что между ними... вообще нет положительного управления, но анархия, укрощенная обычаями и страхом кровомщения» (*Данилевский:* 1846, 152).

Не находя аналогов дагестанскому *джамаату* в современности, дореволюционные ученые обратились в поисках сравнений к глубокой древности, причем не к каким-то историческим материалам, а к гипотетическим реконструкциям первобытной «родовой» или «поземельной» общины, которой тогда увлекались как в России, так и в Западной Европе. Такое чисто искусственное сопоставление привело их к выводу, что Нагорный Дагестан представляет собой осколок изначальной общественной и правовой организации человечества, давно пройденной народами России и Западной Европы. Первым для Дагестана и Северного Кавказа этот тезис выдвинул К.Ф.Сталь (см.: *Косвен:* 1962, 192).

Во второй половине XIX в. его блестяще развил М.М.Ковалевский, пришедший к выводу о «повсеместном господстве в среде горцев родовой организации» (*Ковалевский:* 1888, 541). Вкратце его концепция сводится к следующим положениям. Тухум — это первобытный род или «поземельная община». Джамаат и «вольные общества» суть механические соединения тухумов, повторяющие их организацию в бóльших масштабах. «Подобно тому как тухум имеет своего старшину и свои родовые строения, так точно община имеет своего старшину и свой общинный сбор, к участию в котором призываются все совершеннолетние мужского пола». Господство родового строя закрепляет обычное право, т.е. *адат* (*Ковалевский:* 1890, т. 2, 159–160). Построив красивую модель «родовой теории», Ковалевский так и не смог подтвердить ее кавказским материалом. Исследователями его творчества было давно подмечено, что тема общины выпадает из созданного им капитального труда «Закон и обычай на Кавказе» (*Полянский:* 1952; *Агларов:* 1988, 19).

Тезис об архаичности общественного и правового устройства кавказских горцев разделяло большинство дореволюционных кавказоведов. В частности, известный историк права Ф.И.Леонтович полагал, что «в обычном праве кавказских горцев, в большинстве стоящих на низких ступенях общественного развития, сохранилось немало институтов глубокой старины, по своему происхождению и характеру принадлежащих к таким явлениям общественной культуры, которые на первых порах встречались в истории всех народов» (*Леонтович:* 1882, I, 4). Подобно К.Ф.Сталю и М.М.Ковалевскому, Леонтович был твердо уверен, что основой общественного строя современных ему горцев остается «родовая община». «Вольные общества» Нагорного Дагестана представлялись ему зародышем государственности.

Исходя из сформулированных выше положений, историки, правоведы и этнографы советовали правительству сохранить сельскую общину-*джамаат*, поддержать *адат*, или «народное право», и создать в регионе условия, благоприятные для его постепенного перерожде-

Первый наместник Кавказский генерал-фельдмаршал
князь М.С.Воронцов

ния в государственное право и возникновения у горцев гражданского сознания (*Кондрашева:* 1999, 208).

Н.В.Ханыков, А.В.Комаров и другие первые исследователи дагестанского адата видели в обычном праве силу, способную предотвратить распространение шариата и основанного на нем «движения мюридизма» (т.е. мусульманского повстанчества, связанного с суфийскими шейхами братства накшбандия) (*Торнау, Казембек:* ЦГИА РГ, ф. 416, оп. 3, д. 736, *л.* 6–7, 13; *Рейнке:* 1912, 6), представлявшего, по их мнению, наиболее серьезную опасность для российского владычества на Кавказе в XIX в. Эти идеи нашли понимание и поддержку у целого ряда влиятельных российских военных первой половины XIX в. Горячим сторонником использования местного обычного права в российских реформах был сам наместник Кавказский А.И.Барятинский. Он попытался ограничить влияние шариата на Северном Кавказе и последовательно поддерживал адат (*Торнау, Казембек:* ЦГИА РГ, ф. 416, оп. 3, д. 736, *л.* 7). Барятинский убедил правительство сохранить в Дагестане и других местах расселения кавказских горцев «*народное право*» (адат) и самоуправляющуюся *общину* под контролем властей, иначе говоря, создать *военно-народное управление*.

Последний наместник Кавказского края
граф И.И.Воронцов-Дашков

Сущность этой судебно-административной системы довольно точно и кратко охарактеризовал последний наместник Кавказского края (1905–1915) генерал-адъютант граф И.И.Воронцов-Дашков: «Система военно-народного управления, созданная на Кавказе в период борьбы русских войск с местными горцами, — писал он, — основана на сосредоточении административной власти в руках отдельных офицеров, под высшим руководством главнокомандующего Кавказской армией, и на предоставлении населению во внутренних делах ведаться по своим адатам» (Воронцов-Дашков: 1907, 4).

Российские власти не сразу пришли к мысли об использовании местной общины и обычного права в государственном строительстве на Кавказе. Как правило, ученые связывают начало военно-народного управления с деятельностью первого наместника Кавказского края (1844–1854), главнокомандующего Кавказским корпусом князя М.С.Воронцова (*Кондрашева:* 1999, 207). Это ошибочное представление недавно было убедительно опровергнуто Ю.И.Семеновым, который доказал, что в действительности система военно-народного управления была впервые опробована в Закавказье в самом начале XIX в. (Национальная политика в императорской России: 1997, 92).

Первый эксперимент был проведен в Кубинском ханстве в Северном Азербайджане. В 1806 г. оно попало под протекторат России. Во главе ханства был поставлен один из местных беков (Хаджи-бек) со званием *наиба*. Ему было поручено управлять по прежним обычаям, но под русским контролем. После отпадения и вторичного покорения Кубы в 1809 г. по приказу главнокомандующего генерал-фельдмаршала И.В.Гудовича управление было передано совету из четырех влиятельнейших беков, деятельностью которого руководил начальник размещенного в провинции русского отряда, в свою очередь подчинявшийся Бакинскому коменданту. После подавления восстания 1810 г. во главе совета из четырех беков был поставлен русский штаб-офицер (АКАК: 1869, III, 348–349). В дальнейшем эта практика не раз применялась в Грузии, Азербайджане и Южном Дагестане.

В то же время отношение многих влиятельных чиновников военной администрации к адату оставалось резко отрицательным. По предложению И.Ф.Паскевича, Г.В.Розена и П.В.Гана в 1840 г. была предпринята попытка заменить адат и шариат российским уголовным и гражданским законодательством. Для мусульман Кайтага и Табасарана, а также в г. Дербенте вводились общероссийские суды. Однако нигде, кроме Дербента, в котором с 1806 г. существовало комендантское управление, местные жители в эти суды не обращались. Согласно донесениям начальников участков, в начале 40-х годов в горах Кайтага и Табасарана скопилось несколько сотен бежавших от российского правосудия кровников. Они образовывали разбойничьи шайки, грабившие местное население и тревожившие российскую администрацию. После общедагестанского восстания 1843 г., зачинщиками которого в Южном Дагестане оказались эти абреки, российские суды для дагестанских мусульман в 1848 г. были распущены (*Комаров:* 1868, 10–11).

Видя, что введение в Дагестане общих законов Российской империи не дает желаемых результатов, царское правительство решило использовать местное адатное право в своих целях. Первые попытки такого рода относятся к 1839 г. Тогда был допущен суд по адату в Самурском округе Южного Дагестана. Генерал Головин предписывал окружному начальнику при судебном разборе уголовных и поземельных дел «не руководствоваться исключительно законом (т.е. российским правом. — *В.Б.*), а преимущественно придерживаться народных обычаев и понятий (т.е. адатного права и процесса. — *В.Б.*)» (*Комаров:* 1868, 11). В состав окружного суда, согласно нормам обычного права, были введены *кади* и члены сельских адатных судов, по одному от каждого из участков (*магал*), образовывавших округ (Адаты Дагестанской области и Закатальского округа: 1899, 31).

Еще до окончательного присоединения Дагестана к Российской империи, в годы Кавказской войны командование Левого крыла

Кавказской линии, которой был тогда подчинен Дагестан, не раз пыталось убедить правительство в необходимости скорейшей организации здесь суда и управления с учетом местных процессуально-правовых традиций. Об этом убедительно свидетельствует переписка военных властей с Петербургом в 40–50-е годы XIX в. (РФ ИИАЭ, ф. 5, оп. 1, д. 14, *л.* 28; РГВИА, ф. ВУА, д. 6478, *л.* 157–163).

В те же годы Д.С.Бибиков, возглавлявший Канцелярию по управлению мирными горцами при главнокомандующем Кавказской линией, разработал специальный вопросник для описания норм обычного права. Он также лично участвовал в организации сбора норм адата. Руководство этой работой было возложено на русских офицеров, начальников отдельных участков линии. К работе были привлечены горцы, находившиеся на русской военной службе. На Левом фланге Кавказской линии в сборе норм адата приняли участие представители местной горской знати — штабс-ротмистр князь Хасай Уцмиев, штабс-капитан Давлет-Мирза Шихалиев, капитан Касим Курумов, кади Юсуф Клычев и Мустафа Магомед Казиев (подробнее об этом см.: *Гаджиев:* 1987а, 71–74). Записанные ими по-арабски адатные постановления аварцев, даргинцев, бежтинцев и целого ряда других горских народов, касавшиеся уголовного права и процесса, переводились на русский язык. Составленные в этот период сборники предполагалось использовать в качестве руководства для горских судов. Однако реализовать этот проект до конца так и не удалось из-за ошибочной установки на полную унификацию адата соседних сельских общин и «вольных обществ». Горцы не пожелали судиться по адатным нормам чужих обществ. Кроме того, им претило использование русского, а не арабского языка в судопроизводстве горских судов. Сборники адата были опубликованы только в конце XIX в. и не использовались на практике.

3
Судебно-административная реформа 1860-х годов

В 60-е годы XIX в. Дагестан был разделен на две неравные части. Город Дербент и окружающая его небольшая полоска прикаспийской земли в устье р. Самур были отнесены к *гражданскому управлению*. Здесь учреждались общероссийские губернские судебные и административные учреждения. Все прочие горные и равнинные районы созданной в 1860 г. Дагестанской области, а также Закатальский округ (бывшее Джаро-Белоканское «вольное общество») Елизаветпольской губернии были отнесены к военно-народному управлению (ССКГ: 1868, I, карта). На основе кодификации и некоторой модернизации

Наместник Кавказский генерал-фельдмаршал
князь А.И.Барятинский

обычного права в 1860–1868 гг. здесь была проведена судебно-административная реформа.

Основные принципы преобразования горского общества были определены в «Особой инструкции для управления горцами», составленной наместником Кавказского края князем А.И.Барятинским еще в конце 50-х годов. Первым законодательным актом, закрепившим проведение реформ, явилось принятое 1 апреля 1858 г. «Положение о Кавказской армии», которое включало в себя отдельную часть: «По управлению горскими народами, не вошедшими в состав гражданского управления». 5 апреля 1860 г. Барятинский утвердил «Проект положения об управлении Дагестанской областью». Аналогичный документ был принят для Закатальского округа (АКАК: 1904, XII, 434–440). Тогда же в канцелярии наместника был разработан проект штатов создававшейся в Дагестане новой военной и гражданской администрации (там же, 439–440). Текст обоих постановлений без изменений

(лишь с приложением ведомости штатов Закатальского округа) вошел в общий «Приказ по Кавказской армии (№ 208)», изданный Барятинским 20 мая 1860 г. (АКАК: 1904, XII, 1201–1209). Создание военно-народного управления в крае в основном завершилось после принятия 26 апреля 1868 г. «Проекта положения о сельских обществах, их общественном управлении и повинностях государственных и общественных в Дагестанской области». Чтобы образованные мусульмане области смогли прочесть текст закона и довести его до сведения своих неграмотных односельчан, «Проект положения» 1868 г. был срочно переведен на арабский (русским на Восточном Кавказе в то время почти никто не владел) и отпечатан литографическим способом в Темир-Хан-Шуре (Хазихи кава'ид фи байан джама'ат кура вилайат ад-Дагистан...: 1868). Через тридцать лет в той же типографии вышел параллельный русский и арабский текст постановления. Было бы крайне интересно проследить, как понятия русской этнографии, например «поземельная община», были переведены на арабский (как *джама'ат ал-карйа* и т.д.), чтобы воплотиться в колониальной практике, но, к сожалению, эта проблема пока абсолютно не изучена. С небольшими изменениями, внесенными в него после подавления восстания 1877 г., военно-народное управление просуществовало до 1917 г.

Согласно § 27–28 «Положения» 1860 г., у мусульман области «судопроизводство отправляется по адату и шариату и по особым правилам, постепенно составляемым, на основании опыта и развивающейся в них потребности (т.е. тот же адат, но измененный сообразно нуждам правительства. — *В.Б.*)» (АКАК: 1904, XII, 435). Адату остались подсудны дела по мелким уголовным правонарушениям, включая ранения, ссоры и драки, иски по оскорблению девушек и женщин, случаи воровства, поджогов и порчи имущества, а также поземельные и хозяйственные споры (§ 45–47 // там же, 436). По шафиитскому (а у шиитов на юге области — по джафаритскому) толку фикха должны были разбирать гражданские иски, включая случаи раздоров между мужем и женой, родителями и детьми, бракоразводные процессы, споры по завещаниям (*васийа*) и мечетной собственности (*вакф*) (*Комаров:* 1868, 13).

«Положение» 1868 г. превратило *джамаат* в бессословную общину (*сельское общество*). Власти попытались сгладить различия между общинниками, рабами, окончательно освобожденными в 1867–1868 гг., ханами и беками. В сельскую общину допускались лишь свободные общинники (*уздени*) и уравненные с ними в правах бывшие рабы и их потомки, принадлежащие к одному или нескольким селениям и хуторам, составляющим джамаат. Чтобы войти в сельское общество, беки и домашние слуги подавали прошение местному окружному начальству (гл. 1, ст. 2 // Проект положения о сельских обществах: 1898, 1).

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

ПРОЕКТЪ
ПОЛОЖЕНІЯ
О СЕЛЬСКИХЪ ОБЩЕСТВАХЪ,

ихъ Общественномъ Управленіи и Повинностяхъ Государственныхъ и Общественныхъ въ Дагестанской области.

1961

هذه قوا عد

في بيان جما عات قرى ولا يات الدا غستان و في تد بير امر هم وا لحقو ق ا لجبيه على اهالي القرى للفادشاهية

Махачкала
Библиотека
1961

Гор. Т.-Х.-Шура,
„Русская Типографія“ В. М. СОРОКИНА.
1898
في بلدة تمر خان شوره في مطبع الروسي سرو كين.
١٨٩٨

«Проект положения о сельских обществах...». Темир-Хан-Шура, 1898

Были созданы новые органы управления сельским обществом. Они включали сельский сход, старосту-старшину (*ар-ра'ис*) с помощниками и сельский суд в составе кади и знатоков местного адата (ст. 4–11, 23–24, 33–34 // там же, 2–3, 8–9, 14; см. также: Адаты Дагестанской области и Закатальского округа: 1899, 36).

Реформированный джамаат стал основным посредником между горцами-мусульманами и российскими властями. Обязанности сельских обществ по отношению к Российскому государству сводились к уплате налогов, поддержанию правопорядка, поимке и выдаче абреков, ремонту дорог и выделению подвод для нужд войск, проходящих по их территории (Проект положения о сельских обществах: 1898, ст. 12, 13, 25, 32, с. 4–6, 9–14; Проект положения об устройстве судебной части: 15). Мусульмане Дагестана были освобождены от рекрутских наборов и всеобщей воинской повинности. На российскую военную службу и в местную милицию из них принимали только добровольцев.

По мысли российской администрации, реформа обычного права и общины в Дагестане преследовала следующие основные цели.

Во-первых, она должна была преодолеть судебно-административную раздробленность и создать единую централизованную организацию края. В ходе реформы были упразднены последние мусульманские политические объединения, обладавшие собственной юрисдикцией, — ханства Казикумухское (в 1858–1859 гг.), Аварское (в 1861–1864 гг.), Кюринское (в 1862–1865 гг.), владения Кайтага и Табасарана (в 1866 г.), шамхальство Тарковское и Мехтулинское ханство (в 1867 г.). Вместо них и примерно в тех же границах было создано 9 округов — Самурский (в 1839 г.), Даргинский (в 1854–1857 гг.), Андийский (в 1859 г.), Гунибский и Казикумухский (в 1860 г.), Аварский (в 1864 г.), Кюринский (в 1865 г.), Кайтаго-Табасаранский (в 1860–1866 гг.) и Темир-Хан-Шуринский (в 1867 г.). Созданный при образовании Дагестанской области еще один (Бежитский) округ в 1865 г. был разделен между Гунибским и Аварским округами. Владения засулакской Кумыкии вошли в состав Хасавюртовского округа Терской области, а Южный Лезгистан, Джаро-Белоканское «вольное общество» и Кубинское ханство были поделены между Елизаветпольской и Бакинской губерниями (ЦГА РД, ф. 2, оп. 1, д. 12; Кавказский календарь за 1913 г.: 1912, 234–235; подробнее см.: *Бобровников:* 1999б).

Округа делились на *наибства* и *участки*. Интересно отметить, что их границы в Нагорном Дагестане, как правило, совпадали с границами наибств Шамиля, а тем самым и с границами существовавших здесь прежде «вольных обществ». Их пределами оставались неизменные природные барьеры: реки, горные хребты, перевалы (полевой материал В.О.Бобровникова, собранный в 1992–1996 гг. в Хунзахском,

Ботлихском, Цумадинском, Ахвахском районах РД). Гарантом соблюдения постановлений адатных судов вместо сельских обществ горцев, местных беков или ханов стало Российское государство, а низовыми органами судебной и законодательной власти для местного мусульманского населения — единые сельские словесные суды (араб. *махкамат ал-карйа*). Они могли разбирать по адату мелкие уголовные преступления против личности (семейные ссоры, сельские драки, публичные оскорбления женщин) и преступления против собственности (обман, утаивание денег, воровство), если сумма иска не превышала 30 руб. Им были подсудны также хозяйственные преступления, совершенные на землях общины (потравы, нарушения единого сельскохозяйственного оборота). Кроме того, они должны были разбирать по шариату гражданские тяжбы, сумма иска которых не превышала 100 руб. (Проект положения об управлении Дагестанской областью: 1904, § 35, с. 435; Проект положения о сельских обществах: 1898, ст. 35–38, с. 15–17; Адаты Дагестанской области и Закатальского округа: 1899, 47–48).

Принцип судебной апелляции, впервые примененный в имамате Шамиля, получил дальнейшее развитие. В отличие от дореформенной эпохи решения сельских судов не были окончательными. Они могли быть обжалованы в месячный срок в девяти окружных народных судах, созданных при окружных начальниках. Последним были переданы адатные иски, изъятые из ведения сельских словесных судов: по тяжким правонарушениям против личности (ранения, изнасилования, похищение женщин) и серьезным правонарушениям против собственности (обман, утаивание денег, воровство на сумму более 30 руб.). В юрисдикцию окружных судов входили также поземельные тяжбы по поводу владения и пользования пастбищами, лесами, дорогами и водными ресурсами (Проект положения об управлении Дагестанской областью: 1904, § 45, 47–49, с. 436; Адаты Дагестанской области и Закатальского округа: 1899, 34). По шариату они разбирали серьезные гражданские тяжбы, сумма иска которых превышала 100 руб.

Апелляционной инстанцией для окружных судов стал Дагестанский народный суд. Он был сформирован при генерал-губернаторе Дагестанской области в г. Темир-Хан-Шура. В месячный срок он разбирал жалобы на решения окружных народных судов (Проект положения об управлении Дагестанской областью: 1904, § 42–44, 49, с. 436). Случаи убийств, грабежей, хищений казенного имущества, бунтов, нападений на сельское и окружное начальство, скрытого или явного неповиновения властям, приравненные в пореформенном Дагестане к тяжким уголовным правонарушениям, передавались в ведение военных властей. Они разбирались в Комиссиях военного суда, созданных при расквартированных по области войсках (там же, § 51, 52, п. 3, с. 436–437). Уголовные и поземельные тяжбы между

дагестанскими мусульманами и русскими переселенцами решались по российскому законодательству в Дагестанском областном суде, а с 1875 г. — в заменивших его трех мировых отделах, заседавших в городах Дербент, Темир-Хан-Шура и Петровск (Проект положения об управлении Дагестанской областью: 1904, § 38, с. 436; Адаты Дагестанской области и Закатальского округа: 1899, 35).

Другой целью реформы было ослабление исполнительной, судебной и законодательной власти мусульманских руководителей сельских общин (*кади*, правоведов-*факихов*, суфийских *шейхов*) и создание светской местной и общедагестанской администрации, пользующейся доверием и авторитетом у местных жителей и послушно исполняющей решения российских властей.

При этом на северо-западе области, где позиции российской администрации были довольно слабы, было решено оставлять на их прежних постах должностных лиц имамата, добровольно перешедших на сторону русских в последние годы Кавказской войны. По замечанию И.И.Воронова, проезжавшего по этим районам в 1867 г., «в Верхнем Дагестане (в Гунибском и Андийском округах. — *В.Б.*) во главе народного (точнее, военно-народного. — *В.Б.*) управления сидят все еще шамилевские наибы; но теперь они, по крайней мере с виду, — агнцы...» (*Воронов:* 1868, I, 20). Действительно, офицерами горской милиции стали шамилевский наиб Фата-Али сын Сурхай-хана Аварского, Кебед-Мухаммед из Телетля, при Шамиле имевший чин мудира и управлявший семью наибствами. Наибами военно-народной администрации служили бывшие наибами при Шамиле Мухаммед из Гоцоба и Исмаил сын Инхов-хаджи Чохского (Сто писем Шамиля: 1997, 252, 257, 261–262, 269–270; см. также: Кавказский календарь за 1880 г.: 1879, IV, 188). После подавления восстания 1877 г. контроль над мусульманскими чиновниками военно-народного управления был усилен. Те из них, кто поддержал восставших, например Х.-Э.Алкадари, были высланы из Дагестана. В то же время члены сельских и окружных судов были поставлены под строгий надзор российских военных властей области.

Словесные суды содержали сельские общины. Члены Дагестанского народного суда, окружных народных судов и председательствующие в словесных судах сельские старосты стали получать жалованье (ЦГА РД, ф. 2, оп. 12, д. 31, *л.* 1–11; ср. аналогичные архивные материалы по Терской области, обработанные З.Х.Ибрагимовой: *Ибрагимова:* 2000, 27–28). В частности, староста-*бегавул* получал от правительства 240 руб. в год и по 3 руб. с каждого домохозяйства (*дыма*) своего джамаата (*Егорова:* 1970, 106). Жалованье кади и депутатов окружных народных судов составляло 250 руб. в год, секретарь-письмоводитель этого суда получал 150 руб. Выше была ставка кади и депутатов Дагестанского народного суда. Они получали соответствен-

Мухаммед Мамалав Чохский,
подполковник горской милиции
и начальник Казикумухского округа

но по 350 и 400 руб. в год. Наиб из «туземцев» имел ежегодный оклад в 500 руб. (АКАК: 1904, XII, 437–440, 1205–1207). Старосты, кади и судьи были освобождены от налогов и повинностей.

По своему составу словесный суд мало отличался от местных дореформенных судов. В него входили имам соборной мечети (*кади/дибир*), секретарь (*'амил*), обязанности которого обычно выполнял муэдзин (*будун*), и несколько старшин (*ру'аса'*), как правило по одному от каждого тухума. Членов суда должно было быть нечетное количество и никак не менее трех (Проект положения о сельских обществах: 1898, ст. 32–34, с. 13–15). Местная социальная терминология судейских чинов осталась прежней. Несмотря на то что реформа значительно унифицировала судебную организацию дагестанских мусульман, членов сельских судов везде называли по-разному (авар. *чIухIби* [*чухби*] и *гIадилзаби* [*'адильзаби*, мн. от *'адил* «справедливый»], кум. *карты*, лак. *кунисса* и *марцарантал*, лезг. *аксакалы* и *тамазалар*,

табасар. *кевхи* и т.д.). Численность старшин в сельских судах колебалась от трех человек в небольших селениях, как Башлы, Тлондода, Утамыш, Хварши, Шиназ, до одиннадцати и более в Кубачи, Уркарахе, Харбуке (*Хашаев:* 1956, 53–55; *Рамазанов:* 1900, 26–27; полевой материал В.О.Бобровникова, собранный в 1996–1997 гг. в разных горных районах РД).

После реформы в состав сельского суда был введен сельский староста (*бегавул*). До 1866 г. эта должность встречалась только в селениях Северо-Западного и Центрального Дагестана. В окружные народные суды входили три избранных всенародно депутата из числа знатоков адата и шариата, кади и секретарь-письмоводитель. Офицер, выполнявший обязанности начальника округа, наблюдал за деятельностью суда, не участвуя в разборе дел (Адаты Дагестанской области и Закатальского округа: 1899, 34). Дагестанский народный суд состоял из председателя и назначенных генерал-губернатором из почетных жителей области депутатов, трех кади, а также секретаря (АКАК: 1904, XII, 437–440, 1205–1207; *Эсадзе:* 1907, I, 186–187).

У дагестанских мусульман осталось право выбирать большинство членов адатных судов всех уровней. Дибир и будун, бегавул, а также остальные члены суда выбирались каждые три года. Сохранился высокий образовательный и возрастной ценз для судей: они должны были быть старше 25 лет, хорошо знать арабское делопроизводство (в Южном Дагестане также тюркское на аджаме), адат и шариат (Проект положения о сельских обществах: 1898, с. 55–65, ст. 21–24; Проект положения об устройстве судебной части, 12–13; *Комаров:* 1868, 7). Кроме того, сельские общества сохранили прежний полицейский аппарат. Он включал в себя глашатая (*мангуш*), который объявлял постановления суда, а также судебных исполнителей (у аварцев и андийцев называвшихся *гIел* [эл], у даргинцев — *баруман*, у кумыков и лезгин — *тургак, чауш*), которые должны были приводить в исполнение решения суда. В зависимости от количества населения глашатаев в селении было от 1 до 4, а судебных исполнителей — от 1 до 12. Глашатай и исполнители, как и прежде, назначались по очередности или по жребию из членов общины сроком от одного месяца до года (*Комаров:* 1868, 7, 78).

В то же время реформа ограничила судебную самостоятельность *джамаата*. Прежде важнейшие постановления сельского суда выносились на обсуждение сельского схода (*джама'а*, авар. *руккел*), на котором присутствовало все мужское население в возрасте от 15 лет. После 1868 г. сход стал играть чисто совещательную роль. На него допускались по одному представителю от каждого домохозяйства (*дыма*). Была также ограничена власть дибира. Вместо него председателем словесного суда стал сельский староста — *бегавул*. Если при голосовании общество разделялось на две равные части, то вопрос

решался так, как говорил бегавул. Сход без него не имел права собираться, а если и собирался, принятое решение не имело юридической силы. После восстания 1877 г. начальник округа стал назначать бегавула, а также утверждать кандидатуры избранного сходом дибира и членов суда (*диванбеков*): «...по назначению начальства занимают должности сельского старосты и его помощников» (ЦГА РД, ф. 4, оп. 2, д. 5, л. 18; см. также: Проект положения о сельских обществах: 1898, ст. 7–11, 18, 25, с. 3, 7, 9–11).

Третьим важнейшим направлением реформы было ослабление шариата и модернизация адатного права и процесса с целью подготовить постепенный переход дагестанцев к единому российскому судопроизводству и уголовному законодательству (РФ ИИАЭ, ф. 5, оп. 1, д. 22, л. 7). На первом этапе такого перехода, рассчитанного на несколько десятилетий, были сохранены основные нормы адатного судопроизводства и права, общие для всех мусульманских народов Дагестана. По форме суд остался прост. Процесс по-прежнему носил обвинительный характер, одинаковый при разборе уголовных и поземельных дел. Прокуроров и адвокатов не было. Сельский суд собирался у мечети по пятницам, если заявление не требовало немедленного разбирательства. За исключением случаев изнасилований, увоза девиц и оскорбления женщин, дела в судах всех уровней всегда рассматривались гласно (Проект положения о сельских обществах: 1898, ст. 9, 39–51, с. 3, 17–20; Проект положения об устройстве судебной части, 11–12).

Пореформенные адатные суды всех уровней по-прежнему различали два основных вида исков: *прямые* (с доказательствами) и *по подозрению* (Байан таварих ар-русум ад-дагистанийа: 1965, 215, 223; Адаты Андийского округа Западного Дагестана // Памятники обычного права Дагестана: 1965, 120, 125, 134–135, 143–144, 169–170). Новым видом дел стал иск по доносу полиции (Адаты Дагестанской области и Закатальского округа: 1899, 37–38). Доказательствами считались: 1) собственное признание обвиняемого; 2) вещественные доказательства; 3) показания свидетелей (*тусев*), данные под присягой (*халф*). Ответчик мог очиститься совместной присягой своих родственников и односельчан. Как и прежде, различали *клятву именем Аллаха* и так называемую *кебинную присягу* (*кебин талак, хатун талак*) (*Комаров:* 1868, 19; Хрестоматия по истории права и государства Дагестана: 1999, I, 114; мечетные архивы селений Рутул, Саситли и др.).

Из принятых в адате наказаний в несколько измененном виде юридическую силу сохранили изгнание кровника (*канлы*) из сельского общества, штраф за пролитие крови (*дият, алым*) и иные платежи (*композиции*) за любое уголовное преступление, взимавшиеся как в пользу пострадавшего, так и в пользу общества. Шире, чем до реформы, стало применяться тюремное наказание. Предпринимались

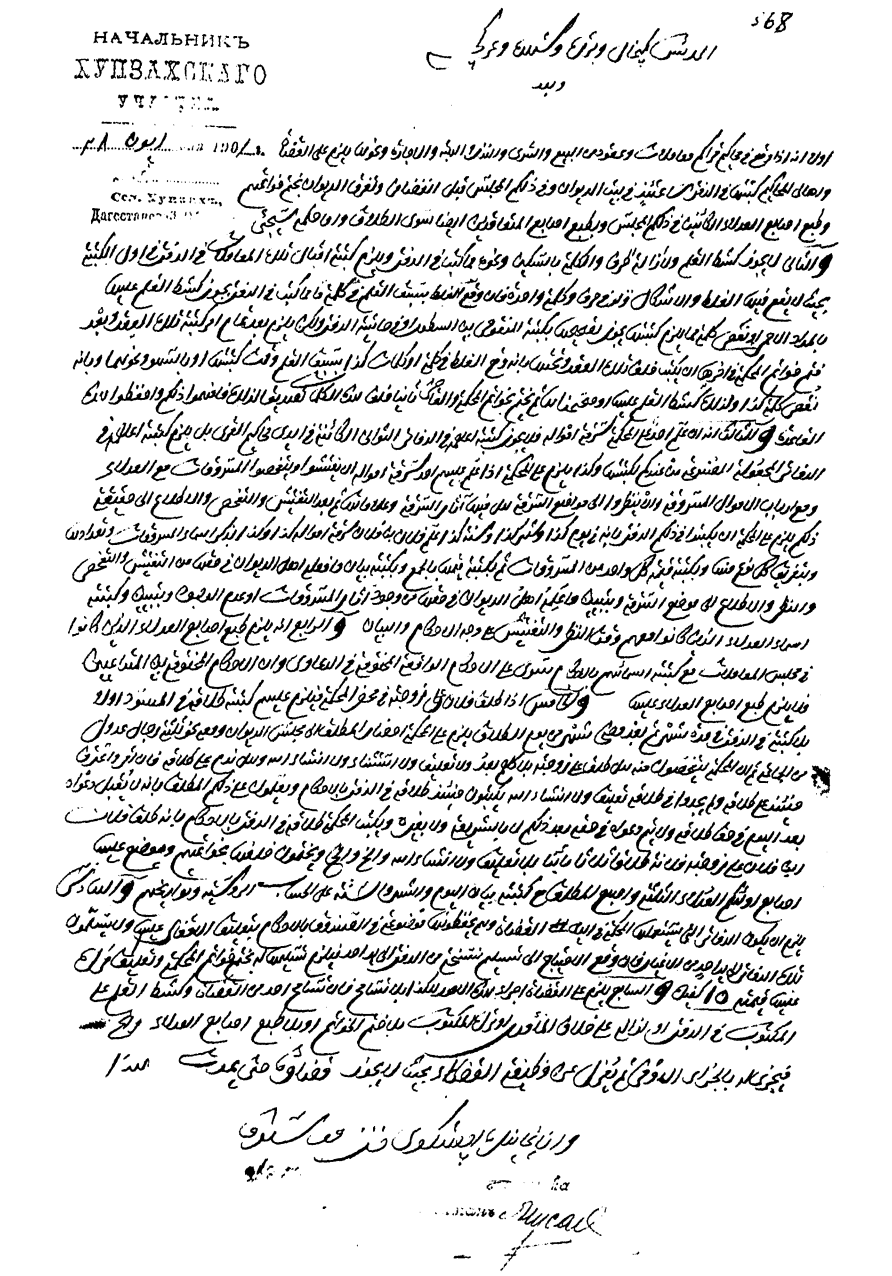
попытки ограничить распространение ответственности за уголовные преступления на ближайших родственников подсудимого (*Омаров:* 1966, 256; *Омаров:* РФ ИИАЭ, ф. 3, оп. 1, *д.* 49, *л.* 13).

Вместе с тем российская администрация попыталась запретить ряд архаичных уголовных норм адата, прямо противоречащих российскому законодательству. Начальникам округов было вменено в обязанность не допускать применение в народных судах «решений по шариату и адату, которые противоречат общему духу наших законов» (*Комаров:* 1868, 13). Кровомщение приравнивалось к убийству, совершенному при отягчающих обстоятельствах (Памятники обычного права Дагестана: 1965, 181). Был запрещен адат, разрешавший трехдневный грабеж имущества убийцы (*Комаров:* 1868, 18). Вместо ишкиля и кровной мести устанавливались денежные композиции (*дият*) по адату при посредничестве (*маслахат/маслиат*) сельских имамов и российских офицеров, возглавлявших наибства и округа Дагестанской области.

Адатный процесс и право после реформы были несколько унифицированы. По всему Дагестану штрафы стали чаще исчисляться в деньгах, хотя натуральные платежи скотом и зерном также сохранились во всех округах области (ПОА РАН, ф. 103, оп. 1, д. 344, *л.* 13, 16–21; ЦГИА РГ, ф. 545, оп. 1, д. 88, *л.* 25–48). Новыми мерами наказания в пореформенном адате стали принудительные общественные работы (ЦГА РД, ф. 21, оп. 5, *д.* 64, *л.* 52; ф. 289, оп. 1, *д.* 1, *л.* 21).

Появились новые единые правила ведения судебного делопроизводства. Не порывая с местной дореформенной арабоязычной традицией, чиновники военно-народного управления умело приспособили ее к нуждам российских властей. Достаточно просмотреть любой документ, вышедший из сельских словесных или окружных народных судов, чтобы понять, в чем тут новшество. Юридическое оформление правовых актов в целом следовало шаблону, сложившемуся еще в средние века. По-прежнему основным официальным языком права был арабский. Без изменения сохранились правовая терминология (хотя с новыми коннотациями) и даже судебный почерк (дагестанский *насх*). Практически прежней осталась структура поземельных актов и сводов уголовных постановлений по адату. Для придания документу юридической силы в нем, как и прежде, приводились списки свидетелей сделки или соглашения и краткое описание хода судебного разбирательства. Свидетели ставили оттиски своих печатей или отпечатки пальцев в конце документа.

В то же время в документах второй половины XIX — начала XX в. исчезает преамбула с *басмалой* и *хамдалой*. Айаты из Корана в конце правового акта заменили датой, подписями и печатями российских должностных лиц (*бегавула*, членов сельского суда; в особо важных

Инструкция начальника Хунзахского участка Аварского округа
о правилах ведения делопроизводства в сельских судах

случаях — *наиба* или начальника округа и депутатов окружного суда). Без них документ считался недействительным. Датировка актов по хиджре была переведена в христианское летосчисление (по старому стилю). Появился совершенно новый вид юридических документов: тетради, в которые записывали важнейшие дела, решенные судом, завещания, обязательства и торговые сделки. В обязанности сельского кади вошло также вести учет смертей, браков и рождений на территории его сельского общества (Проект постановления о сельских обществах: 1898, ст. 52–54, с. 20–21; ср.: РФ ИИАЭ, ф. 14, оп. 1, № 387; оп. 1, кн. 2, № 2659; ф. 16, оп. 1, № 757, 780, 979, 980, 1209). Постановления по адату и шариату стали хранить не в мечетных собраниях, а в канцеляриях старост-бегавулов, наибов и начальников округов. Все эти факты свидетельствуют о быстрой, хотя и малозаметной секуляризации судебного делопроизводства у мусульман дореволюционного Дагестана.

4
Управление мусульманами на Кавказе и в Средней Азии

В 1860-е годы наместник Кавказского края князь Барятинский попытался распространить дагестанский эксперимент на весь Северный Кавказ. В 1860 г. Кавказская линия и военная администрация были упразднены, а на территории Северо-Западного Кавказа созданы Кубанская и Терская области. В состав последней включалась Чечено-Ингушетия. Области делились на округа и участки. В военно-народное управление кроме Дагестанской области вошло коренное мусульманское население пяти округов Кубанской области, восьми округов Терской области и Сухумский отдел Кутаисской губернии (современная Абхазия). Уже после отставки Барятинского, в 1878 г., военно-народное управление ввели в Карсской области и Батумском округе, присоединенных к России после русско-турецкой войны 1877–1878 гг. (Энциклопедический словарь: 1892, VI, 851; *Воронцов-Дашков:* 1907, 4).

В начале 60-х годов были подготовлены документы, гарантирующие всем прочим северокавказским мусульманам те же права и свободы, что и дагестанцам. Так, в «Прокламации к чеченскому народу», обнародованной Барятинским в 1860 г., говорилось: «§ 1. Каждый из вас может свободно отправлять свою веру, и никто не будет вам препятствовать исполнять обряды ее. § 2. От вас никогда не будут требовать рекрут и никогда не обратят вас в казаков... § 4. Правители, поставленные над вами, будут управлять по адату и шариату, а суд и

расправа будут отправляться в народных судах, составленных из лучших людей, которые будут избираемы вами и назначаемы в должностях с согласия ваших начальников...» (РГВИА, ф. 23, оп. 1, д. 398, л. 76об.).

Как и в Дагестане, на Северо-Западном Кавказе и в Чечено-Ингушетии были запрещены кровная месть и другие нормы адата и шариата, не совместимые с российским уголовным законодательством. В уже цитировавшемся выше обращении 1860 г. к чеченцам по этому поводу сказано: «Повинуйтесь назначенным над вами начальникам; преследуйте, ловите и выдавайте преступников и беглых, не скрывая их ни под каким предлогом, и назначайте от себя по очереди людей для того, чтобы караулить их в аулах и отводить их в другие места по назначению начальников. Это главное, что мы от вас требуем для вашего же собственного спокойствия... Мы возложим ответственность за убийства и грабежи на те аульные общества, на земле которых они будут случаться...

Вы отныне должны быть убеждены, что ваша вера, ваша собственность и ваши обычаи остаются неприкосновенными. Один только обычай кровомщения, как противный Богу и наносящий неисправимый ущерб лицам, должен быть уничтожен между вами. Каждый из вас, совершивший убийство вследствие *канлы* (т.е. убийство кровника-*канлы*. — *В.Б.*), будет судим по русским законам и подвергнут наказанию по определению суда. Вы скоро сами поймете пользу уничтожения этого дикого обычая и, когда увидите, что Правительство твердо охраняет ваше спокойствие, станете просить сами об изменении и некоторых других обычаев ваших, не сообразных с нынешним положением вашим» (РГВИА, ф. 23, оп. 1, д. 398, л. 77–79).

Аналогичные постановления в 60-е годы были обнародованы в других районах Терской и Кубанской областей. Здесь были образованы подобные дагестанским *сельские* (*аульные*) *общества*. В окружных центрах создавались народные суды. В 1869 г., согласно указу «О сельском суде», при каждом селении учреждались горские словесные суды в составе трех судей, кандидата в судьи и сельского кади (*эфенди*). Члены сельских судов избирались на сельских сходах сроком на три года, а народных — назначались российскими властями (подробнее см.: *Бабич:* 1999, 101–120). Однако народные суды просуществовали тут недолго. Уже в 1870 г. они были упразднены и заменены в 1871 г. горскими словесными судами, применявшими наряду с адатом и шариатом также нормы российского законодательства. В обеих областях не удалось сохранить адат как автономную судебно-правовую систему.

На Северо-Западном Кавказе послевоенные российские реформы пали на иную почву, чем в Дагестане. Судя по исследованиям современных историков и этнологов, полуавтономное социальное поле

адата тут было другим. Он в меньшей степени опирался на сельскую общину, которая, в свою очередь, не играла у мусульман Терской и Кубанской областей такой большой роли, как дагестанский джамаат XIX в. Иными были правовые традиции и судебные институты. Если в Дагестане одни и те же сельские суды выполняли функции адатного и шариатского правосудия, а также медиаторства между тухумами и целыми общинами, то в Кабарде, например, эти судебные институты существовали порознь. Как утверждается в недавно опубликованной книге И.Л.Бабич, основными органами правосудия до и после реформ здесь были медиаторские суды, а созданные российскими властями сначала шариатские (*мехкеме*), а позднее горские словесные суды (по адату) оказались малоэффективными (*Бабич*: 1999, 79–120). Другие специалисты по Северо-Западному Кавказу также соглашаются в том, что шариату удалось занять здесь лишь очень скромную нишу. Если в Дагестане многие нормы мусульманского права к XIX в. прочно утвердились в правосознании и судебной практике и даже вошли составной частью в адат, то мусульмане дореволюционной Кабарды нередко обращались к адату не только при решении уголовных дел, но и в области семейного, наследного или гражданского права (см., например: *Думанов*: 1976, 6). Определенную роль в этом сыграла поздняя (XVII–XIX вв.) исламизация региона. Кроме того, следует отметить усиление в пореформенной Кабарде и других районах Терской области влияния российского законодательства. Оно значительно потеснило адат и шариат на Северо-Западном Кавказе.

План Барятинского по созданию военно-народного управления на Северо-Западном Кавказе был окончательно сорван сгоном подавляющего большинства горцев с их земель. Уже в первой половине 60-х годов основная масса коренного мусульманского населения края эмигрировала в Османскую империю. Их земли были заняты казаками и переселенцами из Южной и Центральной России. К началу XX в. на Северо-Западном Кавказе горцы составляли меньшинство. Они жили в укрупненных селениях бок о бок с переселенцами из России. Поэтому уже в 1871 г. горское население Кубанской и Терской областей было переподчинено общероссийской гражданской администрации. Здесь удалось провести в жизнь только некоторые элементы военно-народного управления, касающиеся судебной и общинной организации местных мусульман (*Кондрашева*: 1999, 209; *Бабич*: 1999, 103; см. также недавно опубликованную работу: *Ибрагимова*: 2000, 20–26, 185–207).

Наиболее полно идеи военно-народного управления удалось осуществить в Нагорном Дагестане и в Закатальском округе Северного Азербайджана. Вариант военно-народного управления в середине XIX в. был учрежден у мусульман и отчасти исламизированных христиан Закавказья (Карсская область, Сухумский, Батумский и Артвин-

ский округа Кутаисской губернии). Здесь оно называлось *военно-адатным* (Статистические сведения о кавказских горцах, состоящих в военно-народном управлении: 1868, 5–14; Национальная политика в императорской России: 1997, 88–89).

В 60–80-е годы XIX в. власть Российской империи была распространена на Среднюю Азию, и идеи военно-народного управления оказались вновь востребованы при организации власти и суда в областях, населенных новыми мусульманскими подданными России. Следует отметить, что в завоевании новых территорий и устройстве российской администрации Средней Азии участвовали военные, прежде служившие в системе военно-народного управления на Кавказе. Среди них прежде всего следует отметить уже упоминавшегося выше генерала Комарова, некоторое время возглавлявшего Центр кавказского военно-народного управления, а в 1883 г. назначенного начальником Закаспийской области (Энциклопедический словарь: 1895, XV, 815).

Судебно-административные реформы, проведенные в последней трети XIX в. в Средней Азии и Казахстане, основывались на принципах, сходных с теми, которыми руководствовались при введении военно-народного управления на Северном Кавказе. Подобно кавказским горцам, кочевники и полуоседлые мусульмане Средней Азии приобрели у русских дурную репутацию «дикарей» и «разбойников». Для управления ими на первых порах решено было опираться в основном на обычное право. Идеологию реформ хорошо отразил А.Ломакин, офицер, участвовавший в их осуществлении. По его словам, «русские, заняв Туркмению, оставили в принципе систему туземного судопроизводства нетронутою в силу того, что отправление правосудия по русским законам у полудиких туркмен, степных разбойников, так резко отличавшихся от завоевателей своими обычаями, нравами и даже образом мышления, было бы совершенно невозможно» (*Ломакин:* 1994, 66).

У туркмен и прочих среднеазиатских мусульман российские власти ввели народные суды, решавшие дела «на основании... обычаев», т.е. по адату и шариату, поставив их под контроль русских чиновников. Власть *кади*, в которых видели возможных зачинщиков мусульманского повстанчества, ограничили, оставив за ними лишь роль консультантов по шариату при народных судах (Национальная политика в императорской России: 1997, 400). В то же время среднеазиатских мусульман объединили в общины. Как и на Кавказе, это были два важнейших направления российских судебно-административных реформ в регионе, закрепленных в «Положении об управлении Закаспийской областью» в редакциях 1874, 1882, 1884 и 1890 гг. Чуть позже эти принципы российской политики были сформулированы в «Положении об управлении Туркестанского края» (Свод законов Российской империи: 1912, кн. 1, т. 2, 427–446).

Основной податной и судебно-административной единицей в Средней Азии и Казахстане, как и в Дагестане, стала община. «Оседлое туземное население в каждом уезде разделяется на волости, а волости — на сельские общества. Сельское общество (*аксакальство*) составляется из одного или нескольких мелких, ближайших друг к другу селений или выселков, хуторов, *чеков* и *курганчей*, имеющих общие хозяйственные выгоды по пользованию землей и оросительными каналами (*арыками*)» («Положение об управлении Туркестанского края», § 73–74). Власть над обществом передавалась сельским старшинам (*аксакалам*). На три года их выбирали на сельских сходах местные жители и затем утверждал начальник уезда (там же, § 80, 82, 93–95). Подобные институты управления были созданы и у кочевников (там же, § 108, 110, 115; Национальная политика в императорской России: 1997, 389–393, 395). Как и на Северном Кавказе, в Средней Азии реформы создали совершенно новую общинную организацию, причем отличия ее от дореформенного мусульманского общества тут оказались еще значительнее.

В Закаспийской области была создана своя иерархия народных судов. По § 230 «Положения об управлении Туркестанского края», «народный суд составляют: 1) единоличные судьи, 2) съезды судей и 3) чрезвычайные съезды судей» (Национальная политика в императорской России: 1997, 403). В каждом *ауле* население выбирало трех судей сроком на три года. По адату они рассматривали иски о нанесении незначительного ущерба личности (буйства, драки, нанесение побоев) и имущественные споры, сумма иска в которых не превышала 100 руб. Более серьезные уголовные и поземельные дела были подсудны съездам из пяти судей и одного кади. Последний приводил судей к присяге и разъяснял тяжущимся предписания шариата. За работой съезда надзирал начальник уезда или пристав. Апелляции на их решения разбирались чрезвычайными съездами, собиравшимися раз в два года. В них входили семь судей из почетных жителей области, кади и русский офицер, следивший за работой съезда (*Ломакин:* 1994, 73–81).

Декларируя неизменность правовых обычаев местных мусульман, российские власти на деле значительно изменили нормы обычного права и процесса в Средней Азии, как и на Северном Кавказе. Было запрещено судить по адату дела по убийствам, нанесению приведших к смерти побоев, изнасилованиям, грабежам, поджогам; отвечать убийством на убийство или откупаться от кровной мести штрафом — наряду со случаями укрывания беглых, хищения казенного имущества, государственной измены и бунтов эти дела передавались в ведение общероссийских уголовных судов («Положение об управлении Туркестанского края», § 141; *Ломакин:* 1994, 93–95). Шире, чем прежде, стали применять тюремное заключение, ввели совершенно новый вид

наказания — принудительные общественные работы. В местном адате появилось и еще одно процессуальное нововведение: чрезвычайные съезды народных судей стали рассматривать некоторые иски заочно, без участия тяжущихся сторон (*Ломакин:* 1994, 68, 81).

5
Аналоги в европейской колониальной практике

Опыт Российской империи по использованию обычного права для управления своими новыми мусульманскими подданными имел любопытные параллели за рубежом. Системы, подобные военно-народному управлению в Дагестане, существовали в XIX в. в английских и французских колониях в Индии, на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Архивные источники свидетельствуют, что при подготовке судебно-административной реформы 60-х годов российские чиновники тщательно изучали опыт Англии и Франции. Обычно этот важный факт игнорируется при исследовании военно-народного управления на Кавказе. Между тем еще Б.В.Далгат указывал на то, что в 40-е годы XIX в. российские военные обращались к изучению систем управления в английской и французской колониальных империях (*Далгат:* 1905, 2; см. также: *Рейнке:* 1912, 64).

Например, в переписке генерала от инфантерии Е.А.Головина, российского военного министра А.И.Чернышева и императора Николая I настойчиво проводилась мысль о необходимости использовать на Кавказе опыт косвенного управления руками мусульманской элиты, применявшегося в английской Индии и во французском Алжире. «Не подлежит никакому сомнению, что средства политические (имеется в виду склонение на сторону России местной мусульманской знати и наибов Шамиля. — *В.Б.*), которыми англичане успели распространить владычество свое в Индии, с такою же пользою могут быть употреблены и здесь (на Кавказе. — *В.Б.*)», — писал Головин Чернышеву в 1842 г. В свою очередь, последний, поддерживая это предложение, докладывал царю: «Нельзя... допустить мысли, что мероприятия, которые удаются англичанам в Индии, французам в Алжире, всегда останутся тщетными в поисках наших» (РГВИА, ф. ВУА, д. 6482, л. 9, 40; см. также: *Торнау, Казембек:* ЦГИА РГ, ф. 416, оп. 3, д. 736, л. 9).

В свете приведенных выше материалов можно развить и уточнить это интересное наблюдение. Военно-народное управление в Российской империи отнюдь не списывалось с английских и французских

образцов. Как мы видели, первые опыты по его использованию относятся к самому началу XIX в., когда подобные системы еще не были разработаны ни англичанами, ни французами. К тому же в более позднее время англичане и французы порой копировали методы изучения и применения адата из российской кавказской практики. В частности, французские военные, подобно русским офицерам в Нагорном Дагестане, стали собирать и записывать обычное право кабилов в Алжире (*Hanoteau, Letourneaux:* 1893). Очевидно, правильнее говорить о своего рода «обмене опытом» колониального управления между тремя великими державами XIX в. (История XIX века: 1938, 290; подробнее см.: *Бобровников:* 1998г, 58–72).

Истоки анализируемой системы управления, конечно же, нужно искать в Османской империи и зависимых от нее мусульманских государствах XVI–XVIII вв. В частности, после завоевания Магриба полицейские и судебные функции по управлению завоеванными землями турки передали части местного населения. В таком случае они не меняли ни системы управления, ни суда, ни обычного права местного берберского и арабского населения. На государственную службу принимались целые племена. Они образовывали освобожденную от податей «туземную» армию и полицию (*махзен*), в обязанности которой входили сбор налогов со всех прочих сельских общин и племен, отправление правосудия и подавление возмущений против османского владычества (*Иванов:* 1984, 205; *Ланда:* 1976, 43–44).

В первой половине XIX в. англичане ввели подобную систему управления в некоторых индийских княжествах, оказавшихся под английским протекторатом. На первых порах сходная «туземная администрация» сохранялась во французском Алжире. Можно предположить, что и русские военные, впервые применившие военно-народное управление на Кавказе, переняли ее у турок, как англичане и французы.

Однако по мере завоевания и колонизации мусульманских регионов Востока европейцы все больше реформировали османскую систему косвенного управления. Внешне ее институты как будто оставались прежними. Но постепенно организация суда и власти мусульманской деревни неузнаваемо изменилась под влиянием новой, колониальной идеологии. Что касается дальнейшего развития подобных систем колониального управления и судопроизводства, то больше всего аналогий с Северным Кавказом представляет французский Алжир 30–50-х годов XIX в. Система, подобная дагестанскому варианту военно-народного управления, разрабатывалась в Алжире в ходе постепенного завоевания страны. Следует остановиться на тех элементах «арабской политики» французов в Алжире, которые позволяют пролить свет на общеисторическое значение дагестанского эксперимента по колониальной трансформации обычного права и сельской общины.

Как и на Северном Кавказе в 30–70-е годы XIX в., в Алжире шла борьба между сторонниками противоположных способов решения «мусульманского вопроса». Европейские колонисты, обосновавшиеся на плодородных равнинах на побережье, предлагали согнать алжирских мусульман с их земель, т.е. осуществить план, подобный тому, что был проведен в 60-е годы XIX в. на Северо-Западном Кавказе генералом Н.И.Евдокимовым, командующим войсками Кубанской области. Военные предлагали разделить Алжир на «*гражданские*» и «*военные*» территории и сохранить за алжирцами их земли и обычаи на «военных» землях, куда доступ колонистам был бы запрещен. Похожий проект, как мы видели, был осуществлен в дореволюционном Дагестане. Наконец, гражданские власти предлагали уничтожить право и суд «туземцев», которые должны быть *ассимилированы* французами (*Бобровников:* 1998г, 58–61).

Колонистов и гражданских чиновников преследовал страх перед «мусульманской угрозой», подобный тому, что мы наблюдали у русских на Кавказе. Довольно ярко и откровенно его выразил Жером Бонапарт, возглавлявший в 1858–1860 гг. французское министерство Алжира и колоний. «Нам противостоит, — писал он, — вооруженная и живучая нация, пыл которой следует умерить при помощи *ассимиляции*». Министр не скрывал, что ставит перед собой цель «расчленения и растворения арабского народа (т.е. алжирцев. — *В.Б.*) (*la dislocation du peuple arabe et la fusion*), что подразумевало истребление местной военной (*джуад*) и мусульманской (*марабуты*) аристократии, а также „ломку племен" (*désagréger la tribu*)» (*Ageron:* 1964, 30–31).

В 1845 г. приморская часть Алжира, как позже Дербент в Дагестане, была объявлена «гражданской территорией», управляющейся по общим законам метрополии. Основной же частью страны, населенной алжирскими мусульманами, в 30–60-е годы управляли военные. С 1833 г. во главе колонии был поставлен генерал-губернатор, подчинявшийся непосредственно военному министру в Париже. Алжир был разделен на три провинции — Алжир, Оран и Константина. Каждой управлял французский дивизионный генерал. Провинции состояли из «военных подразделений» (*subdivisions militaires*), а последние — из «кругов [палаток]» (*cercle*, араб. *дуар*). Интересно отметить, что военные подразделения создавались французами в границах *халифатов* — административных районов военно-теократического государства Абд ал-Кадира (Абделькадира) (*Ageron:* 1964, 21), в 30–40-е годы возглавившего вооруженное сопротивление французскому завоеванию и сыгравшего в истории современного Алжира такую же роль, как Шамиль на Северном Кавказе (см. любопытную сравнительную характеристику деятельности обоих мусульманских политиков, приведенную в очерке о французском Магрибе у М.В.Фрунзе: *Фрунзе:* 1934, 250).

Что же касается местного колониального управления, то оно не раз менялось. Власть и суд в алжирских селениях принадлежали сперва арабскому *ага* (*agha des Arabes*), назначавшемуся из числа алжирской военной знати (*джуад*). Затем его сменил старший жандармский офицер французской армии. Наконец, в 1832 г. были созданы *арабские бюро* (*bureaux arabes*) (История XIX века: 1938, 315) — институт, сыгравший в истории колониального Алжира такую же роль, как военно-народное управление в Дагестане XIX в. Арабское бюро имело смешанную франко-алжирскую администрацию. Во главе его стоял французский офицер. Кроме того, в его состав входили врач, переводчик, кади (*ходжа*), два секретаря, судебный исполнитель (*чауш*) и отряд «туземных» полицейских (*спаги, мохазни*). Арабские бюро совмещали функции сельской администрации, суда, полиции и клиники. Они собирали налоги, оказывали коренному мусульманскому населению деревни юридическую и врачебную помощь (*Ageron:* 1964, 21, 29).

В 1854 г. по инициативе офицеров арабских бюро для мусульман Алжира была проведена судебная реформа. Решено было оставить у них суд, действовавший по обычному и мусульманскому праву. Создавалась иерархия судебных учреждений (диал. араб. мн. *махакем*, ед.ч. *махакма*) для разбора исков среди «туземцев». Ее низшим звеном был сельский *кади*. При решении простых уголовных дел он имел право обращаться к местному адату. Решения его можно было обжаловать в апелляционных судах (*маджалла*), созданных в провинциальных центрах (*Ageron:* 1964, 29). Новые бесплатные мусульманские суды, свободные от бюрократии и волокиты, имели большой успех в алжирской деревне. Колонисты же восприняли реформу в штыки. Газеты Алжира писали о «палачах из арабских бюро» (по-французски игра слов: «bourreaux d'Arabes» звучит почти так же, как название арабских бюро — «bureaux arabes»), «этой антифранцузской клике» (cette coterie anti-française), занесшей топор над головой французов.

Гражданские власти Алжира повели кампанию за отмену режима «военных территорий» и полную *ассимиляцию* колонии метрополией. При помощи влиятельных колонистов им удавалось несколько раз распускать арабские бюро, но всякий раз при поддержке из Парижа военные восстанавливали их. С 1844 г. эти учреждения под названием «бюро арабских дел» (bureaux des affaires arabes) существовали в каждом подразделении и круге всех трех провинций Алжира. Число их к 1870 г. достигло 49. В этих бюро работало около 150 французских офицеров, а также от 1,5 до 2 тыс. вспомогательных служащих, в большинстве своем коренные жители. Кроме того, в колониальную администрацию «военных территорий» входило 600–700 *каидов* — старост сельских общин (*джема'а*) и племен ('*арш*), вершивших суд и собиравших налоги под контролем военных властей (*Ageron:* 1964, 29–30).

Борьба колонистов и гражданской администрации против мусульманских судов оказалась успешнее. В конце 50-х годов XIX в. они добились роспуска всех судов *махакем* и *маджалла* на территории Алжира. Вместо них для алжирских мусульман открывались дополнительные французские общегражданские суды. Однако очень скоро это решение правительства вызвало бурю возмущения в алжирской деревне. Местные мусульмане отказывались ходить во французские суды. Более того, в разных частях страны вспыхнули восстания против новой судебной системы. В 1859 г. за оружие взялись горцы Ауреса, в 1860 г. — жители Ходны. Самым крупным и продолжительным было восстание, поднятое в 1864 г. марабутами племени улед-сидишейх. Это племя в доколониальную и раннюю колониальную эпоху управляло огромной территорией на юге Алжира и все еще пользовалось большим авторитетом среди алжирцев. Ему быстро удалось сплотить вокруг себя антифранцузскую племенную конфедерацию. Против восставших были брошены войска. Подавив волнения к 1870 г., власти колонии вынуждены были восстановить местные мусульманские суды для алжирцев (*Ageron:* 1964, 31).

В дальнейшем история Алжира пошла по иному пути. В последние годы Второй империи и при Третьей республике во Франции возобладали проекты ассимиляции алжирцев французами. Уже в 1863 г. в Алжире был проведен закон (senatus-consulte), по которому племена всего Алжира были разбиты на сельские общины, управлявшиеся сельскими сходами (*джема'а*) (*Ageron:* 1964, 34; подробнее см.: *Бобровников:* 1998г, 61–63). Однако борьба арабских бюро с колонистами не прошла бесследно. Алжирские события получили известность во всем мире. Из переписки русских военных на Кавказе известно, что опыт французов в значительной мере подвиг их к решению использовать местный адат и сельскую администрацию для управления горцами (*Эсадзе:* 1907, I, 166).

ГЛАВА 9

Деятельность словесных и народных судов

Вернемся к Нагорному Дагестану. Чтобы выяснить, насколько полно и успешно удалось претворить в жизнь цели военно-народного управления в этом крае, нужно обратиться к сохранившимся в местных архивах материалам адатных судов за 1860–1917 гг. В них раз-

бирались следующие типичные уголовные и поземельные дела: 1) преступления против личности; 2) преступления против собственности; 3) хозяйственные правонарушения внутри сельских обществ; 4) имущественные тяжбы между джамаатами, общинами и крупными частными землевладельцами (*беками, ханами*). При разборе каждого типа дел я сгруппировал материалы следующим образом: судебная статистика, сведения об участниках и причинах исходных конфликтов, способы их судебного урегулирования, основные наказания за эти преступления и случаи повторных конфликтов, возникших в ответ на исходный*.

1
Преступления против личности

За 1860–1917 гг. в словесные и народные суды Дагестанской области поступило более сотни тысяч дел от горцев-мусульман. В среднем в год разбиралось по 1300–1400 тяжб уголовного и поземельного характера (подробнее см.: *Бобровников:* 1999б, 34). В нашем распоряжении имеется подробная судебная статистика, вести которую в Дагестане начали дореволюционные российские власти. В Центральном государственном архиве Республики Дагестан хранятся «Годовые отчеты начальников округов Дагестанской области» (ЦГА РД, ф. 21, оп. 3, д. 50–106). Часть этих сведений ежегодно публиковалась в справочниках, выходивших в начале XX в. вплоть до 1915 г. (см.: Обзор Дагестанской области за 1911 г.: 1912; Обзор Дагестанской области за 1913 г.: 1915). Однако эта статистика не так полна и объективна, как может показаться на первый взгляд.

При анализе ее данных нельзя забывать, что до начала 70-х годов XIX в. большая часть правонарушений утаивалась от окружного начальства. Официальная статистика становится относительно полной только к концу столетия, однако, как уже отмечалось, горцы и тогда, и в дальнейшем пытались укрывать преступления, по адату и шариату вызывающие кровомщение. Кроме того, в ведомостях происшествий по области учитывались только тяжкие и близкие к ним уголовные правонарушения. Что же касается простых правонарушений, то они не отмечались не только в официальной статистике, но и в упрощенном делопроизводстве словесных судов. Единственный источник, по которому мы можем судить о них, это материалы полевых этнографических обследований начала XX в. и данные микротопонимики.

---

* Я хочу поблагодарить И.Л.Бабич, научной методикой которой я воспользовался при сборе и обработке полевых и архивных материалов, изложенных в данной, девятой, и двенадцатой главах этой книги.

Сопоставив судебную статистику, пореформенные записи адата на арабском языке, полевые и топонимические материалы, можно получить следующую картину. Примерно пятая часть известных нам пореформенных судебных дел относилась к преступлениям против личности. В свою очередь, последние включают в себя три большие группы дел: 1) словесные оскорбления, ссоры и драки без нанесения серьезных увечий; 2) прелюбодеяние, похищение и изнасилование женщин; 3) случайные и умышленные ранения, увечья и убийства.

Первая группа дел всегда была широко распространена в Дагестане. В пореформенное время ссоры и драки отмечены между взрослыми мужчинами, юношами (старше 15 лет), подростками и детьми из числа полноправных общинников — *узденей* (80% дел). С 60-х годов в этих конфликтах все чаще стали участвовать уравненные в правах с узденями бывшие крепостные крестьяне (*чагар, терекеме*) и окончательно освобожденные тогда же рабы (авар. *лаг*, дарг. *кули*, тюрк. *караваш*) (полевой материал В.О.Бобровникова, собранный в 1996–1997 гг. в разных районах РД; *Шиллинг:* 1993, 79, 163–165).

К подобным столкновениям нередко приводила давняя вражда между «верхними», «знатными», и «нижними», «худородными», кланами (*тухумы*) и кварталами (*авал, магал*), неприязнь между коренными жителями и переселенцами, оспаривавшими друг у друга власть над общиной. Примеры ее можно встретить чуть ли не в каждом горном селении. Поводом для столкновения могли стать словесные оскорбления, нарушения неприкосновенности границ и потравы *мульков*, драки во время свадеб, празднеств и примирительного угощения кровников.

В качестве характерного примера таких конфликтов можно привести «каменные побоища» между подростками в Хунзахе. Время от времени дети из «знатного» квартала Самилакх (авар. *Самилахъ*) объединялись с подростками из квартала Хорикх (авар. *Хlорихъ*) и шли биться с детьми из трех нижних кварталов селения. Подобные драки описаны в конце XIX — начале XX в. в лакском селении Кумух (*Лавров:* 1982, 117–118). У лакцев из с. Балхар нередко случались ссоры и драки из-за питьевой воды между жителями «Верхнего» (*Барщи*), «Среднего» (*Лябсаки*) и «Нижнего» (*Ухши*) кварталов. Если ишак заходил в чужой квартал, ему могли отрезать хвост (*Лавров,* 1982, 128–129). Регулярные столкновения между жителями «верхних» и «нижних», «лучших» и «худородных» кварталов отмечены в большинстве крупных горных джамаатов (см., например: *Гусейнов:* 1993, 30; *Шиллинг:* 1993, 183; типологию этого противостояния можно найти в работе петербургского этнографа Ю.Ю.Карпова, см.: *Карпов:* 2000, 63–71).

Если столкновения не приводили к убийствам или серьезным увечьям, окружные власти возлагали примирение враждующих сто-

рон на руководителей общины (*джамаат*) из числа членов словесного суда. Они выполняли роль третейских судей. В случае драк с применением оружия для примирения (*маслахат/маслиат*) следовало устроить обязательное угощение всего сельского общества. Его обязана была оплатить сторона, признанная на суде зачинщиком столкновения. Признавая невозможность искоренения таких конфликтов, словесные суды не применяли к виновным тяжелых наказаний. За нарушение общественного порядка на дерущихся налагали натуральные или денежные штрафы в пользу общества, зачинщиков столкновений заключали в тюрьму сроком от 1 до 3 суток.

Основным видом наказания за ссоры и драки без применения оружия и с использованием оного, как и в дореформенное время, оставались штрафы. Вот несколько типичных постановлений этой категории, принятых в горных джамаатах второй половины XIX в. В сборнике постановлений по адату гидатлинского селения Урада, датированном 14 джумада ал-ула 1297/1879 г., имеются следующие правила разбора драк:

«Если кто-либо ударит другого кулаком... на земле [Гунибского] округа (*фи дахил ан-нахийа*), за ним бык, а в [необитаемой] пустоши (*ал-мафаза*) — за ним корова. Если кто-то ударит кинжалом, или перстнем-печаткой, или камнем, или палкой — за ним два котла без изъяна весом четыре *ратала* [каждый] (здесь 1 *ратал* ≈ 2,5 кг. — *В.Б.*), из которых один в пользу раненого, а другой — для общины (*ахл ал-карйа*)... Если истец и ответчик присягнут (*халафа*), что в драке никто из них не ударил первым, то обоих их судят как того, кто уклоняется [от присяги]. Если совершеннолетний ударит мальчика на глазах у его отца или одного из его [родителей] — за ним корова...» (Байан 'адат 'Урада // РФ ИИАЭ, ф. 5, оп. 1, *д.* 1658, *л.* 1; пер. с араб. мой. — *В.Б.*).

О наказаниях за словесные оскорбления говорится в адате другого гидатлинского селения — Мачада, датированном 15 джумада ал-ула того же года и приплетенном к тетрадке гидатлинского адата XIX в., которую я только что цитировал:

«Если женщина бранилась, понуждая мужчин к драке (*ли-китал*), то за ней *шаль* (здесь: отрез грубой домотканой шерстяной материи длиной 5–6 м. — *В.Б.*). Если она присягнет (*халафат*) с одним мужчиной, то будет отпущена [оправданной]» (Дафтар Мачада // РФ ИИАЭ, ф. 5, оп. 1, *д.* 1658, *л.* 1; пер. с араб. мой. — *В.Б.*).

Приведенные выше тексты взяты из сводов адата (*дафатир 'адат*), которые уже были охарактеризованы выше. Это любопытное свидетельство непрерывности и вместе с тем быстрого изменения местной адатной традиции. Составление этих «тетрадок» началось еще в дореформенное время. Их продолжали переписывать и использовать и после реформ. В данном случае они показывают, что, несмотря на российские реформы, добиться равенства всех членов общины перед

законом не удалось. Ущерб, нанесенный взрослым мужчинам (*узденям*), оценивался на порядок выше, чем такой же ущерб, причиненный несовершеннолетним. Корова, поступавшая в собственность джамаата с человека, ударившего ребенка, ценилась горцами раза в полтора дешевле быка. Интересно отметить также, что применение обычного права уже не ограничивается пределами одного джамаата. Закон преследовал правонарушения, совершенные горцами не только на территории своего сельского общества, но и за его пределами. Это особенность уже пореформенного адата. Причем, как и прежде, за преступление, совершенное на земле своего джамаата, ответственность зачинщика ссоры или драки была выше.

В пореформенном Дагестане не удалось унифицировать штрафы. В ряде сельских обществ их взимали натурой — скотом, посудой, тканями, как в Гидатле, а также зерном. В других они были частично или полностью переведены на деньги. Вот несколько типичных пореформенных наказаний. В с. Хварши с зачинщика драки в пользу джамаата взимался штраф мясом весом 1 ратал; за обнажение кинжала — штраф 4 овцы, за удар кинжалом в драке — бык, равный по стоимости четырем овцам (Из истории права: 1968, 19). В с. Тукита ударивший в драке своего противника ногой отдавал джамаату мерукали зерном; обнаживший кинжал или другое холодное оружие — двухлетнего барана; выстреливший из ружья — четырехлетнего быка. В селениях Могох, Цолода и Ингердах с дерущихся брали по овце. В соседнем Местерухе за удар рукой, палкой или камнем следовало заплатить общине рубль; за обнажение кинжала — 3 руб. (ЦГИА РГ, ф. 545, оп. 1, д. 88).

Преступления, составляющие вторую группу дел, чаще всего встречались в Даргинском округе. В среднем за год вчинялось до 50 исков по прелюбодеянию и не более 10–15 исков по увозу девушек. Ответчиками были в основном мужчины 15–40 лет (ЦГИА РГ, ф. 545, д. 3074, л. 99–146; ср.: *Комаров*: 1868, 48–49). В пореформенную эпоху среди них стало больше выходцев из социальных низов — бывших крепостных-*чагаров* и освобожденных рабов-*лагов*. Прежде истцы и ответчики по этим искам, как правило, принадлежали к разным тухумам одного и того же селения. В исследуемый период в них оказываются задействованы жители соседних селений (архивы А.Закарьяева (Хуштада), Б.Гасанова (Рутул), Р.Рамазанова (Шиназ). Причиной похищений незамужних женщин и их публичных оскорблений, как правило, было стремление ответчика принудить родственников потерпевшей согласиться на ее брак с ним.

Характерные дела о похищении и публичном оскорблении девушек записаны со слов стариков краеведом Х.Умахановым в с. Гагатль. Например, в конце XIX в. гагатлинец Шахбан сын Албегаджи посватался к своей односельчанке Нафисат, но получил отказ ее родителей.

Тогда он с другом подкараулил девушку в местности Цончимио и попытался силой увезти на дальний хутор. Однако Нафисат стала отчаянно сопротивляться, и Шахбан сумел только сорвать с нее платок, что считалось равносильным похищению. В книге Умаханова приведен целый ряд подобных историй. По словам его респондентов, в описанной ситуации юноша старался дотронуться до тела девушки, чтобы сделать ее родителей более сговорчивыми во время его повторного сватовства (*Умаханов*: 1993, 86–87, 88–89, 188).

Согласно общим уголовным нормам дагестанского адата, по степени тяжести преступления против нравственности делились, как и раньше, на три категории. Мелким проступком считалось скотоложство. С виновного, если он был совершеннолетним, в с. Ботлих хозяин скотины брал в возмещение морального убытка барана, а в селениях Мекеги и Хюркели — пару поршней для ружья. Несовершеннолетний за это преступление не отвечал (полевой материал В.О.Бобровникова, собранный в 1997 г. в Ботлихском и Буйнакском районах РД; *Комаров*: 1868, 56). Похищение или публичное оскорбление женщины грозили ответчику штрафом в пользу семьи истца и общества, а также изгнанием из селения на срок от трех месяцев до одного года. В Даргинском округе штраф увеличивался, если похищенная девушка была увезена в соседнее селение (*Комаров*: 1868, 53; ПОА РАН, ф. 103, оп. 1, д. 344, *л.* 15). Самым тяжелым преступлением этой категории по-прежнему считалось прелюбодеяние. Типичным наказанием за него было постановление с. Тануси об изгнании виновного из селения как кровника (*канлы*) на срок от трех месяцев до трех лет с уплатой обществу штрафа 10–30 руб. Подобные адатные нормы записаны и в других селениях, например в Кумухе и Хунзахе (*Комаров*: 1868, 54; ЦГИА РГ, ф. 545, оп. 1, д. 88, *л.* 30, 34, 38–40; ПОА РАН, ф. 103, оп. 1, д. 344, *л.* 53–54).

Как и в дореформенную эпоху, чтобы получить возмещение за нанесенный ей ущерб и избежать обвинения в прелюбодеянии, женщина должна была оповестить джамаат криком о нападении на нее. При поддержке российских властей община по-прежнему препятствовала совершению убийства на почве подозрений в прелюбодеянии. Об этом свидетельствуют постановления второй половины XIX в. из гидатлинских селений:

«Если женщина закричит при изнасиловании, то за тем, [кто изнасиловал ее], два котла и бык. Если оба, [и мужчина, и женщина], согласились на блуд, то за ними обоими два быка и четыре котла. Если обвинение ее вызывает подозрение, то ответчик должен присягнуть с тремя людьми, которые не предъявляют ему иска и не завидуют ему. Если обнаружится, что женщина ложно кричала, то за ней два котла и бык» (Байан 'адат 'Урада // РФ ИИАЭ, ф. 5, оп. 1, д. 1658, *л.* 1; пер. с араб. мой. — *В.Б.*).

«С того, кто причинил насилие чужой жене, в качестве штрафа (*фидйа*) взимается бык стоимостью в тридцать мер (*кали*). Если он будет убит в течение трех дней, то кровь его остается без отмщения (*фамухаддар*). Если оба, [и мужчина, и женщина], были согласны на блуд, то [в случае убийства] кровь обоих остается без отмщения (*мухаддаран*). Если один из них остается [в живых], то кровь убитого падает на голову живого. Если обвинение [женщины] вызывает подозрение, то ответчик должен присягнуть с тремя людьми, с которыми его не связывает ни тяжба, ни неприязнь. Если обнаружится, что женщина ложно кричала, то за ней бык» (Хаза байан расм карйат Хучада // РФ ИИАЭ, ф. 5, оп. 1, д. 1658, л. 1; пер. с араб. мой. — *В.Б.*).

Следует отметить, что приведенные выше правовые тексты говорят о двойственности пореформенной адатной практики. Наряду с нормами очищения совместной присягой родственников и односельчан, признанной российской властью, они поддерживают строго запрещенное ею убийство обоих прелюбодеев, застигнутых на месте преступления. Вплоть до революции в Даргинском, Кайтаго-Табасаранском и Темир-Хан-Шуринском округах мужья нередко убивали и ранили своих жен, дочерей и родственниц по подозрению в развратном поведении. За убийство похитителей женщин и прелюбодеев около 3 тыс. дагестанцев было осуждено в мировых судах согласно российскому уголовному праву (ЦГА РД, ф. 21, оп. 1, д. 106).

Преступления, относящиеся к третьей группе, согласно реформе, передавались в окружные и Дагестанский народный суды. Поскольку исполнительная власть в Дагестане была еще довольно слаба, по числу ранений и убийств область занимала одно из первых мест в Кавказском крае. В среднем на каждые 2500–3000 жителей ежегодно приходилось одно ранение или убийство. По числу ранений в области лидировал Казикумухский округ, по числу убийств — Кайтаго-Табасаранский (ЦГА РД, ф. 21, оп. 3, д. 50–106; ср. дореформенную статистику, обработанную генералом А.В.Комаровым: *Комаров:* 1868, 41–42).

Большинство конфликтов такого рода случалось между лицами одной социальной группы — ханами и беками, свободными узденями, бывшими рабами и крепостными. Из ответчиков 99% были мужчины 15–40 лет, 1% — женщины того же возраста; из потерпевших 85% были мужчины 15–40 лет, 15% — молодые женщины (подсчитано по материалам «Годовых отчетов начальников округов Дагестанской области»: ЦГА РД, ф. 21, оп. 3, д. 50–106). Убийств и ранений лиц высшего социального статуса — *наибов* из числа бывших беков и ханов, а также сельских кади отмечено немного — всего 14 за 57 лет. Большинство из них падает на время последних восстаний, 1861–1877 гг., против русского владычества. Так, в 1861 г. горцы Ункратля,

составившие отряд под предводительством Каракуль-Магома, перебили сельских старшин, поставленных российскими военными властями в селениях Хваршини, Саситли, Тинди и чамалинских обществах (РГВИА, ф. 400, д. 45, л. 512; РФ ИИАЭ, ф. 1, оп. 1, д. 167, л. 1–10; см. также: История Дагестана: 1968, II, 145).

К ранениям и убийствам порой приводили ссоры и драки, а также оскорбления женщин. Вот два характерных примера таких столкновений. В октябре 1868 г. ишаки Магомеда Абдул-Галил-оглы из с. Хулисма Казикумухского округа потравили солому на поле его соседа Гаджи-Магомеда Умахан-оглы. Между соседями случилась словесная перебранка, переросшая в драку. На шум сбежались родственники. В столкновении были ранены камнями Гаджи-Магомед Умахан-оглы, его отец и сестры, Магомед Абдул-Галил-оглы и члены его тухума, причем родственница Магомеда, Заза Гасан-кизы, будучи беременной, от ударов камнями в спину и живот слегла и скончалась через 22 дня (Ведомости о происшествиях Кавказского Горского управления // ССКГ: 1870, III, 1–2). В декабре 1869 г. в с. Друштул Кюринского округа дети, играя, подрались. Таман Юсуф-кизы, увидав ссору, набросилась с кулаками на 13-летнего подростка Кубутая Рамазан-оглы, который бил ее сыновей. Последний выхватил кинжал и нанес ей смертельную рану. Таман скончалась на месте (там же, 19).

Похищения девушек также нередко приводили к ранениям и убийствам. Так, в с. Гагатль была похищена вдова Шахрезат и в перестрелке между родными похитителя и похищенной погиб один и были ранены двое человек (*Умаханов:* 1993, 90). В ведомостях происшествий по Кавказскому краю есть описания многих подобных случаев, происшедших в разных районах Северного Кавказа. Например, в январе 1869 г. Актемир Чориев из с. Средний Ачалук Ингушевского округа Терской области, перед этим безуспешно сватавшийся к своей односельчанке Ашарпи Байчиевой, при помощи родных и друзей похитил ее и увез в дом своего однотухумца Мози Арапиева. Родственники похищенной пытались освободить ее, и в стычке 11 человек получили огнестрельные ранения (ССКГ: 1868, III, 4).

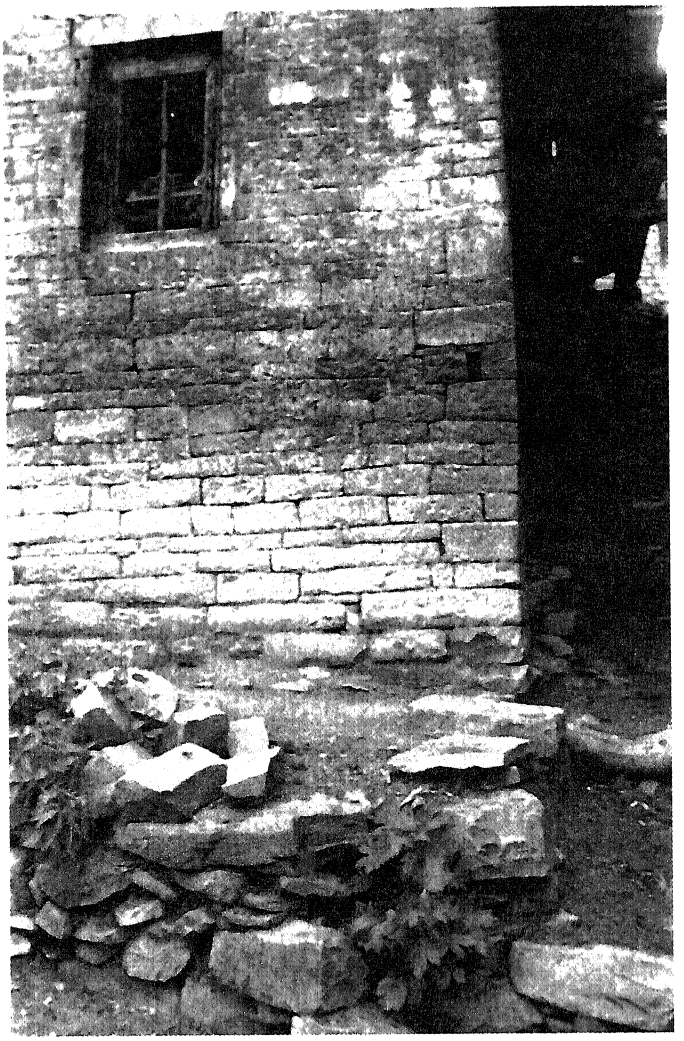
Убийства прелюбодеев часто случались по подозрению. Так, в декабре 1869 г. Рамазан Аликай-оглы из с. Арсуг Кюринского округа убил свою жену, подозревая ее в незаконной любовной связи со своим односельчанином Рамазаном Аджаб-Палай-оглы. Обманутому мужу помогал родственник неверной жены Джабраил Сеид-оглы. В том же году в с. Ората Аварского округа Гамзат Лабазан-оглы ранил кинжалом своего брата Али, подозревая его в любовной связи со своей женой Патимат Муталилов-кизы (ССКГ: 1868, III, 19). Гагатлинец Шахру по навету соседки заподозрил свою жену в любовной связи со своим соседом Рамазаном. Тогда он подкараулил его ночью и заколол кинжалом (*Умаханов:* 1993, 156).

В с. Гинтли Гунибского округа на Гитино Гаджи-оглы пало подозрение в прелюбодеянии с незамужней односельчанкой, дочерью Гитино Магома-оглы. Когда оно подтвердилось беременностью девицы и показаниями свидетелей, виновный по адату был изгнан из селения в качестве кровника-канлы. Вскоре после этого Гитино Гаджи-оглы примирился с отцом девушки: он заплатил ему штраф за оскорбление (дият), вернулся в селение и женился на соблазненной девушке. Однако тесть затаил вражду на зятя. В августе 1864 г. он при участии своих однотухумцев Гидича Омар-оглы и Гинзо Ших-Магома-оглы устроил засаду на Гитино Гаджи-оглы, когда тот возвращался поздним вечером с поля со своей женой. Сначала ранив его из ружья, убийцы затем добили его ударами кинжала (ССКГ: 1868, III, 8).

По давней адатной традиции, принятой повсюду, кроме Казикумухского и Самурского округов, все преступления этой группы делили на *простые* и *каракан*. Караканом считались убийства и ранения, совершенные умышленно или из засады, в поле или доме, принадлежавших потерпевшим, в мечети и святых местах либо ночью (Байан таварих ар-русум ад-дагистанийа: 1965, 226–230). Каракан отмечено немного, всего 19% общего числа дел этой категории. «Простыми» назывались случайные ранения и убийства. Наиболее часто их причинами были неосторожное обращение с оружием, ссора или опьянение. Так, например, чабан из с. Гагатль Гаджияв Манкуев, услышав ночью шум возле стада овец, выстрелил и случайно убил оказавшегося рядом Гойтемира Мантигова (*Умаханов:* 1993, 75).

Дифференциация композиций за преступления, влекущие за собой кровную месть, в дореволюционном Дагестане не претерпела особых изменений. Штраф за умышленное убийство был в 7–14 раз больше, чем за случайное. Кровь мужчины считалась вдвое дороже крови женщины. Кровник оплачивал также работу врача, лекарства и пропитание больного до его полного выздоровления (ССКГ: 1870, III, 9–11; 1874, VII, 4–5). Плата за увечья осталась прежней. Кроме композиций кровник выплачивал штраф в пользу общины (ЦГИА РГ, ф. 545, оп. 1, д. 88, л. 26–33, 36–45; д. 3074, л. 133–146).

Целый ряд дореформенных норм адата, требующих распространения кровной мести на весь тухум ответчика, выходит из употребления. Например, в с. Ботлих был запрещен адат (*джигка*), согласно которому, если убийцу обнаружить не удавалось, родственники убитого сами назначали себе в кровники любого человека и могли убить его (ПОА РАН, ф. 103, оп. 1, д. 344, л. 22, примеч.). Подобный обычай был отменен и в Закатальском округе Елизаветпольской губернии (Хрестоматия по истории права и государства Дагестана: 1999, I, 49, 51–52). Сельские сходы принимают постановления, запрещающие родственникам убитого преследование родственников убийцы. Типичный адат такого рода из гидатлинского селения Урада гласит:

Дореволюционная тюрьма в с. Хуштада

«Если кто-нибудь из наследников убитого или его однотухумцев (*акарибу-ху*) ударит жену убийцы или его детей, то за ним бык. На том, кто ударит такого человека, пусть даже глубокого старика, нет никакой пени (*фидйа*). Если по прошествии недели родственники (*акариб*) убитого будут мешать (*мана'а*) родственникам (*акариб*) убийцы выходить из домов и обмениваться рукопожатием [с односельчанами] (*мусафаха*), то возмещение за пролитую кровь им не уплачивается (*фа-д-дийа мухаддара*)» (Байан 'адат 'Урада // РФ ИИАЭ, ф. 5, оп. 1, д. 1658, *л.* 9; пер. с араб. мой. — *В.Б.*).

Вместе с тем российским властям не удалось значительно изменить дореформенную систему наказаний за уголовные преступления. В некоторых обществах, например в Акуша и Цудахар, за ранения и убийства продолжали судить не по адату, а по шариату. Тюремное заключение, введенное Шамилем за уголовные преступления (*Гемер:* 1993, 42; ср.: РГВИА, ф. ВУА, д. 6478, *л.* 160–161; *Церетели:* 1941, 104), получило повсеместное распространение. Во всех окружных центрах, наибских ставках и в большинстве крупных селений у главной площади (*годекан; гим*) возле мечети были устроены тюрьмы. Чаще, как в селениях Ботлих, Гагатль, Гаквари, Гигатли и других, ими служили ямы, перекрывавшиеся каменной глыбой. Реже встречались небольшие каменные камеры, как, например, в с. Цуйди (полевой материал В.О.Бобровникова, собранный в 1992–1997 гг. в Ботлихском, Тляратинском, Цумадинском районах РД; *Гаджиев:* 1988, 52–53; *Умаханов:* 1993, 45). В с. Хуштада на стене сельской тюрьмы до сих пор сохранилась дата последней перестройки — 1321 г. хиджры (1903-04 г. — *В.Б.*).

Не удалось заменить высылку в канлы ссылкой за пределы Дагестанской области. Боясь оказаться в Сибири или Центральной России, кровники из Аварского и Андийского округов по многу лет укрывались в горной Чечне. В Южном Дагестане канлы бежали в горы Закатальского округа Елизаветпольской губернии. Попасть в Россию и тем более в Сибирь считалось на Северном Кавказе хуже смерти. Недаром Шамиль, беседуя как-то с Руновским в Калуге, признался, что отчаянное сопротивление горцев русским войскам в значительной степени объяснялось страхом ссылки в Сибирь в случае проигрыша войны. Те же чувства рисует одно любопытное стихотворение аварского поэта Махмуда из с. Кахабросо. Рисуя свое отчаяние от неразделенной любви к девушке, он сравнивает себя с горцем, обреченным на сибирскую ссылку:

У этой стены, в тупике, измученный,
Подал я сам на себя мировому судье
За то, что рукой коснулся ее,
На три года решили в Сибирь!
Сердце приняло!

Я был так изранен, и мне ль проиграть это дело!
С решения суда снял я копию,
И пойдет мое дело в суд окружной!
Там, — я мечтал, — можно выиграть!
Но там отказали...

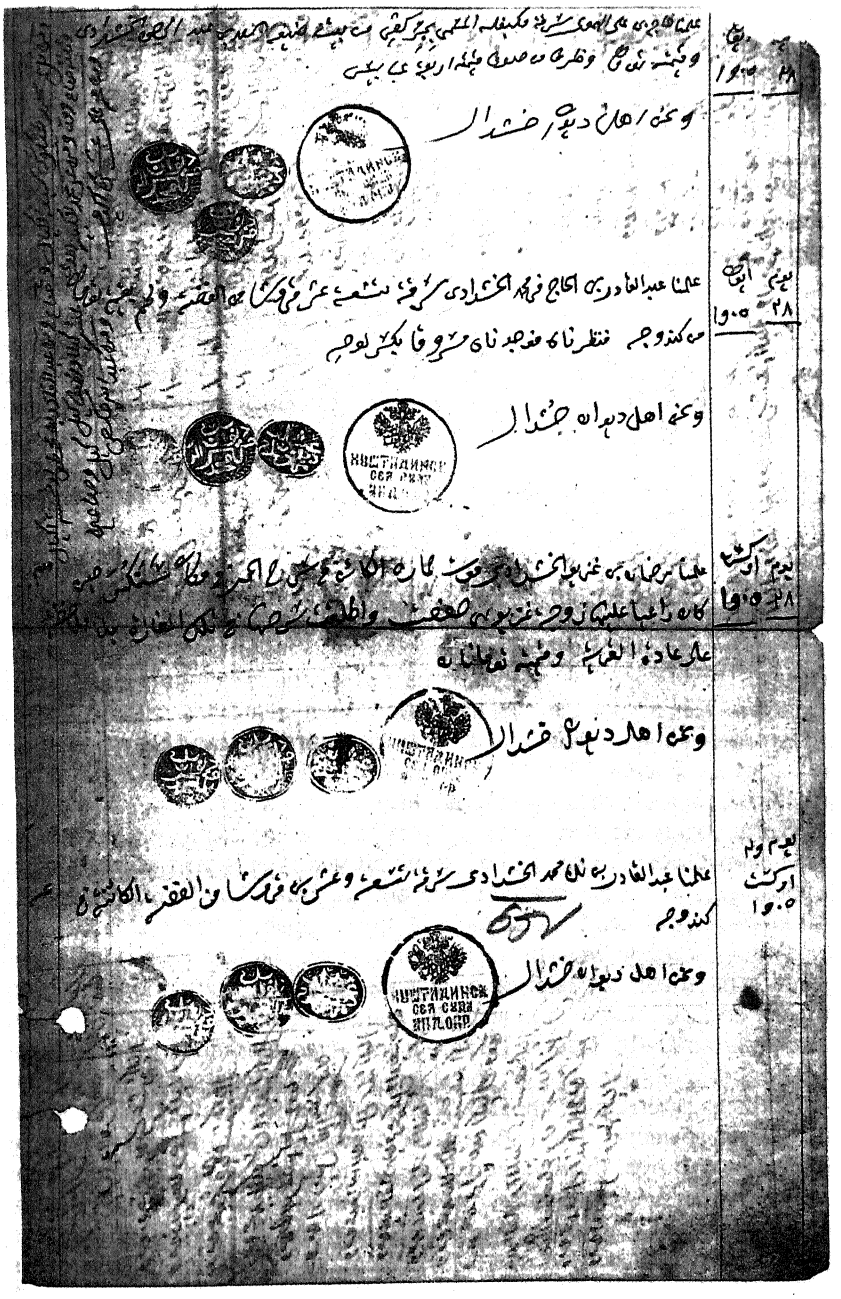
(*Жирков:* 1927, 122.)

Здесь интересно отметить, что Махмуд как поэт-новатор, своего рода дагестанский Маяковский, вставляет в аварский текст стихотворения непривычные для горского уха русские судебные термины «мировой» и «окружной». К началу XX в., когда были написаны эти стихи, горцы начали привыкать к созданным реформой новым судебным институтам, но привыкание это шло трудно и медленно. Желая избежать недовольства мусульманского населения, начальство области разрешило в 1911 г. заменить ссылку кровников в Сибирь высылкой их «в отдаленнейшие округа Дагестанской области» (Предписание председателя Дагестанского народного суда от 20 сентября 1911 г. № 2288 // ЦГА РД, ф. 21, д. 7, л. 18). В частности, по этому закону канлы из с. Гагатль Андийского округа на северо-западе области высылались в селения Чиркей, Кумух в Центральном Дагестане и даже в с. Ахты на юге Дагестана. Наоборот, в Андийский и Гунибский округа высылались канлы с юга и севера области (*Умаханов:* 1993, 37–38, 46).

2
Преступления против собственности

Около 25% поземельных исков 1860–1917 гг., прошедших через словесные и народные суды всех уровней, касались преступлений против собственности. Только за первые шесть лет работы окружных и Дагестанского народного судов, в 1861–1866 гг., в них поступило 2312 жалоб на воровство и грабеж (*Комаров:* 1868, 59). В последующем их доля по-прежнему была относительно велика. Из всех преступлений против собственности четко выделяются две группы: 1) о воровстве и утайке чужой собственности; 2) о грабеже и разбое.

Подавляющее большинство дел первой группы разбиралось сельскими словесными судами. Основная масса исков такого рода в пореформенное время отмечена в Даргинском и трех южных округах Дагестанской области. Меньше всего жалоб на воровство поступало из горных селений Аварского, Андийского, Гунибского и Казикумухского округов — не более 15–20 ежегодно. Из обвиняемых в этом преступлении 1% относился к бывшей горской знати (*ханы, беки, чанки*); 62% были свободные общинники (*уздени*), освобожденные

Статистика уголовных преступлений
в книге Хушгадинского сельского суда

рабы и крепостные; 37% — зависимые крестьяне юга области (*терекеме*). 95% из них — мужчины 15–40 лет, 5% — женщины. Среди истцов 50% принадлежали к сословию узденей, 35% — к чагарам, 15% — потомки ханов и беков (подсчитано по материалам «Годовых отчетов начальников округов Дагестанской области»: ЦГА РД, ф. 21, оп. 3, д. 50–106).

Рост воровства в Южном и Центральном Дагестане в пореформенное время был связан с тем, что именно сюда направлялся основной поток переселенцев из России, здесь в конце XIX в. выросли большие города Дербент и Темир-Хан-Шура. В горных селениях эти преступления встречались редко, поскольку общественное мнение сурово осуждало воровство наравне с прелюбодеянием. Несмотря на запреты и административные взыскания со стороны российских властей, наказания воров в Нагорном Дагестане оставались по-прежнему крайне суровыми. На уличенных в воровстве налагался большой штраф; кроме того, их нередко выставляли на всеобщий позор. Например, жители с. Куяда Гунибского округа, оштрафовав вора, приковывали его за ногу к бревну и оставляли в таком положении на несколько дней на годекане возле мечети (*Воронов:* 1870, 5). В с. Хварши воров, пойманных с поличным, жестоко избивали, а затем сажали в яму (*Мусаева:* 1995, 143).

Российским властям так и не удалось искоренить норму адата, позволявшую убить вора, застигнутого на месте преступления. Во второй половине XIX в. появляются постановления сельских сходов, даже поощряющие такие убийства. Согласно гидатлинскому адату, убийца вора, избавлявший сельское общество от позора, вызванного его поведением, получал от джамаата ценный «подарок»:

«Тому, кто убьет вора, ничего не будет. За это ему (т.е. убийце. — *В.Б.*) дают быка. С того, кто по кровной мести отомстит убийце вора и убьет его, [берется] две цены крови (*дийатан*)» (Дафтар Мачада // РФ ИИАЭ, ф. 5, оп. 1, д. 1658, л. 2; пер. с араб. мой. — *В.Б.*).

За воровство из мечети, с мельницы, кражу колосьев с поля и баранов с пастбищ, а также за похищение вещей у гостя большинство горных джамаатов взимало штраф, превосходивший обычный штраф за воровство (1–10 руб.) в 10 раз, и изгоняло виновного в канлы на 3–5 лет. В с. Акуша, где штрафы во второй половине XIX в. были переведены в денежную форму, вор, уличенный в воровстве из мечети, платил обществу 161 руб. или 35 быков (каждый ценой 4 руб.) и 8 котлов по 3 руб. (*Комаров:* 1868, 57, примеч.). Типичным наказанием является адат с. Мачада, требовавший двойного штрафа (4 *шали* и котел) за кражу имущества у гостя, в мечети или из общинной казны. Для очищения от подозрения в воровстве в некоторых обществах требовалась присяга большего количества человек, чем в делах об убийстве: в Цудахаре — 40 человек, в Годобери и Зибирхали — 60.

Больше всего присягающих-тусевов назначалось в случае кражи лошади (РФ ИИАЭ, ф. 5, оп. 1, д. 1658, л. 8–10; *Комаров:* 1868, 17; *Алибеков:* 1927, 6).

Что же касается дел второй группы, то все они поступали на рассмотрение окружных народных и военных судов. Сельские общества охотно выдавали окружным властям пойманных ими грабителей и членов разбойничьих шаек. В начале 60-х годов в только что покоренном Нагорном Дагестане действовало несколько разбойничьих шаек: две в Гунибском округе, три в Андийском и шайка Алибека в Аварском округе (*Комаров:* 1868, 59–60). Но к концу 70-х годов Северный и Южный Дагестан были почти полностью освобождены от грабителей. В дальнейшем воровство и кражи с применением насилия составляли лишь 2,6% (ЦГА РД, ф. 21, оп. 5, д. 23) общего количества исков, возбужденных по преступлениям против собственности. Причем если до реформы грабеж с применением насилия наказывался по адату таким же штрафом, как и воровство (например, в селениях Бацада и Согратль за кражу и за грабеж с применением насилия был положен одинаковый штраф — 10 отрезов (*кирбас*) материи, см.: архив А.Магомедова (Согратль), то в пореформенных записях адата разбой и грабеж в большинстве сельских обществ были приравнены к убийству.

Для наказания грабителей и воров-рецидивистов сельские общества стали обращаться к наибам или начальнику округа с просьбой о высылке виновного в арестантские роты и отдаленнейшие губернии России. И власти шли им навстречу. Согласно официальной статистике, из области в пореформенное время было сослано за неисправимую склонность к воровству 568 человек (*Комаров:* 1868, 60–61; ЦГА РД, ф. 21, оп. 3, д. 106, л. 1). В сельских обществах воры-рецидивисты лишались права выбора на общественные должности.

В силу этих обстоятельств в большинстве округов Нагорного Дагестане воровством занимались единицы. Селения, откуда происходили известные конокрады, как, например, Ризван-чабан из с. Инхоквари, надолго приобретали у своих соседей дурную славу. В долине р. Аварское Койсу прославились воры из с. Телетль. Микротопонимика Нагорного Дагестана отмечает немногие районы, связанные с деятельностью воров. Например, под аварским селением Обода есть местность (*ЦIшIоғъоркIкIалахъ*) [Цохоркалакх] (авар., «в воровском ущелье») (*Саидов:* 1967, 663). У бежтинцев известны одноименные местность (бежт. *ЦIоғъор кураъ* [Цохор кура']) и квартал (бежт. *Гигъдийа кувакьа* [Гихдия кувака]) (полевой материал В.О.Бобровникова, собранный в 1995–1996 гг. в Цумадинском районе РД; ср.: Аварские народные сказки: 1972, № 36, 41, 46; *Мусаева:* 1995, 143; *Халилов:* 1995, 352, 362).

Интересно отметить, что в пореформенную эпоху отношение к воровству становится все более противоречивым, двойственным. С одной

стороны, оно накладывало печать позора на целое общество. Поэтому от воров стремились избавиться. Юридически они ставились вне закона. Несмотря на запреты российских властей, поощрялось их убийство без суда и следствия.

С другой стороны, воровство и грабеж абреков конца XIX — начала XX в. стали восприниматься как своего рода «удаль», «молодечество». Свидетельство тому — рассказы о «подвигах» воров, прочно вошедшие в горский фольклор в XX в. Про уже упоминавшегося Ризван-чабана из Инхоквари хваршины с гордостью передают, что он на ходу мог освежевать краденого барана. По их словам, он похитил 100 черных и множество белых баранов (*Мусаева:* 1995, 143). В с. Кванада мне рассказывали о местном воре XIX в., настолько ловком, что он мог зарезать, освежевать и съесть барана прежде, чем погоня добиралась до его дома. Другую подобную историю я слышал на другом конце Нагорного Дагестана, в с. Рутул. Говорят, один местный вор отличался удивительной быстротой и силой. Он с легкостью перебрасывал барана за спину и убегал с ним. Вор этот никогда не похищал ничего у односельчан, но промышлял воровством только в отдаленных даргинских и лакских селениях (полевой материал В.О.Бобровникова, собранный в 1996–1997 гг. в Цумадинском и Рутульском районах РД).

3
Хозяйственные правонарушения

Особую категорию дел, рассматривавшихся сельскими и окружными адатными судами, составляли нарушения хозяйственных норм адата (до 18% всех исков Дагестанской области за 1860–1917 гг., подсчитано по материалам «Годовых отчетов начальников округов Дагестанской области»: ЦГА РД, ф. 21, оп. 3, д. 50–160). В свою очередь, эти дела делились на две группы: 1) тяжбы, касающиеся потравы скотом частных полей и сенокосов (*мульк*), поджогов, нарушения очередности в пользовании пастбищами и оросительными каналами джамаата; 2) дела о нарушении единого сельскохозяйственного оборота на землях общины.

Разбор исков по делам первой группы после реформы остался прерогативой сельских словесных (реже — окружных народных) судов во всех без исключения округах Дагестанской области. Истцами и ответчиками в них обычно выступали свободные *уздени* (реже крепостные *чагары, терекеме*) из соперничающих фракций (тухумов, кварталов) одного и того же селения или соседних джамаатов.

Для урегулирования хозяйственных конфликтов словесные суды обращались к записям прежних решений адатных судов, хранившихся в мечетных архивах. Мною просмотрены адатные записи мечетных архивов селений Бацада, Ботлих, Губден, Мачада, Рутул, Саситли, Хварши, Хуштада и Чох. Установленные в них прецеденты решения подобных споров сводятся к возмещению натурой или деньгами ущерба пострадавшему и штрафу в пользу джамаата:

«Брать быка с того, кто купил целину (*ал-мават*), расположенную от местности Зиндатлар (*Зиндалълъар*) до селения Тлох. Если кто-либо позволит воде течь по местности, где она обычно не протекает, то по истечении трех дней со [времени] извещения осудить (*фа-хакама хукм*) наравне с завладевшим чужой частной собственностью (*мулк ал-гейр*)... Если скот потравил чужую землю (*зар'*), то у хозяина скотины есть [право] присягнуть вместе с [известным своей] справедливостью мужчиной (*ал-халф ма'а раджул 'адил*), что потрава не больше одного саха (*са'* — здесь: мера объема зерна. — *В.Б.*). Если он так присягнет, то освобождается от возмещения убытков более саха. Если же он откажется [от такой присяги], то у хозяина земли есть [право] присягнуть, что потрава каждой скотиной — три меры (*кали*) в день, и не больше того» (Дафтар Мачада // РФ ИИАЭ, ф. 5, оп. 1, д. 1658, л. 8, 10; пер. с араб. мой. — *В.Б.*).

Похожий адат можно найти в сотнях других горных селений. Например, в селениях Ботлих, Уркарах и Хив виновного в поливе своего поля с нарушением общей очереди лишали следующего по очереди полива и брали с него в джамаатную кассу быка. В с. Верхнее Гаквари виновный возвращал хозяину полную стоимость подожженного пастбища (*кутан*), мельницы или дома. В с. Карата за умышленный поджог брали штраф 10 руб. За потраву земель соседнего селения Тлондода жители с. Кванада принуждены были по решению окружного суда огородить эти пастбища (ПОА РАН, ф. 103, оп. 1, д. 344, л. 55; ЦГИА РГ, ф. 545, оп. 1, д. 88, л. 57–58, 66; д. 3074, л. 107, 145; мечетные архивы селений Бацада, Ботлих, Рутул, Саситли, Хварши, Хуштада и Чох; полевой материал В.О.Бобровникова, собранный в 1995–1996 гг. в Ахвахском, Ботлихском, Рутульском, Цумадинском районах РД; см. также: *Алимова, Магомедов:* 1993, 36).

В селениях Тлондода и Хуштада штрафы за потраву их пастбищ стадами соседних общин были в 2–3 раза выше обычных (архив М.-С.Газиева (Хуштада); вакуфные записи из мечетного архива с. Саситли за 1287 г.х. (1870 г. н.э.); *Азизов:* 1988, 28). Особо тяжким уголовным правонарушением, как и в дореформенную эпоху, считались порча мостов, по которым пролегали основные скотопрогонные трассы, и нерадивое отношение к их охране. В селениях Тлондода и Кванада известен адат конца XIX в., согласно которому виновный в уничтожении моста изгонялся в канлы и считался кровником

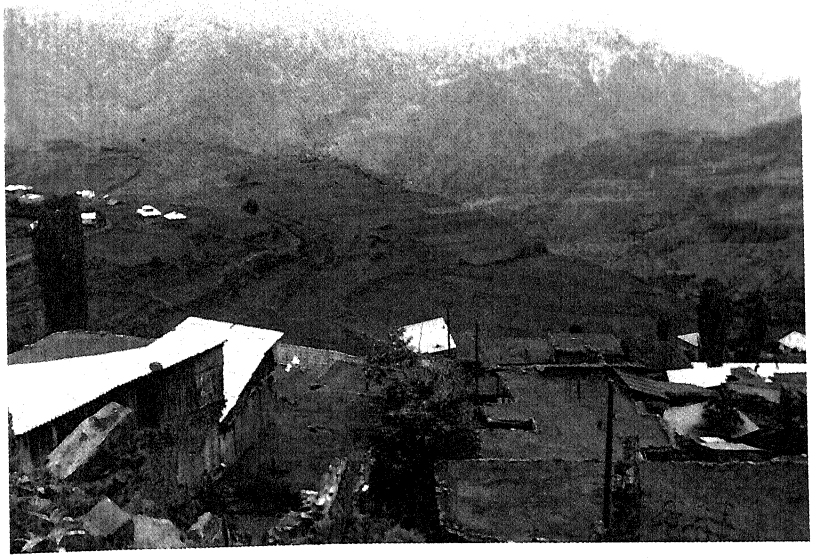
всего общества (архивы Б.Мухаммада (Кизилюрт); М.Пахрудинова (Тлондода).

Дела второй группы также рассматривались словесными судами. В роли истца здесь выступало само сельское общество (*джамаат*), считавшееся верховным собственником как общинных (*харим; вакф*), так и частных (*мульк*) участков на своей территории. Ответчиками чаще оказывались его члены, реже — члены соседних джамаатов. Иск обычно возбуждался должностным лицом общества (судебным исполнителем — *эл* или членом словесного суда — *диванбеком*), поймавшего нарушителя закона с поличным. Для проверки исполнения хозяйственных постановлений джамаата во время весеннего сева, летней страды и осенней уборки урожая, как и до русского завоевания, джамаат по-прежнему назначал судебных исполнителей, которые обходили земли общества и докладывали словесному суду обо всех замеченных ими нарушениях адата, касающихся правил ведения хозяйства.

Наказания за эти преступления, так же как и в делах первой группы, определялись подобно наказаниям за воровство. Обнаруженные мною адатные записи селений Бацада, Рутул, Тлондода, Хуштада показывают, что здесь в общинную кассу взимали штраф за любые нарушения единого севооборота (1–5 руб.), выжигание своего сада (25 коп.), вырубку общинных и частных рощ (до 15 руб.), захват под строительство части угодий «хотя бы размером в ладонь» (по 50 коп. за меру поля). Нарушителей хозяйственных норм адата могли также заключить в сельскую тюрьму сроком до трех суток.

Как и в дореформенную эпоху, Нагорный Дагестан имел единый сельскохозяйственный оборот, которому подчинялись все частносемейные (*мульки*) и общественные (*харим, вакф*) земли джамаата. Территория каждой сельской общины делилась на три части: дома, обрабатываемые земли и пастбища (подробнее см.: *Агларов:* 1988). Извечный земельный голод приучил горцев к рациональному использованию каждой пяди земли. Само селение (авар. *росо*; дарг. *махи*; лезг. *хьур* [хюр]) лепилось на скалистых склонах гор. Сразу за его околицей начинались возделанные пашни и сады (авар. *мегъ* / анд. яз. *мигъе, мих*). Во многих высокогорных селениях поля-*мег* находились на естественных или искусственно сооруженных террасах, амфитеатром спускавшихся в горные долины. Террасные стенки использовались как сенокосы. Основную часть угодий занимали общинные пастбища-*харим*.

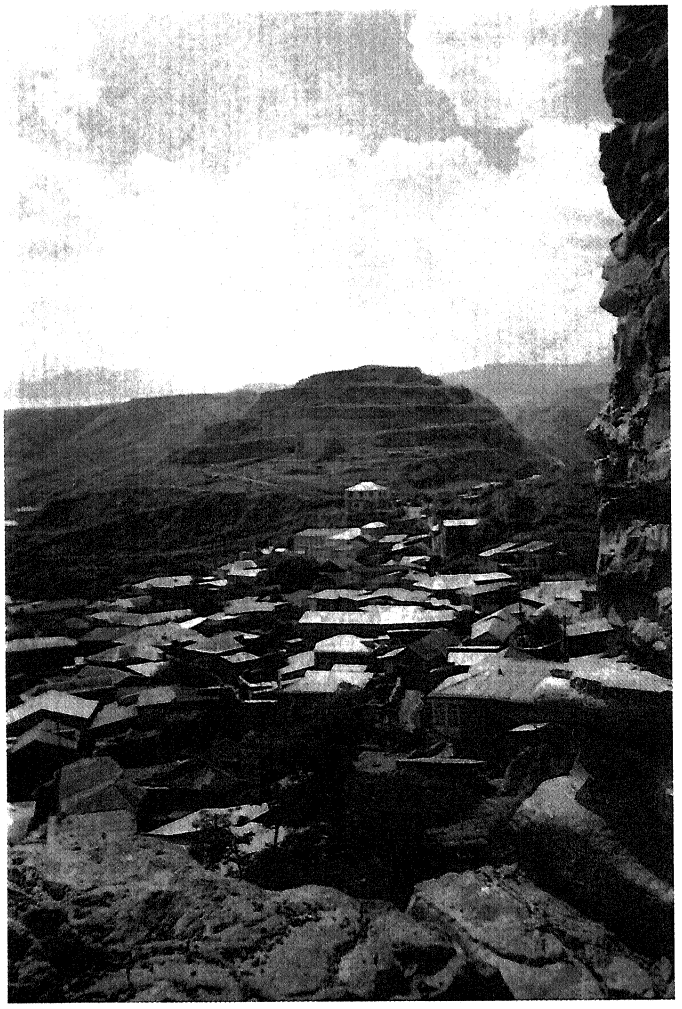
Под угрозой штрафа и тюрьмы люди и скот летом и осенью не могли заходить на зимние пастбища, а с началом сева до созревания урожая — на обрабатываемые земли (*мег*). На пятнадцатый день осени джамаат «открывал» сады и виноградники. Сначала урожай убирали хозяева верхних террас, и только после них — владельцы участков

Мег с. Хуштада

в долинах рек. Такой порядок предохранял угодья от потравы скотом и людьми. До дня разрешения уборки под угрозой существенных штрафов запрещалось собирать «хоть часть» урожая (пеня в 50 коп.), особенно виноград (пеня в 1–2 руб.) (архив М.-С.Газиева (Хуштада); мечетные архивы селений Бацада, Рутул, Тлондода). Подобные запреты отмечены и в других сельских обществах горцев (вакуфные записи из мечетного архива с. Саситли; РФ ИИАЭ, ф. 5, оп. 1, д. 1658, л. 4, 7, 14–20, 25–27). Отмеченные выше правила землепользования горцев наглядно демонстрирует постановление схода гидатлинского селения Мачада:

«С того, кто ранее установленного срока скосит траву на своем участке (*мульк*), расположенном в окрестностях селения, [брать] полторы меры (*къали*). Со скосившего [траву] с луга — четыре *шали*. За тем, кто выпасал своих овец осенью или весной где-либо, кроме трех местностей — в Тагадибе (авар. *Тагъадиб*), над Арсубом (авар. *Парсуб*) или в Тлуцалзай (авар. *Лъгьуцалзай*), — мера (*къали*). Местности Сулуби и Тлох (авар. *Лъох*) Рударукуб одинаковы в отношении [взимания] штрафа (*фидйа*). Время запрета этих земель (*ал-вакт лихима'и-хима*) — семь, то есть семь дней после сбора стада телят (авар. *бачал*). Если овец пустят на оба эти места в запретное время, то за пастухом *кIибагъаб куй* (авар., „двухгодовалый баран". — *В.Б.*), то есть баран. Если на этих землях, заблудившись, окажутся отдельные овцы

Поля на террасах в с. Кумух

или целое стадо, [взимается] полмеры (*нисф къали*). С того, кто отправит во время запрета пастись в Харуи (авар. *ХIаруьи*), Сулуби, а после и в Шолода любой скот, кроме ослов и мулов для перевозки бревен — то есть *цIулбахъли* (авар.)*, — [брать] шаль для штрафа (*фидйа*). Запретная территория [тянется] от Чолода до Барнатли (авар. *Барнатьи*) и оттуда до Бутакхи (авар. *БутIахьи*), а оттуда до Нати (авар. *НатIи*). Если овец отправят туда, то за пастухом *багьаб* (авар., „годовалый") баран» (Дафтар Мачада // РФ ИИАЭ, ф. 5, оп. 1, д. 1658, *л.* 3–4; пер. с араб. мой. — *В.Б.*).

В пореформенном Дагестане хозяйственные нормы адата постепенно менялись. Особенно сильно это было заметно в селениях на равнине и в предгорье, оказавшихся вблизи от быстро растущих городов Дербента, Темир-Хан-Шуры, Хасавюрта. Вследствие развития оптовой торговли на рубеже XIX–XX вв. в селениях Аркас, Белиджи, Касумкент, Хив и других исчезли такие адатные нормы, как запрет на сбор винограда, злаков (кукурузы) и плодов (грецкие орехи, персики и другие фрукты) в неположенное время (*Комаров:* 1868, 61). После прекращения частых войн и междоусобиц горцы стали специализироваться на отгонном скотоводстве, равнинные жители — на земледелии. С конца XIX в. в хозяйственном адате горных селений основное внимание уделялось соблюдению правил пользования пастбищами, находившимися «под охраной» джамаата. Соответствующие записи имеются в частных и мечетных архивах селений Бацада, Сильди, Хунзах, Чох и др. В с. Арчи до революции сохранялся адат, обязывавший арчинцев жить 9 месяцев в году на отдаленных хуторах, пока их скот пасется на зимних пастбищах вокруг селения и проход к нему закрыт (*Панек, Шиллинг:* 1996, 39–40; архивы М.Нурмагомедова (Махачкала) и Р.Рамазанова (Шиназ).

В с. Цудахар дрова из общественного леса в местности Хирубухна позволялось брать только с разрешения сельской администрации. Согласно местному адату, их использовали только для нужд учеников примечетной школы (араб. мн. *мута'аллимун*; ед.ч. *мута'аллим*), а также для того, чтобы разогреть смерзшуюся землю, когда приходилось рыть могилы зимой (РФ ИИАЭ, ф. 1, оп. 1, д. 561). Особенно высокие штрафы (15–50 руб.) повсюду налагались на тех членов общины, которые пытались продать свой участок за пределы селения. В селениях Мишлеш, Саситли, Сюгут, Хуштада под угрозой высокого штрафа в 15–20 руб. запрещалось продавать в соседние общества как необработанную древесину и хворост из общинного леса, так и хозяйственные постройки, сделанные из этой древесины:

«С того, кто вытащил или получил что-либо из запретной рощи (*ал-айка ал-манха*), все равно — бревна или обтесанный ствол, хотя

* В диалекте Гидатля *цIул бахъли* соответствует литературному *цIул бахъизе*, «тащить лес». Я благодарен Т.М.Айтберову и М.Е.Алексееву за помощь в переводе этой фразы.

бы один, — двадцать пять копеек с заключением его в тюрьму на три дня и ночи. С того, кто пережигал дрова охраняемой запретной зоны на уголь, — двадцать пять копеек с заключением его на три дня и ночи в тюрьму... С того, кто продал дрова из рощи, причем в любом количестве, за пределы села, — рубль с заключением его на три дня и ночи в тюрьму. С продавшего [бревенчатый] амбар (багв. *гьинкIуш*, от иран. *кундудж*) за пределы села — пятнадцать рублей. С поставившего новый амбар — тоже пятнадцать рублей. С того, кто поставил больше трех амбаров, брать этот [же] штраф, увеличиваемый в зависимости от превышения установленного количества» (Хаза фиркур* ахл карйат Хушдада // Архив М.-С.Газиева. Хуштада, *л.* 1; пер. с араб. В.О.Бобровникова и М.Ю.Рошина).

4
Поземельные тяжбы

Споры и столкновения, касающиеся прав сельских обществ и частных лиц на владение или пользование различной недвижимой собственностью, составляли примерно 37% исков, поступивших в окружные и Дагестанский народный суды за 1860–1917 гг. (подсчитано по материалам «Годовых отчетов начальников округов Дагестанской области»: ЦГА РД, ф. 21, оп. 3, д. 50–106). Дела этого рода делятся на три группы: 1) поземельные тяжбы между членами сельских обществ; 2) споры между джамаатами; 3) иски между общинами, с одной стороны, и частными землевладельцами — с другой.

Поземельные споры зарегистрированы во всех районах области. Наряду с кровной местью они стали настоящим бедствием для пореформенного Дагестана, и ослабить его не смогли ни проведение судебной реформы 1860–1868 гг., ни работа сословно-поземельных комиссий, одна из которых работала в 1860–1869 гг. в Засулакской Кумыкии и еще две в 1869–1876 гг. — в Южном Дагестане и Закатальском округе Елизаветпольской губернии (Адаты Дагестанской области и Закатальского округа: 1899, 39–40). Уже после завершения работы комиссий, в 1896–1915 гг. в окружные и Дагестанский народный суды было подано 89 тыс. поземельных исков и жалоб. В Центр кавказского военно-народного управления в Тифлисе из разных округов Дагестанской области было отправлено 72 делегации по поземельным спорам (*Даниялов:* 1970, 220; История советского крестьянства Дагестана: 1986, т. 1, 19, 27, 29).

---

* То есть «протокол» сельского схода, состоявшегося в с. Хуштада Андийского округа Дагестанской области 23 марта 1904 г.

К поземельным спорам и столкновениям приводил земельный голод, в пореформенное время значительно усилившийся в Нагорном Дагестане. Дело в том, что у целого ряда джамаатов, активно участвовавших в движении Шамиля и восстании 1877 г., были конфискованы в казну их прежние общинные угодья. Туда же перешли бывшие частные владения беков и ханов, захваченные в период существования имамата и до 1859 г. находившиеся в составе государственной собственности последнего (*байт ал-мал*). Всего в годы Кавказской войны казна получила 16 212,21 десятины (Кавказское хозяйство: 1918, № 19–24, 14–15). К поземельным спорам вели также частые смены владельцев и пользователей земель, начавшиеся в период Кавказской войны.

Но главной причиной непрекращавшихся поземельных конфликтов в пореформенном Дагестане оставались запутанность и сложность системы местного общинно-частного землевладения. Фактически формы собственности на землю и соответствующие нормы обычного права так и не были реформированы в дореволюционное время. Сословно-поземельные комиссии ограничивались установлением четких границ и определением владельцев и пользователей спорных участков. К тому же в ходе реформ 60-х годов, с одной стороны, в горах и предгорьях законодательно было усилено общинное землевладение джамаатов; с другой стороны, на равнине укреплялись позиции крупного частного землевладения бывших ханов и беков, влившихся в российскую администрацию области.

В пореформенном Дагестане существовали следующие виды землевладения и земельных держаний. Обрабатываемые земли — пашни и сады, также дома, а в некоторых районах и леса находились в частной собственности семей общинников-*узденей*, бывших рабов, *беков* и *ханов* как *мульки*. В 1917 г. к этой категории земель относилось 445 011 десятин, или около 30% всех сельскохозяйственных угодий области (Кавказское хозяйство: 1918, № 19–24, 14–15). 67% пашни было сосредоточено на равнине (*Османов:* 1965, 21). Правила пользования и передачи этих земель в целом определялись *шафиитским* толком *фикха*. Однако целый ряд особенностей частносемейного землевладения определялся *адатом*. У членов сельских обществ эти земли не были полностью отчуждаемыми. По адату было запрещено продавать, дарить, жертвовать или передавать в приданое мульки не членам джамаата. Вот характерное постановление:

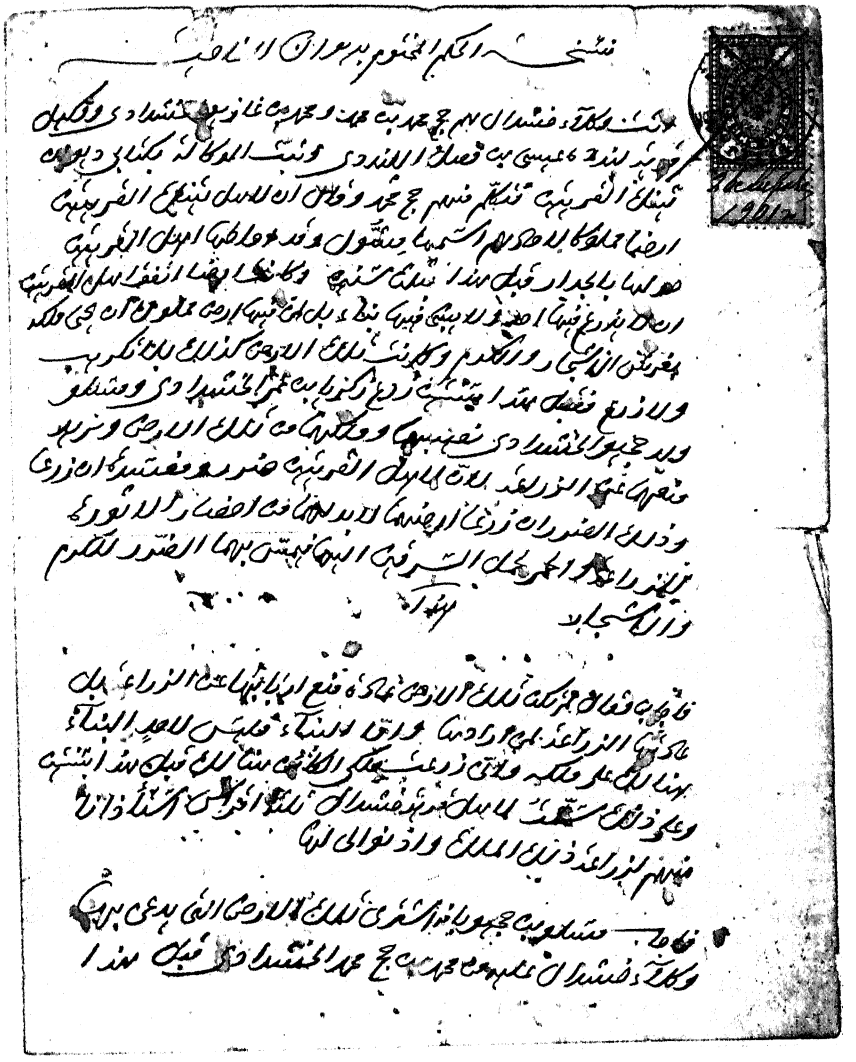
«Жители селения (*ахл ал-карйа*) пришли к соглашению ежедневно взыскивать по котлу с того, кто продаст кому-либо не из их числа свою землю, будь то пашня (*мазра'а*) или сенокос (*мардж*), находящуюся за холмом Хунуб (авар. *ХIунуб*), начиная от дороги в Гинух (авар. *Гьинуб*) и реки Тлярада (авар. *Лъарада*), до тех пор, пока он не вернет ее. За тем, кто отдал свое имение (*'акара-ху*) в аренду (*а'ара*)

кому-либо, не принадлежащему к селению, — котел» (Дафтар Мачада // РФ ИИАЭ, ф. 5, оп. 1, д. 1658, л. 10; пер. с араб. мой. — *В.Б.*).

Часть мульков была передана в вакф сельским мечетям. Это означало, что их держатели согласно воле учредителей вакфов должны были отдавать часть урожая в джамаатную кассу на нужды мечети. Вакфные земли по предназначению получаемых с них доходов делились на три категории: обеспечивающие освещение мечети (авар. *чирахъ* [чиракх]), проведение мусульманских праздников (авар. *къурбан* [курбан]), удовлетворение прочих мечетных нужд (собственно *вакф*). Управлялись вакфы на основе норм шариата и регулярно перераспределялись между жителями селения. Всего в Дагестанской области накануне революции 1917 г. было 13 702 десятины вакфов (Кавказское хозяйство: 1918, № 19–24, 14–15). Российские власти сохранили и упорядочили эту практику. По округам были составлены списки вакфов, которые перерегистрировались раз в три года. Последний раз такие списки составляли в марте 1915 г. (см., например: Хаза байан ал-мазари' ал-маукуфат ли-масджид джами' хушдал: 1915 // Мечетная библиотека с. Хуштада).

Частые в горах оползни и селевые потоки нередко меняли границы мульковых и вакуфных участков, как правило отмеченные природными преградами и низкими каменными стенками. Во время полевых работ горцы порой сами передвигали межевые камни, немного увеличивая свои участки за счет владений соседей. Это издавна вызывало бесчисленные поземельные споры между членами одного или нескольких соседних джамаатов. В пореформенном Дагестане такие споры хорошо документированы благодаря архивам сельских словесных и окружных народных судов, сохранившимся в частных и центральных государственных собраниях. Конфликты такого рода разрешались в сельских судах при посредничестве соседей и сельского старосты, хорошо знавших границы внутри своего джамаата. Недовольные решением суда нередко подавали апелляции в окружные суды (см., например: архивы М.Магомедгаджиева (Тлондода) и Р.Рамазанова (Шиназ); ЦГА РД, ф. р-37, оп. 21, д. 9, л. 13–61).

На почве передела вакфов и передачи мульков в соседние селения возникали серьезные конфликты. Но чаще всего тяжбы касались пользования пастбищами, большая часть которых находилась в общинной собственности джамаатов, как *харим,* и управлялась по нормам местного адата (мечетные библиотеки селений Хуштада, Тлондода; архив Р.Рамазанова (Шиназ). Эти земли составляли $^{4}/_{5}$ сельскохозяйственных угодий Дагестанской области. Большая их часть (74%), как и мульков, приходилась на равнинные районы (*Османов:* 1965, 21). Наибольшее число поземельных споров касалось пастбищ, находившихся в руках сразу нескольких владельцев. В области нередко случалось,

Копия постановления народного суда
Андийского округа по земельному спору
между селениями Хуштада и Тлондода

что владелец земли — *джамаат, бек* или *хан* — отдавал ее в аренду разным обществам на разные сроки. Последние, в свою очередь, сдавали свою долю в субаренду другим джамаатам (ЦГА РД, ф. 104, оп. 3, д. 42, 50; Дело Дагестанского народного суда № 109 // ЦГИА РГ, ф. 416, оп. 4, д. 35, л. 9).

Договор об аренде или субаренде мог оформляться как вакфное пожалование. Так зачастую поступали представители местной мусульманской знати, издавна сдававшие пастбища страдавшим от малоземелья горным джамаатам. Например, в 1839 г. Уммкулсум-бике из рода казикумухских ханов передала в вакф общине Кумуха горное пастбище Мурхирдахалу (*лак. Мурхьирдахалу*). Копия вакфной грамоты сохранилась в Рукописном фонде Института истории, археологии и этнографии в Махачкале (РФ ИИАЭ, ф. 1, оп. 1, д. 289, л. 113–114).

Поземельные споры и столкновения нередко случались между сельскими обществами, оспаривавшими друг у друга право владения или пользования (аренды) пастбищами, лесами и водными ресурсами. Типичным примером таких конфликтов была тяжба джамаатов Тлондода и Хуштада, каждый из которых претендовал на преимущественное использование летних пастбищ на склонах «пастбищных гор» Бугада (авар. *Бугъада*), Тархуб, Цагуни (авар. *Шагуни*) и Чанди, находившихся в совладении селений Кудияб-росо, Тадмагитль и Изани. Дело разбиралось народным судом Андийского округа в 1883 г. При посредничестве семи знатоков адата из нейтральных обществ суд примирил тяжущихся, удовлетворив иск тлондодинцев и хуштадинцев. Однако из-за нечеткости установленных границ эта тяжба вновь слушалась в окружном суде в 1910 и 1912–1913 гг. (архивы М.Пахрудинова (Тлондода) и Б.Мухаммада (Кизилюрт); полевой материал В.О.Бобровникова, собранный в 1996 г. в Цумадинском и Ахвахском районах РД; *Бобровников:* 1996,13).

На рубеже XIX–XX вв. подобные тяжбы за пастбища отмечены между селениями Карата и Тад-Магитль, Гагатль и Телетль, Кумух и Магарамкент и многими другими. Участки леса и пашни, скотопрогонные трассы по нескольку раз оспаривались друг у друга селениями Анди и Гагатль; Ахты, Хуля и Хкем; Калук и Хрюг; Худжи и Сурсабаки; Урари и Баршамай; Альбурикент и Кяхулай-Торкали; Храх и Ялджуг и др. (ЦГА РД, ф. 2, оп. 5, д. 96; ф. 148, оп. 3, д. 6; архивы М.-С.Газиева (Хуштада), М.Пахрудинова (Тлондода) и Р.Рамазанова (Шиназ); *Умаханов:* 1993, 23).

Память о пореформенных столкновениях за леса и пастбища закреплена в топонимах и связанных с ними устных преданиях. Среди последних можно выделить повсеместно встречающийся фольклорный сюжет о том, как горцы обманули своих соседей, насыпав в сапоги земли из своего селения и поклявшись землей, на которой стояли,

Спорный лесной участок Элюгун
в окрестностях с. Тлондода

что она всегда принадлежала им (архивы М.Нурмагомедова (Махачкала), М.-С.Абакарова (Хасавюрт); полевой материал В.О.Бобровникова, собранный в 1995–1997 гг. в Рутульском и Цумадинском районах РД; *Гусейнов:* 1993, 9).

Кроме того, поземельные тяжбы завязывались между крупными землевладельцами (*ханами, беками*), лишившимися своих владений при Шамиле, с одной стороны, и джамаатами горцев, которым не хватало земли для выпаса скота, — с другой. В качестве примера такого дела можно привести тяжбу за владение летними пастбищами на склонах горы Игадах-меэр (авар. *Игадах-мегIер*), разбиравшуюся в Дагестанском народном суде в 1887 г. На них претендовал, с одной стороны, Алдамашвили, потомок прежде владевших этой землей беков из с. Кеди, с другой стороны — джамааты селений Саситли, Гакко и Сильди, ранее входившие в «вольное общество» Ункратля (авар. *Ункъракь* — Восьмиземье), с третьей — родственники наиба Хаджиява из с. Карата, в 1871 г. убитого ункратлинцами. Суд не удовлетворил просьбу потомка кедибских беков. Пастбища были переданы в казну. Ункратлинцам и каратинцам было разрешено арендовать эти земли у правительства за половину той суммы, которую они прежде

платили кедибским бекам (ЦГА РД, ф. 2, оп. 3, д. 143б; полевой материал В.О.Бобровникова, собранный в 1995 г. в Цумадинском районе РД). Сходные тяжбы велись в пореформенное время за пастбища-*кутаны* между беками с равнины и арендовавшими их обществами горцев селений Гелли, Губден, Мекеги и др. (*Дела* Дагестанского народного суда № 14, 165, 180, 390 // ЦГИА РГ, ф. 416, оп. 4, д. 35, *л.* 1–8).

Под влиянием распространения российских законов и роста цен на землю появился новый вид поземельных конфликтов на равнине. Многие крупные землевладельцы, купив зимние пастбища, отказывались признавать адатные права на эти земли джамаатов, прежде пользовавшихся ими на правах аренды или субаренды. Так, Бахтияр-Хаджи Ахмедхан, купивший в 1881 г. у вдовы мехтулинского хана пастбище (*кутан*) Кара-тюбе, отказался признать адатные права тех прежних арендаторов, у которых не сохранилось подтверждающих эти права российских документов (*Дело* Дагестанского народного суда № 154 // ЦГИА РГ, ф. 416, оп. 4, д. 35). В 1888–1890 гг. в Дагестанском народном суде, а затем в Бакинском окружном суде слушалась жалоба жителей с. Нижний Дженгутай на нового владельца пастбища Кир-яр, запретившего им выпасать скот на кутане, как они делали по местному адату до русского завоевания. Проиграв дело, дженгутаевцы вынуждены были уплатить за потраву и купить этот кутан. По тем же соображениям с. Параул подтвердило свое адатное право на сезонное пользование Идакум-кутаном покупкой его с публичного торга в 1886 г. (*Дела* Дагестанского народного суда № 109, 137 // ЦГИА РГ, ф. 416, оп. 4, д. 35, *л.* 11–12, 15–18).

Затяжные поземельные тяжбы не обходились без убийств и ранений. Так, из-за потравы частных сенокосов между аварскими селениями Мочох и Хиндах в 1865 г. произошло столкновение, в котором с обеих сторон было ранено 26 человек. В конце XIX в. около сотни человек пострадали в драке жителей селений Гимерсо и Кванада, враждовавших на почве вырубки гимерсинцами общинного леса кванадинцев у озера Лачи (багв. *ЛачIи*) (полевой материал В.О.Бобровникова, собранный в 1996 г. в Цумадинском районе РД; см. также: *Комаров:* 1868, 50).

Свидетельства о перерастании поземельных тяжб в побоища отмечены в селениях Ихрек, Катрух, Кумторкала, Марага, Унцукуль и др. Память о них сохранилась в микротопонимике. Так, в с. Кака есть пастбища с характерными названиями — Итимар акахьай гирве (*лезг.*, «место, где были убиты мужчины»), Тажум ягъа гирве (*лезг.*, «проход, где был убит Тажум»). Подобные топонимы записаны у багулал (Джугъуд тIануб рекъа — «холм, где сбросили еврея» и др.) и бежтинцев (Исагъид — «место, где умер человек», Къора бувагъолацо — «место, где погубили детей» и др.) (полевой материал В.О.Бобровникова,

собранный в 1996 г. в Цумадинском и Цунтинском районах РД; архив Р.Рамазанова (Шиназ); *Халилов:* 1995, 354, 356; *Бобровников:* 1996, 8–13).

Но этим дело не ограничивалось. Между общинами горцев возникали затяжные, время от времени возобновлявшиеся локальные «войны». Примером такого развития поземельного конфликта может служить инцидент между андийцами — жителями пограничного селения Зило и чеченцами с. Харачой Терской области. Еще до Шамиля первый поселенец Харачоя Бики на скачках выиграл у андийцев пастбища у озера Чархи-ам. Договор о разграничении пастбищ был записан на камне, вделанном в стену дома Бики. Когда в середине XIX в. спор за пастбища разгорелся вновь, зилоевцы вытащили камень из стены и вдребезги разбили его. Оскорбленные чеченцы убили одного из андийцев, что положило начало кровной мести между селениями. Похожие истории записаны в селениях Ахты и Хуля (ЦГА РД, ф. р-37, оп. 21, д. 10, л. 23, 47; ф. 173, оп. 1, д. 8, л. 6; ср.: *Попов:* 1868, 7).

Между селениями Курах и Шиназ подобное противостояние возникло, когда шиназцы при помощи своих соседей из с. Рутул захватили пастбища курахцев. Саид из с. Тлядаль был убит жителями с. Чаккал, после того как послал своих братьев распахивать участок, принадлежавший этому селению. Столкновения между селениями не прекращались до советского времени (полевой материал В.О.Бобровникова, собранный в 1997 г. в Рутульском районе РД).

* * *

Как же оценить успехи и промахи реформы? Разбор деятельности пореформенных адатных судов Дагестанской области показывает, что в целом судебно-административная реформа оказалась плодотворной. На основе модернизации местного адата и отчасти мусульманского права в Дагестане удалось создать относительно гибкую судебную машину, которая более полувека после завершения реформ справлялась с решением большинства конфликтов в уголовной и поземельной сферах. Благодаря ее деятельности мусульмане Дагестана впервые после почти полувековой Кавказской войны обрели внутреннюю безопасность и стабильность.

В то же время в деятельности пореформенных адатных судов обнаружились серьезные промахи. Несмотря на все усилия правительства, так и не были искоренены кровная месть и частые поземельные столкновения. Довольно высоким оставался уровень преступности в южных и высокогорных северных округах области. Режим военно-народного управления не оправдал всех надежд, возлагаемых его создателями на адат и общину. На практике оказалось

абсолютно невозможно заменить мусульманское право обычным в тех областях, где оно утвердилось до реформ. Семейное и наследственное право дагестанских мусульман, а также в значительной мере система местного землевладения продолжали опираться на нормы шариата. Однако это отнюдь не подрывало российского владычества в крае, как того опасался Барятинский. Властям не удалось и «воссоздать» в Нагорном Дагестане бессословную эгалитарную общину. Пореформенный джамаат унаследовал довольно сложную иерархическую (и к тому же внутренне конфликтную) организацию и власть. Главное же, преображенные реформами община и обычное право не стали «ступенькой» к цивилизации горцев, приобщению их к современному российскому обществу и его правовой культуре. Горцы не желали ни жить по русским законам, ни служить в русской армии, ни даже пользоваться русским судопроизводством. Попытка введения русскоязычного судопроизводства в Дагестане в 1913 г. вызвала целую бурю возмущения, и закон пришлось отменить. В то же время жизнь показала, что машина военно-народного управления может сносно работать. Постепенно налаживались связи Северо-Восточного Кавказа с Центральной Россией. Несмотря на эксцессы абречества, горцы, похоже, свыкались с мыслью быть российскими подданными. Созданное в ходе реформ колониальное общество в целом оказалось жизнеспособным. Дагестанские суды по адату и шариату стали неотъемлемой частью, «винтиком» огромного Российского государства.

ЧАСТЬ III

Советская власть, шариат и адат

В XX в. реформы в Нагорном Дагестане приобрели всеобъемлющий и радикальный характер; не только этот небольшой регион, но весь Кавказ и Россия пережили столько кровопролитных революций и войн, массовых переселений целых народов, что самые основы общественного и правового порядка были потрясены. До сих пор местное общество не оправилось от шока, вызванного реформами и репрессиями советского времени. Не только сами горцы, но и ученые еще не осознали значения той эпохи для исторического развития местного права и общества в Нагорном Дагестане и других регионах бывшего советского Востока. Серьезное изучение трансформации в советское время правовой культуры разных народов Северного Кавказа только начинается (см., например, недавно изданную монографию и подготовленную на ее основе докторскую диссертацию: *Бабич*: 1999; 2000).

Я отнюдь не собираюсь объяснять читателю общий смысл советских преобразований для мусульман Северного Кавказа. Сделать это на страницах небольшого раздела одной книги невозможно, да и не нужно. Моя задача скромнее. Опираясь на собранные мной полевые, архивные и литературные материалы, я хочу попытаться обрисовать ход развития и изменения права и суда по адату и шариату в Нагорном Дагестане XX в.

ГЛАВА 10

Право, наука и политика в СССР

Чтобы верно понять значение советских преобразований, следует прежде всего разобрать те теоретические представления о праве и

обществе, из которых исходили идеологи реформ. Отмечу, что в послереволюционное время связь между правоведением, этнографией и политикой, наметившаяся еще в поздней императорской России, значительно укрепилась. Пришедшие к власти в стране большевики твердо следовали завету К.Маркса о том, что общественные науки должны иметь практическое приложение, служить обществу, задаче его революционного преобразования. Они сделали своим лозунгом знаменитое изречение из черновиков Маркса: «Философы (здесь: ученые. — *В.Б.*) лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы *изменить* (выделено Марксом. — *В.Б.*) его» (*Маркс*: 1933, 591, 589).

1
Марксистская интерпретация права и обычая

Взгляд на право и язык, которым описывалось обычное право, иными словами — правовой *дискурс*, после революции 1917 г. претерпел резкие перемены. Если в дореволюционной России ключевыми понятиями тут были **«дикость»** и **«цивилизация»**, то в советское время право стали увязывать с понятиями **«господства»** и **«подчинения»**. Идеологи дореволюционных реформ вдохновлялись благородным стремлением приобщить «диких» сынов Кавказа к достижениям современной европейской цивилизации. Ранние советские реформаторы были воодушевлены не менее благородным желанием освободить горцев от классового и колониального порабощения.

Согласно марксистской теории, ставшей государственной идеологией советской России, любое право есть воля господствующего класса, возведенная в закон. Оно зиждется на определенном экономическом базисе. Право возникает с зарождением классов и государства и служит в классовом обществе средством эксплуатации угнетенных масс. Эти идеи отчетливо выражены в целом ряде работ и выступлений первого руководителя советского государства В.И.Ленина. «Что такое закон? — писал он. — Выражение воли господствующих классов» (*Ленин*: 1948, 149). С нескрываемой ненавистью Ленин выступал против законов Российской империи: «Смешно говорить о „праве", когда помещики и издают законы, и применяют или отменяют их на практике. Значит, есть такой класс, который сам творит „право" и сам отменяет его» (*Ленин*: 1949, 273).

В глазах большевиков, всю жизнь боровшихся со «старым режимом», Российская империя была «тюрьмой народов». Говоря о ее

«восточных окраинах», Ленин и другие теоретики советских реформ полагали, что живущие здесь мусульмане и прочие «инородцы» находятся под двойным гнетом — российских колонизаторов и собственных феодалов и капиталистов. Причем те нормы местного адата, которые были узаконены при дореволюционных российских властях, как, например, в случае с военно-народным управлением, казались им орудием этой двойной классовой эксплуатации. Большевики исходили из положения Маркса: «Обычное право, как *отдельная область*, наряду с законом, имеет... разумное оправдание лишь там, где право существует *наряду и помимо* закона, где обычай есть *предвосхищение* закона» (*Маркс*: 1938, 228).

Точку зрения советских правоведов на обычное право хорошо выразил известный юрист 30-х годов С.А.Голунский. По его мнению, в дореволюционной историографии классовая сущность адата тщательно затушевывалась. На самом же деле под адатом скрывались только обычаи, служащие интересам эксплуататорских классов местного общества. Согласно Голунскому, законодательное закрепление адата в поздней Российской империи означало складывание по сути нового колониального права, лишь маскирующегося под «народные обычаи». «Созданное таким образом обычное право, — писал он, — становится одной из самых реакционных сил, упорно сопротивляясь всякому прогрессу, тщательно охраняя всякий кнут только потому, что это, по выражению К.Маркса, старый „исторический кнут“» (*Голунский*: 1939, 51). Интересно отметить, что из подобных представлений позднее исходили западные исследователи обычного права в странах с колониальным прошлым (см., например: *Woodman*: 1988, 181–220).

2
Метаморфозы советской судебной политики

Тезис о классовой природе всякого права оставался краеугольным камнем теории советского правоведения на протяжении всего существования Советской власти. Принятое до революции деление юриспруденции на современные правовые системы типа законодательства Российской империи и более примитивные народные обычаи «инородцев» надолго было заменено делением права по классовому признаку на законы феодального, буржуазного и социалистического государства. При этом реальная судебная политика государства в 20–80-е годы не раз и резко менялась. Эти метаморфозы запечатлены в советском законодательстве.

Одним из первых постановлений Советской власти был Декрет о суде № 1, изданный Советом Народных Комиссаров (СНК) 7 декабря (по старому стилю 24 ноября) 1917 г. Согласно ему, «местные суды решают дела именем Российской республики и руководствуются в своих решениях и приговорах законами свергнутых правительств лишь постольку, поскольку таковые не отменены революцией и не противоречат революционной совести и революционному правосознанию». По существу это означало отмену всех прежних законов, противоречащих декретам ЦИК Советов и программным положениям правящих партий РСДРП и эсеров. Вместо мировых судов вводились народные суды в составе одного судьи и двух народных заседателей. «Для борьбы против контрреволюционных сил» были созданы революционные трибуналы, которые могли применять к «классовым врагам» Советского государства любые меры устрашения, включая формально упраздненную в 1917 г. смертную казнь (см.: *Эстрин*: 1935, 99–100).

Советское законодательство сначала РСФСР, а затем и СССР в 1918 — начале 20-х годов продолжало намеченную после революции линию на уничтожение «буржуазной юридической машины» и разграничение прав имущих и неимущих классов. Согласно Конституции 1918 г., избирательного права лишались представители дореволюционной российской администрации, в том числе чиновники военно-народного управления, офицеры царской армии и священнослужители («*лишенцы*»). Вводилось преимущество рабочих по сравнению с крестьянами (1 голос рабочего приравнивался к 5 голосам крестьян) при выборах органов местной власти, которые были не всеобщими, не прямыми и не равными (*Орлов, Георгиев, Георгиева, Сивохина*: 1997, 363). На деле «поражение в избирательных правах» означало осложнения в принятии на работу, получении жилья, а порой арест и тюремное заключение.

Еще более разительно классовый подход к праву был воплощен в уголовном законодательстве. В декабре 1919 г. Наркомюст РСФСР признал, что «советское уголовное право имеет задачей — посредством репрессий охранять систему общественных отношений, соответствующую интересам трудящихся масс, организовавшихся в господствующий класс в переходный от капитализма к коммунизму период диктатуры пролетариата» (Руководящие начала по уголовному праву РСФСР: 1919, ст. 3). В первом Уголовном кодексе (УК) РСФСР, принятом в 1922 г., понятие «преступление» было заменено на «социально (классово) опасное действие», «наказание» — на «меры социальной защиты». При разборе «социально опасных действий», не учтенных в статьях УК, суды должны были судить «по аналогии», т.е. согласно статьям УК, касавшимся сходных по роду правонарушений (Уголовный кодекс РСФСР: 1922, ст. 6). Те же антиправовые по сути прин-

ципы вошли в УК редакции 1926 г. (Уголовный кодекс РСФСР в редакции 1926 г.: 1927).

В 20-е годы многие советские юристы выступали за полное уничтожение права как орудия угнетения неимущих классов, унаследованного от «проклятого царского режима» (подробнее см.: *Sharlet*: 1978, 176–180). Но уже к середине 30-х годов судебная политика СССР резко изменилась. С приходом к власти И.В.Сталина в стране началось восстановление разрушенного революцией и Гражданской войной имперского административного устройства. В этих целях руководство партии и правительства отказалось от ряда непригодных для государства принципов раннего советского правосудия. «Некоторые товарищи, — говорил Сталин в Отчетном докладе на XVI съезде ВКП(б), — думают, что главное в наступлении социализма составляют растущие репрессии, а если репрессии не нарастают, то нет и наступления. Верно ли это? Это, конечно, неверно. Репрессии являются необходимым элементом наступления, но элементом вспомогательным, а не главным» (*Сталин*: 1932, 572).

Новая Конституция СССР, принятая в декабре 1936 г., провозгласила Советский Союз «государством победившего социализма». Деление советских граждан на эксплуататорские и угнетенные классы потеряло юридическую силу. Отменялись ограничения в избирательном праве для «выходцев из имущих классов» и жителей деревни. Конституция законодательно зафиксировала всеобщие, прямые и равные выборы в органы власти всех уровней (*Советы*). Всем гражданам СССР гарантировалось право на труд, отдых, образование, материальное обеспечение в старости. Провозглашалась свобода отправления любых религиозных культов (*Орлов, Георгиев, Георгиева, Сивохина*: 1997, 398). Тем самым положение бывших «лишенцев» значительно улучшилось. Многие бывшие чиновники дореволюционной администрации, в том числе работники прокуратуры и тюрем, получили работу в аналогичных советских учреждениях.

В новом УК РСФСР, принятом в 1935 г., понятие «меры социальной защиты» употреблялось значительно реже, чем в предыдущих УК. В ряде статей оно было заменено на дореволюционное понятие «наказание» без учета социального происхождения обвиняемого (см., например: Уголовный кодекс РСФСР: 1935, ст. 6). Начиная с принятого в 1934 г. закона «О дополнении Положения о преступлениях государственных статьями об измене Родине», в законах и указах, издаваемых высшими органами власти СССР и союзных республик, стал употребляться только термин «наказание» (Систематизированный текст общесоюзных уголовных законов: 1948, 99).

Если судить только по приведенным выше и прочим известным положениям советского законодательства, можно прийти к заключению, что во второй половине 30-х годов в СССР законность в основном

была восстановлена. Однако впечатление это глубоко ложное. На самом деле в это время были восстановлены и получили дальнейшее развитие лишь дисциплинарно-репрессивные механизмы Российской империи (подробнее см.: Бывший КА ПБ ЦК КПСС // Архив Президента РФ; *Солженицын*: 1991–1993, т. 5–7; Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД: 1997–2000, I–III; *Engelstein*: 1993, 344, 352–353; ср.: *Фуко*: 2000, 289–290). Право перестало охранять жизнь и имущество подавляющего большинства российских подданных, превратившихся в бесправных рабов советского государства. Большинство прав и свобод, провозглашенных в Конституции 1936 г., не было осуществлено на практике. До июля 1956 г. колхозники не получали пенсий по старости; обучение в старших классах школ и вузах было платным. В стране не хватало жилья: подавляющее большинство горожан до начала 60-х годов ютилось в коммунальных квартирах (*Орлов, Георгиев, Георгиева, Сивохина*: 1997, 461). В 20–40-е годы выходцы из непролетарских семей, такие, как будущий этнограф Л.И.Лавров, отцом которого был священник, исключались из вузов за сокрытие своего социального происхождения.

Гигантские размеры в 30-е годы приобрела полицейско-репрессивная система. Сформулированное И.В.Сталиным положение об «обострении классовой борьбы» в период строительства социализма породило в СССР небывалый размах борьбы с инакомыслием. Карательные меры коснулись всех слоев населения, в том числе мусульманской деревни Дагестана, мало затронутой политическими репрессиями начала 20-х годов. Создание колхозов сопровождалось «раскулачиванием», в ходе которого были сосланы, а частью физически истреблены тысячи семей мулл, бывших сельских старост и членов дореволюционных словесных и народных судов, объявленных «кулаками».

Система исправительно-трудовых лагерей (ГУЛАГ) охватила всю страну. Уже к концу 30-х годов она включала более 50 концлагерей, свыше 420 исправительных колоний, 50 колоний для несовершеннолетних. Численность заключенных в них лиц, согласно несколько заниженным данным, выросла с 179 тыс. в 1930 г. до 839,4 тыс. в конце 1935 г. и до 996,4 тыс. — в конце 1937 г. (*Орлов, Георгиев, Георгиева, Сивохина*: 1997, 400; см. также: *Солженицын*: 1991, т. 5, 27–74, 374–407). Все более разбухавшая политическая полиция НКВД–МГБ действовала, не подчиняясь общесоюзным законам. В 1934 г. ОГПУ, орган временный и чрезвычайный, был преобразован в постоянно действующий комиссариат внутренних дел (НКВД СССР). При последнем было учреждено Особое совещание (ОСО), решения которого не подлежали обжалованию по суду. Сюда поступали дела политических заключенных «за отсутствием состава преступления». ОСО предоставлялось право «применять в административ-

ном порядке ссылку, заключение в исправительно-трудовые лагеря сроком до 5 лет и высылку за пределы СССР» (Материалы по истории социалистического уголовного законодательства: 1938, 206).

Общее значение разрушения права и законности в СССР 20–50-х годов неплохо охарактеризовал его непосредственный свидетель, политзаключенный и писатель Ю.О.Домбровский. «Во всей нашей печальной истории, — писал он, — нет ничего более страшного, чем лишить человека его естественного убежища — закона и права. Падут они, и нас унесут с собою. Мы сами себя слопаем. Нет в мире более чреватого будущими катастрофами преступления, чем распространить на право теорию морально-политической и социальной относительности... Принципы „само понятие справедливого и несправедливого у судьи, принадлежащего к буржуазным кругам, иное, чем у людей, принадлежащих к трудящимся классам", или вместо „вины" — вред, вместо наказания — „средства социальной защиты" в конечном счете были направлены на распад государства, т.е. общества... Пало право, и настал 37 год. Он и не мог не настать...» (*Домбровский*: 1993, 696–697).

Зарубежные советологи, а за ними и некоторые отечественные авторы привыкли распространять черты полицейско-репрессивного режима времен Сталина на все время существования СССР (*Breslauer*: 1978; *Hill*: 1985; ср.: *Yanov*: 1977). Не задумываясь, они определяют советский строй как неизменный «тоталитаризм», основанный на подавлении и страхе. Нет ничего более ошибочного. Нельзя забывать, что в правление Н.С.Хрущева (1953–1964) в советском обществе произошли необратимые перемены. ГУЛАГ перестал существовать, а большинство политических заключенных и ссыльных получили свободу. В период хрущевской «оттепели» началась реабилитация миллионов безвинно репрессированных. В 1957 г. всем депортированным народам, в том числе чеченцам и ингушам, было разрешено вернуться на родину. Тогда же из Казахстана стали возвращаться на родину «раскулаченные» в 30-е годы дагестанцы.

Упразднялось ОСО. МГБ, в 1953–1954 гг. поглотившее даже МВД, было резко ослаблено и заменено КГБ, поставленным под контроль ЦК КПСС. Было принято Положение о прокурорском надзоре. В 1960 г. был принят новый УК РСФСР. Была реформирована вся система правосудия (*Орлов, Георгиев, Георгиева, Сивохина*: 1997, 455–457). В то же время вплоть до распада СССР в 1991 г. советская система юриспруденции так и не смогла избавиться от пороков, порожденных классовой теорией права. Демократические принципы, провозглашенные в советском законодательстве, открыто нарушались. Так, несмотря на свободу совести, провозглашенную Конституцией 1977 г., продолжались гонения на религию. В так называемый период «застоя» (1964–1982) уважение советских граждан, в том числе

и дагестанских мусульман, к государственному закону было в значительной мере подорвано. Представление о вечности и всемогуществе Советской власти в глазах ее подданных сочеталось с осознанием фальши всего советского строя (см. любопытный разбор этого социально-правового сюжета в недавней работе А.Юрчака: *Yurchak*: 1997, 161–188).

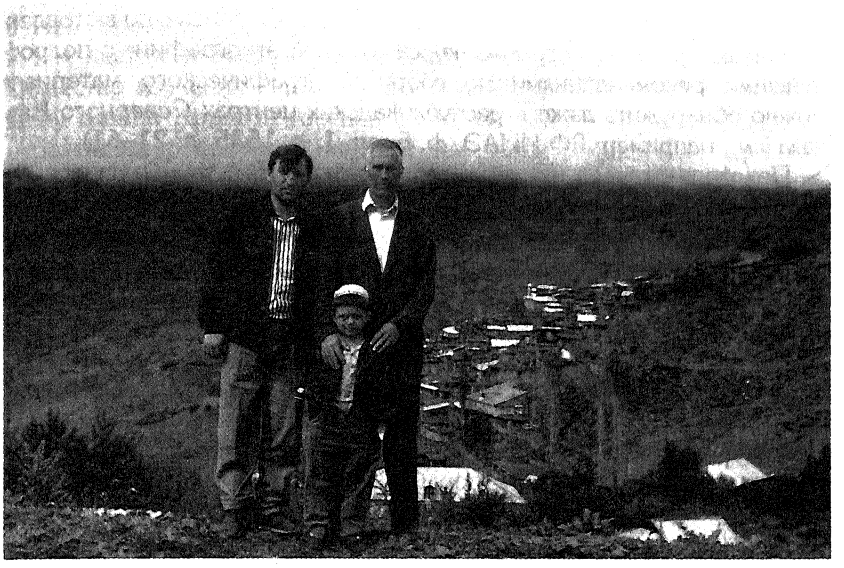
3
Этнография и политика на советском Северном Кавказе

Общий курс советской правовой политики в значительной мере определил ход развития права на Северном Кавказе и других «восточных окраинах» СССР. Однако здесь были свои нюансы ее осуществления. Если в Центральной России ранние советские реформы опирались на идеологию **разрушения** «старого режима», то на окраинах они первоначально ставили целью **освобождение** аборигенов от наследия колониального гнета и «пережитков» прошлого. Из-за малочисленности судебно-административного аппарата в первые десятилетия Советской власти проводниками правовых преобразований большевиков оказались этнографы*.

Ранняя советская эпоха оказалась периодом расцвета российской этнографической школы. В 20-е годы началось планомерное научное изучение Северного Кавказа, Средней Азии, Сибири и Дальнего Востока. Стали проводиться длительные экспедиции, аналог более поздних «включенных обследований» (англ. *participant observation*) западных этнологов-функционалистов. Причем если у истоков западной этнологии стоял уже не раз упоминавшийся в этой книге Б.Малиновский, полевая работа которого началась с высылки его англичанами на острова Тробриан как австрийского подданного в годы Первой мировой войны, то основателями советской этнографии стали этнографы-романтики В.Г.Богораз (Тан), Л.Я.Штернберг, В.И.Иохельсон и другие бывшие революционеры, увлекшиеся изучением народов Сибири и Дальнего Востока еще в конце XIX в., когда они отбывали ссылку в этих местах. Интересно отметить, что некоторые из них, например Богораз, имели также юридическое образование.

---

* Я хочу поблагодарить моих друзей и коллег Н.В.Ссорина-Чайкова и С.Н.Абашина, обративших мое внимание на этот интересный, но почти не изученный аспект государственных преобразований на советском Востоке. Яркое описание взаимодействия этнографии и политики на примере эвенков Восточной Сибири читатель найдет в диссертации Н.В.Ссорина-Чайкова: *Ssorin-Chaikov*: 1998, 101–132.

Современные горцы

По мнению Богораза, этнограф должен совмещать научные исследования с участием в преобразовании окраин, с культурно-просветительской работой среди народностей, которыми он занимается. Богораз призывал «посылать на Север не ученых, а миссионеров, миссионеров новой культуры и советской государственности. Не старых, а молодых, не испытанных профессоров, а начинающих, только что окончивших курс работников, воспитанных новой, советской средой и готовых нести на Север весь пыл энтузиазма, рожденный революцией, и умелость практической работы, отточенную в революционном процессе. Эти молодые работники Северного комитета должны предварительно получить полное и тщательное научное образование, по преимуществу этнографическое. Но на Севере их основная работа не научная, а практическая» (*Богораз*: 1925, 49). Свое жизненное кредо он выразил следующим образом: этнография «как наука о народах и человеческом обществе вообще» должна стать «действительной основой всех социологических и общественных исследований». Она «должна научить... деятелей реформ уважать в аборигене человека, всеми силами стремиться к подробному изучению его условий жизни и прежде всего языка... и быть готовым разделить с аборигенами тяготы их повседневной жизни» (*Богораз*: 1923, 176; 1925, 49). Идеи и научные методы Богораза оказали огромное влияние на ста-

новление советской этнографии. Он был популярен не только на Севере, но и в Центральной России и на Кавказе. Списки подготовленной им в 1925 г. «Программы курса полевой этнографии» с подробнейшими рекомендациями по сбору этнографического материала можно обнаружить даже в республиканских центрах Северного Кавказа (см., например: РФ ИИАЭ, ф. 5, оп. 1, *д.* 1535, *л.* 21–61).

Похожих взглядов придерживались этнографы, занимавшиеся мусульманскими регионами СССР, в частности Северным Кавказом. Общей для них была критика дореволюционной «колониальной» науки и администрации, видевших в аборигенах злобных и примитивных дикарей. Занимавшийся Дагестаном этнограф и краевед А.Е.Скачко отмечал, что чиновники местной администрации, перешедшие в советский аппарат из военно-народного управления, все еще «заражены духом колониализма» и привыкли «видеть в аборигенах каких-то тварей» (ГАРФ, ф. 3977, оп. 1, д. 2, *л.* 5–6; см. также: *Скачко*: 1931). Подобно Богоразу, он выступал за уничтожение любых форм «политического и экономического порабощения восточных окраин», за их экономическое и культурно-правовое развитие (*Скачко*: 1923, 13–18). В 20-е годы А.Е.Скачко работал в Народном комиссариате по делам национальностей, а затем, до 1926 г., был представителем ДАССР при Президиуме ВЦИК РСФСР (ЦГА РД, ф. р-37, оп. 20, д. 100, *л.* 100).

Большинство российских этнографов с восторгом приняли революцию. Уже в конце 10-х — начале 20-х годов они активно включились в культурно-просветительскую деятельность на советском Востоке (подробнее см.: *Slezkine*: 1992, 52–76; *Hirsch*: 1997, 252–253). В 1924 г. Богораз и Штернберг вошли в Комитет поддержки народов Севера при ЦИК СССР, до 1935 г. активно участвовавший в проведении советских реформ в Сибири. Еще раньше, в апреле 1917 г., в Петрограде была создана Комиссия по изучению племенного состава населения России (КИПС). Фактически она продолжила работу прекратившего этнографические изыскания Русского географического общества. В Комиссии было шесть отделов, в том числе Кавказский под руководством известного лингвиста и этнографа Н.Я.Марра. КИПС объединяла в своих рядах этнографов, лингвистов, географов, юристов. После окончания Гражданской войны при поддержке властей она проводила регулярные полевые обследования горных районов Кавказа, участвовала в подготовке первой советской переписи населения 1926 г., а также республиканских законодательств (Страницы отечественного кавказоведения: 1992, 9–10).

После революции в Дагестане и других советских автономиях Северного Кавказа сложилась сеть краеведческих музеев, обществ и научно-исследовательских учреждений. В 1919 г. во Владикавказе было организовано Историко-филологическое общество, в 1925 г.

преобразованное в Осетинский научно-исследовательский институт (НИИ) краеведения. В 1925–1927 гг. подобные НИИ появились в Ингушетии и Кабардино-Балкарии, в Краснодаре было создано Общество изучения Адыгейской автономной области. В Ростове-на-Дону возник Краевой горский НИИ. В отличие от других научных учреждений ростовский институт занимался в основном изучением «адатной проблемы» на советском Кавказе. В этом была немалая заслуга одного из его первых сотрудников, известного этнографа и историка права А.М.Ладыженского. Ежегодно он устраивал полевые выезды сотрудников НИИ в горные районы Северного Кавказа для сбора материалов по обычному праву горцев. В духе ранней советской эпохи Краевой горский НИИ увлекался научным прогнозированием будущего адата в регионе, разрабатывал для республиканских властей «наиболее правильные пути к изжитию отрицательных элементов горского быта» (Революция и горец: 1928, № 1, 50–52). В Махачкале появились Дагестанский краеведческий музей и Институт национальной культуры (Страницы отечественного кавказоведения: 1992, 19). Среди их сотрудников оказались такие крупные местные этнографы, как дагестанские краеведы Б.Далгат и Б.Малачиханов. Тут же работали ленинградские и московские специалисты. Наряду с изучением языков и материальной культуры горцев эти учреждения продолжали сбор данных по кавказскому обычному праву (*Ладыженский*: 1928). Интересные материалы и арабоязычные документы эпохи Кавказской войны и российских реформ на Северном Кавказе XIX в. были собраны в Дагестане в 1936–1937 гг. Кавказской историко-бытовой экспедицией Исторического музея Москвы. Во главе ее стояла сотрудник музея А.Б.Закс. Собранные экспедицией уникальные данные составляют основу кавказской коллекции ГИМ (подробнее об этом см.: *Закс*: 1941, 151–185).

В 30-е годы в СССР оформилась всесоюзная структура учебных и академических учреждений, в которых работали этнографы-кавказоведы. В 1930 г. КИПС была преобразована в Институт по изучению народов СССР. Во главе его до своей смерти (1934 г.) стоял Н.Я.Марр. В Институте было 9 секторов, созданных по региональному принципу, в том числе Северокавказский. В том же году на базе Азиатского музея и Лазаревского института восточных языков был создан Институт востоковедения АН СССР, в составе которого имелся Кавказский кабинет. Какое-то время им руководил ученик Марра талантливый лингвист, историк и этнограф А.Н.Генко. Наконец, по решению Президиума АН СССР в 1933 г. в Ленинграде был создан Институт этнографии и антропологии. В 1942 г. появилось его московское отделение. Это учреждение стало основным центром советской академической этнографии, в том числе и кавказоведения (Страницы отечественного кавказоведения: 1992, 9, 21).

До конца 20-х — начала 30-х годов советская этнография оказывала немалое влияние на разработку и проведение реформ на советском Востоке. В вузах Москвы и Ленинграда обучали национальные кадры для Кавказа и других регионов советского Востока. Так, на этнофаке МГУ «готовили работников в области культурного строительства народов СССР» (Этнологический факультет: 1927). В науке того времени наряду с довольно слабым марксистским направлением существовал целый ряд немарксистских научных школ (подробнее см.: *Токарев*: 1971, 115–116; *Slezkine*: 1994).

В 30-е годы началось наступление на немарксистскую академическую науку. В академических институтах и вузах стали «прорабатывать» персональные дела Богораза, Чурсина, Косвена, Ладыженского и прочих виднейших отечественных этнографов, «уклонившихся от марксизма». На страницах журнала «Советская этнография» их систематически обвиняли в отсутствии классового подхода, в извращении целей социалистического строительства на советском Востоке, «буржуазном национализме». В 1938 г. в Ленинграде по обвинению «в антисоветской пропаганде» был арестован А.Н.Генко. Около двух лет он провел в тюрьме, ненадолго выпущен, но в сентябре 1941 г. повторно арестован. Через 4 месяца он скончался в больничном изоляторе тюрьмы НКВД в Ленинграде (Репрессированные этнографы: 1999, 104–109). В НКВД ДАССР погиб Б.Малачиханов. Другие известные кавказоведы кончили не столь трагично, но также испытали преследования при жизни и гнет советской цензуры после смерти. Достаточно вспомнить, что ученик Генко Л.И.Лавров вынес немало неприятностей только из-за того, что был сыном священника. Концепция учителя Генко Н.Я.Марра была разгромлена Сталиным, а научное наследие ученого после этого было надолго предано забвению.

Начиная с 40–50-х годов XX в. этнографы все реже участвуют в разработке советских социально-правовых преобразований. В 60–80-е годы их полностью вытеснили из этой области юристы. Последние еще в 20–30-е годы изучали по заданию республиканских властей кровную месть, баранту, многоженство и прочие поставленные в СССР вне закона практики адата и отчасти шариата, продолжавшие встречаться у советских мусульман. Они участвовали в подготовке неоднократно упоминавшейся выше X главы УК РСФСР о «Преступлениях, составляющих пережитки родового быта», а позднее разрабатывали совместно с работниками прокуратуры конкретные меры борьбы с теми же явлениями, получившими в советской юридической литературе определение «бытовых преступлений». С 60-х годов большая часть юридических исследований современной соционормативной культуры северокавказских мусульман проводилась в стенах Всесоюзного института по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности при Прокуратуре. Они были закрыты для широкой

публики, как и служившие материалами для этих работ архивы республиканских Верховных судов (подробнее об этой еще малоизвестной странице отечественной этнографии и социологии права см. в работе: *Бабич:* 1999, 10–13; библиографию работ советских юристов по обычному праву и особенно кровной мести см. там же, 24–27).

Подобные «научно-практические» юридические исследования проводились в Махачкале и других республиканских центрах Северного Кавказа. Особенностью Дагестана было вовлечение в эти работы некоторых местных этнографов и историков. Нередко случалось, что бывшие историки и этнографы становились либо практикующими юристами, либо работниками Верховного суда и Прокуратуры республики. Таких специалистов были единицы, и почти все они кончили тем, что ушли из науки в политику. Среди известных дагестанских историков, этнографов и юристов позднего советского времени, работавших в органах власти, следует отметить крупного дагестанского специалиста по адату Х.-М.О.Хашаева, который занимал во второй половине 50-х годов пост главы Прокуратуры ДАССР (*Хашаев*: 1980, 1–8). Дагестанский юрист и историк А.Б.Баймурзаев, занимавшийся шарсудами в ДАССР, какое-то время работал следователем прокуратуры. Другой исследователь дагестанского адата, А.С.Омаров, в 70–80-е годы возглавлял Верховный суд ДАССР. Большинство же этнографов времен «застоя» сосредоточились на изучении материальной культуры и «пережитков» местных бытовых обычаев, по возможности игнорируя современность. Власти не поощряли, а порой и прямо запрещали исследование современных несоветских институтов и обычаев на советском Востоке. Поэтому многие ученые ограничились изучением дореволюционного прошлого. Недаром большая часть этнографических публикаций 60-х — начала 90-х годов завершается началом XX в. (см., например: *Гаглоев*: 1964; *Шаманов*: 1972; *Агаширинова*: 1978; *Гаджиев*: 1988; *Азизов*: 1988; *Лугуев, Магомедов*: 1994; *Мусаева:* 1995).

ГЛАВА 11

Шариат и адат в советских преобразованиях

По совету ученых и по некоторым политическим соображениям правительство РСФСР неоднократно пыталось поставить местные правовые институты на службу Советской власти. Раннюю советскую правовую политику в Дагестане во многом определило негативное

отношение большевиков к дореволюционному обычному праву. В начале 20-х годов они всячески искали союза с революционным движением горцев-мусульман. Поэтому в советских судебно-административных реформах того времени ставка была сделана на поддержку шариата.

1
Советская власть и шариат

Как мы видели выше, адат большевики считали «антинародным колониальным» правом, а его сущностью — «эксплуатацию трудящихся мусульман ханами и беками при поддержке царизма». «Подлинным народным обычным правом» (sic!) северокавказских горцев молодое советское государство признало шариат (*Сталин*: 1947, 396). Пока Советская власть была слаба, большевики пытались привлечь на свою сторону местные мусульманские народы, поддерживая шариат в ущерб адату. Расчет оказался верен. В Дагестане Советская власть была установлена во многом благодаря военной помощи, которую оказали Красной Армии партизанские отряды известного мусульманского религиозного и политического деятеля накшбандийского шейха Али-Хаджи из с. Акуша (Али-Гаджи Акушинского). Последний встал на сторону большевиков еще в конце 1917 г. В последующем он вел с ними совместную борьбу против белого движения (РФ ИИАЭ, ф. 2, оп. 1, *д.* 58, *л.* 32–33; *Караев*: 1968, 9).

Недаром еще в первые месяцы после революции 1917 г. Дагестанский областной военно-революционный комитет (ВРК) в г. Темир-Хан-Шура, представлявший Советскую власть в крае, заявил о своей поддержке шариата. В одном из его первых воззваний (апрель 1918 г.) говорилось: «Военно-революционный комитет не посягает ни на основы Ислама-Шариата (так в документе. — *В.Б.*), ни на нравы и обычаи Дагестана, ни на честь и достоинство его и немедленно приступит к организации духовного правления Шариатского суда (так в документе. — *В.Б.*) во всем Дагестане» (Союз объединенных горцев: 1994, 102). В 1918–1921 гг. при Дагестанском ревкоме действовал Народно-шариатский отдел во главе с Ш.Рашкуевым. Сразу после завершения Гражданской войны и окончательного установления Советской власти в Дагестане и в целом на Северном Кавказе большевики вновь объявили о замене адатных судов шариатскими.

Выступая 13 ноября 1920 г. на Чрезвычайном съезде народов Дагестана, И.В.Сталин, занимавший тогда должность наркома по делам национальностей, заявил: «Дагестан должен управляться согласно своим особенностям, своему быту, обычаям. Нам сообщают, что среди

дагестанских народов шариат имеет серьезное значение. До нашего сведения также дошло, что враги Советской власти распространяют слухи, что Советская власть запрещает шариат. Я здесь от имени правительства Российской Советской Федеративной Социалистической Республики уполномочен заявить, что эти слухи неверны. Правительство России предоставляет каждому народу полное право управляться на основании своих законов и обычаев. Советское правительство считает шариат таким же правомочным, обычным правом, какое имеется и у других народов, населяющих Россию. Если дагестанский народ желает сохранить свои законы и обычаи, то они должны быть сохранены» (*Сталин*: 1947, 395–396).

Подобные взгляды, не раз высказывавшиеся Г.К.Орджоникидзе, С.М.Кировым, А.И.Микояном и другими руководителями советского государства, определили судебную политику Советской власти в Дагестане начала 20-х годов (Правда. 14.11.1919; *Киров*: 1957; подробнее см.: *Баймурзаев*: 1984). Дагестанский ревком еще до официального образования ДАССР утвердил 24 июня 1920 г. «Положение о шариатских судах». Полномочия этих судов были определены Положением Дагестанского ЦИК от 30 июля 1922 г. (ЦГА РД, ф. р-37, оп. 24, д. 31, *л.* 5–15).

Функции дореволюционных сельских словесных судов переходили к сельским шариатским судам, окружных народных судов — к окружным шариатским судам. К 1923 г. последние были введены во всех окружных центрах. Всего в республике было образовано 11 окружных шарсудов (ЦГА РД, ф. р-37, оп. 20, д. 54, *л.* 143; оп. 24, д. 31, *л.* 4). Вместо Дагестанского народного суда был создан сначала Областной шариатский судебный отдел Дагестанского ревкома, в 1922 г. преобразованный сначала в Шариатский отдел, а вскоре в Шариатский подотдел Наркомюста (НКЮ) ДАССР. Контроль за работой сельских и окружных шарсудов был поручен окружным следственным комиссиям (ЦГА РД, ф. р-209, оп. 1, д. 2, *л.* 11, 64).

2
Шарсуды в советском Дагестане

Советские шарсуды унаследовали немало черт местного дореволюционного права и судебного процесса. Во-первых, состав сельского шарсуда почти не отличался от словесного. В него входили имам соборной мечети (*дибир, мулла*), председатель сельсовета, заменивший дореволюционного сельского старосту (на нахско-дагестанских языках эта должность по-прежнему называлась «сельский голова» —

бегавул), письмоводитель (*'амил*) и несколько старшин в зависимости от размеров селения. Председателем суда обычно был дибир (ЦГА РД, ф. р-209, оп. 1, д. 2, л. 64). Штат окружного шарсуда включал в себя председателя, секретаря и четырех судей. Следственные комиссии при них состояли из трех человек. В состав Шариатского подотдела НКЮ входили заведующий и секретарь. Штаты следственных комиссий и окружных шарсудов не везде были укомплектованы полностью (см. статистические данные за июнь 1920 — октябрь 1921 г.: ЦГА РД, ф. р-49, оп. 3, д. 7; ф. р-182, оп. 1, д. 1, л. 1–17).

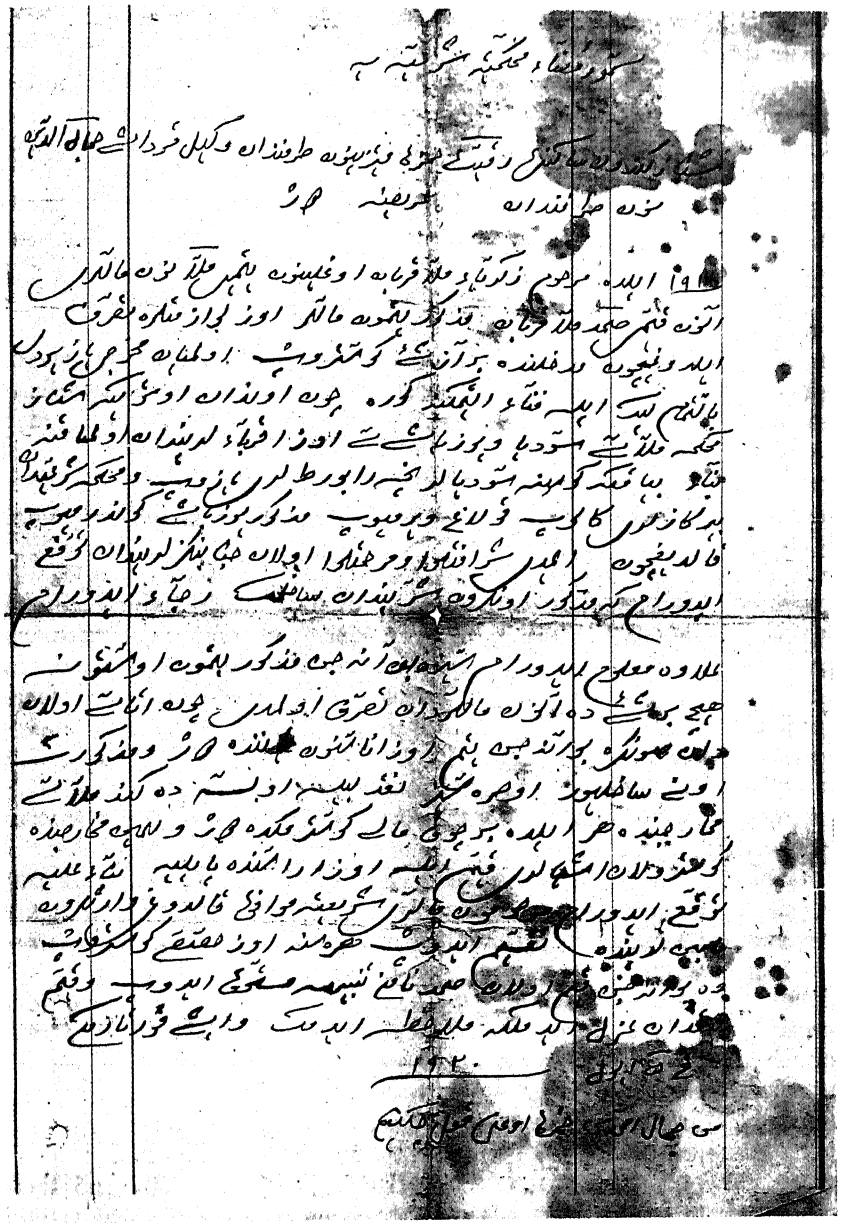
Среди председателей окружных шарсудов, назначавшихся окружными советами, были такие известные всему Дагестану знатоки мусульманского права шафиитского толка и адата, как Али Каяев из с. Кумух, Абусуфьян Акаев из с. Нижнее Казанище, Кебед-Магомед из с. Бежта (*Бобровников*: 1999г, 45; 1999в, 62; *Лугуев, Магомедов*: 1994, 161). В благодарность за помощь Красной Армии во время Гражданской войны постановлением ЦИК и СНК ДАССР главой шариатского судебного аппарата республики был назначен Али-Хаджи из с. Акуша. Первое время он был председателем Шариатского отдела НКЮ и обладал статусом заместителя народного комиссара юстиции, затем выполнял обязанности председателя одного из окружных шарсудов (ЦГА РД, ф. р-33, оп. 2, д. 9, л. 2).

Несмотря на свое название, шарсуды продолжали руководствоваться не только мусульманским правом, но и нормами адата. Их низовые сельские органы разбирали по шариату только бракоразводные дела на сумму до 100 руб.* и иски о наследовании и опекунстве, не превышавшие 300 руб. Согласно адату они рассматривали мелкие преступления против личности (семейные ссоры, сельские драки, публичные оскорбления женщин) и собственности (обман, утайку денег, воровство), а также хозяйственные преступления (потравы), если сумма ущерба не превышала 100 руб. (Справка о шарсудах из НКЮ на отношение ВЦИК от 12 сентября 1928 г. // ЦГА РД, ф. р-37, оп. 24, д. 31, л. 3).

Окружные шариатские суды служили апелляционной инстанцией для сельских шариатских судов, а также решали по шариату гражданские тяжбы на сумму до 1000 руб. Подсудные им тяжкие правонарушения против личности (ранения, изнасилования, похищения женщин) и собственности (крупное воровство, грабеж) разбирались на основании норм адата. Нормы дореволюционного адата также нередко использовал Шариатский подотдел НКЮ ДАССР, в обязанности которого входило разбирать жалобы на решения окружных шариатских

---

* В ценах 1922 г., после ввода в 1922 г. советского золотого червонца, ознаменовавшего собой переход от периода послереволюционной инфляции к периоду стабильной советской валюты.

Постановление шариатского суда с. Шиназ

судов, гражданские и уголовные иски, превышавшие 1000 руб. (ЦГА РД, ф. р-37, оп. 24, д. 31, л. 3–4, 15).

По форме судопроизводство шарсудов всех уровней осталось крайне простым. Прокуроров и адвокатов в нем не было. Если заявление не требовало немедленного разбирательства, сельский суд собирался в здании сельсовета, на центральной площади (*годекан, гим*) у мечети или в самой мечети по пятницам. Кроме изнасилований, похищения девушек и оскорбления замужних женщин, дела в судах всех уровней всегда рассматривались гласно (ЦГА РД, ф. р-209, оп. 1, д. 2, л. 64; полевой материал В.О.Бобровникова, собранный в 1997 г. в Ахтынском и Рутульском районах РД).

В уголовных делах шарсуды всех уровней руководствовались принятыми в адате наказаниями: изгнанием кровника (*канлы*) за пределы сельской общины, штрафами за пролитие крови и за любой ущерб, нанесенный собственности, взимавшимися как в пользу пострадавшего, так и в пользу государства. Еще шире, чем до революции, стало применяться тюремное наказание (*Омаров*: 1966, 256). Вместе с тем остались запрещенными некоторые нормы адата, прямо противоречащие и советскому законодательству: кровная месть, *ишкиль/баранта* и др.

Под запретом оказались и уголовные нормы шариата (такие, как смертная казнь убийцы, отрубание руки вору, побивание камнями прелюбодеев) (ЦГА РД, ф. р-209, оп. 1, д. 2, л. 50). Так, в ответ на запрос, пришедший в Областной народно-шариатский судебный отдел Дагестанского ревкома из Гуниба, еще в апреле 1920 г. было сделано распоряжение, ограничивающее на территории Дагестана применение уголовных норм шариата (*худуд, раджм*), влекущих за собой смерть или членовредительство. Все приговоры шарсудов, касающиеся этих норм, должны были утверждаться высшими органами судебной власти в республике:

«Так как применение смертной казни к убийцам, отрезания рук ворам и побиение камнями некоторого рода преступников не практиковалось до сих пор в Дагестане, то применение этих наказаний требует особых осторожностей, тем более что Шариат как в оценке доказательств преступления, так и в оценке смягчающих вину обстоятельств дает Суду почти всегда некоторую свободу квалификации преступления и соответствующего назначения наказания. Поэтому все решения Судов, по коим виновные приговорены к смертной казни, отрезанию членов тела и проч[ему], подлежат к просмотру Народно-Шариатского Судебного отдела, без утверждения коего решения эти не входят в законную силу. Все Суды обязаны дела, по коим приговорами определены означенного рода наказания, немедленно представлять на окончательное разрешение Народно-Шариатского Судебного отдела, если даже ни жалобы, ни протеста не поступило»

Ревком Дагестана
Народно Шариатский
Судебный отдел

Окружным Судам Дагестана.

№ 99

28 апр. 1920 г.

Кюринскому Окружному Суду

По вопросам незбуждённым Гунибским Окружным Судам Народно-Шариатский Судебный отдел Дагестанского Ревкома дает следующия распоряжения:

1/Так как применение смертной казни к убийцам, отрезания рук ворам, и побиение камнями некоторого рода преступлений непрактиковалось доских пор в Дагестане, то применение этих наказаний требуют особый осторожностей, - тем более, что Шариат как в оценке доказательств преступления так и в оценке смягчающих вину обстоятельств дает Суду почти всегда некоторую свободу квалификации преступления и соответствующаго назначения наказания. Поэтому все решения Судов, по коим виновные приговорены к смертной казни, отрезанию членов тела и проч./подлежат к просмотру Народно-Шариатскаго Судебнаго отдела, без утверждения коего решения не в ходят в законную силу. Все Суды обязаны до по коим приговорам определены означеннаго рода наказаний, немедленно представлять надлежащее разрешение Народно-Шариатскаго Судебнаго отдела, если даже не жалобы на протеста на решение не поступили.

2/С целью обеспечит населению правосудие Народно-Шариатским Судебным отделом сделанное распоряжение Окружным Ревкомам оказывать полное содействие Судебным властям в смысле своевременнаго ареста и привода в Суд виновных лиц и исполнения Судебных приказов и решений.

3/В случае не исполнения административной властью законных требований Судебных властей, последния должны немедленно сообщить о том подробныя данныя Народно-Шариатскому Судебному отделу для привлечения к законной ответственности лиц, виновных в бездействий власти.

Заведующий Народно-шариатским Судебным отделом

Управляющий канцелярией

Делопроизводитель

Циркуляр Народно-шариатского судебного отдела Ревкома Дагестана
о правилах разбора уголовных преступлений окружными шариатскими судами

(ЦГА РД, ф. р-209, оп. 1, *д.* 2, *л.* 50; сохранены стиль и орфография подлинника. — *В.Б.*).

Как и до революции, в 20-е годы отличительной чертой Дагестана оставался правовой плюрализм, сосуществование в республике нескольких судебно-правовых систем. Кроме шарсудов были созданы народные и сельские словесные суды (их не следует путать с одноименными дореволюционными учреждениями), а также земельные комиссии. Первые народные суды возникли в июле 1920 г. В их штат входили народный судья, добавочный судья, секретарь, помощник секретаря и сторож-курьер. Они могли рассматривать гражданские и уголовные иски против немусульман, а также обвинения немусульманами мусульман в совершении уголовных преступлений. В народные суды передавались гражданские и уголовные тяжбы между мусульманами в тех случаях, когда хотя бы одна из сторон отказывалась обращаться в шарсуд, а с 1923 г. — все дела по убийствам и кровной мести, изъятые из ведения шарсудов (Постановление Ревкома Дагестана // ЦГА РД, ф. р-4, оп. 2, д. 13, *л.* 59, 91; см. также: там же, ф. р-33, оп. 1, *д.* 2, *л.* 85; ф. р-37, оп. 20, *д.* 54, *л.* 143; ф. р-117, оп. 6, *д.* 45, *л.* 57). Все эти дела должны были разбираться по советскому законодательству.

Малочисленность народных судов, открытых к 1922 г. только в городах Порт-Петровске, Дербенте, Темир-Хан-Шуре и 14 крупнейших горных селениях (ЦГА РД, ф. р-37, оп. 20, *д.* 54, *л.* 143), а также сложности с их финансированием и переводом их решений на языки народов Дагестана заставили правительство ДАССР дополнить эти учреждения сельскими словесными судами. С их помощью оно надеялось ограничить влияние шарсудов, начавшее волновать дагестанских коммунистов (ЦГА РД, ф. р-178, оп. 3, *д.* 62, *л.* 1).

А.А.Тахо-Годи, заместитель председателя СНК республики, долго боролся за введение словесных судов, преодолевая сопротивление московских властей, считавших, что образование лишних судебных органов создаст дополнительные налоговые тяготы для горских крестьян, обязанных содержать такие суды. В январе 1925 г. СНК РСФСР отклонил просьбу Дагестана о создании словесных судов (ЦГА РД, ф. р-178, оп. 3, *д.* 62, *л.* 32). Только после повторного ходатайства, возбужденного А.Е.Скачко, представителем ДАССР при Президиуме ВЦИК РСФСР, удалось создать эти органы (*Мисроков*: 1979, 20).

В словесных судах разбирались те же иски, что и в народных судах, а также дела по установлению опеки над вдовами и сиротами, с 1922 г. изъятые из ведения шарсудов. Причем, как и дореволюционные словесные суды, советские сельские суды пользовались упрощенным делопроизводством. В этой особенности можно видеть влияние обычно-правового и шариатского процесса. От сельских судов они также унаследовали древний адатный институт сельских исполни-

телей (*гIел, чауш*), которые получили в 1925 г. статус сельских милиционеров (ЦГА РД, ф. р-37, оп. 20, д. 73, л. 117, оп. 24, д. 31, л. 12–13).

Поземельные споры, до революции разбиравшиеся в окружных и Дагестанском народных судах, в ДАССР перешли в ведение созданных здесь в 1922 г. окружных земельных комиссий. На основании статей 206, 207 и 208 Земельного кодекса РСФСР они должны были улаживать все спорные дела по землеустройству и тяжбы между сельскими общинами и частными лицами о правах на владение и пользование земельными угодьями на территории республики. Земкомиссия состояла из председателя, представителя окружного совета и землемера. В мае 1923 г. для контроля и координации деятельности земкомиссий была создана Центральная коллегия по спорным земельным делам при ЦИК ДАССР (ЦГА РД, ф. р-37, оп. 21, д. 9, л. 1–2, 13).

Подобно шариатским и сельским словесным судам, земкомиссии использовали в своей работе нормы обычного и мусульманского права. Они нередко устраивали примирение тяжущихся сторон (*маслахат*) при посредничестве окружных властей, знатоков адата и авторитетных стариков из нейтральных селений (ЦГА РД, ф. р-37, оп. 24, д. 14, л. 60, 31). Согласно ежегодным отчетам окружных отделений НКЮ ДАССР, большое количество поземельных, а также вызванных ими гражданских и уголовных исков прекращалось путем примирения по адату. Например, в Кюринском народном суде и окружной земельной комиссии осенью 1925 г. ежемесячно от 44,4 до 50% судебных дел прекращалось за примирением сторон (ЦГА РД, ф. р-117, оп. 6, д. 45, л. 56).

Статистики прохождения дел в сельских шариатских и словесных судах не велось. О положении на местах можно судить только по отдельным отчетам следственных комиссий. Они показывают, что на уровне отдельного джамаата в подавляющем большинстве случаев местное горское население предпочитало обращаться в шарсуды. Недаром в докладе о деятельности шариатских и сельских словесных судов А.А.Тахо-Годи признал необходимость «постановления сельских шариатских судов, хотя бы и не отвечающих духу времени, оставлять в силе» (ЦГА РД, ф. р-4, оп. 2, д. 13, л. 85об.).

На уровне округов влияние советских судебных учреждений было сильнее. В случае разбора тяжких уголовных правонарушений, таких, как убийства, обвиняемые часто обжаловали в народных судах решения окружных шарсудов (см., например: ЦГА РД, ф. р-4, оп. 3, д. 9, л. 158). Еще чаще сюда поступали жалобы на решения шарсудов по наследованию и разделу имущества (ЦГА РД, ф. р-37, оп. 24, д. 31, л. 12).

Цифры говорят сами за себя. Так, согласно ежегодным отчетам НКЮ ДАССР, в августе 1921 г. в Кюринский окружной шариатский

суд на юге республики поступило 30 гражданских и уголовных исков, из которых в Дагестанский народный суд было передано 5 тяжб. За тот же период в народном суде округа было возбуждено 63 дела (ЦГА РД, ф. р-209, оп. 2, д. 8, л. 108; ф. р-117, оп. 6, д. 45, л. 56). В 1923 г. всего по Дагестану в нарсуды поступило 5433 уголовных и 3062 гражданских иска; в окружные шарсуды поступило 1046 дел. В 1924 г. в нарсуды поступило 6315 уголовных и 5136 гражданских тяжб. За этот же период в окружные шарсуды поступило всего 57 дел. В следующем году их число выросло до 158. В свою очередь, народные суды рассмотрели в 1925 г. 8060 уголовных и 10 366 гражданских исков (ЦГА РД, ф. р-37, оп. 20, д. 54, л. 143).

3
Шариатская юстиция на советском Северном Кавказе

Интересно сопоставить положение с шарсудами в Дагестане с правовой обстановкой, сложившейся после революции в других районах Северного Кавказа. Прежде всего следует отметить, что история современных шариатских судов в регионе начинается до установления Советской власти. Введение шариата было одним из важнейших требований Февральской революции 1917 г. Первая резолюция о создании шариатских судов была принята на проходившем в мае 1917 г. во Владикавказе I Съезде горских народов Кавказа, который постановил: «Ввести во всех судах по всем делам мусульман правила Корана и шариата» (РФ ИИАЭ, ф. 2, оп. 1, д. 57, л. 39–41). Вскоре это решение было подтверждено I Съездом народов Терека, состоявшимся в январе 1918 г. в Моздоке (Съезды народов Терека: 1977, I, 158).

Отчасти согласно постановлениям съездов, отчасти стихийно в 1918 г. городские шариатские суды открылись во всех крупных северокавказских городах с мусульманским населением — Владикавказе, Грозном, Нальчике, Темир-Хан-Шуре. В крупных селениях на равнине, в горах и в предгорьях начали действовать сельские шариатские суды. Подобно дореволюционным горским и народным судам Кубанской и Терской областей, они разбирали уголовные и отчасти поземельные споры между мусульманами согласно местному адату, а брачно-семейные и наследственные споры — по шариату. Причем на Северо-Западном Кавказе следовали *ханафитскому* толку мусульманского права, в Чечне — *шафиитскому* (среди мусульман-суннитов), а в Азербайджане — *джафаритскому* (среди мусульман-шиитов) (подробнее об этом см.: *Бобровников*: 1999в, 61–62).

С началом Гражданской войны, уже в январе 1919 г. шариатские суды были преобразованы в военно-шариатские суды. При сменявших друг друга военных режимах их использовали для сведения счетов с политическими противниками (подробнее см.: *Бабич*: 1999, 164). С их помощью турецкие оккупационные войска, казачьи отряды полковника Л.Ф.Бичерахова и Добровольческая армия генерала А.И.Деникина расправлялись с большевиками и сторонниками Северокавказского эмирата, созданного в горах Чечни накшбандийским шейхом Узун-Хаджи. Так, в июле 1919 г. главный военно-шариатский суд Темир-Хан-Шуры приговорил к смертной казни У.Буйнакского и других советских работников Дагестана, арестованных деникинцами. Члены этого суда, в свою очередь, были расстреляны в марте 1920 г. по приговору революционного шариатского суда, учрежденного вернувшимися в город большевиками (ЦГА РД, ф. р-4, оп. 2, д. 13, л. 3). Все военно-шариатские суды играли роль полевых трибуналов и почти не руководствовались нормами шариата.

После окончания Гражданской войны на Северном Кавказе шариатские суды были узаконены не только в Дагестане, но и в других советских автономиях, где они существовали до большевиков, — в Чечне, Ингушетии, Северной Осетии, Кабарде, Карачае. Дело в том, что в установлении Советской власти тут активно участвовали радикальные мусульманские лидеры, в советских документах называвшиеся «шариатистами». Их лозунгом было: «Да здравствует Советская власть, шариат и объединение народа!» Среди них многие одновременно работали в шариатских судах и занимали видные советские и партийные посты. Например, «шариатист» Н.Катханов командовал войсками Нальчикского военного округа (подробнее см.: *Бабич*: 1999, 163–164).

В первые годы Советской власти в каждой автономии Северного Кавказа была создана своя иерархия шариатских судов (*шарсудов*, араб. *махаким шар'иййа*). В отличие от Дагестанской АССР в остальных советских автономиях региона структура шариатского правосудия была проще. Согласно постановлению «О введении шариатского судопроизводства» от апреля 1921 г., в Горской АССР его основным звеном были окружные «шариатские тройки» под председательством шариатского судьи (*эфенди*). Они разбирали брачно-семейные и наследственные споры на сумму до 200 руб., кражи и мелкие уголовные правонарушения, а также составляли «списки порочных лиц», т.е. преступников-рецидивистов, подлежавших высылке с Кавказа или заключению в лагерь (подробнее см.: *Бабич*: 1999, 163–168).

Наиболее широкими полномочиями окружные шарсуды были наделены в Чечне и Ингушетии. Здесь их решения можно было обжаловать только в Верховном суде РСФСР. В Кабарде и Адыгее жалобы на решения окружных шарсудов подавались в республиканский НКЮ. Наконец, в Кубано-Черноморской республике вместо шариатских

судов была учреждена должность *кади* в составе советских народных судов (*Бобровников*: 1999в, 62).

Согласно официальной советской статистике, на Северо-Западном Кавказе шарсуды ежегодно разбирали до 30–50% всех судебных дел; в Чечне — до 70–80% (*Мисроков*: 1979, 12–13). Местные мусульмане предпочитали обращаться не в советский народный, а в шариатский суд по ряду причин. Дело в том, что судоговорение тут проходило на понятном им, родном языке. Немалую роль при этом играл авторитет местных имамов, участвовавших в работе шарсудов. Среди их председателей были такие популярные на Северном Кавказе мусульманские шейхи, как, например, Али Абуков в Кабарде. Кроме того, шарсуды меньше страдали от бумажной волокиты, столь характерной для всех советских учреждений. Наряду с мусульманским правом при решении уголовных и поземельных дел шарсуды продолжали руководствоваться нормами распространенного у кавказских горцев обычного права (такими, как очистительная присяга, штрафы, примирение, высылка кровника и проч.).

Наступление окрепшей Советской власти на шариатские суды началось накануне осуществления на Кавказе общесоюзных программ по индустриализации и коллективизации. Задумав насильственно изменить структуру местного общества, советские руководители в первую очередь решили обезглавить его, поставив вне закона мусульманских лидеров города и деревни. Уже в первой половине 20-х годов шарсуды сняли с государственного обеспечения и перевели на содержание мусульманских общин, желавших судиться по шариату. Тяжкие уголовные правонарушения, поземельные тяжбы, дела по опеке над вдовами и сиротами, а также иски, в которых одна из сторон отказывалась обращаться в шарсуд, были изъяты из ведения шариатских судов и переданы в народные суды (см.: ЦГА РД, ф. р-37, оп. 24, д. 31, л. 12–13).

Наиболее активные противники Советской власти лишались избирательных прав и исключались из состава шарсудов. В Северной Осетии, Адыгее и Кабарде большинство знатоков шариата были отстранены от судебной практики. Согласно общероссийскому и республиканскому законодательствам, баллотироваться в члены шарсудов не могли лица, ограниченные в избирательных правах (ЦГА РСОА, ф. р-41, оп. 1, д. 88, л. 25; цит. по: *Мисроков*: 1979, 11). Должность председателей шарсудов нередко занимали лояльные к власти выходцы из беднейших слоев, абсолютно невежественные в вопросах права (*Бабич*: 1999, 166). Все это значительно затрудняло нормальную работу шариатских судов.

Первые попытки отменить действие шариатского правосудия на Северном Кавказе относятся к 1922 г. На территории Горской АССР шарсуды несколько раз то закрывали, то в ответ на жалобы и волне-

ния мусульман вновь восстанавливали. Окончательно их запретили сначала в Северной Осетии, где мусульмане составляли меньшинство населения, в 1924 г. — в Горской республике, в январе 1925 г. — в Адыгее и Кабардино-Балкарии, в январе 1926 г. — в Ингушетии и Чечне (подробнее об этом см.: *Бобровников*: 1999в, 63).

Преследования бывших членов шарсудов продолжались в 30-е и 40-е годы. Большинство кабардинских «шариатистов» были расстреляны. Гонения на членов шариатских судов и насильственное объединение мусульманских крестьян в колхозы вызвали на советском Кавказе волну долго не прекращавшихся волнений, история которых еще плохо изучена. Только недавно открытие секретных архивов КГБ и КПСС дало возможность ученым познакомиться с подробностями наиболее крупных из этих выступлений (см., например: *Мамбетов*: 1996, 30–36; *Аптекарь*: 2000, 161–165), во главе которых стояли прежние члены шарсудов. Это Баксанское и Верхнекурповское «дела» 1928–1929 гг. в Кабарде, восстания 1930 г. в Карачае, бунты горцев Чечено-Ингушетии и Северного Дагестана в 1934–1936 и 1940–1942 гг. (см. также: *Попов*: BAR, *л.* 3). Одним из главных требований восставших было восстановление шариатских судов (см. также: Дагестанская правда. 16, 23.03.1996). Восстания были жестоко подавлены Красной Армией при поддержке отрядов НКВД. Их руководители были расстреляны, большинство участников осуждены на разные сроки лагерей. В 1944 г. целые мусульманские народы — чеченцы, ингуши, карачаевцы и балкарцы — были насильно депортированы в Казахстан и Среднюю Азию.

4
Борьба с «пережитками прошлого»

В Дагестане перелом в судебной политике также произошел во время подготовки коллективизации. К концу 20-х годов Советская власть на Северном Кавказе достаточно окрепла. В исламе она стала видеть уже не союзника, а противника. В это время начинается борьба с «вредными феодально-патриархальными пережитками прошлого», причем под этим названием идеологи советских реформ стали объединять адат и шариат (ЦГА РД, ф. р-1, оп. 2, д. 2054, *л.* 195; *Хашаев*: 1957, 3, 10). Главный упор в этой борьбе в 1930–1950 гг. был перенесен на шариат. Был взят курс на уничтожение полиюридизма и создание единой советской судебно-правовой системы.

Наступление на шарсуды началось уже в середине 20-х годов. Решением Дагестанского ЦИК, принятым 20 сентября 1924 г., шариат-

ские суды всех уровней были сняты с казенного содержания. Все канцелярские расходы, наём и отопление помещений, заработную плату судей теперь должны были обеспечивать те сельские общины, которые хотели иметь у себя шариатские суды (ЦГА РД, ф. р-4, оп. 3, д. 9, л. 158об.; ф. р-37, оп. 2, д. 13, л. 55). Как отмечалось выше, еще в 1922–1925 гг. из ведения шарсудов были выведены поземельные споры, убийства, опекунские дела.

Под нажимом Советской власти число шарсудов постепенно сокращалось. Если в 1923 г. окружных шарсудов было 11, то в 1924 г. — 9, а в начале 1926 г. — 8. Многие селения юга и центра республики так и не добились открытия у себя сельских шарсудов (ЦГА РД, ф. р-209, оп. 1, д. 2, л. 11). Наконец, специальным постановлением ЦИК и СНК ДАССР 18 апреля 1927 г. были упразднены окружные и сельские шарсуды, а 1 октября 1927 г. — Шариатский подотдел Наркомюста республики (ЦГА РД, ф. р-37, оп. 24, д. 31, л. 5). Продолжение деятельности шарсудов, не подчинившихся постановлению, стало рассматриваться как уголовное преступление (по ст. 125 УК РСФСР 1926 г.) (ЦГА РД, ф. р-37, оп. 24, д. 31, л. 17).

В конце 20-х — 30-х годах судебная организация дагестанской деревни была коренным образом изменена. Согласно Конституции ДАССР 1927 г., 16 крупных округов были разделены на 26 небольших районов. Впоследствии административное деление республики не раз менялось. Районы то превращали в кантоны (1928 г.), то вновь переделывали в районы (1929–1930). К 1937 г. число районов ДАССР возросло до 39 (История Дагестана: 1968, III, 243–245, 296–297; см. также: Дагестанская АССР: 1980). Благодаря новому районированию члены советских судов смогли чаще выезжать в отдаленные горные селения, жители которых прежде годами не видели у себя представителей Советской власти (ЦГА РД, ф. р-37, оп. 21, д. 10, л. 17; Дагестанская правда. 23.03.1996). «В целях приближения суда к населению, вовлечения в его работу широких трудовых масс и упрощения порядка разбора мелких уголовных, гражданских, трудовых и земельных дел» 4 мая 1931 г. были созданы сельские общественные суды. Они разбирали мелкие уголовные и гражданские дела, размер исков в которых не превышал 75 руб. (ЦГА РД, ф. р-37, оп. 20, д. 159, л. 171, д. 308, л. 128–130).

Для укрепления советской судебной системы функции упраздненных в 1928 г. словесных судов были переданы сельским советам (сельсоветам), созданным в дагестанской деревне еще в 1920–1922 гг. Последним было предоставлено право производства дознания в целях обнаружения и расследования преступлений и других нарушений закона и привлечения виновных к ответственности в судебном или административном порядке. В связи с этим была принята инструкция, по которой сельсоветы имели право принимать устные и письменные

заявления граждан об усмотренных ими на местах преступлениях, административных нарушениях и т.д. (ЦГА РД, ф. р-37, оп. 22, д. 62, л. 11а).

Были преобразованы и земельные комиссии. Возглавлявшая их Центральная коллегия по спорным земельным делам при ЦИК ДАССР была упразднена решением Наркомюста республики 2 ноября 1926 г. Вместо нее через два года была создана Особая коллегия высшего контроля по земельным спорам. Ей, в свою очередь, были переподчинены окружные земельные комиссии, преобразованные в 1928 г. в кантонные (ЦГА РД, ф. р-37, оп. 21, д. 9, л. 1–2, д. 14, л. 60). Предполагалось создать их в каждом кантоне. Однако из-за отсутствия в штате новых комиссий председателей, текучести кадров и волокиты комиссии не успели приступить к работе в большинстве районов Дагестана. В 1930 г. при проведении очередного нового районирования все 28 кантонных комиссий и Особая коллегия высшего контроля по земельным спорам были упразднены (ЦГА РД, ф. р-37, оп. 21, д. 9, л. 1–2, д. 14, л. 22, 28). С этого времени урегулирование поземельных споров и столкновений было передано в руки *районных советов* (*райсоветов*). Апелляционной инстанцией для них стали республиканский Наркомзем и Дагестанский обком ВКП(б).

Для более эффективной борьбы с «вредными пережитками прошлого» в 1928 г. на Дагестан было распространено действие упоминавшейся выше X главы Уголовного кодекса РСФСР «О преступлениях, составляющих пережитки родового быта». Среди квалифицированных таким образом досоветских правовых норм и институтов кроме шариатских встречалось немало адатных: например, отказ от примирения-*маслахата* (ст. 195), умыкание девушек с целью брака с ними (ст. 197), осуществление суда согласно адату (ст. 203).

Дагестанские власти позаботились и о модернизации правосознания жителей мусульманской деревни. Дело в том, что до начала 30-х годов подавляющее большинство дагестанцев, в том числе местное советское начальство и коммунисты, совсем не знали советских законов. Нередко они путали нормы адата, шариата и советского права. Судоговорение в шариатских судах проходило на местных языках, большинство из которых не имело письменности, а судебные решения и постановления властей до начала 30-х годов записывались на арабском или в арабской графике (на *аджаме*) на тюркском и наиболее распространенных нахско-дагестанских языках. К советским судам, штат которых на 60% состоял из русских переселенцев, многие горцы относились с недоверием, ведь до 50-х годов мало кто в горах знал русский язык.

«*Коренизация*» советского аппарата Дагестана, проведенная в конце 1920-х годов, позволила ввести в сельские и народные суды, а также в местные советы представителей коренных народов республики,

пользовавшихся бóльшим авторитетом у местного населения. Согласно докладу Наркомата юстиции ДАССР «О работе, проведенной во исполнение директив по коренизации аппарата», к 1930 г. «в низовой сети судебно-следственных органов коренизация проведена в общем на 60 процентов, что в условиях Дагестана, где имеется известный процент русского населения, можно считать нормальным; все судебно-следственные должности в горных районах с коренным населением заполнены аборигенами Дагестана. В плоскостных районах с русским населением судьи и следователи и даже райпрокуроры — русские» (ЦГА РД, ф. р-37, оп. 23, д. 5, л. 15; подробнее см.: *Даниялов*: 1988, 208–209).

В целях юридического просвещения местного мусульманского населения Президиум ЦИК ДАССР 20 января 1938 г. принял решение начать издание на дагестанских языках Уголовного, Уголовно-процессуального, Гражданского, Гражданско-процессуального и иных кодексов РСФСР. Было решено регулярно печатать важнейшие судебные постановления на наиболее распространенных языках народов Дагестана — аварском, лакском, даргинском, лезгинском и кумыкском. Коллегия НКЮ ДАССР приняла решение о подготовке перевода делопроизводства народных судов на местные языки, получившие в 1938 г. новую, кириллическую письменность (ЦГА РД, ф. р-37, оп. 24, д. 47, л. 23; ф. р-168, оп. 12, д. 65, л. 1–3).

С конца 20-х годов исполкомы райсоветов стали оповещать сельских жителей о важнейших постановлениях общесоюзных и республиканских НКЮ и НКВД по радио. С 1927 г. началось вещание Махачкалинской радиостанции. Десять лет спустя в Дагестане действовало уже 13 радиоузлов. К 1950 г. были радиофицированы все райцентры и 294 колхоза (ЦГА РД, ф. р-37, оп. 21, д. 81, л. 53; Дагестанская правда. 03.03.1951; Советский Дагестан за 40 лет: 1961, 94).

Несмотря на упорную борьбу Советской власти с адатом и шариатом, полностью искоренить их в Дагестане так и не удалось. Свидетельство тому — постоянная обеспокоенность советских и партийных руководителей республики «вредными пережитками прошлого» (см., например: ЦГА РД, ф. р-11, оп. 2, д. 1148, 2052, 2054; Дагестанская правда. 06.10.1956; *Хашаев*: 1957, 23–28). Обком КПСС не раз принимал решения, направленные на «искоренение пережитков адата и шариата в колхозной деревне», однако они так и не были ликвидированы (ЦГА РД, ф. р-1, оп. 2, д. 2054, л. 195–196). Этим проблемам были посвящены республиканские совещания в августе 1951 г. и в апреле 1955 г., а также III пленум Дагестанского обкома КПСС, состоявшийся 2–3 октября 1956 г. В своем решении пленум наметил конкретные мероприятия по усилению борьбы «с пережитками патриархально-феодальных отношений и религиозными суеве-

риями» (подразумевая под ними обычное право и шариат) (*Хашаев*: 1957, 4). В критике этих «пережитков» приняли участие известные народные поэты Дагестана, в частности Гамзат Цадаса, посвятивший этой теме свою книгу «Метла адатов» (авар. *Падатазул жул*), не раз переиздававшуюся огромными тиражами на аварском и русском языках (*Цадаса*: 1956).

5
Опора на «полезные адаты»

В 60–70-е годы отношение к адату и шариату в Дагестане опять изменилось. К этому времени необратимость советских преобразований на Северном Кавказе стала очевидна. Советская власть уже не видела в адате опасной силы. В 60-е годы республиканская пресса заговорила о необходимости отличать «полезные адаты» от «вредных». Продолжая громить такие «пережитки адата», как неравноправие женщин, кровную месть и, как это ни парадоксально, шариат и народные исламские культы святых шейхов, газеты и журналы все более сочувственно отзывались о горских обычаях почитания старших, мирного урегулирования конфликтов между односельчанами, бережливого отношения к общественной собственности (Дагестанская правда. 28.04, 23.11.1979, 07.05.1982, 26.02.1983, 28.06.1984, 30.11.1985 и другие номера за 1960–1989 гг.). По мысли идеологов советских реформ, нужно было поставить «полезные адаты» на службу Советской власти.

С этой целью в целом ряде горных районов при сельсоветах стали создавать советы старейшин. Они включали в себя от 3 до 15 мужчин пенсионного возраста. Их задачей было помогать народным судам и сельсоветам в поддержании общественного порядка в колхозе или совхозе, урегулировать столкновения между его членами, по возможности предупреждать случаи кровной мести, следить за поддержанием в порядке дорог, оросительных каналов, сельских клубов и не допускать расхищения колхозной собственности. В 60–80-е годы такие советы действовали в нескольких десятках горных и равнинных селений. В Ахтынском районе к концу 70-х годов они были организованы при всех сельсоветах. Больше всего советов старейшин насчитывалось в колхозах и совхозах на равнине, а у горцев-переселенцев Новолакского района для координации действий сельских советов старейшин был сформирован районный совет старейшин (Дагестанская правда. 24.05.1978; подробнее см.: История советского крестьянства Дагестана: 1989, т. 2, 367–368).

Для пропаганды «полезных адатов» и искоренения «вредных традиций... не совместимых с социалистическим образом жизни» в переселенческих аулах в 70-е годы были также созданы комиссии по борьбе с пережитками прошлого в быту и внедрению новых обрядов и обычаев (Дагестанская правда. 01.02.1976, 23.11.1979; Традиционное и новое: 1988, 215). В них вошли пожилые мужчины 60–70 лет. Среди них было немало первых горских комсомольцев и коммунистов 20–30-х годов, участников красного партизанского движения и установления Советской власти в горах.

Роль этих комиссий особенно возросла в конце 70-х — начале 80-х годов, когда они помогали партии и КГБ справиться со стихийным исламским движением, охватившим несколько десятков переселенческих аулов на северо-востоке Дагестана. Сельские сходы, проведенные под руководством комиссий, выразили верноподданнические чувства по отношению к Советской власти. Они просили предать уголовной ответственности руководителей исламских групп, призывавших сельскую молодежь следовать законам шариата (Архив Дагестанского обкома КПСС, ныне в составе ЦГА РД, ф. р-1, оп. 113, д. 25, л. 292, д. 27, л. 148 и сл.; Дагестанская правда. 28.11.1979, 29.06.1984; подробнее см.: *Bobrovnikov*: 1996, 234). Переход к политике опоры на «полезные адаты» подготовил почву для движения за возрождение «адатно-шариатских традиций», охватившего республику в 90-е годы.

ГЛАВА 12

Адат и шариат в судопроизводстве горного колхоза

Основным «полигоном» для советских правовых реформ в Нагорном Дагестане стала сельская община, превращенная в колхоз/совхоз. Чтобы понять, что же в действительности произошло с адатом и шариатом в колхозной судебной практике, обратимся к разбиравшимся в советском и постсоветском Дагестане типичным уголовным и поземельным делам. Среди них я выделяю четыре основных типа исков: 1) касающиеся ущерба, нанесенного личности; 2) ущерба, нанесенного собственности; 3) хозяйственные правонарушения и 4) поземельные споры. При разборе судебных дел каждого типа материал расположен точно так же, как и в девятой главе, где эти сюжеты разбирались на архивных материалах XIX в.: сначала приводится судебная статистика, затем сведения об участниках и причинах

исходных конфликтов, способы их мирного урегулирования, основные наказания за эти преступления и случаи повторных столкновений и споров, возникающих в ответ на исходный конфликт.

1
Преступления против личности

В 20–90-е годы в Дагестане было разобрано несколько сотен тысяч уголовных и поземельных преступлений, совершенных в сельской местности, примерно 29% общего числа составляют дела о нанесении ущерба личности (*Юнусов*: Особенности преступности, *л.* 31–34), до установления Советской власти входившие в юрисдикцию адата. Последние, в свою очередь, включают в себя: 1) легкие уголовные правонарушения (словесные оскорбления, ссоры и драки без нанесения серьезных увечий); 2) изнасилования и случаи похищения девушек и женщин; 3) тяжкие уголовные правонарушения (дела о ранениях, увечьях и убийствах). Согласно официальной статистике, первая категория составляла в среднем 18–20,5% *дел*, зарегистрированных в сельской местности, вторая — 1,5–3%, третья — 3–3,5% (подсчитано по следственным материалам, собранным Ю.Ю.Юнусовым, и данным архивов МВД; см.: РФ ИИАЭ, ф. 3, оп. 2, *д.* 441, прил. 5; ЦГА РД, ф. р-117, оп. 6, *д.* 50–106).

Участниками большинства зарегистрированных уголовных преступлений были лица одной и той же местной социальной группы — в основном колхозники или рабочие совхоза, реже — представители сельской интеллигенции (учителя, врачи, административные работники). Обвиняемый и потерпевший обычно принадлежали к одному и тому же или к соседним коллективным хозяйствам. Подавляющее большинство осужденных за эти преступления составляли мужчины. Доля женщин в них в 20–50-е годы была достаточно велика (21–35%). Затем она постепенно сокращается, достигнув к началу 80-х годов 7–9,4%. Из возрастных групп среди них преобладают лица 30–49-летнего возраста (64%) и молодые люди 18–24 лет (26,1%). Среди потерпевших 85% были мужчины 15–40 лет, 15% — молодые женщины (подсчитано по следственным материалам из архивов МВД; см.: РФ ИИАЭ, ф. 3, оп. 2, *д.* 441, *л.* 57–58; ЦГА РД, ф. 21, оп. 3, *д.* 50–106).

Ареал распространения преступлений в советское время сместился в переселенческие поселки и города. Недаром одним из криминальных центров предгорий стала Шамиль-кала, городок энергетиков, выросший в 90-е годы в районе Ирганайской ГЭС на берегу Аварского Койсу. По данным районного МВД, сейчас здесь ежегодно со-

вершается больше уголовных преступлений, чем во всем Унцукульском районе, к которому относится Шамиль-кала. Если в 30–50-е годы от 50,5 до 59,5% ежегодно зарегистрированных в республике преступлений совершалось в сельской местности, то начиная с 1960 г. более 60% из них ежегодно происходит в городах. Начиная с 70-х годов от 51,1 до 57,8% всех сельских судебных дел стало разбираться на равнине. В это же время в горах их было 26–34% и 14,9–16,8% в предгорьях (РФ ИИАЭ, ф. 3, оп. 2, д. 441, л. 24–26, прил. 4, л. 103). Причем среди дагестанцев, осужденных в 40–70-е годы за разные уголовные и административные правонарушения, согласно подсчетам, проведенным Ю.Ю.Юнусовым, более половины (50,2%) вышли из деревни (РФ ИИАЭ, ф. 3, оп. 2, д. 441, л. 57–58).

Под усиливающимся влиянием городского образа жизни уже в 50–60-е годы исчезают такие типичные для досоветской деревни конфликты, как драки между детьми и подростками из враждующих сельских фракций — «старожилов» и «пришлых» кланов (*тухум*) и кварталов (*авал, магал*). Последние такие столкновения были засвидетельствованы советскими этнографами в 20–40-е годы (*Лавров*: 1982, 117–118, 128–129, 196; *Чурсин*: 1995, 28; *Шиллинг*; 1996б, 72; см. также: *Магомедов*: 1969, 71–72). В то же время дореволюционные и советские реформы так и не смогли создать эгалитарной сельской общины. Колхоз унаследовал от джамаатов внутреннюю иерархию и конфликтность. Потомки горской знати и узденей, первопоселенцев и пришельцев-*апарагов*, свободных и рабов-*лагов* до сих пор плохо ладят друг с другом. Известно немало случаев бытовой и правовой дискриминации семей, ведущих свой род от апарагов и лагов. Выходцу из семьи рабов часто отказывают в сватовстве и даже в могиле на сельском кладбище. Так, в с. Касумкент сохраняется отдельное лагское кладбище. Из местных лагов только секретарь райкома КПСС добился в 70-е годы для своей родни места на общем кладбище (полевой материал В.О.Бобровникова, собранный в 1997–2000 гг. в Москве, Махачкале и разных горных районах РД). Апарагам старались дать худшие земельные участки и наименее оплачиваемую работу. Например, еще в 60-е годы переселенцы с хуторов (*риф/кила*) в колхозе с. Чох получали в месяц меньше трудодней, чем жители самого селения (ЦГА РД, ф. 37, оп. 2, д. 9, л. 76).

Время от времени инциденты без нанесения серьезных увечий происходят в районных центрах между кварталами, образованными в советское время выходцами из разных горных селений. Статистика МВД отметила их в селениях Агвали, Ахты, Ботлих и многих других райцентрах. Они случаются также после крупных пятничных и субботних базаров в крупных торговых аулах, таких, как Вачи, Нижнее Казанище, Хунзах, Новый Чиркей (Годовой отчет МВД Республики Дагестан (РД) на 1 января 1998 г. // Текущий архив МВД РД.

Пруд в с. Кумух.
По дореволюционному адату его обязаны были чистить
жители с. Хури

Махачкала; Новое дело. 14.05.1998). Любопытно отметить, что по своему характеру все эти конфликты почти ничем не отличаются от столкновений современных городских молодежных группировок. И в тех и в других участвуют группы молодежи из числа местных жителей и сельских мигрантов в первом или втором поколении. Целью драки является стремление одной из группировок утвердить свое господство на территории чужого селения или квартала.

Сходные конфликты отмечены между коллективными хозяйствами соседних селений, нередко разделенных давней враждой. Характерный пример такого столкновения — события в с. Лучек Рутульского района летом 1997 г. На свадьбе двое юношей из соседнего селения Шиназ были избиты лучекцами. Вернувшись в родное селение, пострадавшие вооружились палками и огнестрельным оружием. Затем они вместе с 15 другими шиназцами вернулись в Лучек на КАМАЗе и в отместку избили молодых людей этого селения. Вызванная на место происшествия милиция остановила драку, но побоялась задержать ее зачинщиков. Дело было замято при посредничестве стариков из обоих селений (полевой материал В.О.Бобровникова, собранный в 1997 г. в Рутульском районе РД).

В отличие от городских драк сельские обычно урегулируются без вмешательства прокуратуры. Следственные материалы районных народных судов, в которые обычно поступают возбужденные на их основании уголовные дела, показывают, что в 50–80-е годы более $^2/_3$ из них были прекращены за примирением сторон (ЦГА РД, ф. р-117, оп. 6, д. 45, л. 56). Посредниками в послевоенное советское время выступали советы старейшин селения. В постсоветское время эта роль все чаще отводится сельскому дибиру. Зачинщиков столкновений до конца 80-х годов присуждали к недельному тюремному заключению, которое могло быть заменено штрафом в 50 руб.*.

В последние годы отечественные этнологи все чаще трактуют подобные примирения как простое возвращение к дореволюционному медиаторству (*маслахату*) по адату (см., например: *Алиев, Умаханов*: 1995, 27–28, а также аналогичные мнения в работах по другим мусульманским районам Северного Кавказа и Средней Азии: *Бабич*: 1995, 22; *Унежев*: 1997, 106; *Тоторкулов*: 1997, 100; *Брусина*: 1997, 42). Мне кажется, что на самом деле это явление сложнее. Хотя примирение и называется старым адатным термином, но в реальности не следует ни обрядности, ни правовым принципам дореволюционного адата. Нельзя также забывать, что, в отличие от дореволюционной адатной практики, примирения позднего советского и постсоветского времени не столько дополняют, сколько заменяют собой действующее российское законодательство. Если до революции 1917 г. и в раннюю советскую эпоху *маслахат* нередко скреплял приговоры сельских и окружных судов, то с 50-х годов примирение прекращает судебное разбирательство. Недавно принятый закон «О третейских судах» не вызвал изменения принятой в советское время судебной практики и не придал *маслахату* в Дагестане силы закона. Перед нами скорее новая внесудебная практика урегулирования простых конфликтов. По сути она представляет собой установленный в обход российских законов новый «адат», причудливо совмещающий в себе элементы советского, обычного и мусульманского права. Такое совмещение понятий вообще характерно для постсоветского Дагестана. Например, в с. Новый Чиркей в 1995 г. дибир, возглавлявший воссозданный здесь шариатский суд, за пьянство и учиненный после этого дебош велел брать с виновного штраф в пользу джамаата размером в 3 млн. (неденоминированных) рублей (полевой материал В.О.Бобровникова, собранный в 1996 г. в Махачкале).

Что же касается второй категории дел о нанесении ущерба личности, то в советское и постсоветское время они стали встречаться реже. Как отмечалось выше, удельный вес случаев оскорбления и изнасилования женщин — самый небольшой среди судебных исков этого

* В ценах 70-х — первой половины 80-х годов.

типа. Причем в 60–90-е годы 60–65% правонарушений такого рода, зарегистрированных в Дагестане, было совершено в городах (РФ ИИАЭ, ф. 3, оп. 2, д. 441, л. 33).

Эти перемены несомненно объясняются эмансипацией дагестанок за годы Советской власти. Видя в «раскрепощении горянки» одну из важнейших задач строительства социализма в республике, Дагестанский ЦИК еще 9 октября 1925 г. уравнял ее в правах с мужчиной, а 7 марта 1926 г. издал постановление «О правах трудящихся женщин-горянок ДАССР». Эти законы запрещали заключение брака без согласия женщины. Принуждение женщины к заключению брака против ее воли стало наказываться как тяжкое уголовное преступление (Архив Дагестанского обкома КПСС, ныне в составе ЦГА РД, ф. р-1, оп. 6, д. 270, л. 9; ср.: ЦГА РД, ф. р-566, оп. 2, д. 1, л. 6). В 30–80-е годы женщины активно вовлекались в общественную и политическую жизнь республики, многие из них вошли в сельские и районные советы, народные суды и руководящие органы коллективных хозяйств (подробнее см.: *Даниялов*: 1988, 94). По сравнению с дореволюционной эпохой резко возросла социальная мобильность женщин. Начиная с конца 50-х годов горянки стали принимать участие в отходничестве. Сегодня сезонные бригады горцев, каждым летом выезжающие на сельскохозяйственные работы в Ставрополье и Краснодарский край, на 60% состоят из женщин и подростков (полевой материал В.О.Бобровникова, собранный в 1992 и 1995–1996 гг. в Хасавюртовском и Цумадинском районах РД).

Однако Советская власть не смогла окончательно искоренить типичного для дореволюционного адата отношения к женщине как к объекту, а не субъекту права. В дагестанской деревне до сих пор встречаются хорошо известные по дореволюционному адату дела по умыканию и изнасилованию девушек с целью принудить родных потерпевшей выдать ее замуж (*Умаханов*: 1993, 86–90, 156–157, 188, 203–204). Подобные случаи были отмечены и в других советских автономиях на Северном Кавказе — Северной Осетии, Ингушетии, Чечне, Кабардино-Балкарии (см., например: Революция и горец: 1929, № 10, 58–60; № 11–12, 58, 62–63). В этих делах бывают замешаны молодые мужчины 20–30-летнего возраста.

Похищения и изнасилования женщин, после которых не удается достичь примирения, а также случаи прелюбодеяния могли оканчиваться тяжкими уголовными правонарушениями. В советское время зафиксировано немало убийств, ранений и фактов нанесения увечий как последствий подобных конфликтов, скрывавшихся колхозниками от советских судебных органов и местных советов. Так, при проверке в 1939 и 1940 гг. деятельности народных судов Прокуратурой ДАССР были выявлены многочисленные факты убийств и самоубийств женщин, реже мужчин, обвиненных в прелюбодеянии (ЦГА РД, ф. 123,

оп. 3, д. 4, л. 37–41). В 1956 г. в с. Ратлуб повесилась дочь М.Абдулова, которую оклеветали соседи, обвинившие ее в развратном поведении. В 50-е годы в Ритлябском районе Х.Абдусаламов убил своего зятя за то, что он еще до женитьбы ухаживал за его сестрой (Дагестанская правда. 06.10.1956; *Хашаев*: 1957, 13–14, 24, 26). В постсоветское время случаются убийства и ранения на почве умыкания девушек. Например, в ноябре 1997 г. в с. Ихрек юноша убил похищенную им девушку, отказавшуюся выйти за него замуж, а затем и сам застрелился (полевой материал В.О.Бобровникова, собранный в 1997 г. в Рутульском районе РД). Однако общее количество преступлений такого рода в настоящее время невелико.

Прежде истцы и ответчики в этих исках, как правило, происходили из разных тухумов одного и того же селения. Теперь эти иски вчиняются и жителям соседних селений. Нередко обвиняемый принадлежит к сельским мигрантам, большую часть времени проживающим в городе. Типичным случаем такого дела может служить похищение девушки, совершенное ее односельчанином в с. Ихрек в 1973 г. после того, как родственники девушки отказали ему в женитьбе. Парень с девушкой три дня скрывались в окрестном лесу. Затем они явились с повинной к ее родителям, которые вынуждены были устроить свадьбу (полевой материал В.О.Бобровникова, собранный в 1997 г. в Рутульском районе РД). Другой характерный случай — похищение махачкалинки в ноябре 1996 г. тремя юношами из переселенческого поселка Новый Хушет. Девушку увезли на машине в селение. Один из похитителей изнасиловал ее, а в январе 1997 г. добился заключения брака с ней (Новое дело. 30.05.1997, с. 9).

Если до революции урегулирование конфликтов этого рода происходило только путем адатного примирения-*маслахата*, то сейчас монополия адата утрачена. Потерпевшие часто предпочитают действовать по российскому Уголовному кодексу через народный суд. Решившись на примирение, родственники потерпевшей не доводят случившееся до сведения милиции и местных властей. Но если добиться согласия родных потерпевшей не удается, молодожены немедленно покидают родное селение, переселяясь в Махачкалу или один из других больших городов Дагестана или других субъектов Российской Федерации. При этом оскорбленные родственники изнасилованной девушки порой пытаются отомстить обидчику, передав дело в суд. Так развивались события в случае с похищением махачкалинки юношей из Нового Хушета. Уже после их свадьбы, в мае 1997 г., дело разбиралось в одном из народных судов Махачкалы. На суде потерпевшая просила смягчить наказание ее мужу. Тем не менее последнему пришлось провести 6 месяцев в заключении в колонии общего режима (Новое дело. 30.05.1997, с. 9).

Значительное укрепление исполнительной и судебной власти в дагестанской деревне, происшедшее при Советской власти в основном

в 50–80-е годы, привело к уменьшению количества совершаемых тяжких уголовных преступлений. Согласно официальной статистике, число ежегодно зарегистрированных здесь убийств стало в 5–6 раз меньше по сравнению с концом XIX в., когда на каждые 300 жителей области ежегодно приходилось одно ранение или убийство (подсчитано по следственным материалам из архивов МВД; см.: РФ ИИАЭ, ф. 3, оп. 2, д. 441; ср.: ЦГА РД, ф. 21, оп. 3, д. 50–106). Укрепление правопорядка после установления Советской власти в Дагестане признавали и сами представители российской дореволюционной администрации. «В настоящее время (конец 30-х годов. — *В.Б.*) в советской России изумительная в смысле совершенства постановка охраны гражданского спокойствия», — писал С.К.Бердяев, до революции 24 года проработавший приставом в Нагорном Дагестане, Чечне и других районах Северного Кавказа, а во время Гражданской войны эмигрировавший во Францию (*Бердяев*: 1936, 25).

Тяжесть наказания за эти преступления определялась народными судами по УК РСФСР, однако их современная классификация довольно близка к хорошо понятному горцам адатному принципу разделения тяжких уголовных преступлений на случайные и умышленные (*каракан*). При Советской власти преступления вида каракан составляли примерно 19% дел этой категории. Характерный пример каракана — происшедшее в 1923 г. убийство крестьянина из с. Рутул его двоюродным братом, который пытался завладеть земельным участком (*мульк*) потерпевшего. Дело было разобрано Самурским народным судом, который приговорил виновного к 5 годам тюрьмы. Другой пример подобного преступления разбирался в 1933 г. Цумадинским народным судом. На хуторе Аща была совершена попытка убийства чабана с целью завладения охраняемым им колхозным стадом (Архив Цумадинского района*. Агвали, д. 35–119; полевой материал В.О.Бобровникова, собранный в 1995–1997 гг. в Цумадинском и Рутульском районах РД).

Простыми считались неумышленные ранения и убийства. Наиболее часто их причинами были неосторожное обращение с оружием, ссора или опьянение. Типичные примеры таких дел: случай 1936 г. в колхозе им. РККА с. Хвайни, где чабан Гаджияв Манкуев ночью случайно убил оказавшегося рядом Гойтемира Мантигова; инцидент 1937 г. в совхозе им. Сталина с. Гагатль, где во время ссоры пастухов чабан Магомед был заколот Гуми Албудаевым (*Умаханов*: 1993, 108–109); случившаяся в 1943 г. драка с применением оружия в колхозе им. Молотова с. Хуштада, в результате которой один хуштадинец был

* Многие из документов, изученных мной в этом архиве, к настоящему времени оказались уничтожены. В мае 1996 г. здание районной администрации Цумадинского района в с. Агвали, где располагался архив, было взорвано. Судьбу цитируемых в настоящей книге документов мне пока не удалось установить.

ранен кинжалом (Архив Цумадинского района. Агвали, д. 337). Из характерных примеров последнего десятилетия можно упомянуть преступление в горном селении Гакко: в ноябре 1993 г. здесь случилась драка рабочего лесхоза А.М. (1958 г. р.) с его более молодым односельчанином М.О. (1972 г. р.). Последний ударил А.М. ножом, и тот скончался на месте. Убийца был задержан сотрудниками местной милиции (Новое дело. 03.12.1993).

2
Преступления против собственности

Около 10% преступлений, совершенных в колхозной деревне Дагестана, составляют дела о нанесении ущерба общественной (колхозной или государственной) и личной собственности (подсчитано по следственным материалам, собранным Ю.Ю.Юнусовым, и данным архивов МВД; см.: РФ ИИАЭ, ф. 3, оп. 2, д. 441, л. 34–35; ЦГА РД, ф. р-37, оп. 19, д. 3–26). Среди них четко выделяются две категории исков: 1) по поводу воровства личного движимого и недвижимого имущества; 2) в связи с утайкой и расхищением собственности коллективных хозяйств. Все они прежде подлежали юрисдикции адата.

Дела первой категории разбирались на месте. Большинство исков в советское время отмечено на равнине и в предгорьях в Центральном и Северном Дагестане. Меньше всего жалоб на воровство поступало из горных колхозов Северо-Западного Дагестана — в 50–80-е годы не более 15–20 ежегодно. 62% обвиняемых в преступлении такого рода — колхозники, 35% — рабочие совхозов, примерно 3% — представители сельской интеллигенции (учителя, фельдшеры, административные работники из правления колхозов и совхозов). В 20–60-е годы 65% осужденных за хищения общественной и личной собственности — мужчины 15–40 лет, 35% — женщины той же возрастной группы. В 70–90-е годы наблюдается сокращение числа женщин среди осужденных по уголовным делам этой категории до 8–15% (ЦГА РД, ф. 21, оп. 3, д. 50–106; подсчитано по следственным материалам из архивов МВД; см.: РФ ИИАЭ, ф. 3, оп. 2, д. 441, л. 104).

Рост воровства в Дагестане был связан, во-первых, с негативными последствиями Гражданской войны. После нее криминогенная обстановка в республике резко ухудшилась. Для борьбы с воровством СНК ДАССР вынужден был даже принять 18 марта 1922 г. специальное постановление «О премировании за раскрытие краж и других хищений» (ЦГА РД, ф. р-168, оп. 1, д. 4, л. 44). В последующие десятилетия распространение хищений было связано с переселением на рав-

нину в период осуществления программы индустриализации на Северном Кавказе множества жителей Центральной России, построивших здесь новые большие города — Каспийск (1947 г.), Избербаш (1949 г.), Кизилюрт (1963 г.) (РСФСР: 1981, 27).

Жители равнинных и переселенческих колхозов и совхозов постоянно общались с горожанами. Втягивание их в городскую жизнь способствовало распространению в колхозной деревне пороков современного большого города. Среди пострадавших от воровства на равнине и в предгорьях, по статистике МВД ДАССР, около трети составляли городские жители, из которых еще в 1939 г. 80% были приезжие (в основном русские: 52%) (подсчитано по следственным материалам из архивов МВД; см.: РФ ИИАЭ, ф. 3, оп. 2, д. 441; ЦГА РД, ф. р-22, оп. 22, д. 56, л. 1, д. 58, л. 1).

Из видов воровства в республике более всего было распространено скотокрадство. Против преступлений такого рода в 20–40-е годы велась решительная борьба. Применение карательных мер советским судом ставилось в зависимость от того, к какой социальной категории относится тот или иной правонарушитель. Характерно, что в те годы основную массу уголовных дел, проходящих через народные суды, составляли «дела по обвинению кулаков и единоличников в уклонении от выполнения государственных заданий по весеннему и осеннему севу, уборке сельскохозяйственных культур и по поставкам, а также дела по обвинению в разбазаривании и хищническом убое скота, хищении социалистической собственности и повреждении сельскохозяйственных машин, небрежном отношении к живому тяглу и коню» (ЦГА РД, ф. р-37, оп. 27, д. 46, л. 21).

В 50–80-е годы число хищений в коллективных хозяйствах сократилось. Но с падением Советской власти вновь распространилось скотокрадство. Его центром стали наиболее опасные в криминогенном отношении северные районы Дагестана на границе с Чечней, где регулярно угоняют целые стада колхозного и частного скота (полевой материал В.О.Бобровникова, собранный в 1995 г. в Хасавюртовском районе РД; Дагестанская правда. 04.09.1992; Новое дело. 21.02.1997).

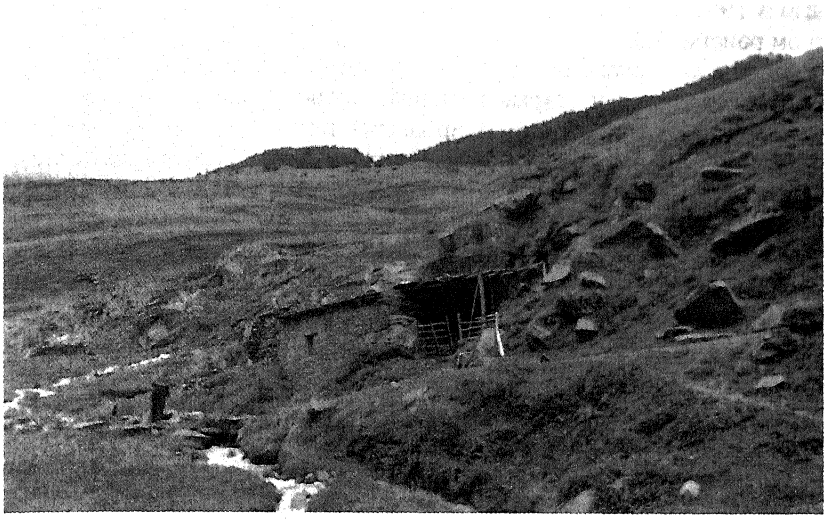
В горных селениях эти преступления встречались гораздо реже, поскольку общественное мнение сурово осуждало скотокрадство наравне с прелюбодеянием. Мягкое отношение к воровству первых народных судов согласно УК РСФСР 1926 г., по словам стариков, возмущало горцев. Поэтому в 20-е годы в горах отмечено много случаев самосуда сельской общины над ворами. В Бежте, Гагатле, Кванаде, Хонохе, Цудахаре и других селениях в советское время отмечены случаи убийства воров, застигнутых на месте преступления (полевой материал В.О.Бобровникова, собранный в 1995 г. в разных горных районах РД).

Введение более строгого Указа «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов, кооперации и укреплении общественной социалистической собственности» от 7 августа 1932 г., каравшего за хищение колхозной и общественной собственности 10 годами лагерей с конфискацией имущества (Постановление ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 г. // СЗ СССР. 1932, № 62, 360: II, 2; III, 2), по воспоминаниям моих респондентов, было спокойно принято горцами, привыкшими еще более строго наказывать воров по дореволюционному адату. В горных колхозах к ворам-рецидивистам относились как к изгоям. В силу этих обстоятельств в большинстве горных районов воровством занимались единицы.

3
Хозяйственные правонарушения

Еще один тип судебных исков, традиционно разбиравшихся согласно адату, составляли хозяйственные правонарушения. В советское время это примерно 19% дел, зарегистрированных в сельской местности (подсчитано по материалам «Годовых отчетов колхозов и совхозов Дагестанской АССР»: ЦГА РД, ф. р-127, оп. 21, д. 198–226). В свою очередь, среди них, как и прежде, четко выделяются две категории исков: 1) касающиеся порчи общего и личного имущества вследствие потрав, пожаров, нарушения очередности в пользовании оросительными каналами (начиная с 20–30-х годов по настоящее время речь идет о нанесении ущерба колхозной или государственной собственности либо выделенным из нее приусадебным участкам); 2) дела о нарушении правил пользования сельскохозяйственными угодьями, до революции принадлежавшими сельским общинам, а после коллективизации превращенными в государственные владения, переданные в вечное пользование колхозам и совхозам.

Иски по делам первой категории в советское время продолжали разбираться на местах сначала сельскими словесными, а с 1928 г. — общественными судами и сельскими либо районными советами. Истцами и ответчиками в них обычно были члены одного и того же коллективного хозяйства или соседних колхозов/совхозов. Нередко они принадлежали к издревле соперничающим сельским фракциям (кланам-тухумам, кварталам) (Архивы райкомземов Ахтынского, Рутульского, Хунзахского и Цумадинского районов; ср.: *Лавров*: 1982, 117–118, 128–129). Причиной ссор и тяжб были время от времени повторявшиеся потравы скотом приусадебных участков или колхозных пастбищ, пожары, нарушения очередности при пользовании общест-

Мельница советского времени
в окрестностях с. Тлондода

венными оросительными каналами и пастбищами весной и летом (полевой материал В.О.Бобровникова, собранный в 1992–2001 гг. в Хасавюрте, Дербенте и разных горных районах РД).

Хотя по закону в 30–80-е годы для урегулирования хозяйственных конфликтов суды должны были обращаться к колхозному праву, на деле они продолжали придерживаться норм местного адата, приспособленных к советским условиям. Дело в том, что после форсированного проведения коллективизации основные положения Устава сельскохозяйственной артели были перетолкованы горцами согласно поземельным и хозяйственным нормам местного адата. Первые председатели коллективных хозяйств, с детства привыкшие следовать адату, вольно или невольно вносили его нормы в колхозные институты.

Так, статус общинного владения (*харим*) перешел на колхозную и государственную (совхозную) собственность. Недаром в 20-х — первой половине 30-х годов крестьянские комитеты общественной взаимопомощи (ККОВ) в горах создали первые коллективные хозяйства на основе бывших общинных пастбищ. Так были образованы товарищество по совместной обработке земли (ТОЗ) в с. Аскент, сельскохозяйственная артель-коммуна в с. Чох, ТОЗ «Заря Востока» в с. Хуштада, совхоз «Геджух», колхоз им. Сталина в с. Хунзах, колхоз им. Мирзабекова в с. Шиназ и многие другие (ЦГА РД, ф. 38, оп. 1, д. 3, л. 18,

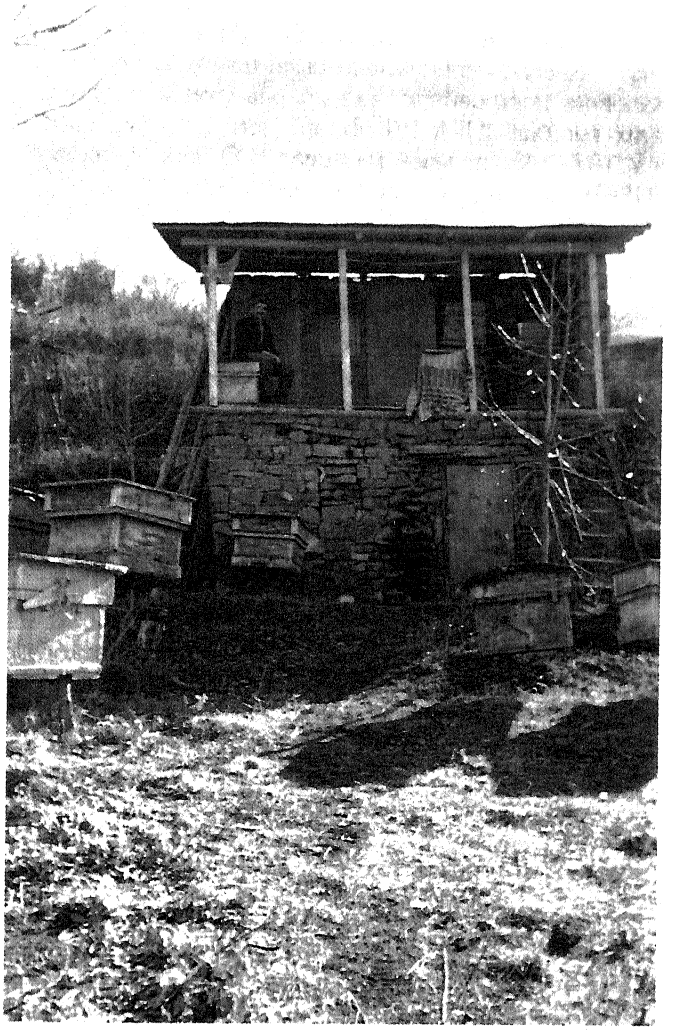
оп. 2, д. 5, л. 17–18; полевой материал В.О.Бобровникова, собранный в 1992 и 1995 гг. в Цумадинском районе, в 1997 г. — в Рутульском районе РД).

Вплоть до укрупнения колхозов в 50–60-е годы большинство горных колхозов сохраняли старые границы досоветских общин-джамаатов, отмеченные естественными природными преградами — реками, горными хребтами и оврагами-балками. Но и после укрупнения оставалось много мелких одноаульных колхозов. А в конце 80-х — начале 90-х годов в горах начинается повальный распад крупных коллективных хозяйств на мелкие одноаульные или даже одноквартальные колхозы. Причем возникают они обычно в рамках дореволюционных джамаатов. В 1992–1998 гг. я наблюдал этот процесс в селениях Гимерсо, Ричагоних, Цумада, Хвайни, Эчеда, Борч, Рутул, Кала и др. (полевой материал В.О.Бобровникова, собранный в 1990-е годы в Хунзахском, Цумадинском, Ахтынском, Рутульском районах РД; подробнее см.: *Бобровников*: 1997в, 135).

Личные приусадебные участки унаследовали права обобществленных в 30-е годы частносемейных полей (*мульк*). В некоторых отдаленных горных колхозах, например в колхозе «Красный партизан» с. Кванада (образованном в 1941 г.), большинство мульков сохранило своих прежних владельцев (полевой материал В.О.Бобровникова, собранный в 1992 г. в Цумадинском районе РД). Вплоть до конца 80-х годов их продолжали передавать по наследству, тайно продавать и дарить. Причем, как прежде мульк не мог перейти не к члену джамаата, так и приусадебным участком мог пользоваться только член данного колхоза или рабочий совхоза (Архив Дагестанского обкома КПСС, ныне в составе ЦГА РД, ф. р-1, оп. 15, д. 124, л. 292). Русские учителя и врачи, появившиеся в горных селениях в 40–60-е годы, как правило, не могли получить здесь приусадебного участка.

В то же время в хозяйственных нормах адата при коллективизации произошли определенные изменения. При разборе хозяйственных преступлений дореволюционный словесный суд ограничивался штрафами в пользу потерпевшего и общины. В 30–50-е годы по знаменитому указу 1932 г. случаи порчи общественного имущества стали наказываться намного строже. Известны примеры, когда виновных в случайном поджоге колхозных построек или чабанов, не спасших колхозные стада от волков и стихийных бедствий, «раскулачивали» и ссылали за пределы Дагестана (Архив Рутульского района, с. Рутул; полевой материал В.О.Бобровникова, собранный в 1997 г. в Рутульском районе РД).

В 60–80-е годы колхозы и совхозы Дагестана вернулись к досоветской практике штрафов за хозяйственные преступления. В подобного рода конфликтах виновную сторону присуждали к возмещению натурой или деньгами ущерба пострадавшему и одновременно

Частный хутор, превращенный в приусадебный участок колхоза им. Чапаева

к штрафу в пользу коллективного хозяйства. Например, в совхозе им. Ленина с. Ботлих были случаи, когда виновного в поливе своего поля с нарушением общей очереди лишали следующего по очереди полива (*Алимова, Магомедов*: 1993, 36; полевой материал В.О.Бобровникова, собранный в 1995 г. в Махачкале и Ботлихском районе РД). За потраву земель соседнего колхоза им. XXII партсъезда с. Тлондода колхозники с. Кванада принуждены были по решению районного суда восстановить построенную еще до революции каменную ограду вокруг этих пастбищ (ЦГА РД, ф. 545, оп. 1, д. 88, л. 57–58, 66; д. 3074, л. 107, 145; полевой материал В.О.Бобровникова, собранный в 1995–1996 гг. в Цумадинском районе РД).

Дела второй категории также рассматривались на местах в колхозах или совхозах. В роли истца здесь выступало само коллективное хозяйство, по адатной традиции считавшееся верховным собственником как коллективных, так и частных земель на своей территории. Ответчиками чаще оказывались его члены, реже — члены соседних колхозов. Иск обычно возбуждался колхозным сторожем, поймавшим нарушителя закона с поличным. Колхозных сторожей назначали по жребию для проверки исполнения постановлений колхозного начальства, касающихся весеннего сева, летней страды и осенней уборки урожая. Они должны были обходить земли колхоза и докладывать словесному суду обо всех замеченных ими нарушениях хозяйственного адата. Интересно отметить, что вплоть до 40-х годов колхозные сторожа и полевые исполнители носили имя дореволюционных исполнителей джамаата (например, авар. *гIелиби*). Позднее их стали называть *ахран* (от рус. глагола «охранять») (Архив Цумадинского района, с. Агвали, д. 239; полевой материал В.О.Бобровникова, собранный в 1996 г. в Цумадинском районе РД).

Колхозное право унаследовало от адата функции охраны сельскохозяйственных угодий и надзора за соблюдением единого сельскохозяйственного оборота на землях общины. В горах до 60-х годов коллективные хозяйства экономно использовали каждый клочок плодородной земли. Под угрозой высоких штрафов колхоз, как прежде община-джамаат, запрещал самовольно изменять использование любых категорий земель на своей территории. Нельзя было застраивать ни общественные, ни частные поля и пастбища «хотя бы размером в ладонь», выжигать садовые участки, вырубать деревья в лесу. Нарушителей этих чисто адатных хозяйственных норм лишали приусадебных участков и заставляли уплатить в колхозную кассу штраф от 50 до 300 руб.*. Все колхозные поля «закрывались» для прохода людей и скота начиная со времени сева до начала страды. Затем полевые исполнители колхоза (*гIелиби, ахран*) объявляли с годекана о поэтап-

* В ценах конца 40-х годов.

Годекан советского времени
в с. Тлондода

ном «открытии» сначала верхних, а затем нижних участков полей-*мег*. Летом и осенью «закрытыми» считались зимние пастбища на южных, солнечных склонах гор (РФ ИИАЭ, ф. 5, оп. 1, д. 1658, л. 4, 7, 14–20, 25–27; подробнее см.: *Бобровников, Рошин*: 1995; *Бобровников*: 1997а, 193–200).

Под влиянием советских преобразований хозяйственные нормы адата постепенно менялись. Строительство сети автодорог привело к укреплению экономических связей гор и равнины. В послевоенные десятилетия хозяйства равнины и предгорий Дагестана стали специализироваться на выращивании зерна, а горные колхозы — на отгонном животноводстве. С 60-х годов в горы стали регулярно завозить дешевый хлеб и муку. Горцы привыкли жить в основном на привозном продовольствии и забросили десятки тысяч гектаров террасных полей. Это привело к отмене целого ряда хозяйственных норм обычного права.

Вследствие развития оптовой торговли повсеместно был забыт такой адат, как запрет на сбор винограда, злаков (кукурузы) и плодов (грецкие орехи, персики и другие фрукты) до 15-го дня осени. Особенно сильно это было заметно в селениях на равнине и в предгорье, оказавшихся вблизи быстро растущих городов Махачкала, Буйнакск, Хасавюрт, Кизляр, Дербент (Традиционное и новое: 1988, 30–31,

47–52). С 70-х годов горные селения вышли за старые границы и вопреки адатным запретам заняли часть бывших полей-мег и даже харима. Их планировка стала более свободной (полевой материал В.О.Бобровникова, собранный в 1992 г. в Цумадинском районе РД). Горное земледелие вступило в полосу затяжного кризиса, что привело к росту скрытой безработицы.

4
Поземельные споры

Тяжбы, касающиеся прав коллективных хозяйств и отдельных колхозников/рабочих совхозов на владение или пользование земельными угодьями, составляют примерно 42% судебных дел, разобранных в советское и постсоветское время в сельской местности (подсчитано по материалам «Годовых отчетов Наркомзема и Министерства сельского хозяйства ДАССР»: ЦГА РД, ф. р-37, оп. 21, д. 1–109; см. также: Годовые отчеты райкомземов Республики Дагестан за 1991–1999 гг. // Текущий архив Государственного комитета по статистике РД. Махачкала). Как было показано выше, до установления Советской власти в республике дагестанские горцы привыкли решать подобные дела согласно адату. Это, однако, не гарантировало от периодического возобновления поземельных конфликтов.

Ослабить поземельные споры не смогли ни постановление Дагестанского ревкома от 4 мая 1920 г., бесплатно передававшее в руки дагестанских крестьян огромные массивы казенных и частновладельческих земель (441 600 га) (ЦГА РД, ф. 127, оп. 17, д. 204, л. 5; Красный Дагестан. 18.10.1926), ни наделение горных колхозов и совхозов землей на равнине (в 30–50-е годы они получили 1157 тыс. га) (Ханукаев: 1991, 26), ни переселение на равнину почти 200 тыс. малоземельных и безработных горцев, ни присоединение к Дагестану в 1921–1957 гг. от бывшей Терской области и Ставрополья почти половины его нынешней территории. Демографический взрыв в Нагорном Дагестане 50–80-х годов свел на нет все усилия Советской власти решить земельный вопрос. Земельный голод остался характерной чертой республики, где до 40% всего населения по-прежнему проживает в горах, располагающих только 33% пашни и 26% пастбищ (История советского крестьянства Дагестана: 1986, т. 1, 18).

Об остроте и запутанности земельного вопроса в советском Дагестане свидетельствует обилие исков по земельным спорам, разобранных окружными земельными комиссиями в 20-е годы: их общее число составляло около 16 тыс. Центральная коллегия по спорным земельным делам (ЦКСЗД) при ЦИК ДАССР за время своего существования,

с 1923 по 1926 г., разобрала 1729 кассаций по этим делам. Причем четверть из них (432 дела) были отложены по разным причинам (неявка в суд тяжущихся сторон, невручение повесток ответчикам и т.д.). К моменту упразднения окружных земельных комиссий, в 1928 г. оказалось, что они не успели разобрать 1796 поземельных тяжб (ЦГА РД, ф. р-37, оп. 21, д. 14, л. 28, 60).

Заменившая ЦКСЗД Особая коллегия высшего контроля по земельным спорам отметила в 1928 г. 36 «нерешенных остро стоящих поземельных споров между сельскими обществами». Почти в каждом округе и районе республики случались серьезные инциденты. В Аварском округе — тяжба селений Нитаб и Накитль. В Андийском округе комиссия отметила 9 споров между с. Чирката и принадлежавшим к Аварскому округу с. Ашильта; селениями Буцра и Унцукуль; джамаатов Батлух и Могох с селением Заната (Аварский округ) и обществом Гидатль из Гунибского округа; между обществами Ботлих и Тандо; Ансалта и Годобери; Анди и Гагатль, Хуштада и Кванада; Нижнее Инхо и Арадирих. В Анчикулакском округе не был решен земельный спор с. Иргакли со станицей Степковское соседней Терской области. В Буйнакском округе было известно о тяжбах между джамаатами Муслим-аул и Нижнее Казанище, а также между селениями Верхнее и Нижнее Казанище; Дуранги и Охли. В Гунибском округе отмечены поземельные тяжбы селений Хвартикуни и Кудали с Арша-махи (Даргинский округ); между селениями Гонода и Гоготль. В недавно присоединенном к Дагестанской АССР Кизлярском округе были споры между станицами Ново- и Старо-Щедринская, а также поземельные конфликты в станице Старогладковская, связанные с организацией коллективных хозяйств. В Махачкалинском районе в тяжбы были вовлечены селения Альбурикент и Тарки; Губден и Урахи Даргинского округа. Больше всего тяжб приходилось на долю Самурского округа. Здесь на почве земельных споров враждовали джамааты Хрюг и Калук; Каракюре и Мака; Кама-Кичун и Гоган; Мака и относящийся к Азербайджанской ССР Цахур; Каракюре и Тарджал; Усур, Хюрехюр и Курах; Гогаз и Кукваз; Гра-Курах, Кимихюр и Хюрехюр; Микрах и Каладжух; Гапцах и Кочхюр; Филя и Бахцуг. Селение Камилух Тляратинского района имело земельные претензии к обществу Кесер из Гунибского округа. Наконец, пять тяжб было зарегистрировано в Эчединском районе: между селениями Цумада и Гаквари; Тляцуда и Сагада; Шаитли и Гениатль (Кидеро); Цирал-Батлух и Нижнее Хваршини; Саситли и Эчеда (ЦГА РД, ф. р-37, оп. 21, д. 14, л. 23).

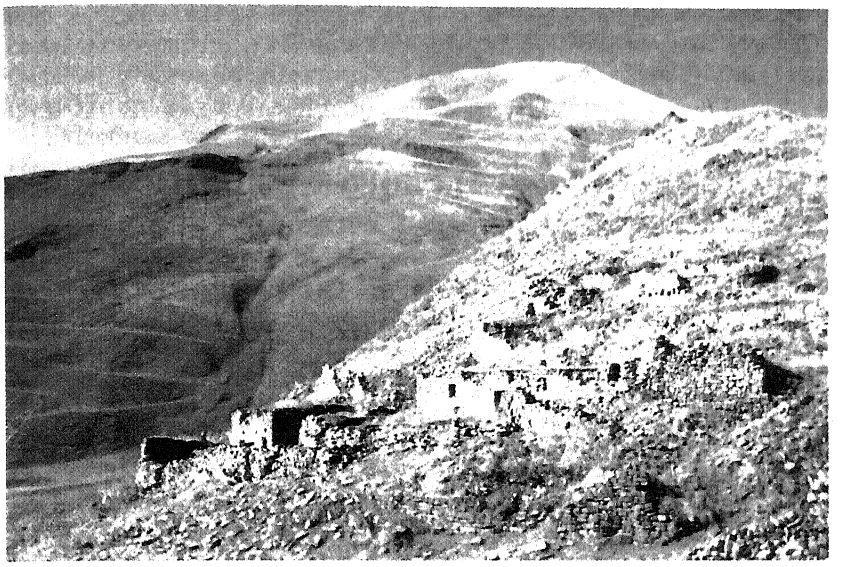
В 30–50-е годы земельный вопрос в Дагестане продолжал стоять крайне остро, поскольку появились новые основания для поземельных конфликтов. Во-первых, были обобществлены огромные массивы мелких частновладельческих участков (*мулк*) и более 10 000 га мечетных земель (*вакф*) (Отчет Наркомзема ДАССР // ЦГА РД,

ф. р-127, оп. 1, д. 133, л. 59–65). Сначала 400, а затем еще 650 семей бывших мелких землевладельцев были раскулачены и высланы из республики (ЦГА РД, ф. 127, оп. 17, д. 204, л. 6; ф. 168, оп. 10, д. 13, л. 2; подробнее см.: История советского крестьянства Дагестана: 1986, т. 1, 133, 206–207). В 1944 г. поменяли владельцев угодья, которыми до этого распоряжались депортированные чеченцы и насильно переселенные на их земли горные дагестанские колхозы. Только в одном Цумадинском районе в госземфонд были переданы 58 818 га земель (включая 26 954 га сельскохозяйственных угодий) горных колхозов, переведенных на земли Веденского района (в 1944–1957 гг. входившего в состав ДАССР) (Постановление Совета министров ДАССР от 28 февраля 1945 г., № 107; Постановление Совета министров ДАССР и Бюро Дагестанского обкома КПСС от 16 апреля 1958 г., № 123/15). После возращения чеченцев в 1957 г. дагестанские колхозники были вновь переселены в Дагестан: большинство на свои старые земли, некоторые — на равнину и в предгорья. Тогда же еще раз были изменены северные границы республики. Наконец, определенные проблемы создало массовое переселение горских народов на земли, прежде находившиеся в распоряжении коллективных хозяйств кумыков и терских казаков.

В конце 50-х — 80-е годы количество земельных споров не уменьшалось: судя по протоколам заседаний Дагестанского обкома КПСС, ежегодно на них слушалось до 100–120 жалоб и кассаций, поданных в обком и Совмин республики районными советами и коллективными хозяйствами, оспаривающими друг у друга различные земельные угодья (ЦГА РД, ф. р-1, оп. 2, д. 1148).

По сравнению с дореволюционными временами поземельные отношения в советском Дагестане стали намного более взрывоопасными. Обострение поземельных споров произошло по целому ряду причин. Наиболее серьезные из них отмечены земельными комиссиями в конце 20-х годов. Во-первых, это проведенные в 1920–1921 и 1928 гг. изменения административных границ внутри Дагестана, а также между Дагестаном, Чечено-Ингушетией и Ставропольским краем. Во-вторых, стремление сильных коллективных хозяйств оттеснить более слабые колхозы и совхозы от совместного пользования сельскохозяйственными угодьями. В-третьих, непонимание горцами целей землеустройства и опасение лишиться из-за него своих земель. В-четвертых, земельный голод. И в-пятых, волокита в решении поземельных споров земельными комиссиями (Отчет Комитета земледелия в ЦИК Дагестанской АССР // ЦГА РД, ф. р-37, оп. 21, д. 14, л. 20). Все эти обстоятельства крайне усложняли и запутывали земельные отношения и тяжбы в республике.

В ходе перераспределения большей части земельного фонда республики в 20–30-е годы возникало множество конфликтов между

Пастбища колхоза им. Мирзабекова
возле заброшенного с. Щугъад

отдельными крестьянами и их семьями. Типичными примерами споров этого рода являются: поступившая в Наркомзем ДАССР кассационная жалоба крестьянина с. Санги Кайтаго-Табасаранского округа Кардаш Гаджи-оглы, недовольного решением его дела Центральной коллегией по спорным земельным делам; тяжба о пахотном участке между его владельцем Ахмедом Магомаевым из с. Урари Даргинского округа и оспаривавшим его права Тайгибом Батома из с. Баршамай Кайтаго-Табасаранского округа; жалоба в Наркомзем от колхозника Абукара Ханкиши-оглы из с. Куг того же округа на родственников жены, пытавшихся захватить его земельный участок; заявление Аббас-оглы Шабанова с жалобой на решение Самурской окружной земельной комиссии, присудившей его к сносу стены, загораживавшей вход в сад его брата (ЦГА РД, ф. р-37, оп. 21, д. 9, л. 32–61), и десятки тысяч других подобных исков.

Предметом поземельных споров между селениями и коллективными хозяйствами обычно становились пастбища (в основном — зимние), реже — леса и водные ресурсы. Так, в 1924 г. завязалась тяжба между джамаатами селений Кюринского округа Хнов и Борч из-за пяти участков летних горных пастбищ, до революции принадлежавших хновцам, а по новому землеустройству приписанных жителям с. Борч

Ф 168. Оп 63. Д 33. л. 146.

ДАССР

МИНИСТЕРСТВО СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

г. Махачкала, ул. Маркова, 18 тел. 21-26.

№ 34-б „3" сентября 1946 г.

Совету Министров Дагестанской АССР

В связи с возникшим спором между колхозами 1 Мая с.Дербек Табасаранского района и им.Орджоникидзе с.Джавгат Кайтагского района Министерством сельского хозяйства была создана квалифицированная комиссия в составе гл.инженера Дербентского районного управления сельского хозяйства т.Мирзоева Б. и старших землеустроителей Табасаранского района т.Таджибова и Кайтагского - т.Гаджиахмедова.

В результате изучения спора и инструментального восстановления границ землепользования установлено:

1. Спорный участок площадью 19.6 га включен в государственные акты /как перекрытие/ 2 спорных колхозов, причем колхозу им.Орджоникидзе Госакт был выдан в 1936 году, а колхозу "1 Мая" - в 1937 году.

2. Из делопроизводства 1936 года установлено, что возникший тогда спор при установлении внешних границ земель колхоза им.Орджоникидзе не был решен в установленном порядке /через ЦЗК/.

При установлении в 1937 г. внешних границ землепользования колхоза "1 Мая" представители колхоза им.Орджоникидзе несмотря на двухкратный вызов, на границу не явились.

3. На границе спорного участка расположена животноводческая ферма колхоза "1 Мая", который фактически использует этот участок под выпас скота.

4. Спор возник в связи с распашкой и раскорчевкой в текущем году части этого участка колхозом им.Орджоникидзе.

Учитывая, что спор принял принципиальный характер, и решение его в пользу того или другого колхоза не влияет на их экономику, Министерство считает целесообразным решить спор путем раздела спорного участка между указанными колхозами пополам.

Приложение: проект распоряжения Совета Министров ДАССР

Министр - А.Ордеаджиев

Отношение Министерства сельского хозяйства ДАССР
о земельном споре между колхозами им. 1 мая и им. Орджоникидзе

(ЦГА РД, ф. р-37, оп. 21, д. 3, л. 6, 14). Другой характерный пример — столкновение между общинами селения Худжи Кайтаго-Табасаранского округа и селения Сурсабаки Даргинского округа за пастбищный участок Муктакента, происшедшее летом 1926 г. (ЦГА РД, ф. р-37, оп. 21, д. 9, л. 49–50).

Подобные тяжбы время от времени случались и в 50–70-е годы. Например, в 1957 г. на заседании Бюро Дагестанского обкома КПСС разбиралась жалоба колхоза им. Димитрова с. Ушниг Табасаранского района о лишении его 142 га зимних пастбищ, в 1956 г. решением Совета министров республики переданных колхозу им. Куйбышева Хивского района (ЦГА РД, ф. р-1, оп. 2, д. 1148, л. 8; см. также: спор между колхозами им. Жданова и им. Орджоникидзе Лакского района ДАССР — ЦГА РД, ф. 1186, оп. 1, д. 16, л. 45–48; спор между колхозами им. Орджоникидзе с. Джавгат Кайтагского района и им. 1 мая с. Дюбек Табасаранского района ДАССР — ЦГА РД, ф. 168, оп. 63, д. 33, л. 145–146). В 1976 г. колхозы им. XXII партсъезда и «Красный партизан» Ахвахского района оспаривали друг у друга 83 га зимних пастбищ, полученные ими в 50-е годы в вечное пользование на территории Хасавюртовского района. Ахвахский райисполком не смог разрешить тяжбу, и дело было передано в Совет министров республики. Была создана республиканская комиссия по урегулированию конфликта (ЦГА РД, ф. р-168, оп. 71, д. 25, л. 117).

Типичный случай пограничного поземельного спора разбирался между дагестанцами с. Гакко Андийского округа и чеченцами соседнего горного селения Хуландой Чечено-Ингушской АО. Обе стороны претендовали на расположенные между ними зимние пастбища и покосы. До революции эти земли арендовались ими у казны. Тяжба возникла при определении в 1927 г. границы между горной Чечней и Дагестаном (ЦГА РД, ф. р-127, оп. 17, д. 165; см. также: споры о пастбищах и сенокосах между с. Анди Андийского округа ДАССР и с. Хой Веденского округа ЧИАО — ЦГА РД, ф. р-127, оп. 17, д. 168; с. Ансалта Аварского округа ДАССР и с. Арсой Веденского округа ЧИАО — ЦГА РД, ф. р-127, оп. 17, д. 164; между Ауховским обществом ДАССР и обществом Галайты ЧИАО — ЦГА РД, ф. р-127, оп. 17, д. 33). В подобные тяжбы нередко оказывались вовлечены десятки пограничных селений. Так, в 1937 г. возник спор о праве горных дагестанских колхозов и совхозов сезонно использовать 6873 га зимних пастбищ, расположенных в Ширакской степи (Грузинская ССР), и 30 000 га зимних пастбищ в Самухском, Касум-Измайловском, Зардобском, Кюрдамюрском и Шемахинском районах Азербайджанской ССР. Постановление Президиума ЦИК СССР об отводе дагестанским скотоводам этих угодий не было выполнено. В свою очередь, Наркомзем ДАССР предъявил претензии коллективным хозяйствам

Чертеж спорных летних пастбищ колхозов
Ахвахского и Цумадинского районов

Грузии, арендующим у республики зимние пастбища в Терско-Сулакской низменности и постоянно нарушающим правила скотопрогона. Для урегулирования этого конфликта пришлось создавать специальную Комиссию ЦК ВКП(б) при союзном Наркомземе (ЦГА РД, ф. п-1, оп. 1, д. 3799, л. 54–57).

Многие затяжные поземельные споры советского времени уходят корнями в начало XX и даже в XVIII–XIX вв. Яркий пример такой тяжбы — поземельный спор между селениями Тлондода и Хуштада, претендовавшими на совместное использование пастбищных гор Тархуб, Бугада, Цагуни и Чанди, находившихся в совладении селений Кудияб-росо, Тад-Магитль и Изани. О нем уже говорилось в девятой главе этой книги. После революции этот спор вновь разгорелся: сначала в 1928 г. при проведении границы между Ахвахским и Цумадинским районами, а затем в 1933 и 1937 гг. в ходе разграничения владений пограничных колхозов (ЦГА РД, ф. р-127, оп. 85, д. 40; ф. р-37, оп. 20, д. 209, л. 51).

Другой характерный пример дел такого рода — уже разбиравшаяся выше тяжба за владение пастбищами на горе Игадах-меэр (авар. *Игадах-мегIер*). После революции давний спор о землях, теперь включенных в госземфонд ДАССР, вновь обострился. В 1928 г. дело дошло до вооруженного столкновения между общинами селений Саситли и Эчеда из-за части спорных пастбищ. Для примирения враждующих сторон Наркомзем ДАССР решил отселить джамаат с. Эчеда, выделив ему земли на равнине в Анчикулакском округе. Выездная сессия Главсуда республики разобрала возбужденное по факту столкновения уголовное дело. Зачинщики его были расстреляны, а остальные участники — оправданы (ЦГА РД, ф. р-37, оп. 20, д. 100, л. 99; оп. 21, д. 19, л. 1–5).

При сплошной коллективизации селений Цумадинского района Игадах-меэр в 1937 г. была передана колхозу им. Байдукова с. Сильди. Однако уже в 1944 г. сильдинцы были выселены на территорию Чечено-Ингушетии. Их пастбищные угодья были предоставлены в вечное пользование колхозу им. Сталина с. Хунзах Хунзахского района. После возвращения в 1958 г. на свои земли горцев Цумадинского района спорная гора площадью 1961 га была закреплена за колхозом «Мир» с. Саситли (Постановление Совета министров ДАССР от 10 апреля 1946 г., № 180; Постановление Совета министров ДАССР и Дагестанского обкома КПСС, № 123/15 // Архив Цумадинского района РД, с. Агвали).

В 1966 г. из-за Игадах-меэр произошло очередное столкновение, теперь уже между саситлинцами и сильдинцами. Конфликт едва не привел к кровопролитию. Местной милиции удалось стабилизировать обстановку, арестовав четырех руководителей выступления из с. Сильди. После этого о поземельном споре забыли до 90-х годов. Накануне

РАССМОТРЕНО
в Президиуме ЦИК ДССР
Протокол № 60 § — п —
от 18 — XI — 1928 г.
№ 614

ПРОЕКТ.

Ф. р-37. Оп 21. Д.19. л

ПОСТАНОВЛЕНИЕ
ПРЕЗИДИУМА Центрального Исполнительного Комитета
Д.С.С.Р.

"О вооруженном столкновении между обществом
СОСИТЛЬ и ЭЧЕДА из-за пользования пастбищной
горой "ЭЧЕДА-МЕЕР".

I. Констатировать, что инцидент является результатом недостаточного внимательного отношения со стороны соответствующих органов к своевременному разрешению земельных споров между об-вами, благодаря чего части эти вопросы принимают затяжной характер.

2. Констатировать, что массовое убийство и ранение в этом инциденте является отчасти результатом недостаточной наказуемости за убийство в Дагестане.

3. а) Предложить судебно-следственным органам срочно провести показательный процесс, применив строгую репрессию к виновникам убийства;

б) Поручить тов. МАХМУДОВУ на следующем заседании Президиума доложить о роли и значении Эчединской администрации в этом столкновении.

в) согласиться с предложением комиссии о необходимости отозвания Пред.РИК"а т.ЯСУЛОВА, Нач.Раймилиции. А по отношению прокурора АМИРХАНОВА принять к сведению заявление т.МАХМУДОВА о состоявшемся решении Коллегии НКЮ об отзыве его оттуда.

г) Считать целесообразным переселить целиком общество Эчеда на плоскость, поручив НКЗ в 2-х недельный срок представить свои соображения о порядке реализации этого решения.

д) Поручить ОКВК и НКЗ представить в ЦИК свои соображения об острых земельных спорах на местах - на предмет урегулирования их.

Постановление Президиума ЦИК ДАССР
«О вооруженном столкновении между обществами Саситли и Эчеда
из-за пользования пастбищной горой Эчеда-меер»

распада СССР он разгорелся с новой силой. Воспользовавшись ослаблением Советской власти в последние годы «перестройки», сильдинцы вновь потребовали вернуть им спорные пастбища. На границе Игадах-меэр в 1991 г. произошло столкновение сильдинцев и саситлинцев. Благодаря вмешательству районного ОМОНа враждующие стороны удалось развести. После этого к разбору поземельного спора были привлечены районные и республиканские власти. Причем кроме Сильди и Саситли на части Игадах-меэр стали претендовать колхозы селений Кеди и Тинди Цумадинского района и Карата Ахвахского района, которые до революции пользовались этими пастбищами на основании местного адата.

Разрешить тяжбу не удалось, и в 1992 г. решением Цумадинского райсовета спорные земли были переданы в госземфонд (Жалоба от жителей села Сильди Цумадинского района ДАССР Камилова А.М., Сагитова Н., Ибрагимова М., Маликова С.Г. и других Председателю Президиума ВС ДАССР тов. Магомедову М.-А.М. от ...* 1990 г.; Протокол встречи с представителями джамаата с. Сильди от 4 июня 1991 г.; Протокол сельского схода колхозников колхоза им. Энгельса с. Кеди от 14 мая 1991 г. // Архив райкомзема Цумадинского района РД, с. Агвали; полевой материал В.О.Бобровникова, собранный в 1996 г. в Цумадинском районе РД и Махачкале; подробнее см.: *Бацадаса*: 1994).

Я так подробно остановился на тяжбе вокруг горы Игадах-меэр, потому что этот случай наглядно показывает, в чем сходство поземельных споров советского времени с дореволюционными и дореформенными конфликтами и в чем их разница. Как и прежде, поводом к таким столкновениям служили изменения административных границ, частые смены владельцев и пользователей угодий, а также перемены и ослабление государственной власти в Дагестане и России. Недаром «пики» обострения конфликта вокруг пастбищной горы приходятся на годы проведения нового районирования и начала коллективизации (1928), возвращение на Северный Кавказ депортированных чеченцев (1957–1961), переход власти в стране к Л.И.Брежневу (сер. 60-х годов) и конец «перестройки» (1991–1992). Главными причинами оставались земельный голод в горах и запутанность поземельных отношений, обостренная коллективизацией и массовыми переселениями 1944–1957 гг.

Если дореволюционная администрация Дагестанской области пыталась решать подобные споры в Дагестанском народном суде, настаивая на мирном урегулировании конфликта, то Советская власть предпочитала быстрые силовые действия. Своевременное применение войск и сил ОГПУ–НКВД–МГБ–КГБ в 1928 и 1966 гг. помогло

---

* Пропуск в названии документа.

властям временно затушить конфликт вокруг Игадах-меэр, но не смогло предупредить его возобновления через каждые 25–30 лет. В 60–80-е годы республиканские власти пытались опереться при решении поземельных споров на «полезные адаты» горцев. Фактически речь шла об использовании объявленного вне закона адатного медиаторства уже в новых, советских формах. Для достижения примирения-*маслахата* районные власти широко, хотя и не очень успешно использовали посредничество советов старейшин. Некоторые колхозы в обход советских законов обращались с этой целью к местным религиозным лидерам (ЦГА РД, ф. р-37, оп. 24, д. 31, л. 12). В постсоветское время в роли таких посредников чаще выступают сельские дибиры (полевой материал В.О.Бобровникова, собранный в 1995 г. в Цумадинском районе РД и Махачкале). Интересно отметить и применение такой заимствованной из адата меры, как выселение общины, виновной в совершении убийств и других тяжких уголовных преступлений, с ее земель. В то же время адатные обряды, до 30-х годов обязательно сопровождавшие урегулирование поземельных конфликтов, оказались полностью забыты уже к 60-м годам.

В народном правосознании постепенно менялось понятие источников обычного права. Арабские записи решений дореволюционных адатных судов, устанавливавшие границы спорных земель, уже в 30-е годы утратили значение юридического документа. Людей, способных прочесть их, становилось все меньше. Кроме того, многие документы были уничтожены и потеряны. Поэтому в послевоенные десятилетия право селения на владение спорной землей стали подтверждать живым свидетельством стариков. Например, так поступили сильдинцы в 1966 и 1991 гг. Только после крушения советского режима сохранившиеся адатные записи досоветских и ранних советских решений поземельных споров вновь обретают силу источника права в глазах не только простых горцев, но и местного начальства. Их бережно собирают в частных и мечетных архивах, а наиболее важные нередко переводят на русский и дагестанские языки. В 1997 г. в Махачкале за перевод с арабского одной страницы старого правового акта платили 50 руб. Наряду с дореволюционными документами в поземельных спорах апеллируют и к свидетельству стариков (полевой материал В.О.Бобровникова, собранный в 1995 г. в Махачкале).

Конфликт вокруг Игадах-меэр в Цумадинском районе хорошо показывает также неспособность Советской власти разрешить поземельные споры, унаследованные Дагестаном от дореволюционных времен. В 30–80-е годы большинство таких конфликтов временно затихли. Однако вместе с крушением стабильного советского режима в 90-е годы латентный период их развития закончился.

Сегодня вновь обострились десятки поземельных споров, уходящих корнями в досоветское время. Большинство из них, как и в 20-е годы,

сосредоточено в горных северо-западных и южных районах республики. Наиболее острые из них — это конфликты между селениями Анди и Гагатль, Ботлих и Тандо, Карата и Тад-Магитль, селениями Батлух, Могох, Заната, с одной стороны, и Гидатлем — с другой, селениями Годобери и Ансалта, Верхнее и Нижнее Казанище, Губден и Урахи, Верхнее и Нижнее Аршимахи, Ахты и Рутул, Хрюг и Калук, Лучек и Шиназ и др. (полевой материал В.О.Бобровникова, собранный в 1997 г. в разных сельских районах РД; ср.: ЦГА РД, ф. р-37, оп. 21, д. 9, 10, 14, 39; ф. р-127, оп. 17, д. 33, 55). Любопытно, что большинство из перечисленных выше конфликтов фигурировали в списке из 36 острых поземельных споров, составленном по данным земельных комиссий в 1928 г. Причем если в досоветское время все они носили характер чисто территориальных столкновений между отдельными небольшими общинами-джамаатами, то под влиянием советских национальных реформ 20–70-х годов приобрели этническую окраску (подробнее см.: *Бобровников*: 1998в). В такие споры оказались вовлечены окончательно оформившиеся при Советской власти национальные общины аварцев и кумыков, аварцев и даргинцев, лакцев и чеченцев, лезгин, рутульцев и цахуров.

Негативным последствием советских преобразований в постсоветском Дагестане стал целый ряд новых поземельных конфликтов. Центр их сместился в районы чересполосного расселения горцев и коренных жителей равнины в Терско-Сулакской низменности, а также к границе Дагестана с другими республиками Северного Кавказа и Закавказья.

Один из наиболее острых таких конфликтов завязался в 1991–1994 гг. между чеченскими и лакскими колхозами и совхозами Новолакского и Хасавюртовского районов Дагестана. Лакцы были насильно переселены на эти земли после депортации чеченцев-ауховцев в марте 1944 г. В 1991 г. на Съезде народных депутатов Дагестана было принято решение о возвращении потомкам депортированных чеченцев их прежних земель и перенесении Новолакского района на равнину севернее Махачкалы. Однако под влиянием сначала распада СССР, а затем чеченской войны 1994–1996 гг. это решение так и не было выполнено. Чеченские семьи начали захватывать под строительство домов земли лакских коллективных хозяйств. В ответ на это лакские крестьяне отказались покинуть занимаемые ими сейчас земли (подробнее см.: *Бобровников*: 1994, 18–20; Дагестан: этнополитический портрет: 1995, IV). Этот то затухающий, то вновь разгорающийся конфликт существенно обостряет обстановку на севере Дагестана.

Другим видом порожденных советскими реформами поземельных конфликтов стали столкновения между кумыками, ногайцами и терскими казаками, с одной стороны, и аварцами и даргинцами из числа горцев-переселенцев — с другой. Они периодически вспыхивают в поселках на равнине и в предгорьях со смешанным населением.

Характерным примером такого конфликта являются вооруженные столкновения 1991–1995 гг. между кумыками с. Старый Костек и аваро-даргинскими переселенцами, в 50-е годы основавшими соседний поселок Новый Костек. Причиной конфликта стала попытка новокостекцев разделить на приусадебные участки часть земель их общего со старокостекцами колхоза. Подобные столкновения происходили между аварскими переселенцами и ногайцами в совхозе поселка Главный Сулак под Махачкалой, между даргинцами и кумыками в с. Альбурикент и в некоторых других селениях (Тенглик. Махачкала. 1992, № 3; полевой материал В.О.Бобровникова, собранный в 1992 г. в Махачкале, Махачкалинском и Хасавюртовском районах РД).

ГЛАВА 13

Преступление и наказание на постсоветском Северном Кавказе

Уничтожение советской государственности в начале 90-х годов поставило перед Дагестаном ряд серьезных социально-правовых проблем. Как и после революции 1917 г., мусульманские народы Северного Кавказа оказались на перепутье. Вместо распавшейся советской судебно-административной системы в регионе пришлось срочно создавать новую организацию правосудия. Нужно было как-то помешать дальнейшему росту организованной преступности, захлестнувшей весь Северный Кавказ и особенно Чечню с Дагестаном. Пытаясь укрепить пошатнувшуюся пирамиду власти на местах, многие республиканские и федеральные политики попытались реанимировать дореволюционные институты сельской общины, суды по адату и шариату. Этой цели служат республиканские законопроекты «О сельской общине», «О местном самоуправлении» и «О третейских судах», разработанные в 1995–1996 гг. в Дагестане и в других субъектах Российской Федерации на Северном Кавказе.

Серьезные изменения претерпел правовой дискурс, в котором рассматриваются обычное и мусульманское право. Ключевыми понятиями правовых преобразований в регионе вместо отвергнутых классовых марксистских принципов стали **«горские традиции», «исламское возрождение»** и **«шариат».** Для постсоветских политиков разных ориентаций правилом «хорошего тона» стало афишировать свою приверженность горским традициям, бороться за исламское возрождение Северного Кавказа на основе законов шариата. В отличие от

Здание районной администрации с. Агвали,
взорванное в ходе выборов 1996 г.

своих дореволюционных и советских предшественников они ратуют не столько за развитие взаимодействия Северного Кавказа с Россией, сколько за поиск своего особенного пути правового развития, за возрождение самобытной правовой культуры региона.

1
Миф о шариате: страхи и надежды

Современную ситуацию в значительной мере определяет исламский бум, начавшийся на Северном Кавказе в последние годы «перестройки». Центром его стал Дагестан, в основном аварские, даргинские и кумыкские районы на северо-западе республики. Российские и зарубежные политологи совершенно справедливо называют Дагестан самой исламизированной республикой Российской Федерации (*Shikhsaidov*: 1999, 59; ср.: *Малашенко*: 1998, 75–77; *Matveeva*: 1999, 38).

Цифры говорят сами за себя. С 1985 по 2001 г. в городах и селениях Дагестана открылось более 1500 мечетей и несколько тысяч молельных домов (авар. *къулIа*, анд. яз. *къулла*, *къурма*, дарг. *кьулла* — от араб. *кул'а*). К осени 2001 г. в республике было зарегистрировано 1585 мечетей (в том числе 917 соборных — *джума*), 1820 мечетных общин (*джамаатов*) против 27 в 1985 г. (полевой материал В.О.Бобровникова, собранный в сентябре 2001 г. в Махачкале; см. также статистику на официальном сайте Правительства РД за май 2000 г. — http://www.dagestan.com.ru), что составляет более половины всех действующих мечетей и мечетных общин Российской Федерации (*Roshchin*: 2000, 4). При мечетях работают 203 начальные (*мектеб*) и 36 средних (*медресе*) школ, 12 исламских вузов и 33 филиала высших исламских учебных заведений (*Макаров*: 2000, 5; см. также: Дагестан на рубеже веков: 1998, 248; *Шихсаидов*: 1999в, 109–110). Во второй половине 90-х годов в хаджж ежегодно отправлялось 12–14 тыс. дагестанцев (Ас-Салам. Махачкала, мухаррам 1417/май 1997 г., № 5; шаввал 1418/февраль 1998 г., № 3; полевой материал В.О.Бобровникова, собранный в 1999–2000 гг. в Москве и Махачкале; подробнее см.: *Бобровников*: 1998а, 31). Духовное управление мусульман Дагестана (ДУМД), выделившееся в 1992 г. из распавшегося вместе с СССР Духовного управления мусульман Северного Кавказа (ДУМСК), — самый влиятельный муфтият на Северном Кавказе. Во второй половине 90-х годов руководство ДУМД добилось поддержки правительства республики. Председатель Народного Собрания РД М.Г.Алиев не раз отмечал, что «без религии нет нашей истории,

и мы будем помогать именно нашим традиционным религиозным течениям... и укрепим в этих целях позиции Духовного управления» (цит. по: *Шихсаидов:* 1999в, 113; подробнее см.: *Бобровников:* 2000а, 158–163).

В других мусульманских республиках Северного Кавказа (за исключением Чечни) «исламское возрождение» чувствуется гораздо слабее. Так, к январю 1997 г. в Адыгее было зарегистрировано только 14 мечетных общин, в Ингушетии — 6, в Кабардино-Балкарии — 96, в Карачаево-Черкесии — 91, в Северной Осетии–Алании — 17 (*Емельянова*: 1999, 101). По числу восстановленных мечетей и мечетных общин на северо-западе региона лидирует Кабардино-Балкария. К началу третьего тысячелетия здесь насчитывалось 140–160 сельских и городских мусульманских общин (*Бабич:* 2001, 131). Официальных данных по Чечне нет, но, по подсчетам А.В.Малашенко, общее количество соборных мечетей тут к 1998 г. достигло 1000. В 1991–1994 гг. в Грозном работал крупнейший в постсоветской России мусульманский вуз — Государственный исламский институт (*Малашенко*: 1998, 76, 80). Примечетных школ во всех вместе взятых северокавказских республиках меньше, чем в одном Дагестане. Число участников хаджжа в северокавказских республиках в сотни раз меньше, чем в Дагестане. Основную массу хаджжи из России составляют дагестанцы.

В условиях религиозного бума исламский фактор активно используется в пропагандистских целях большинством дагестанских и федеральных политиков. Внимание государственных деятелей, журналистов и ученых в последнее время приковано к шариату. В российских средствах массовой информации оживленно обсуждается вопрос о введении в мусульманских регионах страны мусульманского права. Начало этих дебатов относится к концу 1996 – весне 1997 г., когда в Чеченской Республике начали работать первые официально учрежденные в постсоветской России шариатские суды. И сразу же российское общественное мнение раскололось на два лагеря: сторонников и противников шариата (подробнее об этом см.: *Bobrovnikov*: 2000, 25).

Большинство председателей духовных управлений, имамов соборных мечетей и иных религиозных деятелей выступают за введение «законов шариата» для российских мусульман. Для них это панацея, магическое средство, способное решить все социальные и правовые проблемы современности. Мусульманское право и шире — шариат воспринимаются как орудие национального возрождения российских мусульман, их социального развития и интеграции с зарубежным исламским миром. Только шариат способен справиться с ростом преступности и социальной нестабильности в таких «горячих точках» постсоветской России, как Северный Кавказ. Такие надежды характерны в целом для постсоветских мусульман. В частности, согласно проводившимся в середине 90-х годов социологическим опросам,

свыше 50% узбеков полагали, что «только в исламе можно найти решение многих проблем Узбекистана» (*Малашенко*: 1999, 61).

Крайнюю позицию в вопросе о шариате занимают сторонники радикально-реформаторского движения в исламе — дагестанские «ваххабиты», — выступающие за «очищение» постсоветского мусульманского общества от «не дозволенных исламом новшеств» (*бида'*) и за возвращение к правовым нормам времен праведных первых мусульман (*ал-аслаф*, араб. мн. от ас-*салаф*). По их мнению, необходимо превратить Северный Кавказ в исламское государство с шариатскими судами и полицией нравов (*мухтасибун*), которая будет карать виновных в продаже и употреблении алкоголя, табака и наркотиков. Только подобные радикальные меры могут очистить северокавказское общество от преступников и многобожников (*мушрикун*) и вернуть его в «золотой век» чистого ислама времен пророка Мухаммеда и «праведных» халифов (подробнее см.: *Бобровников, Ярлыкапов*: 1999, 19–20). Так считает, например, крупнейший идеолог «ваххабитов» на Северном Кавказе Багаутдин Кебедов (или Багаутдин Мухаммад, как он предпочитает называть себя на арабский лад) (см. его интервью с московским востоковедом М.Ю.Рошиным летом 1997 г.: НГ-Религии. М. 24.11.1999).

Несмотря на принципиальные расхождения с «ваххабитами», сходной позиции придерживаются и «традиционалисты» — умеренно настроенные имамы, официально признанные федеральными и дагестанскими властями. Наиболее отчетливо и ярко их точку зрения по этому вопросу выразил бывший председатель ДУМД, дагестанский муфтий С.-М.Абубакаров. Незадолго до своей гибели в августе 1998 г. он говорил в интервью корреспонденту «Известий»:

«Помните, смертная казнь по решению шариатского суда в Чечне? (Речь идет о показанном в апреле 1997 г. по российскому телевидению расстреле подозреваемых в похищении заложников двух человек по приговору одного из шариатских судов в г. Грозном. — *В.Б.*) Сколько шуму, повторов, душераздирающее что-то было! Даже те, кто был согласен с таким решением, и тот задумывался, все внутри переворачивалось. Но задуматься надо над другим. Что делать с теми, кто ворует людей, торгует ими как живым товаром, а иногда убивает и уже трупами торгует? Я рассматриваю шариатский суд — это средство профилактики других убийств, а не жестокость. Сегодня преступник знает, что за него договорятся, решат как-то, нет неотвратимости наказания. По шариату ответственность полная — разве это не хорошая профилактическая мера?» (Известия. 25.08.1998; сохранен стиль подлинника. — *В.Б.*).

В этом высказывании ярко отразилась двойственность отношения к шариату современной мусульманской элиты Дагестана. С одной стороны, шариатское правосудие представляется несравненно более

Муфтий Дагестана Сайид-Мухаммед Абубакаров,
погибший в результате теракта
в августе 1998 г.

действенным, чем светские государственные суды. С другой — почти на уровне подсознания сказывается влияние норм жизни в светском обществе — казнь и телесные наказания по мусульманскому праву (*худуд*, *раджм*) воспринимаются как нечто дикое и несуразное для конца XX столетия («душераздирающее», «все внутри переворачивалось»).

Как ни странно, чисто светская публика, имеющая смутное представление о шариате, подобно «ваххабитам», гораздо категоричнее высказывается в поддержку введения шариатских судов. Отношение к шариату московской интеллигенции неплохо передает интервью А.Иванова, корреспондента одной из московских газет, с членом чеченской «шариатской гвардии» вскоре после трансляции по российскому телевидению публичных казней в Чечне. Репортаж под названием «Я искореняю зло» рассказывает о палаче из «шариатской гвардии», приехавшем в Москву выполнить приговор шариатского суда. Но у журналиста представитель этой презираемой всеми профессии вызывает нескрываемую симпатию. Он рисует перед читателями образ сурового, фанатичного, но чистого и по-своему справедливого человека,

свято следующего «горским традициям» чеченцев. Остановить карающий меч шариатского правосудия не может ни разложившаяся российская армия, ни одряхлевший постсоветский закон. Общий настрой интервью удивительно напоминает процитированные выше высказывания сторонников шариата из числа мусульманских имамов. Не случайно это интервью было перепечатано одной из дагестанских «ваххабитских» газет (Знамя ислама. Махачкала, 1997, № 5 (09), 6).

По мнению многих столичных журналистов и политологов, только введение шариатского правосудия способно удержать современную Чечню и ее соседей от скатывания в пучину беззакония и анархии. В этом отношении весьма показательно высказывание бывшего высокопоставленного номенклатурного работника, сотрудника одного из идеологических подразделений при ЦК КПСС, а ныне независимого политолога А.С.Ципко: «Надо смотреть на вещи трезво. Законы шариата, спасающие чеченцев от саморазложения, в сто раз прогрессивнее, чем законы и культура, стимулирующие самоистребление народов (здесь имеются в виду западные демократические ценности. — *В.Б.*)» (Независимая газета. 13.02.1997).

Похожие взгляды разделяют и другие российские журналисты, например Г.Ковальская (Итоги. 10.09.1996), и даже некоторые этнологи. Среди последних следует отметить типичную для советской этнографической школы с ее увлечением «местными традициями» точку зрения одного из ведущих постсоветских этнологов С.А.Арутюнова, заведующего Отделом народов Кавказа Института этнологии и антропологии РАН. Возможное урегулирование чеченского кризиса он видит в создании для чеченских и дагестанских мусульман «джамаатно-кантонных объединений (т.е. возрождение сельских мусульманских общин. — *В.Б.*)», в рамках которых «должны действовать... адатно-шариатные суды, к ведению которых следует отнести широкий круг вопросов, касающихся внутренней жизни общины: нарушение прав женщин, семейно-брачные отношения, процедуры улаживания различных споров, в отдельных случаях даже связанных с убийством (процедура примирения кровников)» (*Арутюнов*: 2000; ср.: *Арутюнов*: 1999, 16).

В российском общественном мнении шариат вызывает не только надежду, но и страх. «Исламская угроза» на Северном Кавказе пугает как столичные средства массовой информации разных ориентаций, так и чиновников из администрации президента (см., например: Московский комсомолец. 11.11.1997). К убежденным противникам шариата относятся К.М.Цаголов, заместитель бывшего министра РФ по делам национальностей В.М.Михайлова, бывший крупный чиновник президентской администрации при Б.Н.Ельцине А.В.Логинов (кстати, в прошлом преподаватель кафедры этнографии исторического факультета МГУ) и другие аппаратчики (подробнее см.: *Бобровников*:

2000a: 151–152). Судя по публикациям столичных газет, эти страхи разделяют не только ЛДПР, русские националисты и коммунисты, но и сторонники демократической ориентации в российском правительстве и Госдуме (см., например: Независимая газета. 18.03.1998; подборку «исламофобских» взглядов российских политических движений см.: *Капаева*: 2000, 6–8).

Время от времени центральные средства массовой информации тиражируют среди обывателей «шариатские страшилки», муссируя представление о шариатском суде как о сборище невежественных бородатых изуверов, стремящихся перерезать всех «неверных». Московские газеты начинают пестрить исламофобскими заголовками типа «Джихад подошел к границам Дагестана» (Известия. 10.02.1998), «Кавказ все больше тлеет джихадом» (Известия. 21.04.1998), «„Фронт освобождения" приблизился к Ставрополью» (Известия. 25.04.1998), «Затишье в Дагестане тревожнее криков „Аллах акбар!"» (Новые Известия. 29.05.1998), «Воины Аллаха выбирают Кавказ» (Время МН. Сентябрь 1999 г.), «Исламские волки убивают российских солдат» (Коммерсант-дейли. Сентябрь 1999 г.), «Шариатское право по-чеченски» (Особая папка НГ. Чечня-2000, № 2, 29.02.2000), «Под знаменем „зеленого интернационала"» (Независимая газета. 13.10.2000). Наибольшей остроты и массовости эти публикации достигают в периоды обострения чеченского конфликта.

По справедливому замечанию Р.Г.Абдулатипова, «на фоне войны в Дагестане и ухудшающейся обстановки на Северном Кавказе в целом в России укрепляется стереотипное представление о любом мусульманине как об исламском экстремисте» (Северный Кавказ: ислам в политике и политика в исламе. «Круглый стол» в Московском Центре Карнеги 19 августа 1999 г.). Под влиянием многолетней антимусульманской пропаганды советского времени все связанное с исламом пугает российского обывателя. Исламофобией сегодня заражены широкие слои российского общества, в первую очередь жители Центральной России.

Интересно отметить, что как страх перед шариатскими судами, так и надежда на их введение основаны на одном и том же мифе о шариате. Основные его черты таковы. Во-первых, это предельно узкое понимание шариата как такового. И его сторонники, и его противники обычно сводят шариат к некоторым элементарным нормам мусульманского уголовного права (*худуд*). Огромное поле религиозных и правовых норм, на котором в действительности строится мусульманское право (*ал-фикх*), остается за рамками дискуссии. Ведь шариат включает в себя также брачно-семейное, торговое, международное и прочие отрасли права. В целом это чрезвычайно гибкая правовая система, способная приспосабливаться к самым различным типам общественного устройства.

Большинство участников дискуссии имеют смутное представление о специфике бытования мусульманского права на средневековом и дореволюционном Северном Кавказе. Они не отмечают и, как мне кажется, не замечают существенных различий между шафиитской правовой школой, традиционно господствующей в Дагестане, Чечне и Ингушетии, и ханафитским мазхабом, издавна преобладающим на остальной территории Северного Кавказа и в других мусульманских регионах России. Похоже, именно такое незнание подтолкнуло правительство З.Яндарбиева ввести в 1996 г. на территории Чеченской Республики Уголовный кодекс, полностью скопированный с суданского 1992–1993 гг. и основанный на маликитской правовой традиции (подробнее см.: *Бобровников*: 1999в, 63). К тому же участники спора о шариате плохо представляют себе многочисленные искажения исламской правовой доктрины, случающиеся в практике постсоветских шариатских судов (см. подробнее: *Peters*: 1994, 263–266, 268).

Недаром в общественной дискуссии не участвуют ни практикующие мусульманские юристы, ни светские ученые, занимающиеся теорией фикха. В нее оказались вовлечены политики, журналисты и гуманитарии (политологи, социологи и этнологи), далекие от мусульманского права и даже исламоведения. Единственным исключением из правила является Л.Р.Сюкияйнен из Института государства и права РАН в Москве, ведущий российский светский эксперт по вопросам мусульманского права. Однако его позиция не укладывается в общую канву спора. В отличие от других участников дискуссии он полагает, что хотя на Кавказе «правовое развитие... в перспективе вообще вряд ли возможно без обращения к основам шариата», но на сегодняшний день нельзя говорить об использовании в судебной практике региона адекватных шариату правовых норм (НГ-Религии. 27.02, 23.10.1997, 16.07.1998).

Во-вторых, миф о шариате исходит из распространенного в научной и околонаучной среде превратного представления о «традиционности» современного горского общества, с которым мы не раз сталкивались на страницах этой книги. В утрированной, но зато обнаженной форме оно присутствует в рассуждениях московских журналистов. В частности, сторонник шариата А.Фадин в статье «„Исламский порядок“ против анархии» пишет: «Чеченское общество в значительной степени еще догосударственное, традиционное, оно живет по обычному, а не писаному праву». По его мнению, современный закон может победить в таких условиях, только пройдя через своего рода правовую революцию, а «публичные казни по приговору шариатского суда, похоже, как раз и есть начало неизбежно кровавого огосударствления Чечни» (Общая газета. 18–24.09.1997).

Существует и прямо противоположная, также априорная точка зрения, что в ходе советских преобразований традиционные институ-

ты горского общества погибли и были замещены аналогичными советскими структурами. Многие противники шариата уверены, что после распада Советского Союза на Северном Кавказе образовался вакуум власти, быстро заполняющийся криминальными структурами. В борьбе за власть последние пытаются опереться на шариат и прочие «чисто средневековые жестокости». Цель «шариатистов» — подчинить себе российское общество, запугав и терроризировав его (см., например: Известия. 14.08.1999). В данном случае шариат понимается как «правовой беспредел по-чеченски», ассоциирующийся с публичными порками, побиванием камнями, грудами отрубленных рук (Особая папка НГ. Чечня-2000, № 2, 29.02.2000).

Третья основа постсоветского мифа о шариате заключается в представлении об извечном противостоянии ислама российскому владычеству на Кавказе и в других мусульманских регионах Востока. Недаром крайние сторонники шариата из числа северокавказских «ваххабитов» видят в исламе силу, способную развалить Российскую Федерацию, лишив Москву ее «имперских колониальных амбиций». Так, Багаутдин Кебедов как-то заявил, что «Дагестан может остаться в составе России, только если она станет мусульманским государством», отождествляя исламизацию России с ее распадом (Независимая газета. 29.01.1998).

С этой мифологемой мы уже встречались, рассматривая дореволюционную мусульманскую политику Российской империи. Действительно, это клише опирается на теоретические построения идеологов поздней колониальной эпохи, вроде генерал-губернатора Туркестанского края С.М.Духовского и обер-прокурора Святейшего Синода К.П.Победоносцева, вечно боявшихся появления на восточных окраинах империи призрака исламского повстанчества (подробнее см.: *Bobrovnikov*: 2000, 25; *Бобровников*: 2001в, 72–99). Подавление государством ислама сначала в Российской империи, а затем в СССР помогло этому призраку воплотиться в жизнь.

Сегодня восприятие ислама как антироссийской силы стало основой идеологии национальных антироссийских движений на Северном Кавказе, в первую очередь в Чеченской Республике. Чтобы представить эту идеологию, достаточно обратиться к любому из бесчисленных проектов освобождения мусульман Северного Кавказа от власти России путем создания на основе шариата исламского государства. На эту тему есть множество публикаций, появившихся в северокавказских средствах массовой информации в 90-е годы. Возьмем для примера проект чеченского исламского государства, разработанный А.Х.Дудаевым, ранее заведовавшим кафедрой исламской философии Чеченского государственного университета в г. Грозном.

В шариате автор видит основу будущей чеченской демократии, которая представляется ему в форме «конституционной теократии»

(т.е. исламской республики). Последняя «является единственной альтернативой западному и российскому политически и идеологически проституированному... а потому агрессивному (?! — *В.Б.*) конституционализму». Кадры чеченского исламского государства автор предлагает готовить «на факультете Шариата (разумеется, включая и чеченское обычное право) Исламского Государственного Университета ЧРИ» (*Дудаев*: 1998, 1–6). Такие абстрактные схемы, полные пылких натяжек и никак не связанные с действительностью, во многом определяют сегодня видение шариата политическими элитами на Северном Кавказе. Их авторы обнаруживают знакомство скорее с марксистской диалектикой в ее советском понимании, чем с фикхом и шариатом. Недаром А.Х.Дудаев ссылается в своей статье не на труды мусульманских ученых, а в основном на работы занимающихся исламом современных российских политологов.

2

Шариатские суды в постсоветской действительности

Если судить только по дискуссии, развернувшейся в российских средствах массовой информации вокруг вопроса о введении шариатского правосудия, можно подумать, что подавляющее большинство коренного населения Северного Кавказа вернулось к строгому соблюдению норм ислама и уже строит свою жизнь по законам шариата. Такую ошибку совершают даже видные российские политологи и этнологи, правда не занимающиеся специально Северным Кавказом (см., например: *Малашенко*: 1998, 74; *Арутюнов*: 1999, 16). Представление это глубоко ложное. В повседневной жизни постсоветского Кавказа, как и в целом в Российской Федерации, шариатский суд занимает пока весьма скромную нишу.

Шариат так и не получил государственного признания de jure. В 1996 г. по новой редакции Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ) были декриминализированы некоторые нормы шариата (в частности, многоженство), прежде приравнивавшиеся к тяжкому уголовному правонарушению по ст. 212 и 235. В последней редакции федерального закона «О свободе совести и религиозных объединениях», принятого в 1997 г., ислам был назван среди религий, «составляющих неотъемлемую часть исторического наследия народов России» (Собрание законодательства Российской Федерации. 1997, № 39, ст. 4465, с. 7666), однако шариатские суды так и не были признаны федеральными и республиканскими властями.

В пику новой российской Конституции шариат был признан одним из основных источников права в Чечне и Ингушетии. В декабре 1997 г. в Ингушетии согласно указу президента Р.Аушева принят закон о мировых судьях, обязывающий их «руководствоваться нормами адата и шариата» (ст. 3) (подробнее см.: *Бобровников*: 1999в, 63). Однако этот закон так и не был осуществлен на практике. Вскоре после его принятия появился федеральный закон о мировых судьях, автоматически упразднивший ингушский законопроект.

Еще раньше, в 1996 г., Чечня была объявлена исламской республикой. Преамбула конституции ЧРИ провозгласила «Коран и шариат основными источниками законодательства». И.о. президента ЧРИ З.Яндарбиев отменил на территории республики действие советских и российских законов. Народные суды были упразднены. Вместо них вводилась новая шариатская иерархия правосудия, включая сельские, городские и районные шариатские суды, подчинявшиеся Верховному шариатскому суду в Грозном, облеченному правом пересмотра их решений. Был срочно переведен с арабского на русский и введен в действие Уголовный кодекс Судана, в целом придерживающийся норм шариата (*Акаев*: 1999, 102)*.

Однако осуществить широкую программу исламизации уголовного законодательства и судопроизводства в Чечне пока не удалось. Разработка там шариатского законодательства и его согласование с иными системами права, действующими на ее территории, рискуют затянуться на долгие годы, если не полностью провалиться. После более чем 50-летних антимусульманских гонений в республике не осталось разбирающихся в мусульманском праве юристов и грамотных шариатских судей. В 1996–1997 гг. в Чечне были спешно созданы «ликбезовские» курсы для подготовки кадров шариатских судов, но их выпускники продемонстрировали крайне низкий уровень не только шариатской, но и в целом юридической грамотности. В наспех сделанный перевод УК ЧРИ вкрались досадные ошибки. Не были полностью переведены в понятную местным мусульманам систему штрафы, порой исчисляющиеся в суданских фунтах и верблюдах

---

* Рецепция уголовных норм шариата в законодательство постсоветской Чечни 1996–1999 гг. еще ждет своего исследователя. Это крайне любопытный, но и очень темный вопрос. Никто еще не пробовал сравнить тексты чеченского и суданского УК. Эта задача осложняется малой доступностью чеченского кодекса 1996 г. Хотя он и публиковался в грозненских газетах, но их сейчас крайне сложно достать. Насколько мне известно, экземпляров Чеченского УК 1996 г. нет ни в одной из центральных российских библиотек. Некоторый свет на эту проблему может пролить исследование арабского текста Суданского кодекса 1992–1993 гг., а также материалы, опубликованные М.Т.ал-Каббаши, председателем Специального суда по общему праву и Апелляционного суда, главой органов суданской юстиции при режиме Нимейри, при котором началась шариатская трансформация уголовного законодательства страны (*ал-Каббаши:* 1986, 1–134).

(полевой материал В.О.Бобровникова, собранный в 1998–2000 гг. на Северном Кавказе).

Нормальной работе созданных в 1996 г. шариатских судов в Чеченской Республике мешали также слабость властных структур и сложившаяся в последние годы опасная криминогенная обстановка. Полевые командиры, сосредоточив в своих руках всю полноту власти на местах, не подчинялись обвинительным приговорам шариатских судов, вынесенным им самим или бойцам из их отрядов. Они превратили районные шариатские суды в средство сведения счетов с политическими противниками, подобное военно-шариатским судам времен Гражданской войны. Часть шариатских судов в Чечне возглавили Хаттаб, А.Бараев, А.Межидов и другие полевые командиры из числа «ваххабитов». Другие суды перешли в руки резко враждебных по отношению к «ваххабитам» сторонников суфийских братств (*тарикатов*) накшбандия и кадирия, включая бывшего муфтия ЧРИ А.Кадырова.

Обе стороны не раз обвиняли друг друга в нарушении шариата. Между отрядами шариатской гвардии, созданными при «ваххабитских» и «тарикатистских» шариатских судах, время от времени происходили вооруженные столкновения (см., например: Мир за неделю. № 7, 09–16.10.1999; Версты. № 71, 20.06.2000; Время МН. 26.07.2000). Самой кровопролитной была стычка между «ваххабитами» и гвардейцами полевого командира С.Ямадаева, держащего сторону «тарикатистов», 14 июля 1998 г. в Гудермесе. По официальным, несколько заниженным данным, в ней погибло более 30 «ваххабитов», несколько гвардейцев и 10 мирных жителей (*Акаев*: 1999, 103). Правительство А.Масхадова оказалось бессильным остановить дальнейшее углубление конфликта. Накануне второй чеченской войны работа шариатских судов была парализована двоевластием в Чечне.

Верховный шариатский суд ЧРИ со времени своего создания враждовал с парламентом, оспаривая у последнего полномочия высшей законодательной власти в Чечне. Отношения между двумя ветвями высшей законодательной власти в республике окончательно зашли в тупик в январе 1999 г., когда парламент объявил Верховный шариатский суд неконституционным органом, а последний, в свою очередь, приостановил деятельность парламента. Чтобы разрешить конфликт, по предложению главы оппозиции Ш.Басаева 3 февраля 1999 г. президент Масхадов распустил парламент, объявив о введении в республике «полного шариатского правления» и создании Государственного совета (Шура) из авторитетных мусульманских алимов и полевых командиров. Однако оппозиция не признала власть президентской Шуры. В Чечне возникло две Шуры — масхадовская и басаевская — и соответственно два Высших шариатских суда (*Акаев*: 1999, 106–107). Начало в сентябре 1999 г. второй чеченской войны

отодвинуло возможность создания жизнеспособных шариатских институтов на неопределенное время.

В Чечне введение шариата оказалось политическим блефом, козырной картой в противоборстве военно-политических группировок. Чеченские шариатские суды имеют небольшое отношение к реальной шариатской практике. В своей деятельности они не раз грубо нарушали основные нормы мусульманского права. Руководившие ими полевые командиры участвовали в похищениях людей, торговле оружием и наркотиками (Совершенно секретно. № 6, 2000, 8–9). По непроверенным сведениям, после переселения в г. Урус-Мартан Багаутдин Кебедов или один из его соратников издал фетву, позволяющую шариатским гвардейцам совершать похищения российских милиционеров с целью обмена их на содержащихся в плену «ваххабитов». Текст фетвы был опубликован в 1998 г. в грозненской газете «Аль-Каф». О ее существовании мне не раз сообщали мои респонденты, но обнаружить номера газеты с ее текстом так и не удалось.

На востоке Северного Кавказа шариату de facto удалось занять небольшую нишу в жизни сельских и городских мечетных общин. Согласно моим полевым материалам и по сообщениям дагестанской прессы (см., например: Голос правды. Махачкала, 1992, № 10; Дагестанская правда. 03.03.1994; Новое дело. 01.04.1994), в десятках горных и предгорных колхозов сельские администрации (не всегда гласно) вернули мечетям большую часть приписанных к ним до коллективизации частных пашен и садов (*вакфов*), управляющихся по нормам мусульманского права (*Бобровников*: 1997в, 137–138). Вопреки российским и республиканским законам дореволюционные списки вакфов, сохранившиеся в частных библиотеках, получили юридическую силу. Общественное мнение селения следит за тем, чтобы новые владельцы мечетных земель вносили в мечетную кассу положенную часть урожая. В Цумадинском районе мне случилось быть свидетелем троекратного перераспределения сельских вакфов — в 1993, 1996 и 1999 гг. (полевой материал В.О.Бобровникова, собранный в 1992–2001 гг. в разных сельских районах РД).

На Северо-Западном Кавказе реституции вакфов пока не произошло. Нет достоверных сведений и о появлении шариатских (или исламских) судов. Собранные И.Л.Бабич и некоторыми другими исследователями материалы говорят о функционировании здесь лишь российских народных и местных медиаторских судов (*Бабич:* 1999, 191–194, 205–209, 218; *Трофимова:* 2001, 206–209). Подавляющее большинство их находится в джамаатах Северного Дагестана, единичные шариатские суды появились в общинах северокавказских мигрантов в Ставропольском крае и Астраханской области. Работа шариатских судов на постсоветском Северном Кавказе еще плохо изучена. В литературе практически нет описаний их работы, сделанных очевидцами.

Одно из редких исключений — характеристика деятельности шариатского суда в переселенческом дагестанском селении Кироваул в 50 км к западу от Махачкалы, принадлежащая перу Д.В.Макарова, научного сотрудника московского Института востоковедения.

Автор проводил полевое обследование в Кировауле вскоре после образования там шариатского суда и шариатской гвардии. Интересно отметить, что оба этих института были созданы совместно общинами «ваххабитов» и «традиционалистов», на которые в начале 90-х годов раскололось селение. Ввиду чрезвычайной важности этого источника, опубликованного по-английски в Бюллетене лейденского Института по изучению ислама в современном мире (ISIM Newsletter), я решил привести его текст почти полностью:

«...сход жителей Кироваула постановил в мае 1998 г. создать шариатский суд и шариатскую гвардию для борьбы с употреблением алкоголя и наркотиков, воровством и моральной распущенностью. Тарикатисты и ваххабиты имеют равное представительство среди шести судей (по три наиболее компетентных алима с обеих сторон) и в гвардии, насчитывающей около 40–50 человек. На стенах мечети стали регулярно вывешивать бюллетени, уведомляющие население о принципах деятельности шариатских структур. Затем шариатская гвардия начала патрулировать улицы селения, главным образом ночью.

Все задержанные на улицах в состоянии опьянения или уличенные в воровстве предстают перед судом, который определяет заслуженное ими наказание в соответствии с шариатом. Конечно, такие меры наказания, как отрубание руки и побивание камнями, никогда не применяются, и единственным видом наказания остаются палочные удары. Их количество зависит от вида преступления. В Кировауле не проводится публичных порок. Все наказания приводятся в исполнение в здании медресе. При них присутствуют только члены суда и гвардии. Однако имена наказанных тотчас становятся известны в селении.

По крайней мере в первый месяц своего существования шариатская гвардия не встречала серьезного противодействия со стороны правонарушителей или их семей. Наоборот, некоторые женщины, страдавшие от пьянства своих мужей, начали просить шариатскую гвардию вмешаться и приструнить их. Большинство моих респондентов из Кироваула согласны, что с введением шариата ситуация в селении стала более спокойной и менее напряженной; количество краж и других преступлений снизилось...

Успехи по введению шариата объясняются некоторыми особенностями небольшой общины Кироваула, в частности весьма высокой религиозностью населения; довольно сильными традициями самоуправления у горцев и недавних переселенцев, привыкших решать свои внутренние проблемы самим, без обращения к властям... Кроме того,

практически все жители Кироваула связаны узами близкого или далекого кровного родства; таким образом, выступление против шариатской гвардии здесь равносильно выступлению против своих собственных родственников, что считается у горцев крайне предосудительным» (*Makarov*: 1998, 19).

Описание шариатского суда, сделанное в общине, около трети населения которой принадлежит к «ваххабитам», в целом подтверждает мои наблюдения над их деятельностью как в чисто «традиционалистских» джамаатах, вроде Агвали и Хуштада, так и в таких «ваххабитских» селениях, как Кванада и Саситли, откуда происходят лидеры дагестанских «ваххабитов» Б.М.Кебедов и А.А.Омаров. Таким образом, несмотря на вражду, разделяющую джамааты «ваххабитов» и их противников, шариатские суды, созданные обеими сторонами, имеют немало сходства.

Этот институт возглавляет, как правило, имам соборной мечети (*дибир/эфенди/кади*). По пятницам он председательствует на заседаниях совета старейшин джамаата. Шариатские суды разбирают мелкие уголовные и брачно-семейные дела, оформляют завещания (подробнее см.: *Бобровников*: 1999в, 63). Мой опыт полевой работы в Северном Дагестане показывает, что в основном их деятельность сводится к нотариальным функциям. Наряду с нормами фикха сельские кади вынуждены применять положения российского законодательства, например при оформлении разводов, а также некоторые принципы местного адата. К последнему обращаются, разбирая поземельные тяжбы между колхозниками, ссоры, возникающие из-за пользования оросительными каналами (полевой материал В.О.Бобровникова, собранный в 1992–1997 гг. в Хасавюртовском, Хунзахском, Цумадинском районах РД).

В некоторых крупных горных селениях Дагестана при мечетях из молодежи 20–30-летнего возраста созданы отряды шариатской гвардии, заменившей собой дружинников позднего советского времени. В их функции входит поддержание общественного порядка на улицах, приведение в исполнение приговоров председателя шариатского суда.

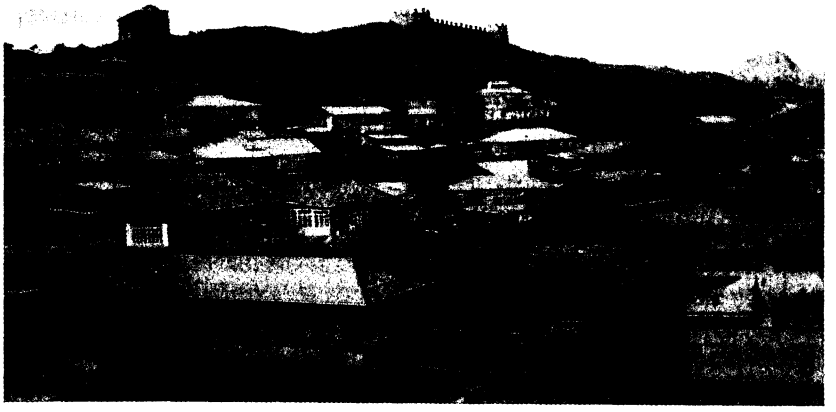
Председатели возрожденных шариатских судов нередко входят в состав сельских и районных администраций. Наиболее авторитетные из них участвуют в разборе по адату или шариату участившихся в последнее время поземельных тяжб между селениями. Например, в 1991 г. в Цумадинском районе Дагестана спор за пастбищную гору между селениями Саситли, Кеди и Сильди разбирался с участием М.-С.Абакарова, возглавляющего шариатский суд при соборной мечети г. Хасавюрта, и его коллег С.-Г.Пирмагомедова из с. Агвали и М.-С.Газиева из с. Хуштада. С.-Г.Пирмагомедов представлял Цумадинский район на Съезде народов Дагестана, проходившем в 1992 г.

в Махачкале (полевой материал В.О.Бобровникова, собранный в 1995–1997 гг. в Цумадинском районе РД).

Но все же основными органами правосудия у мусульман Северного Кавказа являются российские народные суды. После советской эпохи российское право, с одной стороны, адат и шариат — с другой, существуют как бы в разных плоскостях. Например, шариатский брак (*никах*) сейчас российским законом игнорируется. В случаях многоженства *никах* просто регистрируется местным муллой. Только в некоторых дагестанских общинах, контролировавшихся «ваххабитами», при введении шариатских судов все государственные органы судебной власти были распущены. Последовательно этот принцип был проведен в жизнь лишь в четырех даргинских селениях Буйнакского района Дагестана — Карамахи, Чабанмахи, Дуранги и Кадар. В августе 1998 г. они объявили себя «самостоятельной исламской территорией, управляемой по законам шариата». Об этом уведомляли надписи, поставленные при въезде в селения. Представители милиции и сторонники враждебного «ваххабитам» ДУМД вынуждены были покинуть селения (НГ-Религии. 24.11.1999; *Roshchin*: 2000). Однако опыт «шариатского правления» карамахинцев оказался недолог. Летом 1999 г., воспользовавшись вторжением в Северный Дагестан отрядов «ваххабитов» из Чечни, ДУМД сумело склонить на свою сторону руководство федеральных сил и подавить карамахинских «ваххабитов» (*Roshchin*: 2000; Moscow Times. 01.09.1999).

Завершая описание шариатского суда, Д.Макаров делает вывод о «весьма ограниченном размере исламизации в Кировауле». По его мнению, воссоздание шариатских судов в регионе имеет только местное значение и пока не способно помочь решению серьезных проблем постсоветского Северного Кавказа, таких, как торговля наркотиками, похищение людей, урегулирование поземельных споров. Поэтому дагестанские мусульмане по-прежнему чаще обращаются к государственному законодательству (*Makarov*: 1998, 19). С этим выводом нельзя не согласиться. Успех введения шариатских судов в мелких горных селениях Северо-Восточного Кавказа объясняется относительно стабильной обстановкой в них. Тяжелые уголовные правонарушения встречаются тут крайне редко, порой раз в десятилетие. А в больших городах и даже в сельских райцентрах на равнине шариатские суды, лишенные эффективных средств принуждения, не имели успеха.

Почему же шариатское правосудие малоэффективно даже в современном Дагестане? На мой взгляд, причину этого нужно искать в изменении обстановки в регионе под влиянием советских преобразований. Как ни относиться к советскому наследию в истории Северного Кавказа, нельзя не отметить происшедшую здесь при Советской власти секуляризацию общественной организации и правовой культуры. Культурная революция 20–60-х годов дала горцам всеобщую

Старый и новый Кумух

грамотность и массовую светскую культуру. В то же время основы высокой исламской культуры в горах и на равнине были подорваны. Только в отдельных труднодоступных селениях в Северном и Центральном Дагестане до конца 80-х годов удалось сохранить нелегальные кружки по изучению арабского языка, Корана и основ шариата (*Shikhsaidov*: 1999, 60). С другой стороны, наследием советских преобразований стала до поры до времени скрытая конфликтность межэтнических, социальных и поземельных отношений в регионе, выступившая наружу в постсоветское время.

Что же касается так называемого исламского возрождения на постсоветском Северном Кавказе, то результаты его весьма скромны даже в таких быстро реисламизирующихся республиках, как Дагестан. Лучший специалист по мусульманской школе в Дагестане А.Р.Шихсаидов справедливо называет современные исламские вузы Дагестана «лишь тенью того, чем были медресе Дагестана XVIII–XIX вв. Имеющаяся (у них. — *В.Б.*) литература по исламу также не отличается высоким качеством. Здесь изучают в основном Коран и сунну, правила чтения Корана, арабский язык» (*Shikhsaidov*: 1999, 61).

Столь же критически о современной мусульманской школе отзываются правительственные чиновники Дагестана, курирующие ее деятельность. «К сожалению, сегодня приходится признать, — говорил

М.М.Гусаев, министр по делам национальной политики, информации и внешним связям РД, — что возрожденческие процессы в исламе не дают заметного прогресса в нравственной, духовной жизни мусульман, в силу чего ислам до сих пор не стал... стабилизирующим фактором в республике» (цит. по: *Шихсаидов:* 1999в, 110). Те же мысли М.М.Гусаев выразил при встрече с А.Р.Шихсаидовым, немецким ученым М.Кемпером и автором этих строк, произошедшей в сентябре 2001 г. в Махачкале. По словам Ильяс-хаджи Ильясова, советника председателя Правительства РД по вопросам религий, «ни один из наших бесчисленных исламских институтов и университетов не аттестован и не аккредитован, и они имеют (в лучшем случае) только лицензию на право ведения образовательной деятельности... Среди ректоров исламских институтов и университетов нет ни одного имеющего высшее (или хотя бы среднее) профессиональное образование; более того, нет среди них также лиц, получивших высшее или среднее светское профессиональное образование» (цит. по: *Шихсаидов*: 1999в, 110; ср. интервью с М.Курбановым, заместителем министра по делам национальностей и внешним связям РД: Маслиат. Махачкала, № 3, апрель 1995 г., 3). Силами дагестанских и прочих северокавказских медресе сегодня совершенно невозможно обеспечить кадрами шариатские суды республики.

Серьезной проблемой постсоветского Дагестана, как и в Чечне и Ингушетии, остается острая нехватка грамотных кади и разбирающихся в мусульманском праве светских юристов. Судя по моим полевым материалам, эта проблема довольно остро стоит как среди «традиционалистов», так и у «ваххабитов». Среди тех и других изредка встречаются действительно прекрасно образованные в вопросах шариата лица, вроде Б.Кебедова и покойного А.Ахтаева у «ваххабитов» или М.-С.Абакарова, имама соборной мечети Хасавюрта, из числа их идейных противников. Но в подавляющем большинстве *амиры*, возглавляющие *джамааты* «ваххабитов», и *дибиры* «традиционалистов» довольно невежественны в вопросах мусульманского права и даже арабского языка. Недаром в «ваххабитском» центре Карамахи арабская надпись на здании шариатского суда была сделана с грубыми орфографическими ошибками (см. фото: НГ-Религии. 24.11.1999, 4).

Следует отметить, что в последние годы чувствуется некоторое охлаждение жителей республики к исламу. Исламский бум пошел на убыль и в северных и центральных районах Дагестана, где влияние ислама всегда ощущалось сильнее. Сократилось число зарегистрированных в республике мечетей и *мектебов*. С 1996 по 2000 г. оно упало соответственно с 1670 до 1585 и с 670 до 203. За последние год-два более чем в два раза уменьшилось количество дагестанцев, совершающих хаджж. В 2000 г. их было всего 5449 по сравнению с 12–14 тыс. человек в 1996–1997 гг. (*Макаров:* 2000, 71, примеч. 5;

см. также материалы выборочных социологических опросов, проводившихся в 1997–2000 гг. в Махачкале Э.Кисриевым и обнаруживших падение числа лиц, относящих себя к мусульманам, с 95 до 82% опрошенных. — *Kisriev*: 2000, 65).

3
Некоторые абхазские параллели

Дагестанский случай реституции шариатских судов свидетельствует о том, что на постсоветском Кавказе полным ходом идет складывание новых форм правового плюрализма, вступившего ныне в свою новую, явно выраженную фазу. В то же время по положению в сфере шариатской юстиции в Дагестане и тем более в Чечне опасно судить о переменах, происшедших в постсоветское время в соционормативной культуре мусульман других субрегионов Кавказа, особенно на его северо-западе. Как показывают исследования, проведенные у адыгов И.Л.Бабич, а также результаты полевой работы среди абхазов А.Б.Крылова и П.Гарб, для мусульман постсоветского Западного Кавказа ислам не играет такой роли, как в Дагестане и Чечне (*Бабич*: 2000, 25; *Крылов*: 1999а, 150–152).

Чтобы понять соотношение общерегионального и локального в разобранных выше чеченских и дагестанских материалах, в последней части главы будут рассмотрены некоторые параллели «возрождения горских традиций» в Дагестане и Абхазии. Основным источником этого раздела являются недавно опубликованные уникальные абхазские полевые материалы научного сотрудника московского Института востоковедения А.Б.Крылова.

На Западном Кавказе наряду с исламским бумом отмечено движение за «возрождение правовых традиций» местного адата. Наиболее своеобразно и любопытно оно развивается в Абхазии. После распада СССР и грузино-абхазской войны 1992–1993 гг. республика фактически вышла из состава Грузии, но не присоединилась к Российской Федерации. На ее территории не действуют ни грузинские, ни российские законы. Центральные органы власти были уничтожены во время войны. Милиция и правоохранительные органы, в которых преобладали грузины, бежали в Грузию. Резко обострилась криминогенная обстановка. В этих условиях суд и исполнительная власть сосредоточились в руках фамильных и родовых сходов, которые были организованы из советов старейшин, созданных в Абхазии, как и в советском Дагестане, в 70-е годы. Они заменили прежнюю советскую администрацию абхазских селений.

С 90-х годов во главе родовых сходов нередко стоят жрецы возродившихся по всей Абхазии родовых святилищ (*аныха*). Чаще всего аныха находится при кузнице. Некоторые из них — Лдзаа-ныха, Лыхныха, Дыдрыпш-ныха, Лашкендар — стали служить местом поклонения паломников со всей республики. В последние годы абхазы предпочитают решать в святилищах-*аныха* уголовные и поземельные тяжбы по обычному праву (*Крылов*: 1999а, 158–161).

По недавно опубликованным полевым материалам А.Б.Крылова хорошо известна деятельность одного из таких адатных судов в святилище Дыдрыпш-ныха. Его жрец Володя Чичба принимает тяжущихся и просителей четыре дня в неделю. По понедельникам и четвергам он занимается разбором судебных исков, а по вторникам и воскресеньям принимает жертвоприношения от просителей, раскаявшихся в совершенном преступлении и желающих загладить свою вину перед потерпевшей стороной. Опираясь на авторитет святилища, обвиняемый может очиститься от подозрения в краже или убийстве и спасти свою фамилию от кровной мести, широко распространившейся в последние годы среди абхазов (*Крылов*: 1999а, 160).

Никоим образом нельзя путать родовые сходы с органами самоуправления сельских кланов. Сегодня они представляют собой чисто территориальные объединения односельчан-однофамильцев, например Барцыц, но имитируют организацию дореформенных абхазских кланов, хорошо известную по этнографическим описаниям XIX–XX вв. Среди членов абхазских комиссий однофамильцев нередко попадаются люди, при Советской власти входившие в состав советов старейшин при местных сельсоветах. Некоторые из них в последние годы приняли родовые уголовные постановления по адату, которые были записаны на русском языке. Это само по себе абсолютно новое явление, поскольку абхазский адат прежде передавался изустно на абхазском языке.

Примерами такого кодекса являются документы, принятые фамилией Барцыц на сходе в с. Блабурхуа в 1994 г. Это «Постановление собрания однофамильцев Барцыц в селе Блабурхуа» и «Положение о комиссии по разрешению конфликтов, рассмотрению правонарушений и преступлений», принятые на сельском сходе 21 августа 1994 г. Они касаются создания фамильной комиссии по разрешению конфликтов и определяют ее полномочия. Юридическое оформление и запись нового адата осуществили практикующие юристы, получившие еще советское юридическое образование. Текст его дважды издан — сначала в статье, а затем в книге А.Б.Крылова. Вот наиболее важные для нашей темы разделы обоих документов (см.: *Крылов*: 1999а, 165–168; 1999б, 244–249):

Постановление
собрания однофамильцев Барцыц в селе Блабурхуа.
21.08.1994

Собрание однофамильцев Барцыц отмечает, что однофамильцы — жители с. Блабурхуа и выходцы из этого села — приняли активное участие в борьбе за освобождение Абхазии от грузинских оккупантов, многие из них сражались героически... Однако, как отмечает собрание, в последнее время по всей территории Абхазии осложнилась криминогенная обстановка: систематически совершаются убийства, разбои, грабежи, кражи, похищения граждан с последующим вымогательством денег, большое распространение получили наркомания и пьянство... К сожалению, в совершении многих общественно опасных, тяжких преступлений участвуют и Барцыцовцы, и каждый такой факт следует рассматривать как позор для каждого и всей фамилии в целом. Сознавая необходимость ужесточения борьбы с правонарушениями, проявляя нетерпимость к тяжким правонарушениям, наркомании, пьянству, грубым нарушениям абхазских традиционных принципов родства, осуждая и лиц, их поддерживающих, в целях профилактики этих и других общественно опасных деяний собрание постановило:

Лицо, совершившее одно из следующих умышленных преступлений или нарушений традиций: убийство, разбой, грабеж, кражу, похищение гражданина из корыстных побуждений, изнасилование, употребление или сбыт наркотиков, злоупотребление алкоголем, грубое нарушение традиционных принципов родства — подлежит изгнанию из фамилии и села лично или составом семьи сроком от одного до пяти лет.

Лицо, поддерживающее нарушителя или не признающее и не выполняющее решение комиссии однофамильцев, подлежит изгнанию из фамилии и села лично или составом семьи сроком от одного до пяти лет.

Примечание:

Наркоманам и алкоголикам, изъявившим желание лечиться, оказывать возможное содействие. При этом решением комиссии они могут быть освобождены от ответственности, предусмотренной данным постановлением.

Председатель собрания *Барцыц...*

Секретарь собрания *Барцыц...*

Положение
о комиссии по разрешению конфликтов,
рассмотрению правонарушений и преступлений

I. Порядок организации комиссии и ее задачи

Ст. 1. Комиссия по разрешению конфликтов, рассмотрению правонарушений и преступлений... создается собранием однофамильцев Барцыц. Количественный состав комиссии определяется собранием однофамильцев.

Ст. 2. Главными задачами Комиссии являются предупреждение правонарушений и преступлений, осуждение отклонений от установившихся положительных традиций и других поступков, позоряющих фамилию.

Ст. 3. Деятельность Комиссии осуществляется при широком участии общественности, в частности представителей Совета старейшин и других лиц, во взаимодействии с комиссиями или Советами старейшин других фамилий и сел, правоохранительными органами района, органами самоуправления. Требования Комиссии обязательны для однофамильцев...

II. Организация работы Комиссии

Ст. 6. Заседание Комиссии считается правомочным, если в нем участвуют две трети ее состава. Решение Комиссии принимается простым большинством голосов из числа присутствующих членов.

На заседаниях Комиссии ведется протокол... Протокол подписывается председательствующим и секретарем...

III. Вопросы, рассматриваемые Комиссией

Ст. 8. Комиссия в соответствии с постановлением № 1 собрания однофамильцев от 21.08.1994 и настоящим Положением по обсуждаемому вопросу может принять одно из следующих решений:

а) обязать принести публично или в иной форме извинение;

б) вынести предупреждение;

в) изгнать из фамилии и села лично или составом семьи сроком от одного до пяти лет;

г) обязать пройти курс лечения от алкоголизма или наркомании...

IV. Подготовка и порядок рассмотрения дел Комиссией

Ст. 11. Комиссия рассматривает дела:

а) по письменному или устному обращению заинтересованного лица;

б) по собственной инициативе;

в) по представлению или материалам правоохранительных органов или по предложению местных органов управления...

Ст. 13. Комиссия, как правило, рассматривает тот или иной вопрос в присутствии вызванных лиц. В случае неявки вызванного лица без уважительных причин Комиссия по своему усмотрению решает, отложить рассмотрение вопроса на другой день или нет...

Ст. 16. Решение Комиссии может быть изменено или отменено самой Комиссией или собранием однофамильцев при наличии на то убедительных оснований.

Изучение этих документов позволяет говорить о сложном переплетении в «возродившемся» абхазском адате черт местных обычаев, советской и постсоветской правовой практики. Фактически мы имеем дело не с продолжающейся с дореволюционных времен уголовной правовой практикой, а с «традицией», созданной людьми, получившими советское юридическое образование, в соответствии с условиями крайней локализации права и разгула преступности в постсоветской Абхазии. Юридическая форма нового адата заимствована из поздней советской правовой традиции. Этим объясняется деление текста документов на разделы и статьи, форма преамбулы Постановления, юридический язык документов и скрепление Постановления подписями председателя и секретаря собрания. Абхазское адатное наследие XIX–XX вв. представлено в документе понятиями клана как субъекта права и коллективной чести клана, а также некоторыми характерными видами наказания (такими, как изгнание из членов клана). Важно отметить, что оно интерпретировано уже в современных понятиях «абхазских традиционных принципов родства», в которых нельзя не видеть влияние советской этнографической школы. А в понятии «установившиеся положительные традиции» чувствуется влияние еще позднесоветской политики опоры на «полезные адаты», проводившейся в 60–80-е годы и на территории Абхазии.

Полевые материалы, собранные в Абхазии 90-х годов, говорят о появлении в местных судах-святилищах (*аныха*) практики очистительной присяги и денежных компенсаций за причиненный ущерб, ранения и убийства (аналог дагестанского *дията*). Сама идея и некоторые формы этой практики заимствованы из созданных в советское время этнографических сочинений, в частности работ Ш.Д.Инал-ипа, оказавших влияние на составителей процитированных выше документов. Адатные кодексы часто используют в виде наказания за тяжкие уголовные правонарушения изгнание виновного с семьей из общины на срок от одного года до пяти лет. Жрец и его клиенты считают эти институты традиционным абхазским явлением, но на самом деле они не имеют ничего общего с дореформенной абхазской обычно-правовой практикой. Соприсяга охватывает уже не клан, а малые семьи и друзей обвиняемого. Известны случаи индивидуальной присяги обвиняемого в тяжких уголовных правонарушениях, совершенно незнакомой

дореформенному кавказскому адату вообще. Штрафы переведены из натуральных в денежные. К изгнанию чаще всего приговаривается один из преступников (реже вместе с семьей), а не клан, как это было в Абхазии до русского завоевания.

Конечно, между постсоветской Абхазией и современным Дагестаном больше различий, чем сходства. Сильно отличались исходные условия развития соционормативной культуры. К этим отличиям в 90-е годы добавились периодически вспыхивающая грузино-абхазская война и затяжная экономическая блокада Абхазии. Всего этого нет в Дагестане. Но в то же время обе республики имеют сходный опыт советских преобразований. Колхозное строительство, урбанизация и культурная революция советской эпохи еще долго будут чувствоваться и в Абхазии, и в Дагестане. Для данного исследования интересно подчеркнуть общность «традиционалистской» идеологии в постсоветских властных структурах обеих республик. Это, конечно, еще одно наследие советской политики реформ и советской этнографической школы.

Местные и республиканские власти Дагестана не меньше своих абхазских коллег пытаются опереться на «полезные адаты», возродить досоветские традиции самоуправления, чтобы укрепить пошатнувшуюся пирамиду власти «снизу». Как уже отмечалось выше, в 1995–1996 гг. в Дагестане были приняты законы «О сельской общине (*джамаат*)», «О местном самоуправлении», «О третейских судах». В те же годы в Махачкале начало работать общество «Маслиат», ставящее своей целью укрепление правопорядка и разрешение межэтнических и поземельных конфликтов при помощи традиционного посредничества (*маслахат*) по адату. В отличие от абхазских коллег дагестанские политики и юристы больше надежд возлагают на местные «исламские традиции». Опора на «традиционный ислам» закреплена в новой дагестанской Конституции (Конституция Республики Дагестан: 1997; ср.: Дагестанская правда. 06.03.1997). В постсоветском законодательстве понятие «традиционный» закрепилось в значении «официально признанный, законный». Ему противостоит чисто негативное понятие «нетрадиционный», в постсоветском законодательстве республики, да и во всей Российской Федерации обычно применяющееся к зарубежным миссионерским организациям и местной мусульманской оппозиции светским и духовным властям (подробнее см.: *Бобровников:* 2000а, 154–164).

Несмотря на местную специфику, для изучения современного состояния обычного права на постсоветском Кавказе абхазская практика суда в сельских родовых святилищах весьма показательна. В целом на примере постсоветской Абхазии можно говорить не о возрождении традиционного адата, а об **изобретении** новой постсоветской адатной **традиции** (ср.: *Hobsbaum*: 1993, 1–14).

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Кавказский адат глазами этнографа

Окончив эту книгу, я невольно остановился и решил оглянуться назад, вспомнить, что, как и почему изучал я на Северном Кавказе. Я хочу поделиться с читателем своими воспоминаниями и размышлениями, связанными со сбором полевого и архивного материала для этой книги. Нужно ли это? Я думаю, да. Это поможет ему лучше прочувствовать реальное значение затронутых в книге вопросов динамики развития местной мусульманской правовой культуры, взаимосвязи права и насилия, роли этнографии в проведении и осмыслении широкомасштабных социальных и правовых реформ на Северном Кавказе XIX–XX вв.

Как уже говорилось, прошло около десяти лет с того времени, как я стал заниматься историей и этнографией права мусульманских общин на Северном Кавказе. Все начиналось примерно в 1991 г. с изучения литературы по региону. В сентябре 1992 г. была первая поездка «в поле», в горные селения Цумадинского района — одного из самых отдаленных и глухих мест в Нагорном Дагестане. Чтобы добраться до райцентра, с. Агвали, рейсовый автобус около 11 часов трясет вас по все время петляющей горной дороге. Затем было изучение аварского языка и чтение аварских и арабских источников по дагестанскому обычному праву в Москве и Махачкале. А после все новые и новые поездки на Северный Кавказ, знакомство с интересными людьми, документами, местами.

Благодаря всему этому этнография и история права стали для меня частью жизни. Почему я выбрал именно эту область науки? В отличие от большинства моих друзей и коллег тут не сыграли особой роли ни семейные традиции, ни личные склонности к изучению права. У меня в роду не было ни ученых-правоведов, ни практикующих юристов. Из моих родственников только дед жены был известным в послевоенной Москве адвокатом. Когда я учился на историческом факультете Московского университета, а затем в аспирантуре Института востоковедения, я никогда не думал, что буду заниматься обычным правом горцев-мусульман на Кавказе. Скорее, к занятию

этой наукой меня подтолкнули правовые источники, с которыми я столкнулся во время экспедиций в Нагорный Дагестан.

Я обнаружил тут целое море еще не изученных рукописей XVIII — первой трети XX в. на арабском и дагестанских языках. Это были записи решений сельских адатных и шариатских судов, просуществовавших здесь до начала 30-х годов. Кроме оригиналов документов сюда относятся и их многочисленные копии, заверенные и не заверенные нотариусом, сделанные на обложках и полях арабских книг, порой просто обрывках бумаги. Они есть повсюду: в государственных архивах, частных и недавно восстановленных мечетных собраниях. Опрашивая горцев, я с удивлением заметил, что они часто придают большое значение документам, давно потерявшим всякую юридическую силу. Это явление заинтересовало меня, и я с головой погрузился в изучение обычного права, или адата, в Нагорном Дагестане и тех перемен, которые произошли в нем под влиянием дореволюционных, советских и постсоветских реформ. Какую-то роль в моем увлечении этнографией права сыграла возможность практически использовать свои знания арабского языка, а также аварского, который я выучил в начале 90-х годов. Оба языка очень пригодились мне как для чтения правовых документов, так и для бесед с нынешними мусульманскими авторитетами.

Как бы я определил этнографию права, или юридическую антропологию, которой занимаюсь уже около десяти лет? Для меня это наука, изучающая право методами этнографии. Ее предмет — это взаимодействие права и общества в определенном историко-этнографическом контексте. В отличие от правоведения этнография права занимается не столько правом самим по себе, сколько его воплощением в том или ином обществе. В отличие от других разделов этнографии она имеет дело не только с живыми людьми, но и с правовыми документами. Последние живут и умирают, как люди. Более того, они могут даже «восставать из мертвых», как, например, случилось с упоминавшимся в этой книге протоколом сельского схода 1904 г. из высокогорного дагестанского селения Хуштада. Сменилось три поколения владельцев частного архива, где он пролежал все эти годы. Последние же лет десять его вновь зачитали до дыр хуштадинцы, пытающиеся восстановить в неспокойные постсоветские годы закон и справедливость, по их представлениям царившие до революции 1917 г. среди их предков. Важно почувствовать в документе составившего, написавшего и прочитавшего его человека.

Документы могут быть разными. Например, для изучения адата на Северном Кавказе нужно сопоставить данные арабских записей решений сходов, постановления дореволюционных российских судов и советские декреты. В процессе работы над этой книгой особенно интересно мне было читать так называемые исторические записи

(*таварих*) средневековых документов, переписывавшихся по нескольку раз в течение четырех-пяти столетий после их составления. Как правило, ученые, обращавшиеся к изучению этих источников, не учитывали специфики их жанра. Они видели в них просто копии древних актов — либо точные, либо с ошибками. Между тем это уникальный памятник историко-правовой памяти народа, то, что современные западные исследователи называют «культурной памятью» (франц. la mémoire culturelle, нем. das kulturelle Gedächtnis). Важно отметить, что ни исторические записи, ни своды норм средневекового обычного и мусульманского права, вроде знаменитых Гидатлинских адатов, вероятно, прямо не применялись в судебной практике. Свидетельств этого нет. В то же время дагестанцы тщательно копировали и хранили эти правовые анналы. Для них это была сама история, свидетельство славного прошлого их предков и селений. Во власти историка заставить говорить эти документы как о прошлом, так и о настоящем. Но сделать это нельзя без живых людей. В деле собирания и перевода местных правовых документов неоценимую помощь оказали мне мои кавказские друзья и кунаки — ученые, муллы, главы администраций, учителя, порой простые чабаны.

Одна из основных проблем, затронутых в этой книге, — роль этнографа как посредника между государством и местным мусульманским обществом, его отношение к закону и преступлению, насилию в этом обществе. К этому сюжету меня подвело изучение дагестанских материалов. Обратившись к изучению арабских документов по дагестанскому адату и сбору полевых материалов по поземельным отношениям в горной мусульманской общине, я невольно столкнулся с многочисленными проявлениями насилия в горском обществе, начиная с нарушения границ и заканчивая кровной местью и абречеством. Тогда же на личном опыте я понял, что исследователь даже таких «академических тем», как дореволюционный адат, должен быть крайне осторожен, чтобы самому не спровоцировать насилие.

Помню, в мае 1995 г. я очутился в с. Тлондода и стал расспрашивать местных жителей о летних пастбищах под названием Элюгун на границе земель местного колхоза с соседним селением Хуштада. У меня была с собой ксерокопия документа 1888 г. на арабском языке об урегулировании поземельного спора между двумя селениями из-за этих пастбищ. И вот я с удивлением заметил, что этот документ вызывает все возрастающие опасения тлондодинцев. Они боялись, как бы, пользуясь им, хуштадинцы не отняли у них часть летних пастбищ, изменив границы колхозных угодий в свою пользу. Убедить их в безопасности этого документа, по современным российским законам потерявшего всякую юридическую силу, было непросто. Только переведя джамаату текст документа, а затем отправив его «на экспертизу» Багаутдину Кебедову в Кизилюрт, мне удалось разрядить обстановку.

Впоследствии, занимаясь сбором микротопонимики горцев и просмотром арабских текстов в их мечетных и частных архивах, я не раз встречался с подобным «этнографическим оживлением» старых документов, чреватым вспышками насилия.

На неспокойном сегодня Северном Кавказе мне на личном опыте довелось проверить справедливость некоторых концепций этнографии права, в частности теории *правового плюрализма*, под которым понимается сосуществование в одном обществе разных правовых систем. Что можно сказать о правовом плюрализме на постсоветском Северном Кавказе? Приведу два конкретных примера.

В 1992 г. в Цумадинском районе Дагестана я был свидетелем того, как жители Кеди, Саситли и ряда окрестных селений делили пастбишную гору. Свои права на нее они пытались оправдать ссылками на нормы дореволюционного адата, шариата и даже колхозного устава. Но спор так и не был решен. Через четыре года я лично убедился в ограниченности действия российских документов. На махачкалинской автостанции меня чуть было не упекли в кутузку за московский паспорт, который показался фальшивым аварским милиционерам в Махачкале из-за того, что в нем было написано, что владелец его является «гражданином Союза Советских Социалистических Республик», которого тогда уже не существовало. Парадоксальное положение! Несколько лет назад подобная история могла бы произойти только с владельцем несоветского паспорта! Тогда меня спасло только знание аварского языка.

Обе эти истории показывают, что сейчас на Кавказе писаное государственное право часто теряет юридическую силу, а его роль переходит к неписаным местным обычаям. Нередко эти обычаи, сложившиеся тут уже при Советской власти, принимают за возродившиеся дореволюционные адатные традиции. Я категорически против такой их интерпретации. Я думаю, что под влиянием сначала дореволюционных, а затем советских реформ, продолжавшихся в общей сложности почти полтораста лет, облик и язык адата по всему Северному Кавказу неузнаваемо изменились. Его нормы сложно переплелись с мусульманскими и российскими. Сегодня один и тот же человек может быть главой сельской администрации, медиаторской комиссии по адату и шариатского суда. Пореформенный адат превратился в современный язык права, связанный с местной властью. К такому выводу подвели меня собранные материалы, а также их обсуждение с моими друзьями и коллегами.

Когда я только задумывал писать эту книгу, перерабатывая в нее свои статьи, я хотел обязательно написать к ней развернутое заключение, рассказать в нем о важности изучения юридической антропологии в Нагорном Дагестане, о выходе кавказских сюжетов на популярнейшие сейчас среди зарубежных и отчасти отечественных

этнографов темы правового плюрализма, глобализации и локализации, смешанного (hybrid) общества, микрофизики власти, романтики сопротивления и проч. Но практическая работа над материалом книги показала, что такое, академическое заключение здесь неуместно. Не нужно ни конспектировать основные положения монографии, ни возноситься от этнографической конкретики в область чистой теории. Это задача работ совсем другого жанра — диссертаций и учебников.

Опасно увлечься развитием чужих теорий, еще опаснее строить свою собственную законченную теорию. Это означает создание еще одних очков, через которые ученый заставляет читателя глядеть на мир, надевание очередных шор. Зачем искусственно суживать взгляд на проблему права и насилия на Кавказе, не говоря уже о том, что жизнь упрямо разрушает все теории, находя в них противоречия с самой действительностью? Возможно, недавнее господство официозной марксистской парадигмы в ее ритуализированном советском виде внушило мне отвращение к «научным истинам», выстраивающим всех в одну шеренгу. Возможно, я и не совсем прав в своем предпочтении этнографической действительности различным «теориям». Однако я надеюсь, что исследование соционормативной культуры кавказских мусульман, которому посвящена эта книга, не завершено и не похоронено среди множества сухих, оторванных от жизни теоретических томов. Оно продолжается.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Абаев В.И., лингвист 27
Абакаров М., владелец рукописной коллекции в с. Киша 12
Абакаров М.-С., имам мечети и владелец рукописной коллекции в Хасавюрте 12, 277, 280
Абашин С.Н., этнолог 3, 212
Абд ал-Кадир (Абделькадир), политический и религиозный деятель 173
Абдулатипов Р.Г., политик 269
Абдулла Зайнутдин-оглы, крестьянин с. Акуша 72
Абдулов М., колхозник с. Ратлуб 240
Абдулхусейн Зайнулабид-оглы Ибрахимов, краевед из Кизляра 40
Абдуррахман Казикумухский (Газикумухский, Абдурахман из Газикумуха), мусульманский ученый и мемуарист 19, 45, 148
Абдуррахман Урадинский, свидетель соглашения 134
Абдусаламов Х., колхозник 240
Абу Муслим, легендарный исламизатор Дагестана 19, 48
Абубакаров С.-М., муфтий Дагестана 266
Абукар Ханкиши-оглы, крестьянин с. Куг 253
Абуков, Али, кади 228
Абукулайтли Х., крестьянин с. Анди 75
Абумуслим, шамхал Тарковский 64
Ага-Рза, крестьянин с. Ашага-Картас 69
Агларов М.А., этнолог 4, 8, 9, 26, 32, 34, 121
Аййуб сын Мазида, писец 114, 122
Айтберов Т.М., востоковед 4, 8, 9, 105, 140, 195
Акаев, Абусуфьян, мударрис и кади 220
Акай Абдуррахман-оглы, крестьянин с. Нижнее Казанище 70
Акибай (Пакибай), тухум беков 47
Албудаев Г., чабан с. Гагатль 241
Алдамашвили, бек 201
Александр II 44
Александров Ю.Г., востоковед 3
Алексеев М.Е., лингвист 3, 195
Али Лабазан-оглы, крестьянин с. Ората 182
Али Л-г-ч, свидетель соглашения 117
Али Чупан, глава тухума в с. Кумух 114
Али-Гули, имам Хутхула 120
Али-Мирза из с. Аргвани, свидетель соглашения 135
Али-Хаджи, крестьянин с. Кванада 74
Али-Хаджи (Али Гаджи) Акушинский, накшбандийский шейх и кади 85, 218, 220
Алибек, абрек 189
Алиев, Адалло, поэт и журналист 94
Алиев М.Г., политик 264
Алиев Н.Г., советский работник с. Магарамкент 87
Алич, наиб Шамиля 47
Алкадари Г.-Э. см. ал-Алкадари Х.-э. 160
ал-Алкадари Х.-э. (Алкадари Г.-Э.), мусульманский ученый и историк 111

Алхасов, учитель с. Мекеги 87
Амир-хан Хасай-оглы, крестьянин с. Нижнее Казанище 70
Амирэджиби Ч., писатель 14
Андуник, нуцал Аварский 32, 123
Анзоров, Мухаммед, абрек 54
Арапиев М., крестьянин с. Средний Ачалук 182
Арсланханов Б., фермер с. Баташюрт 92
Арутюнов С.А., этнолог 268
Атабай Карачаевский, абрек 80
Атаби Шамилев, шейх 89
Атаев А., глава администрации с. Кадар 78
Атериев Т.А., полевой командир 91
Аушев Р., ген., политик 273
Ахмад, один из старшин с. Кумух 117
Ахмад из с. Курдали, свидетель соглашения 120
Ахмад по прозвищу Кади, писец 120
Ахмад сын Сулеймана из с. Зерехгеран, свидетель соглашения 120
Ахмадов И., дипломат 96
Ахмадов У., полевой командир 91
Ахмадовы, братья У.Ахмадова (Абу, Апти, Рамзан, Ризван) 91
Ахмед Йеменский, мударрис и кади 61, 112
Ахмед-хан Сильдинский, прапорщик 67, 68
Ахмедов С.-Г., имам мечети и владелец рукописной коллекции в с. Кванада 12
Ахмет-хан Мехтулинский, правитель Аварии 49, 50
Ахсбар, шамхал Казикумухский 114, 122
Ахтаев А.-К., имам мечети, политик 94, 280
Ашура, крестьянка с. Охли 69

Бабич И.Л., этнолог 3, 105, 168, 176, 275, 281
Багутар (Багъутар), глава тухума 114
Баймурзаев А.Б., юрист и историк права 217
Байчиева А., крестьянка с. Средний Ачалук 182
Бараев А., полевой командир 91, 95, 274
Барцыц, клан 282–284
Барятинский А.И., ген., наместник Кавказский 22, 42, 44, 142, 147, 148, 151, 155, 156, 166, 168, 204
Басаев, Шамиль, полевой командир 91–96, 274
Батома Т., крестьянин с. Баршамай 253
Бахтияр-Хаджи Ахмедхан, хан 202
Башир, наиб Шамиля 137
Бей-Булат Таймиев (Таймазов), абрек 21, 80
Бенда-Бекманн К. фон, этнолог и историк права 99
Бенда-Бекманн Ф. фон, этнолог и историк права 99, 100
Беннигсен А., советолог 26
Беннигсен-Броксап М., советолог и историк-кавказовед 26
Бердяев С.К., жандармский офицер 241
Берзенов Н., историк и этнограф 34
Бернар-Можирон Н., юрист 110
Берулава, Уту, абрек 14
Бестужев-Марлинский А.А., писатель 24
Б-з-р (Б-з-ц) сын Т-з, шамхал Казикумухский 117
Бибиков Д.С., российский администратор 154
Бики Харачоевский, основатель селения 203
Бичерахов Л.Ф., ген., политик 227
Блиев М.М., историк 25
Бобровников В.О. 8, 9, 93, 105, 196
Бобровникова Т.А., историк 3
Богораз В.Г. (Тан), этнограф 212–214, 216
Бонапарт, Жером, министр 173
Брежнев Л.И. 259
Бромлей Ю.В., этнолог 104

Броневский С.М., историк-кавказовед 17, 149
Буба Икринский, абрек 14, 82, 85
Бугдай, брат шамхала Б-з-р 117
Будалай из с. Рича, свидетель соглашения 114
Буйнакский У., революционер 227
Булач-хан Аварский 47
Булгаков М.А. 14, 87

Вандерлинден Ж., правовед 99, 109
Вара Гехинский, абрек 80
Вельяминов А.А., ген. 42
Венгеров А.Б., юрист 104
Вербицкий, казачий атаман 82
Виллель, граф де, политик 23
Воронов Н.И., путешественник 160
Воронцов М.С., наместник Кавказский 44, 152
Воронцов-Дашков И.И., наместник Кавказский 152
Вудмэн Г.Р., этнолог и историк права 99, 109
Вяткин А.Р., востоковед 3

Гаджи, колхозник с хут. Уна 74
Гаджи-Магомед Умахан-оглы, крестьянин с. Хулисма 182
Гаджиев В.Г., историк 4, 130, 136
Гаджиев М.С., археолог и историк 3
Гаджиев (Гьажиев), Садко, писатель 14
Гаджияв, колхозник с. Хвайни 241
Гази из с. Ахвах, свидетель соглашения 122
Гази-Мухаммед, сын Шамиля 138
Гази-Мухаммед Гимринский (ал-Гимрави ал-Авари), имам Дагестана и Чечни 21, 22, 46, 136, 137
Газиев М.-С.К., имам мечети и владелец рукописной коллекции в с. Хуштада 12, 277
Галбац, имам Караты 47
Галушкин, легендарный родоначальник тухума Салмановых 48
Гамзат Лабазан-оглы, крестьянин с. Ората 182
Гамзат-бек Гоцатлинский (Хамза-бек ал-Гужали), имам Дагестана и Чечни 22, 23, 35, 46, 47, 137
Гамзатов (Хlамзатов), Расул, поэт 14
Ган П.В., сенатор 153
Гараводжев, Саламбек, абрек 85
Гарб П., этнолог 105, 281
Гарданов В.К., этнолог и историк 25, 58
Гасанов Б., владелец рукописной коллекции в с. Рутул 12
Гатуев К., краевед и писатель 14, 38
Гемер М., востоковед 137, 138
Генко А.Н., востоковед, лингвист и этнограф 215, 216
Гербер И., военный и ученый 149
Гидич Омар-оглы, крестьянин с. Гинтли 183
Гильденштедт Г.А., естествоиспытатель 149
Гинзо Ших-Магома-оглы, крестьянин с. Гинтли 183
Гирей Куппинский, красный партизан 87
Гитино Гаджи-оглы, крестьянин с. Гинтли 183
Гитино Магома-оглы, крестьянин с. Гинтли 183
Глакмэн М., этнолог и правовед 102
Гмелин С., акад., ботаник 19
Голицин, кн., винозаводчик 84
Головин Е.А., ген. 153, 171
Головнин А.В., политический деятель 148
Голунский С.А., юрист 207
Гостиева Л.К., этнолог 105
Грамотин, ген. 54
Гриффитс Дж., правовед 99, 100, 106, 107
Гуданат М., чеберлоевский наиб 80
Гудович И.В., ген. 153
Гуляков В.С., ген. 145
Гусаев М.М., министр 280
Гусейнов М.М. (Бацадаса М.), этнолог 9
Гушмазукаев, Зелимхан (Зелимхан из с. Харачой), абрек 14, 82, 84, 85

Давуд Хаджияв Усишинский, правовед и кади 61
Дада, сподвижник Шамиля 141
Дайтилал, тухум 33, 34
Далгат А., политик 72, 73
Далгат Б.В., этнограф и историк права 9, 68, 171, 215
Дали Али, абрек 84
Даль В.И., фольклорист 28
Данилевский Н.Я., публицист 17, 149
Даниял-бек, султан Елисуйский (ал-Илиссави) 23, 40, 45, 54, 138
Дата Туташхиа, абрек 14
Даций Даций-оглы, крестьянин с. Охли 69
Деникин А.И., ген., политик 85, 227
Джабраил Сеид-оглы, крестьянин с. Арсуг 182
Джамал ад-дин Газикумухский (Джамалуддин Казикумухский), накшбандийский шейх 19
Джандиери А.С., юрист 74
Джексон М., правовед 110
Домбровский Ю.О., писатель 211
Достоевский Ф.М. 95
Дудаев А.Х., философ 94, 271, 272
Дудаев Дж., ген., политик 94
Духовской С.М., военный и политик 271
Дюпре Б., этнолог и правовед 3, 110

Евдокимов Н.И., ген. 22, 44, 173
Екатерина II 41
Елхоев Х., полевой командир 91
Ельшин Б.Н. 93, 268
Ермолов А.П., ген., наместник Кавказский 21, 41, 42, 45, 66, 145

Жадбаев С.Х., юрист 74
Жийо К., исламовед 3
Жиллисан Ж., правовед 99

Заза Гасан-кизы, крестьянка с. Тулизма 182
Закария ал-Казвини, арабский космограф 112
Закс Б.А., историк-кавказовед 215
аз-Звайни Л., этнолог и историк права 110
Зелимхан из Харачоя см. Гушмазукаев, Зелимхан 14, 81
Зухум-кади Акушинский 145

Ибрагим-Хаджи Урадинский, мусульманский ученый и преподаватель 61
Ибрагимова З.Х., историк-кавказовед 160
Ибрахим, сподвижник Шамиля 141
Ибрахим сын Йахйи из Зерехерана, свидетель соглашения 120
Иванов А., журналист 267
Идилав, крестьянин с. Гагатль 70
Идрис, имам-хатиб 117, 122
Ильясов И., религиозный и политический деятель 280
Инал-ипа Ш.Д., этнолог 285
Инссигъай, тухум 48
Интериано Дж., путешественник 16
Инхов-хаджи Чохский, наиб Шамиля 139, 160
Иоанн Васильевич (Грозный) 59
Иохельсон В.И., этнограф 212
Искандер Ф., писатель 14
Исламмагомедов А.И., этнолог 9
Исмаил сын Инховхаджи Чохского, наиб Шамиля 139, 160
Исмаил сын Османа из Аргвани, свидетель соглашения 135

Йунус сын Кази-Мухаммед-хана, свидетель соглашения 122
Йусуф, один из старшин с. Кумух 117

ал-**К**аббаши М.Т., юрист и политик 273
Кадиясулав сын Ша'бана Ободинского, свидетель соглашения 122
Кадыров А., муфтий Чечни, политик 274
Кажаров В.Х., историк-кавказовед 26, 53, 58, 67
Казанбий, внук Хаджи-Мурата Аварского 35

Казембек А.К., исламовед 147, 148
Казиев М.М., военный и собиратель адата 154
Кайнур Зайнутдин-оглы, крестьянин с. Акуша 72
Кайнуров М., следователь с. Акуша 72
Камиль из с. Тинди, учитель 74
Караев К.Р. (Кара-Караев), красный партизан 87
Каракуль-Магома из Ункратля, предводитель восстания 182
ал-Карахи (аль-Карахи), М.-Т., мусульманский историк и мемуарист 22, 23, 111
Кардаш Гаджи-оглы, крестьянин с. Санги 253
Карим сын Мухаммеда, кади 117
Карпов Ю.Ю., этнолог 3, 177
Катханов Н., военный и политический деятель 227
Качак Осман, абрек 84, 40
Качак-Омар, абрек 87
Каяев Али, кади, преподаватель и ученый 220
Кебед-Магомед Бежтинский, кади 220
Кебед-Мухаммед из Телетля, наиб и мудир Шамиля 138, 160
Кебедов Б.М. (Мухаммад Б.), владелец рукописной коллекции, имам мечети и политик 12, 75, 91, 266, 271, 275, 277, 280, 289
Кемпер М., исламовед и историк права 3, 8, 127, 132, 280
Киров С.М., политик 219
Кисриев Э.Ф., социолог 281
Клычев Ю., военный и собиратель адата 154
Ковалев С., правозащитник 93
Ковалевский М.М., социолог и историк права 4, 6, 9, 11, 113, 123, 150
Ковальская Г., журналистка 268
Козачковский П.В., российский администратор 79
Коллиер Дж., этнолог 109
Комаров А.В., ген., историк права и археолог 136, 149, 151, 169, 181
Косвен М.О., этнограф 4, 6, 7, 103, 104, 216
Крылов А.Б., востоковед 281, 282
Крэмер Г., исламовед 3
Кубас (Къубас), один из старшин с. Анчибачи 114, 115
Куббель Л.Е., этнолог 104
Кубутай сын Рамазан-оглы, крестьянин с. Друштул 182
Кудрявцев А.В., востоковед 3
Кужелева Е.П., хранитель РФ ИИАЭ ДНЦ 3
Кундалав из с. Сиух, свидетель соглашения 135
Курбан Мухаммед из Сиуха, свидетель соглашения 135
Курбанов М., администратор 280
Курумов К., военный и собиратель адата 154
Кучеров А.А. казачий старшина и собиратель адата 57, 59

Лавров Л.И., этнограф 23, 114, 115, 117, 146, 210, 216
Ладыженский А.М., юрист и историк права 4, 215, 216
Ламберти А., миссионер 17
Лапутина М.И., бывший директор ЦГА РД 3
Ленин В.И. 206, 207
Леонтович Ф.И., историк права 4, 10, 27, 150
Лермонтов М.Ю. 14, 29, 148
Лич Э., этнолог 101
Логинов А.В., этнолог и политик 268
Ломакин А., военный и этнограф 169
Лонгворт Дж., путешественник 58
Лугуев С.А., этнолог 68
Лукман, один из старшин с. Анчибачи 114
Люлье Л.Я. краевед и этнограф 57

Магома Амир-Ханилав-оглы, крестьянин с. Могох 70
Магомадова Т.С., историк 25
Магомаев А., крестьянин с. Урари 253

Магомед, чабан с. Гагатль 241
Магомед Абдул-Галил-оглы, крестьянин с. Хулисма 182
Магомед-оглы, крестьянин с. Акуша 72
Магомед-Рагим Гасан-оглы, крестьянин с. Ашага-Картас 69
Магомедов А., владелец рукописной коллекции в с. Согратль 12
Магомедов Д.М., историк и этнолог 68
Магомедов Р.М., историк 4, 36, 68
Макаров Д.В., востоковед 3, 276, 278
Малачиханов Б., инженер, историк и собиратель арабских древностей 215, 216
Малашенко А.В., востоковед 265
Малидж, глава тухума в с. Кумух 114, 117
Малиновский Б., этнолог 6, 101, 102, 212
Малла Акибай (Пакибай), бек 47
Манкуев Г., чабан с. Гагатль 183
Мансур, шейх 136
Мантигов Г., колхозник с. Хвайни 241
Мантигов Г., крестьянин с. Гагатль 183
Маркс К. 108, 206, 207
Марр Н.Я., юрист, лингвист и археолог 214–216
Масхадов А., ген., политик 94, 96, 274
Махачев Г., политик 96
Махмуд из с. Кахаб-Росо, поэт 185, 186
Маяковский В.В. 186
Межидов А., полевой командир 274
Мериме П. 23
Мерри С.Э., этнолог и историк права 99
Микоян А.И., политик 219
Милютин Д.А., военный министр 80, 142
Мирза Халиф-оглы (с. Могох), крестьянин 70
Михайлов В.М., министр 268
Мовчан Г.Я., историк архитектуры 32
Мур С.Ф., этнолог и историк права 99, 100, 124
Муртазали сын Сурхай-хана Казикумухского, герой борьбы с Надир-шахом 34
Муса, один из старшин с. Анчибачи 114
Мусаева М.К., этнолог 68
Мустафаева Э.В., директор Научной библиотеки ИИАЭ ДНЦ 3
Мута'аллим сын 'Али из с. Игали, свидетель соглашения 135
Мухаммад Ахун из с. Кумух, свидетель соглашения 120
Мухаммад Б. см. Кебедов Б.М. 91, 266
Мухаммад сын Худая из с. Кая, свидетель соглашения 120
Мухаммед, пророк 35, 266
Мухаммед из с. Акуша, писец 136
Мухаммед из с. Гоцоб, наиб Шамиля 160
Мухаммед из с. Ичиали, имам и свидетель соглашения 135
Мухаммед из с. Кудали, сподвижник Шамиля 139
Мухаммед из с. Нижнее Инхо, свидетель соглашения 135
Мухаммед Кудутлинский (ал-Кудуки), правовед и кади 111, 113, 133
Мухаммед Согратлинский, имам Дагестана и Чечни 80, 142
Мухаммед-Али, паша Египта 23
Мухаммед-Амин, наиб Шамиля 23
Мухаммед-Хашим Ахтынский, правовед и кади 135

Наджмутдин (Нажмутдин) Гоцинский, накшбандийский шейх, политик, имам Дагестана и Чечни 85, 89
Надир-шах, иранский завоеватель 33, 34, 39
Нажмутдин (Наджмутдин) из с. Гоцо см. Наджмутдин Гоцинский 85, 89
Назир-абрек 80

Назли дочь Идриса 117
Нафисат, крестьянка с. Гагатль 179, 180
Немиров, Джамбулат, адыг (черкес) 54
Никитин, Афанасий, путешественник 16
Никишенков А.А., этнолог 103, 108
Николай I 21, 171
Николай II 84
Нимейри (ан-Нимейри) М.Д., политик 273
Новикова Н.И., этнолог 105
Нурмагомедов М.Г., ученый-арабист и владелец рукописной коллекции 12
Нуцал сын 'Умма Нуцала, свидетель соглашения 122

Ожегов С.И., лингвист 30
Омаров, Абдулла, преподаватель и мемуарист 148
Омаров А.А., имам мечети в г. Астрахань 277
Омаров А.С., юрист и историк права 4, 217
Омаров Э., учитель и советский работник с. Аштикули 87
Омарова Ш. из гор. Буйнакск 77
Орджоникидзе Г.К., политический деятель 219
Осман, брат Хаджи-Мурата Аварского 47
Осман Даший-оглы (с. Охли), мальчик 69
Османов А.И., историк 3

Панарин С.А., историк-востоковед 3
Панек Л.Б., этнограф 35
Пантюхов И., кавказовед 24
Паскевич И.Ф., ген. 21, 153
Патимат Муталилов-кизы, крестьянка с. Ората 182
Пахрудинов М., глава администрации и владелец рукописной коллекции в с. Тлондода 12
Паху-Бике, ханша 47
Першиц А.И., этнолог 104, 106, 111, 132
Пирмагомедов С.-Г., имам мечети и владелец рукописной коллекции в с. Агвали 12, 277
Победоносцев К.П., религиозный и политический деятель 271
Покровский Н.И., историк-кавказовед 25
Полозов Б.Н., жандармский офицер и мемуарист 29, 81, 84
Посписил Л., правовед 99
Пулен-оглы, крестьянин с. Акуша 72
Пулло А.П., ген. 22, 81
Пушкин А.С. 14, 51, 53, 80

Раджаб сын Абкана из с. Дулдуг, свидетель соглашения 120
Раджабов, учитель и советский работник с. Сюринги 87
Радуев, Салман, полевой командир и террорист 91, 94, 95
Рамадан-эфенди Ахтынский, правовед и кади 135
Рамазан, кади с. Гаквари 64
Рамазан, крестьянин с. Гагатль 182
Рамазан Аджаб-Палай-оглы, крестьянин с. Арсуг 182
Рамазан Аликай-оглы, крестьянин с. Арсуг 182
Рамазан Кырхляр-бег-оглы, крестьянин с. Ашага-Картас 69
Рамазанов, Сражутдин, глава партии ал-Исламийа 94
Рамазанов Р.А., краевед 9, 12, 40
Расул, колхозник из с. Кванада 74
Рашкуев Ш., юрист и политик 218
Реут О.А., ген. 22
Ризван-чабан из с. Инхоквари 189, 190
Робин Гуд 14
Розен Г.В., ген. 22, 153
Розини С., исламовед 3
Рошин М.Ю., востоковед и политолог 3, 9, 92, 196, 266
Руновский А.И., военный и кавказовед 10, 17, 29, 185
Рустем-хан, ушмий Кайтагский 8, 127
Рэдклифф-Браун А.Р., этнолог 102

Саид, крестьянин из с. Тлядаль 203
Саид Араканский, ученый и мударрис 61
Саидов М.-С.Д., историк и лингвист 8, 127
Сали Галев-оглы, крестьянин с. Гонода 70
Салих из с. Дулдуг, свидетель соглашения 120
Салихилау, приближенный Гамзатбека 47
Салманов М., владелец рукописной коллекции в с. Хуштада 48
Сальваторе А., исламовед 3
Самурский Н., революционер и политик 88
Сардар Нугай (Нукъай), один из старшин с. Кумух 117
Семенов Ю.И., этнолог 104, 124, 152
Сержпутовский А.К., этнограф 57, 59
Скачко А.Е., этнограф и краевед 214, 224
Смирнова Я.С., этнолог 111
Соя-Серко И.Л., востоковед 3
Ссорин-Чайков Н.В., этнолог 212
Сталин И.В. 88, 209, 210, 216, 218
Сталь К.Ф., публицист и кавказовед 149, 150
Старосельский Д.С., военный и этнограф 19
Старр Дж., этнолог 109
Стевен Х., путешественник 36
Стриджбош Ф., этнолог 109
Сулейманов С., партийный работник с. Кули 87
Султан-Хусейн сын Сулеймана, свидетель соглашения 122
Суракат, легендарный Аварский хан 19, 48
Сурхай-хан Аварский 42, 46
Сурхай-хан I Казикумухский 33
Сурхай-хан II Казикумухский 21
Сюкияйнен Л.Р., историк мусульманского права 3, 270

Таймазов см. Бей-Булат Таймиев 21
Таман Юсуф-кизы, крестьянка с. Друштул 182
Таманаха Б.З., правовед 109
Тан см. Богораз 212
Тау-Султан Атажукин, абрек 53
Тахнаева П.И., историк-кавказовед 39
Тахо-Годи А.А., политик 224, 225
Тишков В.А., этнолог 5
Толль Ф.Г., линвист 28
Толстой Л.Н. 14, 24
Торнау Н.Е., специалист по мусульманскому праву 147
Торнау Ф.Ф., офицер и писатель 20
Тункуч из с. Ахвах, свидетель соглашения 122
Турач-Али Акибай (Пакибай), бек 47

Удугов М., журналист и политик 96
Узун Хаджи (Узун-хаджи) (Салтинский), накшбандийский шейх 85, 87, 88
Улхай-шахмал 120
Умар из с. Кая 120
Умаханов Х., краевед 179, 180
Уммкулсум-бике, ханша Казикумуха 200
Умму-хан Аварский Справедливый 8, 127
Услар П.К., лингвист и этнограф 24, 148, 149
Ушмиев Х., кн., военный и собиратель адата 154

Фадин А., журналист 270
Фата-Али сын Сурхай-хана Аварского, наиб Шамиля 160
Фрунзе М.В., военный и политик 173
Фуко М., философ 110

Хаджжи Мухаммед из с. Цинитль, свидетель соглашения 135
Хаджжи 'Умар, писец 117
Хаджи-Али (Гаджи-Али) Чохский, историк Кавказской войны 17
Хаджи-бек, правитель Кубинского ханства 153
Хаджи-Мурат Аварский, наиб Шамиля 35, 36, 38, 47, 54

Хаджиев О.И., крестьянин с. Цонторой 75
Хаджияв Каратинский, наиб 67, 201
Хадис Мачадинский, свидетель соглашения 134
Хадис Хандихский, мусульманский ученый и переписчик 127
Хадисилавлал, тухум 70
Халифа, кади с. Рича 114
Халифатов Н., владелец рукописной коллекции в с. Рутул 12
Хамза-бек ал-Гужали см. Гамзат-бек 46
Хамзатхан, абрек 40, 84
Ханыков Н.В., востоковед 147, 151
Хасан сын Салмана Хуштадинского, кади с. Хуштада 140
Хаттаб, полевой командир 90, 91, 94, 274
Хачилаев, Магомед, политический деятель 94, 96
Хачилаев, Надир-шах, политический деятель 94, 96
Хашаев Х.-М.О., историк и юрист 4, 8, 68, 127, 136, 217
Хедарас Гасан-оглы, двоюродный брат Хаджи-Мурата Аварского 36
Хобсбаум Э., историк 5
Хондочилав О., глава тухума в с. Ругуджа 75
Хочбар Гидатлинский, абрек 15, 40, 148
Хрущев Н.С. 211
Хусейн из Арага, свидетель соглашения 120
Хусейн сын Атнаса из с. Исиниб, свидетель соглашения 122

Цаголов К.М., администратор 268
Цадаса, Гамзат, поэт 233
Ципко А.С., политолог 268

Челокаев, кн., военный 22
Чернышев А.И., военный министр 171
Чеснов Я.В., этнолог 105
Чичба В., жрец 282
Чопан Казан-оглы, крестьянин с. Охли 69
Чориев А., крестьянин с. Средний Ачалук 182
Чурсин Г.Ф., этнограф 216

Ша'бан Ободинский, мусульманский юрист и кади 122
Шабанов А., крестьянин 253
Шайэг С., востоковед 3
Шамиль (Шаму'ил), имам Дагестана и Чечни 17, 19, 22, 23, 29, 33, 39, 40, 45–47, 49, 54, 80, 98, 106, 107, 111, 134, 136–142, 147, 158–160, 171, 173, 185, 197, 201, 203
Шаму'ил см. Шамиль 23, 140
аш-Шафии, Мухаммад, имам, основатель религиозно-правовой школы в исламе 112
Шахбан сын Албегаджи, крестьянин с. Гагатль 179, 180
Шахрезат, крестьянка с. Гагатль 182
Шахру, крестьянин с. Гагатль 182
Шиллинг Е.М., этнограф 13, 32, 47
Шифнер (Schiefner) А., лингвист 129, 149
Ших-заде, абрек 82, 85
Шихалиев Д.М., военный и собиратель адата 154
Шихсаидов А.Р., исламовед и историк-кавказовед 3, 8, 9, 12, 31, 114, 115, 117–119, 121, 122, 279, 280
Штернберг Л.Я., этнограф 212, 214
Шуайб Хасай-оглы, крестьянин с. Нижнее Казанище 70

Эвлия Челеби, путешественник 17
Элиас Т.О., этнолог и правовед 102
Эмин Ансалтинский, шейх 89

Юззел Л., журналист 92
Юнусов Ю.Ю., юрист 235, 236, 242
Юрчак А., социолог 212

Ямадаев С., полевой командир 274
Яндарбиев З., политик 96, 97, 270, 273
Ярлыкапов А.А., этнолог 3

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ* И ТОПОНИМОВ

Абсийахкент см. Кизляр 40
Абхазия 44, 74, 166, 281–283, 285, 286
Авария 19, 40, 49, 64, 113, 133, 137
Аварский округ 11, 68, 70, 75, 158, 182, 185, 186, 189, 251, 255
Аварское Койсу, р. 189, 235
Аварское ханство 42, 45, 47, 59, 127, 158
Агвали, с. 12, 13, 141, 236, 241, 277, 287
Аджария 74
Адыгейская автономная область см. Адыгея 215
Адыгея (Адыгейская автономная область) 23, 227–229, 265
Азербайджан (Азербайджанская ССР) 12, 81, 82, 96, 147, 153, 226
Азербайджанская ССР см. Азербайджан 251, 255
ал-Азхар, ун-т 112
Аксай (Гашгечив), с. 40
Акуша, с. 42, 50, 58, 72, 76, 85, 112, 134–136, 145, 185, 188, 218, 220
Алазанская долина (Алазань) 21, 79
Алазань см. Алазанская долина 38
Алжир, гор. 174
Алжир, пров. 173, 174
Алжир, страна 128, 171–175
Альбурикент, с. 200, 251, 262
Ангараз (Пангараз), г. 49
Англия 171
Андалал, союз общин 8, 61, 127
Анди, с. 9, 58, 75, 200, 251, 255, 261
Андийский округ 11, 69, 70, 158, 160, 185, 186, 189, 196, 200, 251, 255
Анкратль (Анкьракь), союз общин 138
Ансалта, с. 251, 255, 261
Ансуб, с. 122
Анчибачи (Анджибек), с. 114, 115, 122, 126
Анчикулакский округ 87, 251, 257
Араг, с. 120, 122
Арадирих, с. 251
Аракани, с. 61, 62
Аргвани, с. 135
Арзрум, гор. 14
Аркас, с. 195
Арсой, с. 255
Арсуб (Гарсуб), паст. 193
Арсуг, с. 182
Артвинский округ Кутаисской губернии 168–169
Архит, с. 115
Арчи(б), с. 195
Арша-махи, с. 251
Аскент, с. 245
Ассаб ('Ис), с. 62, 125, 132, 134
Астраханская область 275
Астрахань, гор. 85
Аттика, рег. 16

* г. — гора, гор. — город, кв. — квартал, креп. — крепость, о-в — остров, о-ва — острова, оз. — озеро, паст. — пастбище, пос. — поселок, пров. — провинция, р. — река, рег. — регион; с. — селение, св. — святилище, ст. — станица, ун-т — университет, ур. — урочище, хут. — хутор

Аурес, рег. 175
Аух, союз общин, район 255
Афганистан 21, 90
Африка, «Черная» 102
Ахвах, с. 122
Ахвахский район 13, 93, 255, 257, 259
Ахты, с. 117, 118, 186, 200, 203, 236, 261
Ахты-пара, союз общин 134
Ахты-чай, р. 117
Ахтынский район 233
Ашага-Картас, с. 69
Ашильта, с. 70, 251
Ашты, с. 115
Аша, хут. 241

Бакинская губерния 158
Баку, гор. 82
Балканы 21
Балхар, с. 177
Барнатли (Барналъи), паст. 195
Баршамай, с. 200, 253
Барши, кв. 177
Баташюрт, с. 91
Батлаич, с. 125, 129
Батлух, с. 251, 261
Батумский округ Кутаисской губернии 166, 168–169
Бахцуг, с. 251
Бацада, с. 12, 22, 69, 189, 192, 195
Башлы с. 21, 162
Бежитский округ 158
Бежта, с. 27, 220, 243
Белиджи, с. 195
Бецор, с. 45
Бирма 21
Блабурхуа, с. 282–284
Ближний Восток 110, 171
Богосский хребет 49, 140
Большая Кабарда, рег. 51
Борч, с. 246, 253
Ботлих, с. 12, 70, 180, 183, 185, 191, 236, 248, 251, 261
Ботлихский район 13, 92
Брюссель 99
Бугада (Бугъада), г. 200, 257
Буглен, с. 84
Буденновск (Святой Крест), гор. 85, 92, 93
Буйнакск (Темир-Хан-Шура), гор. 77, 78, 249
Буйнакский округ 251
Буйнакский район 13, 78
Бурная, креп. 42
Бурула, оз. 39
Бутакхи (БутIахъи), паст. 195
Буцра, с. 251

Вачи, с. 236
Вашингтон 96
Ведено, с. 140
Веденский округ 255
Веденский район 252
Верхнее Аршимахи, с. 261
Верхнее Гаквари, с. 191
Верхнее Казанище, с. 89, 251, 261
Верхнее Хваршини, с. 67
Верхний Дагестан см. Северо-Западный Дагестан 160
Верхний Кайтаг 128
Владикавказ, гор. 214, 226
Владикавказский округ 42
Внезапная, креп. 41
Воздвиженская, ст. 80
Волга, р. 93, 94
Восточная Сибирь 212
Восточный Кавказ 142, 156

Гагатль, с. 70, 179, 182, 183, 185, 186, 200, 241, 243, 251, 261
Газикумух см. Кумух 32, 113
Гаквари, с. 62, 64, 185, 251
Гакко, с. 201, 242, 255
Галайты, с. 255
Гапшах, с. 251
Гдым, с. 70
Гелли, с. 202
Георгиевск, гор. 145
Гергебиль (Улиб), с. 22, 45, 77
Германия 3
Гехи, с. 80
Гигатли, с. 185
Гидатль, союз общин 15, 58, 61, 69, 125, 126, 133, 179, 251, 261
Гимерсо, с. 202, 246

Гимры (Генуб), с. 70
Гинтли, с. 183
Гинух (Гьинуб, Гьинухъ), с. 197
Гихдия кувака (Гигъдийа кувакьа), кв. 189
Главный Кавказский хребет 20, 44
Главный Сулак, пос. 262
Гогаз, с. 251
Гогами, с. 21
Гоган, с. 251
Гоготль, с. 251
Годобери, с. 188, 251, 261
Гонода, с. 47, 70, 251
Горская АССР 227–229
Гоцо(б), с. 85
Гра-Курах, с. 251
Грозная, креп. см. Грозный 41
Грозный (креп. Грозная) 41, 82, 94, 149, 226, 265, 266, 271, 273
Грузинская ССР см. Грузия 255
Грузинское царство см. Грузия 98
Грузия (Грузинское царство, Грузинская ССР, Республика Грузия) 11, 21, 38, 51, 56, 57, 59, 67, 73, 79, 81, 96, 105, 142, 145, 153, 257, 281
Грузия горная 31
Губден, с. 12, 191, 202, 251, 261
Гудермес, гор. 274
Гумик см. Кумух 113–115, 118, 126
Гуниб, с. 80, 142, 222
Гунибский округ 11, 70, 158, 160, 178, 183, 186, 188, 189, 251
Гунибский район 13

Дагестанская АССР (ДАССР) см. Республика Дагестан 11, 72, 73, 75, 214, 217, 219, 220, 224, 225, 227, 230–232, 239, 242, 243, 250–253, 255, 257
Дагестанская область см. Республика Дагестан 11, 67, 79, 85, 149, 154–156, 158–160, 164, 166, 176, 185, 186, 190, 196, 198, 203, 259
Дай, с. 89
Дальний Восток 212
Даргинский округ 51, 69, 70, 72, 87, 158, 179–181, 186, 251, 253, 255
Дербент, гор. 21, 82, 133, 153, 154, 160, 173, 188, 195, 224, 249
Дербентский район 13
Джавгат, с. 255
Джаро-Белоканское общество (союз общин) 21, 81, 145, 147, 154, 158
Джары с. 21
Джугъуд тlануб рекъа, холм 202
Дибгаши, с. 12
Дон, р. 93, 94
Друшдул (Друштул), с. 115, 182
Дулдуг, с. 120, 122
Дуранги, с. 251, 278
Дыдрыпш-ныха, св. 282
Дюбек, с. 255

Европа 103, 133
Египет 56
Елизаветпольская губерния 29, 154, 158, 183, 185, 196

Закавказье 16, 29, 44, 81, 105, 148, 152, 168, 261
Закаспийская область 169, 170
Закаталы, с. 21, 38
Закатальский округ 154–156, 168, 183, 185, 196
Закубанье 28
Заната, с. 251, 261
Западная Европа 21, 150
Западный Кавказ 44, 281
Зардобский район 255
Засулакская Кумыкия 133, 158, 196
Зерехгеран см. Кубачи 115, 120, 122
Зибирхали, с. 188
Зилинки (Цилинг), с. 115
Зило, с. 202
Зиндатлар (Зиндалъар), ур. 191
Зрых, с. 12, 70
Зулер, с. 119, 120

Игадах-меэр (Игадах-мегlер), г. 201, 257, 259, 260
Игали, с. 22, 45, 70, 135
Идакум-кутан 202
Изани, с. 200, 257
Избербаш, гор. 243
Израиль 96

Икра, с. 82
Ингердах, с. 179
Ингушевский округ см. Ингушетия 182
Ингушетия (Ингушевский округ) 41, 81, 91, 94, 108, 133, 215, 227, 229, 239, 265, 270, 273, 280
Индия 171
Инхоквари, с. 189, 190
Иордания 90
Ирвайн, гор. 105
Иргакли, с. 251
Ириб, креп. 45
Исагъид, ущелье 202
Исиниб, с. 122
Италия 3
Итимар акахьай гирве, ущелье 202
Ихрек, с. 202, 240
Ичиали, с. 135
Ичкерия (Южная Чечня) 17

Йемен 112

Кабарда см. Кабардино-Балкария 12, 45, 46, 54, 56, 59, 65, 66, 79, 81, 82, 85, 168, 227–229
Кабардино-Балкария (Кабарда) 44, 75, 215, 229, 239, 265
Кабардинский округ 46
Кабилия, рег. 128
Кавказ 5, 6, 13, 14, 16, 17, 19, 23–26, 29, 30, 35, 44, 45, 56, 57, 66, 71, 73, 76, 79–81, 85, 90, 93–95, 103, 105, 106, 112, 128, 130, 137, 147, 148, 150–152, 166, 169, 171–173, 175, 205, 206, 214–216, 226–229, 268–272, 281, 286, 287, 290, 291
Кавказская линия 41, 42, 44, 66, 148, 154, 166
Кавказский край см. Кавказ 42, 44, 152, 155, 166, 181, 182
Кадар, с. 55, 68, 78, 278
Кади-Юрт, станция 82
Казахстан 74, 93, 169, 170, 211, 229
Кази-Кумух (Казикумух) см. Кумух 32, 47
Казикумухский округ 11, 68, 69, 158, 161, 181–183, 186
Казикумухское ханство 50, 158
Каир, гор. 110
Кайтаг 32, 129, 153, 158
Кайтаго-Табасаранский округ 69, 70, 85, 158, 181, 253, 255
Кайтагский район 255
Кака, с. 202
Кала, с. 246
Каладжух, с. 251
Калуга, гор. 17, 185
Калук, с. 200, 251, 261
Кама-Кичун, с. 251
Камилух, с. 251
Кара-Киши, с. 122
Кара-тюбе, кутан 202
Каракюре, с. 251
Карамахи, с. 78, 278, 280
Карата, с. 47, 67, 191, 200, 201, 259, 261
Карах, союз общин 45, 61
Карачаево-Черкесия (Карачай) 44, 265
Карачай см. Карачаево-Черкесия 28, 79, 227, 229
Карсская область 166, 168
Каспийск, гор. 243
Каспийское море 19, 82
Касум-Измайловский район 255
Касумкент, с. 195, 236
Катрух, с. 202
Кахаб-росо, с. 70, 185
Кая, с. 120, 122
Кванада, с. 9, 12, 13, 32, 74, 76, 78, 118, 190, 191, 202, 243, 246, 248, 251, 277
Кеди, с. 62, 201, 259, 277, 290
Келеб, союз общин 8, 61
Кербела, гор. 84
Кесер, с. 251
Кидеро (Гениатль), с. 251
Кизилюрт, гор. 12, 75, 243, 289
Кизляр (Абсийахкент, Кизляркала), с., затем гор. 40, 87, 249
Кизляркала см. Кизляр 40
Кизлярский округ 87, 251
Кимихур (Кимихюр, Кимихьур), с. 115, 251
Кир-яр, кутан 202
Кироваул, пос. 276–278

Киша, с. 12
Константина, пров. 173
Константинополь, см. Стамбул 12
Корсика, о-в 21
Кочхюр, с. 251
Краснодар, гор. 215
Краснодарский край 28, 239
Крым 85
Кубано-Черноморская республика 227
Кубанская область 44, 79, 166–168, 173, 226
Кубань, р. 42, 54
Кубачи (Зерехгеран), с. 57, 68, 89, 114, 115, 162
Кубинское ханство 50, 153, 158
Куг, с. 253
Кудали, с. 94, 251
Кудияб-росо, с. 200, 257
Кукваз, с. 251
Кул-Кул (Куркуркент, Куркурхьур), с. 115
Кулан-вир, оз. 115
Кумторкала, с. 202
Кумук см. Кумух 120
Кумух (Газикумух, Гумик, Кази-Кумух, Кумук), с. 32, 61, 113, 114, 120, 122, 149, 177, 180, 186, 200, 220
Кумыкская кордонная линия 42
Курах, с. 115, 203, 251
Курдали, с. 120, 122
Куяда, с. 188
Къора бувагъолацо, ур. 202
Кюрдамирский район 255
Кюринский округ 12, 69, 158, 182, 253
Кюринское ханство 50, 158
Кяхулай-Торкали, с. 200

Лакский округ 87
Лакский район 13, 255
Лачи (ЛачIи), оз. 202
Лашкендар, св. 282
Лдзаа-ныха, св. 282
Леваши, с. 79
Левашинский район 13, 79
Левый фланг (Левое крыло) Кавказской линии 42, 153, 154
Лезгинская кордонная линия 41
Ленинград, см. Санкт-Петербург 11, 215, 216
Лучек, с. 237, 261
Лых-ныха, св. 282
Лябсаки, кв. 177

Магарамкент, с. 200
Магарамкентский район 77
Магарский участок Лакского округа 87
Магриб, рег. 21, 172, 173
Мака, с. 251
Малая Кабарда, рег. 28
Манжурия (Маньчжурия), рег. 81
Марага, с. 202
Махачкала (Петровск, Порт-Петровск), гор. 3, 8, 11–15, 82, 94, 105, 119, 148, 200, 215, 217, 240, 249, 260–262, 276, 278, 280, 281, 287, 290
Махачкалинский район 251
Мачада (МечI), с. 125, 178, 188, 191, 193
Мегрелия (Мингрелия), рег. 17
Мекеги, с. 180, 202
Меланезия, о-ва 101
Местерух, с. 179
Метрада, с. 67
Мехельта, с. 135
Мехтулинское ханство 158
Миарсо, с. 70
Микрах, с. 251
Милгъол, ур. 140, 141
Митхо, с. 22
Мишлеш, с. 146, 147, 195
Мишол, ур. 141
Могох, с. 70, 179, 251, 261
Моздок, креп. и гор. 65, 226
Москва 3, 10, 11, 13, 14, 25, 73, 93, 96, 101, 105, 141, 215, 216, 267, 270, 271, 287
Мочох, с. 202
Муктакента, паст. 255
Мурхирдахалу (Мурхьирдахалу), паст. 200
Муслим-аул, с. 251
Мушули, с. 45

Нагорный Дагестан 3–5, 7, 8, 11, 12, 16, 19, 21, 27, 28, 31, 33, 45, 46, 48, 49, 51, 55, 57–60, 67–69, 75, 85, 89, 91, 98, 103, 111, 113, 115, 117–121, 123, 130, 132, 133, 136–138, 141, 145, 149, 150, 158, 168, 172, 175, 188–190, 192, 197, 204, 205, 234, 241, 250, 287, 288, 290
Назрановский редут см. Назрань 41
Назрань (Назрановский редут) 41, 44
Накитль, с. 251
Нальчик, гор. 226
Нати (НатӀи), ур. 195
Нидерланды 100
Нижне-Сунженская кордонная линия 41, 42
Нижнее Аршимахи, с. 261
Нижнее Инхо, с. 135, 251
Нижнее Казанище, с. 70, 76, 220, 236, 251, 261
Нижнее Хваршини, с. 67, 251
Нижний Дженгутай, с. 202
Ниймеген 100
Нитаб, с. 251
Ново-Щедринская, ст. 251
Новолакский район 233, 261
Новые Атаги, с. 80
Новый Костек, пос. 12, 262
Новый Хушет, пос. 240
Новый Чиркей, пос. 236, 238
Нью-Йорк 3, 11, 85

Обода, с. 60, 189
Оран, пров. 173
Ората, с. 182
Османская империя 45, 168, 172
Охли, с. 62, 69, 251

Пакистан 96
Параул, с. 202
Париж 12, 173, 174
Петровск см. Махачкала 82, 160
Петроград см. Санкт-Петербург 214
Пильтиевский, пос. 75
Пиринеи 21
Порт-Петровск см. Махачкала 224
Постбус, гор. 100
Правый фланг Кавказской линии 42
Пятигорск, гор. 85

Ратлуб, с. 61, 240
Республика Дагестан (Дагестанская область, Дагестанская АССР) 3, 11, 91, 236, 250
Ригитль, с. 125
Рича (ар-Риджа), с. 114
Ричагоних, с. 246, 251
Российская империя см. Россия 21, 41, 66, 98, 99, 105, 106, 142, 147, 153, 169, 171, 206, 207, 210, 271
Российская Федерация (РСФСР) см. Россия 10, 73, 75, 90, 106, 208, 209, 211, 214, 216, 217, 219, 224, 225, 227, 231, 232, 240–243, 262, 264, 271, 272, 281
Россия (Российская империя, СССР, Российская Федерация) 3, 5, 14, 19, 29, 30, 41, 44, 51, 53, 59, 65–67, 81, 85, 93, 99, 100, 103, 106, 141, 142, 145, 147, 148, 150, 153, 166, 169, 185, 188, 189, 205, 206, 214, 219, 259, 264, 265, 269–271
Ростов-на-Дону (Ростов), гор. 14, 215
Ростовская область 44
Ругуджа, с. 47, 75
Ругун (Рухун), с. 115
Рутул, с. 12, 118, 190–192, 203, 241, 246, 261
Рутульский район 13, 237

Сагада, с. 251
Сагопш, с. 85
Салатавия, союз общин 27, 45, 145
Салта, с. 85
Самилакх (Самилахъ), кв. 177
Самур, р. 154
Самурский округ 69, 153, 158, 183, 251
Самухский район 255
Санги, с. 253
Санкт-Петербург (Петроград, Ленинград) 3, 13, 154
Саситли, с. 9, 12, 70, 76, 182, 191, 195, 201, 251, 257, 259, 277, 290

Саудовская Аравия 90
Сахалин, о-в 30
Святой Крест см. Буденновск 85
Северная Америка 103
Северная Африка 171
Северная Осетия (Северная Осетия–Алания) 56, 75, 91, 227–229, 239, 265
Северный Азербайджан 21, 29, 82, 84, 153, 168
Северный Дагестан 21, 32, 41, 70, 87, 89, 189, 229, 242, 275, 277–279
Северный Кавказ 3–5, 7, 14–16, 20, 21, 25, 26, 29, 34, 41, 42, 44, 54, 55, 61, 64, 65, 67, 71, 73, 76, 77, 79–81, 84, 87, 89–91, 94, 98, 99, 103–105, 108, 110, 111, 121, 132, 136, 147, 149–151, 166, 169, 170, 172, 173, 182, 185, 205, 212, 214, 215, 217, 226–229, 233, 238, 239, 241, 243, 259, 261, 262, 264–266, 268–272, 275, 278, 279, 287, 288, 290
Северо-Восточный Кавказ 5, 24, 48, 51, 61, 67, 113, 117, 120, 132, 133, 141, 142, 204, 278
Северо-Западный Дагестан 19, 42, 51, 77, 87, 91, 148, 162, 242
Северо-Западный Кавказ 5, 17, 19, 28, 35, 41, 44, 46, 58, 66, 142, 166–168, 173, 226, 228, 275
Северо-Кавказский край 71, 73
Сибирь 44, 81, 185, 186, 212, 214
Сильди, с. 67, 68, 195, 201, 257, 259, 277
Сиух, с. 135
СНГ 96
Советский Союз см. СССР 14, 90, 209, 271
Советское, с. 77
Согратль, с. 12, 45, 69, 142, 189
Средний Ачалук, с. 182
Средняя Азия 48, 166, 169, 170, 212, 229, 238
СССР (Советский Союз) см. Россия 11, 13, 30, 77, 78, 98, 99, 105, 205, 208–212, 214–216, 255, 259, 261, 264, 271, 281, 290
Ставрополье (Ставропольский край) 14, 44, 45, 68, 77, 85, 239, 250, 269
Ставропольский край см. Ставрополье 252, 275
Стамбул (Константинополь) 3
Старо-Щедринская, ст. 251
Старогладковская, ст. 251
Старый Костек, с. 12, 262
Степковское, ст. 251
Судан 273
Сулуби, паст. 193, 195
Сунжа, р. 41, 42
Сунженская кордонная линия 41, 44
Сунженский район 44
Сурсабаки, с. 200, 255
Сухумский отдел Кутаисской губернии 166, 168–169
США 12, 96
Сюгут, с. 195

Табасаран 32, 153, 158
Табасаранский район 255
Тагадиб (Тагъадиб), паст. 193
Тад-Магитль, с. 200, 257, 261
Тажум ягьа гирве, ущелье 202
Талгода, с. 45
Тамуда, с. 69
Тандо, с. 251, 261
Тануси, с. 22, 180
Тарджал, с. 251
Тарки, с. 251
Тарковское шамхальство 50, 158
Тархуб, г. 120, 200, 257
Ташгечив см. Аксай 40
Тбилиси (Тифлис) 11
Телави, с. 67
Телетль, с. 47, 189, 200
Темир-Хан-Шура см. Буйнакск 121, 149, 156, 159, 160, 188, 195, 218, 224, 226, 227
Темир-Хан-Шуринский округ 69, 70, 85, 158, 181
Терек, р. 38, 41, 42, 226
Терская кордонная линия 42
Терская область 67, 79, 81, 85, 158, 160, 166–168, 182, 203, 226, 250, 251

Терско-Сулакская низменность 257, 261
Тинди, с. 74, 75, 182, 259
Титаль (Титель), с. 115
Тифлис см. Тбилиси 19, 21, 148, 196
Тлисси, с. 120, 126
Тлондода, с. 9, 12, 62, 162, 191, 192, 200, 248, 257, 289
Тлох, с. 191
Тлох (Лъох) Рударукуб, ур. 193
Тлуцалзай (Лъцалзай), паст. 193
Тлядаль, с. 27, 203
Тлярада, р. 197
Тляратинский район 251
Тляцуда, с. 251
Тпиг, с. 119, 120
Тробриан, о-ва 101, 212
Тукита, с. 179
Тумурал (Томурал), союз общин 134
Туркестанский край 169, 170, 271
Туркмения 169
Турция 96

Узбекистан 266
Украина 85
Улиб см. Гергебиль 45
Уна, хут. 74
Ункратлинское наибство (участок) Андийского округа 67
Ункратль (Ункъ-ракь), союз общин 45, 181, 201
Унцукуль, с. 202, 251
Унцукульский район 236
Урада, с. 27, 61, 178, 183
Урари, с. 200, 253
Урахи, с. 251, 261
Уркарах, с. 162, 191
Урус-Мартан, гор. 75, 275
Усиша, с. 61, 136
Усур, с. 251
Утамыш, с. 162
Ухщи, кв. 177
Ушниг, с. 255

Филя, с. 251
Франция 3, 171, 175, 241

Хаджал-махи, с. 76
Харадж (Харедж), с. 115
Харачой, с. 70, 84, 140, 203
Харбук, с. 89, 162
Харуи (Хlаруьи), паст. 195
Хасавюрт, гор. 12, 85, 195, 249, 277, 280
Хасавюртовский округ 80, 158
Хасавюртовский район 88, 92, 93, 255, 261
Хбук (Хпюк), с. 115
Хвайни, с. 241, 246
Хвартикули, с. 251
Хварши, с. 12, 162, 179, 188, 191
Хваршини, с. 182
Хевсуретия, рег. 57
Хибитар (Хипетар), с. 115
Хив, с. 191, 195
Хивский район 255
Хиндах, с. 139, 202
Хирубухна, лес 195
Хкем, с. 200
Хнов, с. 253
Ходна 175
Хой, с. 255
Хонох, с. 243
Хорикх (Хlорихъ), кв. 177
Храх, с. 200
Хрюг, с. 200, 251, 261
Худжи, с. 200, 255
Худул (Худиц), с. 114, 115, 118, 121
Хуландой, с. 255
Хулисма, с. 182
Хуля, с. 200, 203
Хунзах, с. 23, 33, 35, 45, 46, 76, 148, 177, 180, 195, 236, 245, 257
Хунзахский район 13, 257
Хунзахское плато 40
Хунуб (Хlунуб), холм 197
Хутхул, с. 120, 122
Хушет, с. 67
Хуштада (Хушдада), с. 9, 12, 13, 48, 68, 69, 75, 118, 120, 126, 132, 140, 185, 191, 192, 195, 196, 200, 241, 245, 251, 257, 277, 288, 289
Хюрехюр, с. 251
Хюркели, с. 180

Шагуни (Шагуни), г. 200, 257
Шада, с. 76
Шахур, с. 112, 251
Шекуб, с. 8, 128
Центр Кавказской линии 42, 54
Центральная Россия 69, 168, 185, 204, 212, 214, 242, 243, 269
Центральный Дагестан 77, 87, 114, 162, 186, 188, 242, 279
Цинитль, с. 135
Цирал Батлух, с. 251
Цолода, с. 179
Цонторой, с. 75
Цончимио, ур. 180
Цохор кура' (Цогъор кураъ), ур. 189
Цохоркалакх (ЦогъоркIалахъ), ушелье 189
Цудахар, союз общин 58, 134, 185, 188, 195, 243
Цуйди, с. 185
Цумада, с. 246, 251
Цумадинский район 13, 74, 75, 92, 93, 121, 141, 241, 252, 257, 259, 260, 275, 277, 287, 290
Цуриб, с. 45

Чабанмахи, с. 78, 278
Чакхал, с. 203
Чанди, г. 200, 257
Чархи-ам, оз. 203
Чеберлой (Чаберлой), союз общин 22
Черномория см. Черноморская кордонная линия 44
Черноморская кордонная линия 42, 54
Чечен-аул, с. 87
Чечено-Ингушетия (Чечено-Ингушская АО) 56, 67, 69, 75, 89, 129, 166, 167, 229, 252, 257
Чечено-Ингушская АО см. Чечено-Ингушетия 255
Чеченская АО см. Чечня 73
Чеченская Исламская Республика Ичкерия (ЧРИ) см. Чечня 96, 273, 274
Чеченская кордонная линия 42
Чеченская Республика см. Чечня 28, 75, 95, 96, 265, 270, 271, 274
Чечня (Чеченская АО, Чеченская Республика, Чеченская Исламская Республика Ичкерия) 14, 16, 22, 27, 34, 41, 42, 51, 58, 59, 67, 68, 77, 79, 81, 82, 84, 85, 87, 88, 91–94, 96–98, 108, 118, 133, 137, 141, 142, 149, 226–229, 239, 241, 243, 262, 265–268, 270, 273–275, 278, 280, 281
Чечня горная 22, 42, 82, 88, 89, 185, 255
Чирката, с. 251
Чиркей с. 22, 45, 64, 145, 186
Чолода, с. 195
Чох, с. 9, 12, 23, 39, 45, 191, 195, 236, 245

Шаитли, с. 33, 251
Шамиль-кала, пос. 235, 236
Швейцария 3
Шемахинский район 255
Шиназ, с. 9, 12, 40, 50, 74, 76, 162, 203, 237, 245, 261
Ширак (Ширакская степь) 38
Ширакская степь см. Ширак 255
Шолода, паст. 195
Шотландия, Горная 21

Элюгун, ур. 289
Эчеда, с. 76, 246, 251, 257
Эчединский район 251

Южная Грузия 84
Южная Россия 168
Южная Чечня см. Ичкерия 17, 89
Южный Дагестан 12, 14, 32, 35, 74, 77, 82, 111, 112, 114, 129, 133, 136, 146, 153, 162, 185, 188, 189, 196
Южный Лезгистан 158
Южный Табасаран 112

Ялджуг, с. 200
Япония 81

УКАЗАТЕЛЬ ЭТНИЧЕСКИХ И ДИАЛЕКТАЛЬНЫХ НАЗВАНИЙ

абхазы 281, 282
аварцы 13, 28, 31, 32, 38, 40, 42, 56, 59, 60, 128, 129, 133, 154, 162, 261
адыги (черкесы) 17, 25, 34, 66, 281
азербайджанцы 82
аккинцы (чеченцы) 22
алжирцы 173, 175
англичане 171, 172, 212
андалальцы 112
андийцы 17, 22, 75, 140, 162, 203
андо-цезкие народы 28, 31, 58, 127, 133
арабы 19, 173
арчинцы 195
ауховцы (чеченцы) 138, 261
ахвахцы 13, 120

багвалинцы см. багулалы 27, 39
багулалы (багвалинцы) 13, 22, 39,. 48, 118, 122, 138, 140, 202
балкарцы 5, 89, 130, 229
бежтинцы 154, 189, 202
берберы 128

вайнахи 34, 38, 133, 142

греки (древние) 16
грузины 48, 281

даргинцы 28, 31, 129, 154, 162, 261, 262
дидойцы см. андо-цезские народы 69

евреи 202

ингуши (назрановцы) 5, 44, 89, 128, 211, 229

кабардинцы (черкесы) 5, 20, 42, 46, 54, 58, 59, 66
кабилы 172
казаки 38, 79, 166, 168
казаки кубанские 44
казаки терские 252, 261
кайтаги 16
каратинцы 39, 138, 201
карачаевцы 5, 89, 229
койсубулинцы 22
корсиканцы 57
кубачинцы 115, 121
кумыки 133, 162, 252, 261, 262

лакцы 28, 129, 177, 261
лезгины 28, 162, 261

меланезийцы 6

назрановцы см. ингуши 42
ногайцы 261, 262

осетины 34, 128

русские 17, 29, 44, 45, 48, 93, 137, 138, 146, 160, 173, 232, 243
рутульцы 13, 40, 261

сваны 130

табасаранцы 129
тадбуртинцы см. чеберлоевцы 17
татары крымские 80
терекеме 177, 188, 190
тиндинцы 13, 69, 75, 128
тленсерухцы 39
турки 172
туркмены 169

узбеки 266
улед-сиди-шейх 175

французы 171–175

хваршины 190

цахуры 146, 147, 261
цезы 69

чамалалы 13, 22, 39, 69, 138
чеберлоевцы (тадбуртинцы) 17
черкесы см. адыги 58
черкесы см. кабардинцы 51
черкесы 5
чеченцы 5, 54, 57, 70, 76, 82, 89
93, 97, 133, 167, 203, 211, 229
252, 255, 259, 261, 268

шатоевцы 17

эвенки 212

УКАЗАТЕЛЬ ТЕРМИНОВ И ПОНЯТИЙ

аббаси 64
абрек 4, 10, 14–16, 21, 22, 25–30, 36, 40, 42, 44, 53, 54, 59, 79–82, 84, 85, 87–90, 93, 96, 148, 153, 158, 190
авал см. махалла 177, 236
ага 174
адат ('ада, мн. 'адат) 4–14, 30, 47, 51, 54–61, 64–68, 70, 71, 73, 98, 104–108, 110–113, 118–130, 132–141, 145, 149–154, 156, 158, 159, 162–164, 166–172, 174–180, 183, 185, 188–192, 195–198, 200, 202–205, 207, 215–218, 220, 222, 225, 226, 229, 231–235, 238–240, 244–246, 248–250, 259, 260, 262, 273, 277, 278, 281, 282, 285–290
'аджам 123, 162, 231
'адил 127, 161, 191
'адл 111, 126
'адувв см. канлы 128
айат 121, 164
акариб (мн. от кариб) см. тухум 124, 125, 185
аксакал 111, 161, 170
'алим 111, 138, 274, 276
алым 57, 68, 163
аманат 21, 22, 46
'амил 161, 220
амир 280
амир ал-му'минин 138
аныха 282, 285
апараг 27, 28, 236
'арш 174
'асабат см. тухум 125
'аскар 32, 117
ахали см. ахл 134
ахл (мн. ахали) 125, 126, 139, 178, 196, 197
ахран см. эл 248

байт (мн. буйут) см. тухум 114, 124
байт ал-карйа 111
байт ал-мал (байтулмал) 33, 47, 197
байт ар-ру'аса' 111
баранта см. ишкиль 61, 71, 216, 222
баруман 162
басмала 114, 117, 120, 164
батирте 31, 33
бегавул (ра'ис) 67, 68, 160, 162–164, 166, 220
бек 35, 36, 46–48, 127, 129, 149, 153, 156, 159, 176, 181, 186, 188, 197, 200–202, 218
бет гермек 58, 68, 76
бид'а (мн. бида') 137, 266
бидул вацал 58
бидул къисас см. кисас 55
бикт-халел 34
бо см. «вольное общество» 31, 32, 49, 59
болмац (болмацIul) 38, 123
будун см. му'аззин 161, 162
буйут см. байт 122

вакф 60, 121, 124, 125, 156, 192, 198, 200, 251, 275
васийа 124, 156
«ваххабиты» 75, 78, 79, 94, 266, 267, 271, 274–278, 280
вилайа (вилайет) 137, 138, 140
«вольное общество» (бо, иха, хуребо, эри) 9, 17, 34, 36, 45, 46, 50, 58, 59, 61, 62, 81, 112, 115, 121, 122, 124–127, 138, 140, 142, 145, 149, 150, 154, 158, 201

газават (мн. от газва) 33, 46, 84
гази 39, 82
гим см. годекан 122, 129, 185, 222

годекан (гим, махфил) 122, 129, 185, 188, 222, 248
гулала-хъала 31
гьоркьо рукъ 31
гьинкIуш (кундудж) 196

даман 125, 126
дафатир (мн. от дафтар) 132, 178
джайш 22, 31, 32, 124, 126
джамаат (джама'а, джема'а) 9, 27, 42, 55, 59–61, 64, 67, 119, 121, 122, 124–128, 130, 133–137, 140–142, 145–147, 149, 150, 156, 158, 160, 162, 168, 176, 178–180, 188, 190–192, 195–198, 200–202, 204, 225, 236, 238, 246, 248, 251, 253, 259, 261, 264, 275, 277, 280, 286, 289
джема'а 174, 175
джигит 17, 30, 34, 36, 38, 40, 41, 53
джигка 183
джихад 93, 95, 269
джуад 173, 174
джунуд (мн. от джунд) 23
джурм 136
дибир 47, 60, 68, 76, 126, 161–163, 219, 220, 238, 260, 277, 280
диван 137
диванбек 163, 192
дирхем 64
дият (дийа) 57, 60, 67–71, 114, 115, 118, 126, 128, 135, 163, 164, 183, 185, 188, 285
дуар (от араб. дуввар) 173
дыжиниго (дыжьыныгъуэ) 35

закат 45
зарар 124
зевше (зэIушIэ) 66
зекве (зекIуэ) 20, 34, 54
зикр 68
зиярат (зийара) 68

имам 19, 22, 23, 35, 46, 48, 49, 78, 80, 88, 107, 111, 112, 122, 137–140, 142, 164, 219, 228, 265, 266, 268, 277
имамат 21–23, 29, 45, 47, 49, 54, 80, 98, 136–138, 141, 142, 159, 160, 197
инфарада 135
иттифак 137
иха (игьа) см. «вольное общество» 31
ихйа' ал-харим 141
ихтилат 31
ишкиль 8, 9, 55, 61, 62, 64, 65, 71, 108, 134, 164, 222

йыры 84

каа 130
кабила см. тухум 27, 60, 61, 124, 135
кади (ходжа, мн. куда) 42, 64, 94, 111, 112, 114, 117, 122, 123, 133, 135–138, 145, 153, 158, 160–162, 166, 167, 169, 170, 174, 181, 228, 277, 280
каид (ка'ид) 174
кали (къали, от кайл) 64, 69, 179, 181, 191, 193, 195
калым 68, 128
канлы ('адувв) 30, 60, 68, 70, 76, 126, 163, 167, 180, 183, 185, 186, 188, 191, 222
кIант 35
канун 9, 98
караваш 177
каракан 183, 241
карт 161
катиб 121, 122
качак (гачаг, къачагъ, хъачагъ) 28, 29, 40, 80, 84
кебин талак 60, 163
кевх 162
кила 236
кирбас 69, 189
кисас (бидул къисас) 55, 134
композиций система 9, 57, 65, 69, 118, 125, 163, 183
кубара' см. ру'аса' 114, 122
куда см. кади 126
кул'а (къулгIа, къулла, къурма, къулла) 264
«кулак» 210, 243
кули 177
кунак 28, 54, 59, 64, 289
кундудж см. гьинкIуш 196
кунисса 161
курбан (къурбан) 198

кутан 191, 202
къапила 32
къокъа (мн. къокъаби) 32, 33, 49

лаг (лагъ) 177, 236
лъхукъуэлI 58

мават 191
магал см. махалла 153, 177, 236
маджалла 174, 175
мазхаб 112, 133
майсум 46, 145
мамлюк 23
мангуш 162
марабут 173, 175
марцарантал 161
маслахат (маслахIат, от сулх, мусалаха) 58, 76, 164, 178, 225, 231, 238, 240, 260, 286
маслиат (маслигIат) см. маслахат 58, 164, 178, 286
махаким шар'иййа см. махкама 227
махакма см. махкама 174, 175
махалла (авал, магал) 135
махзен 172
махи 192
махкама (махакма, мехкеме, махаким шар'иййа) 159
махфил см. годекан 114, 122
мег (мегъ, мигъе, мих) 192, 193, 249, 250
медресе 113, 264, 276, 279, 280
мектеб 264, 280
мехкеме см. махкама 66, 168
милиция горская 29, 49–51, 67, 85, 158, 160, 161
мононорма 104
мохазни 174
му'аззин (будун, муэдзин) 135, 161
мударрис 112
муджахид (муджахед) 90
муджтахид 138
мудир 49, 138, 160
мульк (мулк) 60, 117, 118, 122, 140, 177, 190–193, 197, 198, 241, 246, 251
муртазик 49
муршид 19
мута'аллим 195
муфтий 137, 138, 140, 266
мухаддар см. мухдар 181, 185
мухаджир 45, 141
мухдар (мухаддар) 128
мухтасибун 266
мушрикун 266
мюрид (мурид) 22, 40, 47, 49, 141

наиб (на'иб) 23, 35, 47, 49, 67–69, 80, 137–141, 153, 160, 161, 166, 171, 181, 189, 201
насх, дагестанский 12, 114, 146, 164
нахийа 59, 124, 126, 134, 178
низам 49, 137, 138, 141
никах 278
ниф 128
нукер 144
нуцал 22, 32, 48, 127

пахта 33
полуавтономное социальное поле (semi-autonomous social field) 99, 100, 106, 109, 110, 124, 126, 137, 167
пши (пшIы) 19, 28, 34, 35, 44, 46

раджм 134, 222, 267
ра'ис см. бегавул 158
расм (мн. расма', русум) 111, 134, 135, 137; см. также адат
ратал (ратIал, от ратл) 64, 178, 179
риджал (мн. от раджул) 32, 117, 123, 140
риф 236
росо 192
ру'аса' (мн. от ра'ис, кубара') 58, 61, 111, 122, 123, 134, 161
руккел 162; см. также джамаат

саййид 48, 112, 127
салаф (мн. аслаф) 266
сапехно 31
сах (са') 191
сахиб ад-дам 56
сехбат 31
сидар бахIру 31
спаги 174
сунна 279
суфий 60

таварих см. та'рих 55, 120, 121, 134, 289
тамазалар 161
тарикат 274
та'рих (мн. таварих) 23, 119
тахлиф (халф) 60
тлекотлеш (*лIакъуэлъещ*) 35
туман 134, 135
тургак 162
тусев 60, 163, 189
тухум (акариб, 'асабат, байт, кабила) 9, 27, 28, 31–34, 48, 55, 56, 58, 60, 61, 67–70, 72, 75, 76, 122, 124, 125, 127, 129, 134, 149, 150, 168, 177, 179, 182, 183, 190, 236, 240, 244
тюрки 12

уздень 28, 34, 35, 44, 46, 47, 66, 149, 156, 177, 178, 181, 186, 188, 190, 197, 236
'укала' (мн. от 'акил) 111
ушмий 19, 46, 127, 145

факих (мн. фукаха') 61, 111, 160
Фатиха (ал-Фатиха) 68
фетва (фатва) 137, 275
фидйа 59, 125, 126, 128, 181, 185, 193, 195
фикх 133, 135, 138, 156, 197, 269, 270, 272, 277
фукаха' см. факих 134

хаджж 264, 265, 280
хадис 121
хаким (мн. хукама') 112
халафа 135
халифат 173
халф см. тахлиф 60, 163, 191
хамдала 120, 164
хан 34, 35, 46–48, 61, 137, 156, 159, 176, 181, 186, 188, 197, 200, 201, 218
харадж 117–120, 122
харамбаш 30, 84
харим 60, 125, 140, 141, 192, 198, 245, 250
хасэ 66
хатиб 112, 117, 122
хатун талак 60, 163; см. также кебин талак
ходжа см. кади 174
худуд (мн. от хадд) 134, 138, 222, 267, 269
хукама' см. хаким 123
хуребо см. «вольное общество» 31, 32, 49, 112
хутба 78
хъирим 33, 36
хюр (хьур) 192

цевекхан (цевехъан) 34

чагар 144, 177, 179, 190
чанка 36, 46, 47, 127, 133, 186
чауш 162, 174, 225
чиракх (чирахъ) 198
чухби (чIухIби) 161

шамхал 46, 64, 113–115, 117–119, 121, 122, 127, 145
шариат (шари'а) 4, 10, 12, 61, 66, 96, 98, 106–108, 110, 111, 113, 123, 124, 129, 130, 132–138, 140, 141, 145, 151, 153, 156, 159, 162–164, 166–170, 176, 185, 198, 204, 205, 216–220, 222, 226–229, 231–234, 262, 264–280, 290
шах 34
шахада 121
шахид 82
шейх 19, 68, 78, 82, 85, 88, 89, 151, 160, 218, 227, 228, 233
шура 94, 274
шурта' 65

эл (мн. элиби — гIел, гIелиби) 65, 162, 192, 225
элиби см. эл 248
эмир (амир) 117, 123, 127
эмират 95, 227
эри см. «вольное общество» 31, 32
эфенди 111, 135, 167, 227, 277

ясак 144, 145

СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВАЯ ЛЕКСИКА ВОСТОЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ ИЗ ДАГЕСТАНСКИХ РУКОПИСЕЙ И НАДПИСЕЙ XIV–XX вв.

Хорошо известно, что на Северо-Восточном Кавказе вплоть до начала XX столетия арабский, подобно латыни в средневековой Западной Европе, оставался основным языком письменной культуры, и в первую очередь права. На нем писали книги и письма, велось делопроизводство, издавались законы. Своеобразным центром арабоязычной культуры региона был Нагорный Дагестан. В государственных, частных и мечетных собраниях сохранилось огромное количество арабских рукописей из этого небольшого, но важного субрегиона, большинство их относится к XVIII–XIX вв. Есть среди них отдельные памятники XIV–XVII вв. Традиции письменной культуры на арабском языке сохранялись в регионе вплоть до советских антимусульманских гонений 30–50-х годов XX в., а в некоторых удаленных районах, в частности в Северо-Западном Дагестане, до 70–80-х годов столетия. Данные рукописей существенно дополняются материалами дагестанской арабоязычной эпиграфики XIV–XX вв.

Многовековое существование оригинальной арабоязычной литературы в неарабской языковой среде наложило определенный отпечаток на литературный арабский язык (اللغة العربية الفصحى), употреблявшийся дагестанскими мусульманами, его лексику, грамматику и синтаксис. Особенно хорошо это заметно в текстах соционормативного характера. Исследователи отмечали невозможность дословного перевода этих источников (*Шихсаидов, Гаджиев, Давудов:* 1996, 324; Хрестоматия по истории права и государства Дагестана: 1999). В лексике и грамматике соционормативных текстов из Дагестана следует учитывать влияние местных кавказских (нахско-дагестанских) и тюркских языков, на которых думали их составители. Иначе неизбежны грубые ошибки при переводе. Составление словаря основных соционормативных терминов и выражений к дагестанским рукописям и надписям давно уже стало насущной необходимостью. Между тем до настоящего времени историки и филологи не шли дальше объяснения отдельных понятий (см., например: *Саидов*: 1967, 95, 98, 242, 326, 362; *Айтберов*: 1975, 3–6; *Магомедова, Халилова*: 2001, 25, 154, 159).

Предпринимая пробную попытку составления такого словаря, я обратился в основном к лексике хрестоматийно известных памятников дагестанской арабоязычной литературы эпохи средневековья и нового времени, тексты которых неоднократно публиковались на русском, реже и на арабском языке,

таким, как Худутская, Аштынская и Курахская исторические надписи XIV в., «Тарих Дагистан» Мухаммед-Рафи, «Завещание Андуника», «Гидатлинские адаты». Их материалы были дополнены текстами из тетрадей (араб. دفاتر) неиздававшихся сводов дагестанского адата, «памятных записей» (تواريخ), «соглашений» между сельскими общинами (إتفاق), указов российских дореволюционных и ранних советских властей, таких, как знаменитое «Положение о сельских обществах» 1868 г., опубликованное первоначально на арабском языке. Из архивных материалов были использованы в основном материалы Рукописного фонда Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН (РФ ИИАЭ) в Махачкале.

Из этих соционормативных текстов было отобрано более 100 важнейших словарных и фразеологических единиц. В их число не вошли записанные в арабской графике понятия, взятые из местных языков, такие, как *ишкиль* (إشكيل), титулы местной мусульманской знати — *шамхал* (شمخال), *нуцал* (نوصال), *майсум/ма'сум* (مأسوم) и пр. Основные из них разобраны дагестанскими историками и филологами (*Маршаев*: 1959; *Айтберов:* 1984; *Айтберов:* 1989; *Айтберов, Джидалаев:* 1989; *Криштопа*: 1989; *Кадыраджиев:* 1989). Я ограничился сбором арабских (а также немногих персидских и тюркских) терминов, имеющих в дагестанских источниках местную коннотацию. В историко-географическом отношении эти понятия представляют в основном соционормативную лексику авароязычных районов Центрального и Северо-Западного Дагестана.

Словарь позволяет представить ход развития и изменения соционормативной лексики народов Нагорного Дагестана под влиянием русского завоевания и судебно-административных реформ XIX–XX вв. Этот важный процесс до сих пор не привлекал внимания ученых. Среди современных этнографов существует даже превратное представление о неизменности практики и понятий дагестанского адата до начала XX в. Между тем с изменением условий жизни горцев целый пласт важных терминов или изчез, или переменил свои значения.

Например, во второй половине XIX в. перестали употребляться понятия أمراء, سلاطين, означавшие ханов и беков, потерявших свой статус в 1860-е годы. Создание в 1868 г. общины-джамаата отразилось в термине رئيس (староста-бегавул), заменившем дореформенное понятие كبراء, رؤساء (старшины, представлявшие правившие тухумы селения). Из-за упразднения «вольных обществ» и ополчений горцев ко второй половине того же столетия вышло из употребления понятие جيش в значении «сельская община», «союз общин». Термин ناحية вместо «вольного общества» стал означать округ дореволюционного Дагестана, а слово ولاية — всю Дагестанскую область. В XIX в. появился термин محكمة, применявшийся сначала к дореволюционным, а затем к советским шариатским судам.

Принцип построения глоссария следующий. После каждого термина в круглых скобках приводится его чтение и, в случае необходимости, этимология. По возможности указывается время употребления термина в текстах, его ходовые арабские синонимы и эквиваленты в нахско-дагестанских, персидском или/и тюркском языках. В квадратных скобках приведены ссылки

на источники, в которых встречается понятие. В конце словаря приведен общий список использованных источников и сокращений.

Айтберов: 1975 — *Айтберов Т.М.* К вопросу о джизье в Аварском нуцальстве (XVII–XIX вв.) // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XI годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР (краткие сообщения и автоаннотации). М., 1975.

Айтберов: 1984 — *Айтберов Т.М.* Из социальной терминологии агульцев (мигьтар) // Отраслевая лексика дагестанских языков. Сб. ст. Махачкала, 1984.

Айтберов: 1989 — *Айтберов Т.М.* К вопросу об административном термине «мангуш» // Социальная терминология в языках Дагестана. Сб. ст. Махачкала, 1989.

Айтберов, Джидалаев: 1989 — *Айтберов Т.М., Джидалаев Н.С.* О термине «уздень» на Северо-Восточном Кавказе // Социальная терминология в языках Дагестана.

Кадыраджиев: 1989 — *Кадыраджиев К.С.* Структура и генезис соционима «шамхал» // Социальная терминология в языках Дагестана.

Криштопа: 1989 — *Криштопа А.Е.* О возможном происхождении дагестанского титула «нуцал» // Социальная терминология в языках Дагестана.

Маршаев: 1959 — *Маршаев Р.Г.* О термине «шамхал» и резиденции шамхалов // УЗ ИИЯЛ, т. VI.

إِتِّفَاقٌ (араб. *иттифак*) — соглашение, постановление общины, союза общин в актах и памятных записях XVII — середины XIX в. [Э.Д.; Б.А.; Г.А., с. 14, 26, 32, 34, 40, *далее* passim; Х.П.Г., *д.* 1, 2, 9, 11, 13, *далее* passim; А.А., с. 67, 68; А.К., с. 82; А.Ц., с. 103, 106, 107, 108, 109, passim; К.У., с. 275]. Синоним — عَهْدٌ (араб. *'ахд*, «договор, обещание») [А.А., с. 67; И.Т., *л.* 15].

إِحْيَاءُ ٱلْحَرِيمِ (араб. *ихйа' ал-харим*, «оживление харима») — раздел общинных пастбищ (حريم) на мульки членов общины и их распахивание. В текстах XIX — нач. XX в. [А.П.].

إِخْرَاجٌ مِنْ أَهْلِ ٱلْقَرْيَةِ / مِنَ ٱلنَّاحِيَةِ (от араб. описат. оборота: *ихрадж мин ахл ал-карйа/мин ан-нахийа*, «исключение из членов селения/округа») — изгнание кровника (тюрк. *канлы*) из общины или союза общин в сводах адата и памятных записях до конца XIX в. [Г.А., с. 24, Х.П.Г., *д.* 23, А.К., с. 84; А.Ц., с. 105].

إِدْخَالٌ (араб. *идхал*, «включение») — переход клана, общины под покровительство и юрисдикцию: 1) другого клана (فى قبيلة) [Х.П.Г., *д.* 17]; 2) другой общины или союза общин (فى أهل قرية) — в историко-правовых текстах до сер. XIX в. [Х.К.].

أَرْشٌ (араб. *арш*) — компенсация, плата за кровь тухуму пострадавшего по адату (до сер. XIX в.) [Г.А., с. 26, 30; Х.П.Г., *д.* 39; А.А., с. 67].

إِطْعَامُ مِائَةَ رَجُلٍ لِلْفِدْيَةِ (от араб. описат. оборота: *ит'ам ми'ат раджул ли-л-фидйа*, «кормление ста людей в качестве пени») — обязанность зависимых селений раз в год кормить крупные партии молодежи из главного селения союза общин. В текстах XVII–XIX вв. эквивалент общедагестанского обычая *пахта* [Г.А., с. 28, ср.: с. 30].

إِطْلاَقُ الْقَرْيَةِ (араб. *итлак ал-карйа*) — разрешение собирать виноград, фрукты, зерно с частных садов и полей в актах XVII — начала XX в. До этого, согласно адату, они считались «запретными» (منهى) под угрозой штрафа в пользу общины [Б.А.].

إِغَارَةٌ (араб. *игара*) — разбойное нападение, набег в текстах XVII–XIX вв. Эквивалент — авар. *чабхъен*, дарг. *чябхъин*, лак., лезг. *чапхун*, кум. *чаптъун* [Г.А., с. 16; А.А.А.; Х.П.Г., *д.* 1, 40; см. также: *Джидалаев:* 1990, 162–163]. Синоним — ظُلْمٌ (араб. *зулм*, «насилие») [И.Т., *л.* 15; А.А.А.].

أَقَارِبُ (араб. *акариб*, мн. от قَرِيبٌ, «близкие») — линидж, подразделение тухума родственников по отцовской линии, единое юридическое лицо согласно адату [Г.А., с. 28, 30; Х.П.Г., *д.* 16, 17, 18; А.А., с. 68, 69; А.Ц., с. 103, 104]. Эквивалент — багв. *гьай*, рут. *сихил* и пр. В текстах XVII–XIX вв. синоним — عِصْبَاةٌ (от араб. *'исба*, «группа [родственников]») [Г.А., с. 28, 30].

أُمَرَاءُ (от араб. *умара'*, «правители», мн. от *амир*) — горская знать до русского завоевания сер. XIX в. Эквивалент — *ханы, беки* [И.Т., *л.* 15; Х.П.Г., *д.* 20, 31, 49; А.А., с. 67, 68]. Синоним — سَلاَطِينُ (араб. *салатин*, мн. от سُلْطَانٌ) [Х.П.Г., *д.* 2, 11; К.У., с. 275].

أَمِيرٌ (от араб. *амир*, «повелитель») — 1) [наследный] предводитель ополчения, *хан* дореформенной эпохи (до сер. XIX в.). Эквивалент — авар. *нуцал* [З.А., Г.А., с. 38; А.П., № 1498; Х.П.Г., *д.* 23, 25, 32, 34, 45]; 2) *амир ал-му'минин* (أمير المؤمنين) — правитель имамата в 1828–1859 гг. [П.Ш., passim].

إِنْفَرَدَ (от араб. *инфарада*, «уединяться») — уклоняться от соблюдения решений своей общины, союза общин. Акты XVIII в. сурово карают за подобное «диссидентство» [Х.П.Г., *д.* 13]. Синоним — خَالَفَ (араб. *халафа*) [Г.А., с. 32; Х.П.Г., *д.* 13].

أَهْلٌ، أَهَالِ (от араб. *ахл*, мн.: *ахалин*, «жители») — 1) члены рода потерпевшего или правонарушителя, действующие как единое юридическое лицо согласно адату [Г.А., с. 30; А.А., с. 67, 68; А.Ц., с. 103, 105; И.Т., *л.* 15]; 2) свободные полноправные члены общины, союза общин. В актах XVII — сер. XIX в. эквивалент — обшедаг. *узлень* [Г.А., с. 6, 10,12, 20, 24, *далее* passim; Х.К.; А.А., с. 67, 68, 69; А.К., с. 82; А.Ц., с. 103, 105; К.У., с. 275; А.П., № 1184, 1498; Б.А.; Х.П.Г., *д.* 1, 4, 11, 16, 20, *далее* passim]; 3) члены пореформенного суда (أهل المحكمة), сер. XIX — 20-е годы XX в. [А.Ц., с. 119; Б.А.; Р.А.].

بَالِغٌ (араб. *балиг*) — совершеннолетний член сельской общины (с 15 *лет*), по закону от 1 апреля 1868 г. имевший право представлять свою семью на

сельском сходе [Г.А., с. 14, 28; А.Ц., с. 67, 68; Б.А.]. Синоним — كَامِلٌ (араб. *камил*) [Х.П.Г., *д.* 14].

بَنَى ٱلدَّمَ عَلَى مَنْ (араб. *бана ад-дам 'ала ман*, «возводить на кого-либо кровь») — убить кровника по местному закону. В сводах адата и актах до сер. XIX в. [Х.П.Г., *д.* 16].

[لِيَوْمِ ٱلْغَدِ] بَيَانٌ (араб. *байан [ли-йаум ал-гад]*, «разъяснение [на будущее]») — преамбула дореформенных соглашений-*иттифак* в текстах XVII — сер. XIX в. [Х.К.; З.А.; Г.А., с. 32, 38; Х.П.Г., *д.* 24].

بَيْتٌ (от араб. *байт*, «дом») — 1) семья как часть клана-тухума [Э.Д., с. 82–85; Г.А.; И.Т., *л.* 15; Х.П.Г., *д.* 27, 37]; 2) домохозяйство, «дым» (بيت دخّانيّ) с правом участия в народном собрании в 1860–1917 гг. [Б.А.].

بَيْتُ ٱلْقَرْيَةِ (араб. *байт ал-карйа*, «сельская управа») — место заседаний правителей дореформенной общины, союза общин [А.К., с. 85]. Синоним — بَيْتُ ٱلرُّؤَسَاءِ (араб. *байт ар-ру'аса'*) [А.Ц., с. 110].

بَيْتُ ٱلْمَالِ (араб. *байт ал-мал*, «казна») — государственная собственность имамата, образованная в 1828–1859 гг. из конфискованных частных владений-*мулк* его противников [М.К.].

تَأْرِيخٌ، تَوَارِيخُ (от араб. *та'рих*, мн.: *таварих*, «история») — «памятная запись»: анналы в виде глоссы в тексте или на полях. Историко-правовой жанр, к которому принадлежит большинство дореформенных правовых актов XVII — сер. XIX в. [Х.П.Г., *д.* 17, 30; А.Т.М., с. 215, 260]. Синоним — تَذْكِرَةٌ (араб. *тазкира*) [Х.П.Г., *д.* 42, 52].

تَحْلِيفٌ (араб. *тахлиф*) — приведение родственников и односельчан подозреваемого к коллективной присяге согласно адату, чтобы очистить его от возводимого на него преступления [Г.А., с. 16, 18, 20, 28, 34, далее passim; А.К., с. 83, 84; А.Ц., с. 104, 108, 117; К.У., с. 275]. Синоним — يَمِينٌ (араб. *йамин*, «клятва, присяга») [Г.А., с. 34; Х.К.].

تُومَان (от перс. *туман*) — *туман*: крупная иранская серебряная монета, ходившая на Северо-Восточном Кавказе в XVI–XVIII вв. С конца XVIII в. ее заменила русская 10-рублевая монета, называвшаяся в Дагестане *туманом* до нач. XX в. [А.П., № 1728; Х.П.Г., *д.* 12, 14, 19, 26, 34, далее passim; П.Ш., *д.* 30, 72; А.А., с. 68, 70; см. также: *Броневский:* 1823, 462–463].

جُرْمٌ (араб. *джурм*) — правонарушение, как правило, уголовного характера, влекущее за собой кровомщение или виру по адату [И.Т., *л.* 15; Х.П.Г., *д.* 3]. Синоним — جِنَايَةٌ (араб. *джинайа*, «уголовное правонарушение») [Г.А., с. 26].

جِزْيَةٌ (от араб. *джизйа*, «подушный налог») — подать, обычно исчислявшаяся в головах скота, которую до 60-х годов XIX в. платили горской знати зависевшие от нее семьи, кланы и селения. Не имеет ничего общего с податью-*джизйа* по шариату. По местным преданиям, селения горцев, добровольно принявшие ислам, были освобождены от подати *харадж* и

обложены легким налогом *джизйа*. Эквивалент — авар. *магъало* [А.П., № 498; Х.П.Г., *д.* 10, 15, 20, 42].

جَمَاعَةٌ (араб. *джама'а*, «община») — сельская община, *джамаат* в историко-правовых текстах начиная с XVII–XVIII вв. [Г.А., с. 26, 38; А.П., № 1184, 1291, 1498; Х.П.Г., *д.* 3, 4, 11, 13, 20, *далее* passim], а также: 1) низшая административная единица имамата Шамиля (1834–1859); 2) сельское общество как низшая административная единица Дагестанской области (1860–1917) [П.С.О., с. 2; Б.А.].

جُنْدٌ، جُنُودٌ (от араб. *джунд*, мн.: *джунуд*, «войско») — сельское ополчение дореформенной общины, союза общин (جيش, см.) в историко-правовых текстах XV–XIX вв. [З.А.; Г.А., с. 2; Х.К.; Х.П.Г., *д.* 23]. Синоним — عَسْكَرٌ (араб. *'аскар*) [Э.Д., с. 374—375; З.А., Х.П.Г., *д.* 14].

جَيْشٌ (от араб. *джайш*, «войско») — дореформенное общество: 1) сельской общины; 2) конфедерации общин, «вольного общества»; 3) ханства (например, Аварского нуцальства, Казикумухского шамхальства). В текстах XV — середины XIX в. эквивалент — авар. *бо*, анд., карат. *игьа*, дарг. *хуребо*, груз. *эри* [Г.А., с. 26, 38, 40; А.А., с. 70; Х.П.Г., *д.* 2, 30]. Синоним — عَسْكَرٌ (араб. *'аскар*) [Э.Д., с. 374–375; З.А., Х.П.Г., *д.* 14; ср.: *Джидалаев:* 1990, 154, 156].

حَاكِمٌ (от араб. *хаким*, «судья, правитель») — дореформенный третейский судья между общинами, обычно из числа горской знати (أمراء); (выборный или наследный) правитель союза сельских общин [Г.А., с. 40; А.П.; Х.П.Г., *д.* 14, 20; П.Ш., *д.* 2].

حَدٌّ، حُدُودٌ (араб. *хадд*, мн. *худуд*, «предел», «заповедь») — 1) границы земель сельской общины, союза общин, ханства. Их описания часты в до- и пореформенных документах по адату XIV — нач. XX в. [Э.Л., ч. 1, с. 118; Э.Д., с. 82–84; Х.П.Г., *д.* 21; Б.А.; Р.А.]; 2) категория уголовных наказаний за преступления против нравственности и общественного порядка в шариате [А.А.А.].

حَقٌّ (араб. *хакк*) — долговое обязательство [Б.А.; Х.П.Г., *д.* 8, 15].

خَرَاجٌ (от араб. *харадж*, «поземельный налог») — подать с земель общины, союза общин в пользу местной знати по обычному праву в текстах XIV–XIX вв. Не имеет ничего общего с налогом *харадж* по мусульманскому праву [Э.Д., с. 374–375; Т.Д., *л.* 2б; Г.А., с. 8; И.Т., *л.* 15; Х.П.Г., *д.* 20, 24, 27, 42].

دِرْهَمٌ (от греч. *драхма/дирхам*) — *дирхем*: мелкая серебряная арабская, а затем османская монета, ходившая на Северо-Восточном Кавказе до XVI–XVIII вв. С конца XVIII в. ее заменила русская 10-копеечная монета, называвшаяся в Дагестане *дирхемом* до конца XIX в. [Х.П.Г., *д.* 12; ср.: *Хинц:* 1970, с. 11].

دَفْتَرُ [عَادَاتِ] (араб. *дафтар* ['*адат*], «тетрадь [адатов]») — свод правовых норм адата сельской общины, союза общин. Разновидность местных кодексов дореформенного времени, сохранившаяся до начала XX в. [А.А.А.].

دِيَةٌ (араб. *дийа*) — *дият*: вира, компенсация за пролитие крови по обычному и мусульманскому праву в текстах XV–XX вв. Эквивалент — тюрк. *алым* [Э.Д., с. 82, 83, 86; Г.А., с. 14, 20, 24, 26, 28, *далее* passim; А.А.А.; А.А., с. 67, 70; А.Ц., с. 104; Х.П.Г., д. 3].

دِيوَانٌ (от перс. *диван*, «канцелярия») — в Северном и Центральном Дагестане созданные российскими властями: 1) сельские словесные и окружные народные суды (1860–1917); 2) шариатские сельские и окружные суды послереволюционного Дагестана (1918–1927). Синоним — محكمة (араб. *махкама*, «суд») [А.Ц., с. 119; П.С.О., с. 2, 5, 14–17; А.П., № 1184; Б.А.; Р.А.].

رُؤَسَاءُ (араб. *ру'аса'*, «главари», мн. от رَئِيسٌ) — дореформенные старшины, правители: 1) сельской общины; 2) конфедерации общин; 3) ханства в актах XVII — сер. XIX в. [Г.А., с. 10, 14, 20, 26, 32, *далее* passim; А.Ц., с. 107, 108; К.У., с. 275; Х.П.Г., д. 14; М.К., с. 6].

رَئِيسٌ (от араб. *ра'ис*, «главарь, начальник») — 1) сельский староста, «старшина» в системе военно-народного управления 1860–1917 гг. [П.С.О., с. 2, 8; А.П., № 1184]; 2) председатель сельсовета/колхоза в 1920–1930-е годы. Эквивалент — общедаг. *бегавул*, азерб. *юзбаши* [Б.А.].

رِجَالٌ (от араб. *риджал*, «мужи», мн. от رَجُلٌ) — полноправные члены дореформенной общины, союза общин в текстах XIV–XVIII вв. [Э.Д., с. 374–375; З.А.; А.П., № 1184].

رَطْلٌ (из греч. λίτρα через араб. *ратл*) — *ратал*: мера веса и объема сыпучих тел, а также штрафов натурой по адату, исчислявшаяся по-разному в различных селениях Нагорного Дагестана. Эквивалент — авар. (хунзахский) и дарг. (акушинский) 1 *ратIал* = 6 *гилавка* по 0,4 кг, агул. 1 *ратIал* = 5 *гирванка* по 0,4 кг и т.д. Использовалась в быту до сер. XX в. [Г.А., с. 14, 16, 26; А.Ц., с. 103; Х.П.Г., д. 50; ср.: М.М., с. 167–182; *Хинц*: 1970, с. 34—39].

رَعِيَّةٌ (араб. *ра'иййа*, «податное сословие») — селения (реже тухумы) раятов-переселенцев, платившие горской знати поземельный налог-харадж (см.) за пользование ее мульками. Не путать с классическим понятием *раят* по мусульманскому праву [Т.Д., *л.* 5а, 6б; Г.А., с. 6].

رِيفٌ (от араб. *риф*, «село, сельская местность») — скотоводческий хутор. Эквивалент — авар. *кули*, анд. *кила*, *чила*, дарг. *махи* и пр. [Г.А., с. 8; Б.А.; М.К., passim; А.Ц., с. 118].

سَاكِنُ ٱلْبَيْتِ (от араб. *сакин ал-байт*, «живущий в доме») — 1) гость; 2) гостеприимец. Эквивалент — общедаг. (из тюрк.) *кунак*, авар. *гьобол* [Г.А., с. 20].

سَرْدَار (от перс. *сардар*, «военачальник») — российский наместник Кавказского края и главнокомандующий Кавказской армией в официальных документах и памятных записях XIX — нач. XX в. [А.П., № 1537].

شَالٌ (араб. *шал*) — *шаль*: отрез грубой домотканой материи длиной 5–6 м. Мера длины ткани и исчисления штрафов натурой по адату. Исчислялась

по-разному в различных селениях Нагорного Дагестана. Использовалась в быту до сер. XX в. [Г.А., 14, 24; А.А.А.; Х.П.Г., *д.* 47].

شَاهِيٌّ، شِيهَانٌ (*шахий*, мн.: *шихан*, от перс. *шах*) — *шахий*: медная иранская монета, ходившая на Северо-Восточном Кавказе в XVI–XVIII вв. С конца XVIII в. ее заменила русская 5-копеечная монета, называвшаяся в Дагестане *шахием* до нач. XX в. [Б.А.; Х.П.Г., *д.* 35; А.Ц., с. 117; см. также: *Броневский:* 1823, 463].

شُبَّانٌ (от араб. *шуббан*, «юноши», мн. от شَابٌّ) — союз прошедшей инициацию неженатой молодежи, основа сельского ополчения до сер. XIX в. Эквивалент — кубач. *батирте*, дарг. *ихтилат*, рут. *сехбат*, цез. *сидар бахIру* и пр. [А.К., с. 83; Х.П.Г., *д.* 52, дополнения: *д.* 10, 19].

شُرَطَاءُ (араб. *шурата'*, мн. от شُرْطِيٌّ *шуртий*, «полицейский, полиция») — сельские исполнители (решений дореформенной и пореформенной сельской администрации до первой трети XX в.). Эквивалент — авар. *гIелал*, тюрк. *чауш* [Г.А., с. 10, 26; А.А., с. 68; А.Ц., с. 103, 116; А.А.А.; Х.П.Г., *д.* 2].

شَرْعٌ/شَرِيعَةٌ (араб. *шар'*, *шари'а*, «прямой, правильный путь») — *шариат*, система религиозных и правовых норм ислама, составляющая основу мусульманского права. Встречается в текстах об усилении роли ислама в жизни сельских общин в XVIII–XIX вв. [Г.А., с. 40; А.А., с. 69; Х.П.Г., *д.* 4, 9, 12, 13; А.А.А.].

شَهَادَةٌ (араб. *шахада*) — подписи свидетелей, заверяющие подлинность важнейших документов по адату. Обязательный элемент до- и пореформенного делопроизводства XVI — нач. XX в. [Х.К.; Г.А., с. 12, 32; Х.П.Г., *д.* 2; Б.А.].

صَاحِبُ ٱلدَّمِ (араб. *сахиб ад-дам*, «держатель крови») — родственник потерпевшего, имеющий право на кровомщение или получение *дията* по дореформенному адату [Х.П.Г., *д.* 14].

صَاعٌ (от араб. *са'*) — *сах*: мера объема сыпучих тел, а также исчисления штрафов натурой по адату, исчислявшаяся по-разному в различных селениях Нагорного Дагестана. Эквивалент — авар. 1 *сахI*, представлявший собой деревянную мерку размером 14×24×18,5 см. У даргинцев называется *сяхI/сягI*, у агулов — *саъ* и составляет 5–6 *гирванка*, в данном случае понимающихся как мера объема. Аварцы Карахского союза различали «*шариатский*» и «*рыночный*» *сах*. Первым исчисляли закат, и он был в полтора раза меньше второго. Площадь земельных угодий также измеряли участком, который засевался одной меркой-*сах* зерна. Использовалась в быту до сер. XX в. [Г.А.; Б.А.; Х.П.Г., *д.* 47; ср.: М.М., с. 167–182; *Хинц:* 1970, с. 59].

صَدُقَاتٌ/صَدَاقٌ (араб. *садукат/садак*) — брачный дар жениха родителям невесты. Эквивалент — тюрк. *калым* [Х.П.Г., *д.* 12, 13].

صُلْحٌ (араб. *сулх*) — дореформенный третейский суд до сер. XIX в., примирение между общинами или общиной и ханами при посредничестве гор-

ской знати или общинной элиты нейтральных селений. Эквивалент — общедаг. *маслахат/маслиат* [А.П.; Х.П.Г., *д.* 16, 31, 52].

ضَمَانٌ (от араб. *даман*, «ответственность») — возмещение, пеня за уголовное или имущественное правонарушение в пользу родственников потерпевшего [Г.А., с. 18, 20, 24, 26, 28, *далее* passim; Х.К.; А.А., с. 69; А.Ц., с. 105, 118; К.У., с. 275].

عَادَةٌ (араб. *'ада*, мн.: *'адат*, «обычай») — *адат*: 1) неправовой обычай; 2) обычное право в текстах XV–XX вв. Эквивалент — авар. *балъ* («ряд, борозда»), дарг. *зегьа*, чечен. *хъел* и пр. [Г.А., с. 20; А.А., с. 69; А.Ц., с. 103, 116, 117, 118, 119, *далее* passim; Х.П.Г., *д.* 3, 9, 13, 24, 31, *далее* passim; М.К., с. 6]. Синонимы XVIII–XIX вв.: 1) رَسْمٌ/رَسْمٌ عَادِيٌّ (араб. *расм/расм 'адий*) [Г.А., с. 40; Х.П.Г., *д.* 3, 9, 13, 39; М.К., с. 6; А.А., с. 69; А.Т.М., с. 215, 260]; 2) عَدْلٌ (араб. *'адл*) [Г.А., с. 14; Х.К.; М.К., с. 6]; 3) عُرْفٌ (араб. *'урф*) [И.Т., *л.* 15; Х.П.Г., *д.* 14; М.К.]; 4) قَانُونٌ، قَوَانِينُ (от греч. κᾰνών через араб. *канун*, мн.: *каванин*) [Х.П.Г., *д.* 14]; 5) قَوَاعِدُ (араб. *кава'ид*, мн. от قَاعِدَةٌ) [Х.П.Г., *д.* 14].

عَادِلٌ، عُدُلٌ (от араб. *'адил*, мн.: *'удл*, «справедливый») — третейский судья в дореформенную эпоху [Г.А., с. 20, 24; А.А.А.; А.П., № 1498].

عَاقِلٌ (араб. *'акил*) — находящийся в здравом уме и правоспособный по пореформенному праву (согласно положению 1868 г.) [А.Ц., с. 106; Б.А.].

عَالِمٌ، عُلَمَاءُ (араб. *'алим*, мн.: *'улама*, «ученый») — *алим*: знаток традиционного круга исламских наук, в первую очередь права-*фикх* и *шариата* [П.Ш., *д.* 2].

عَبَّاسِيٌّ (от имени 'Аббас) — иранская серебряная монета, названная по имени сефевидского шаха Аббаса I (1587–1629). Широко ходила на Северо-Восточном Кавказе в эпоху сефевидской экспансии XVI–XVIII вв. С конца XVIII в. ее заменила русская 20-копеечная монета, называвшаяся в Дагестане *аббаси* до нач. XX в. [А.Ц., с. 105; А.А.А.; Х.П.Г., *д.* 14, 35; см. также: *Броневский:* 1823, 463].

عَبْدٌ، عَبِيدٌ (араб. *'абд*, мн.: *'абид*, «раб») — 1) домашний раб из военнопленных-немусульман или их потомков; 2) челядь в домах знати. В текстах XV–XX вв. эквивалент — авар. *лагъ*, кум. *чагъар* и пр. [Г.А., с. 28; Х.К.; Х.П.Г., *д.* 6]. Синонимы XVII–XIX вв.: 1) مَمْلُوكٌ (араб. *мамлук*) [Х.П.Г., *д.* 5, 7]; 2) غُلَامٌ (араб. *гулам*, «мальчик, слуга») [Г.А., с. 16].

عَدُوٌّ (араб. *'адувв*) — кровный враг. Эквивалент — тюрк. *канлы* до сер. XIX в. [Г.А., с. 30; А.А., с. 70; см. также: *Джидалаев:* 1990, 130–131].

عُرَفَاءُ (от араб. *'урафа'*, «сведущие», мн. от عَارِفٌ) — дореформенный сельский суд по обычному и мусульманскому праву (до сер. XIX в.). Эквивалент — авар. *чIухIби*, лезг. *агъсакъалар*, кум. *акъсакъалы къарт* [А.П., № 1497; Г.А., с. 10, 30; М.К.; Х.П.Г., *д.* 14; А.А., с. 116; см. также: *Джидалаев:* 1990, 131–132].

عُقَلاءُ (от араб. *'укала'*, «справедливые», мн. от عَاقِلٌ) — старшины, представители дореформенного тухума, сельской общины или союза общин в межобщинных тяжбах (до сер. XIX в.) [А.П., № 1498; К.У., с. 275; Х.П.Г., *д.* 21].

فَادِشَاه/پَادِشَاه (от перс. *падишах*, «государь») — титул правителей: 1) *шамхалов* Гази-Кумухских в XV–XVII вв. [Э.Б., З.А.]; 2) русских *царей*, правивших Российской империей в XIX в. Эквивалент — авар., дарг., кум. *пача* [Х.П.Г.; М.К., с. 6; А.П., № 1537; см. также: *Абаев:* 1979, III, 235].

فَتْوَى، فَتَاوَى (араб. *фатва*, мн.: *фатава*, «разъяснение») — *фетва:* богословско-правовое постановление по конкретным богословско-правовым вопросам с точки зрения шариата, сделанное *муфтием* или мусульманским юристом-*факихом*, а в период Кавказской войны XIX в. — имамом (أمير المؤمنين). Популярный в Нагорном Дагестане в XVIII–XIX вв. жанр сочинений [РФ ИИАЭ, ф. 14, 15].

فِدْيَةٌ (от араб. *фидйа*, «возмещение») — штраф, пеня за уголовное или имущественное преступление, выплачивавшиеся в пользу общины, союза общин, а в XIX — начале XX в. — в пользу вышестоящей администрации наибства/округа [Х.К.; Г.А., с. 16, 18, 20, 22, 26, *далее* passim; К.У., с. 275, 276; Х.П.Г., *д.* 9, 20, 32, 45; А.А., с. 69, 70; А.К., с. 83, 84, 103, 104, 105, *далее* passim; А.Ц., с. 116, 117, 118].

قَاضٍ (араб. *кадин*, «судья [по шариату]») — 1) сельский имам. Эквивалент — общедаг. *дибир* [Г.А., с. 24, 30, *далее* passim; Х.П.Г., *д.* 14, 16, 39; А.А., с. 70; А.Ц., с. 108]; 2) *кади*, судья по шариату [Х.П.Г., *д.* 1, 10, 41]; 3) муфтий дореформенного союза сельских общин (قاضى الجيش) [З.А.; Г.А., с. 20; А.А., с. 69].

قَبِيلَةٌ (от араб. *кабила*, «племя» — клан, род. Эквивалент — общедаг. *тухум*, авар. *кьибил*, багв. *гьай*, чеч. *тайпа* [Э.Л.; Э.Р.; М.К.; Х.П.Г., *д.* 12, 17, 21, 27; А.К., с. 83; А.Ц., с. 105, 106, 118]. Синонимы: 1) طَائِفَةٌ (араб. *та'ифа*) [Т.Д., *л.* 3а; Г.А., с. 40]; 2) قَوْمٌ (араб. *каум*) [М.К.].

قُرُوشٌ/غُرُوشٌ (мн. от قِرْشٌ «пиастр», от средневек. лат. [denarius] grossus — «толстый, крупный грош» через старооосм.) — *куруш*: османская серебряная монета, ходившая на Северо-Восточном Кавказе в XVII–XVIII вв. С конца XVIII в. ее заменил серебряный рубль — монета, называвшаяся в Дагестане *курушем* до нач. XX в. [А.Ц., с. 105, 106, 107, 108, *далее* passim; Б.А.; Х.П.Г., *д.* 35; ср.: *Фенглер, Гироу, Унгер:* 1982, 211, 64–65].

قِصَاصٌ (араб. *кисас*, «воздаяние равным») — разрешенное законом кровомщение по адату и шариату. От этого термина образован ряд понятий, означающих осуществление кровной мести в нахско-дагестанских языках, например авар. *къисас босизе* [И.Т., *л.* 15; А.А.А.; А.Ц., с. 104].

قَوَاعِدُ (от араб. *кава'ид*, «правило, норма», мн. от قَاعِدَةٌ) — постановление, указ: 1) дореформенных старшин общины, союза общин в сводах адата до сер. XIX в. [Х.П.Г., *д.* 14]; 2) дореволюционных российских властей,

например знаменитое «Положение о сельских обществах» 1868 г. [П.С.О., с. 1, 2].

كُبَرَاءُ (от араб. *кубара*, «знатные», мн. от كَبِيرٌ) — дореформенная правящая сельская элита из *узденей*. В текстах XVII–XIX вв. для обозначения всей общины как юридического лица, включая элиту и простых узденей, часто употребляется трафаретная формула كبيرهم وصغيرهم (араб. *кабиру-хум ва сагиру-хум*, «большие и малые») [Э.Д., с. 82–84; Х.К.; М.К.; Х.П.Г., д. 14].

كِتَابٌ (от араб. *китаб*, «письмо, грамота») — 1) правовой акт по адату и шариату [Э.Д., с. 82, 83, 86; Х.П.Г., д. 21; Р.А.]; 2) свод местного права, адата [Г.А., с. 32]. Синоним — دفتر (см.).

كَفَّارَةٌ (араб. *каффара*) — согласно шариату, милостыня, раздаваемая в искупление грехов. В текстах завещаний-*васийа* XVII–XIX вв. [Х.П.Г., д. 8].

كَيْلٌ (из араб. *кайл*) — *кали*: мера объема сыпучих тел, а также штрафов натурой по адату, исчислявшаяся по-разному в различных селениях Нагорного Дагестана. Пахотные земли измеряли количеством зерна в кайлах, уходившего на их засеивание, или кайлами получаемого с них урожая [Х.П.Г., д. 13]. Эквивалент — авар. 1 *къали (саб)* = 2 *рилъ* по 2,5 *сахI*, представляющий собой деревянную мерку размером 14×24×18,5 см; агул. *киле*. Использовалась в быту до сер. XX в. [И.Т., л. 15; А.А., с. 67; А.К., с. 82, 84; А.Ц., с. 108; Х.П.Г., д. 13, 15, 27, 39, 47, далее passim; ср.: М.М., с. 167–182; *Хинц:* 1970, с. 49].

مُؤَذِّنٌ (араб. *муа'ззин*, «призывающий») — муэдзин мечети. По указу 1868 г. также секретарь сельского суда [П.С.О., с. 2; Х.П.Г., д. 13]. Тюрк. синоним — بُدُنٌ/مُدُنٌ (*будун/мудун*) [Х.П.Г., д. 47; П.С.О., с. 2].

مَجْمَعٌ (от араб. *маджма'*, «место собраний») — центральная площадь у мечети. Эквивалент — общедаг. *годекан, гим*, багв. *корт*, лак. *кIурчча* [Б.А.; М.К.]. Синонимы: 1) مَحْفِلٌ (араб. *махфил*) в надписях XIV в. [Э.Д., с. 82–84]; 2) نَادٍ (араб. *надин*) в текстах XVII–XIX вв. [М.К.].

مُدٌّ (от араб. *мудд*) — *мудд*: мера объема сыпучих тел и штрафов натурой по адату, исчислявшаяся по-разному в различных селениях Нагорного Дагестана. Эквивалент — авар. 1 *муд* = 0,5 *сахI*, *или* 0,6 *рхенжу*. Использовалась в быту до сер. XX в. [Х.П.Г., д. 15; ср.: М.М., с. 167–182; *Хинц:* 1970, с. 56–58].

مُدِيرٌ (араб. *мудир*, «управляющий») — *мудир*: военно-административная должность выше наиба в имамате Шамиля (1834–1859) [П.Ш., д. 7].

مَزْرَعَةٌ (от араб. *мазра'а*, «пашня») — 1) пахотный участок как *мулк* семьи [Г.А., с. 26; А.К., с. 82; Х.П.Г., д. 11; Б.А.; Р.А.]; 2) частновладельческий хутор. Эквивалент — авар. *кули*, анд. *кила, чила*, дарг. *махи* и пр. [Х.П.Г., д. 39]. Синоним — بُقْعَةٌ (араб. *бук'а*) [А.П., № 1184; Х.П.Г., д. 49]; 3) мн.: مَزَارِعُ — единый комплекс обрабатываемых угодий общины. Эквивалент — авар. *мегъ*, анд., багв. *мих*, карат. *мигъе* [Г.А., с. 8; А.Ц., с. 103; Б.А.].

مُشَاوَرَةٌ (араб. *мушавара*) — всенародное обсуждение правовых вопросов на пореформенном сельском сходе (1860–1917) [П.С.О., с. 2–8; Б.А.].

مَصْلَحَةٌ (от араб. *маслаха*) — пореформенный третейский суд (1860–1917) [Г.А., 38; Х.П.Г., д. 16].

مَكَانٌ مَحْفُوظٌ مَنْهَى (араб. *макан махфуз манха*, «охраняемая запретная местность») — угодья сельского общества, согласно адату зимой и летом (حين الحفظ) закрытые для прохода скота и людей [А.Ц., с. 116; А.А.А.; Б.А.]. Синоним — حِفْظَةُ ٱلْمَزَارِعِ وَٱلْمَوَاتِ (араб. *хифзат ал-мазари' ва-л-мават*, «охрана посевов и пастбищ») [Г.А., с. 16, 26, 32].

مُلْكٌ (араб. *мулк*, «собственность, имущество») — *мульк*: 1) крупная собственность дореформенной знати (أمراء), включавшая целые селения и пастбишные горы; в историко-правовых текстах до 60-х годов XIX в. [Э.Д., с. 374–376; И.Т., *л.* 15; Х.П.Г., доп.: д. 8]; 2) мелкая частносемейная собственность в до- и пореформенной сельской общине [Г.А., с. 16, 22, 24, 26, 28, *далее* passim; А.А., с. 70; А.Ц., с. 105, 107; К.У., с. 276; Б.А.]. Синоним — مَالٌ (араб. *мал*, «собственность») [А.А.А.].

مَنْ دَمٌ عَلَيْهِ//وَقَعَ/جَعَلَ دَمٌ عَلَى وَاحِدٍ (от араб. описат. оборота: *ман дам 'алайхи//вака'а/джа'ала дам 'ала вахид*, «тот, на котором кровь») — кровник в текстах XVII–XIX вв. Эквивалент — тюрк. *канлы* [Г.А., с. 14; А.А.А.; Х.К.; Х.П.Г., д. 39].

مُهَاجِرٌ (от араб. *мухаджир*, «эмигрант, переселенец», по аналогии со сподвижниками пророка Мухаммеда, переселившимися с ним из Мекки в Ясриб) — *мухаджиры*: 1) горцы, перебежавшие на территорию имамата в 1828–1859 гг. Эквивалент — даг. *апараг* [А.П.; П.Ш., д. 16, 30]; 2) беженцы с Кавказа в Османской империи начиная с сер. XIX в. Эквивалент — общекавк. *абрек* [М.К.].

مَوَاتٌ (от араб. *мават*, «мертвая вещь») — «мертвые», невозделанные угодья, находящиеся в коллективной собственности общины, в текстах XVII — начала XX в. Эквивалент — общедаг. *харим* (от араб. حريم) [Г.А., с. 16, 18, 26, 28; Х.П.Г., д. 14].

نَائِبٌ (от араб. *на'иб*, «заместитель, помощник») — *наиб*: военно-административная должность: 1) в имамате Шамиля (1834–1859) [П.Ш., д. 3, 4]; 2) в системе военно-народного управления (1860–1917) [А.П., № 498; Б.А.].

نَاحِيَةٌ (от араб. *нахийа*, «административная единица») — область, земля (часто горная долина, ущелье): 1) конфедерация сельских общин. В текстах XVII–XIX вв. эквивалент — авар. *бо*, анд., карат. *игьа*, дарг. *хуребо*, груз. *эри*, рус. дорев. «вольное общество» [А.А.А.; Г.А., с. 6, 12, 14, 20, 22, *далее* passim; К.У., с. 275, 276; Х.П.Г., д. 1, 11, 13, 18, 19, *далее* passim; А.А., с. 68, 69, 70, *далее* passim; А.К., с. 82, 84]; 2) *округ* Дагестанской области и ДАССР (1860–1927) [Б.А.; Р.А.].

نَاطُورُ ٱلْجَيْشِ (от араб. *натур ал-джайш*, «страж войска») — глашатай, вестник союза общин, ханства. Эквивалент — авар. *магъуш*; дарг., лак. *мангъуш*; тюрк. *чавуш* [Г.А., с. 26, 36].

هَدْرْ/هَدَرْ (араб. *хадр/хадар*) — пролитие крови преступника, по шариату не влекущее за собой ответного кровомщения [Г.А., с. 14, 16, 18, 28, 30, далее passim; Х.П.Г., д. 1; А.А., с. 68; А.К., с. 83, 84].

وَعْدْ (от араб. *ва'д*, «обещание, клятва») — скрепление договора-*иттифак* клятвой на Коране. О постановлениях сельского схода/союза сельских общин [Г.А., с. 12, 34, 38; Х.П.Г., д. 1, 11, 13, 18, 19, *далее* passim].

وَكِيلْ (араб. *вакил*) — поверенный, представляющий физическое (завещателя, женщину и пр.) или юридическое (клан, квартал, общину) лицо в сельском, а с сер. XIX в. также в окружном и Дагестанском народных судах [Г.А., с. 22; Х.К.; Х.П.Г., д. 43; А.Ц., с. 118; Б.А.; Р.А.].

وَقْفْ (араб. *вакф*) — *вакф*: мульк, переданный во владение мечетной общины согласно шариату [Х.П.Г., дополнения: д. 1, 2, 11, 18, 20].

وِلاَيَةْ (от араб. *вилайа*, «область») — 1) политическое объединение в Нагорном Дагестане (например, Авария, Джаро-Белоканское *бо* в текстах XVIII–XIX вв.) [Т.Д., *л.* 2б; З.А.; Х.П.Г., д. 14]; 2) *Дагестан* как политический регион (рукописи XVIII–XX вв., составление которых было начато в XIV–XV вв.) [З.А.]; 3) *наибство* имамата Шамиля (1834–1859) [П.Ш., д. 40, 92; М.К.]; 4) *имамат* Шамиля [П.Ш.; М.К.]; 5) Дагестанская *область* (1860–1917) [П.С.О., passim; Б.А.].

Список источников и сокращений

А.А. — *Адаты андалальского* союза // РФ ИИАЭ. Публ. араб. текста с упрощенным рус. пер. М.-С.Саидова см.: Памятники обычного права Дагестана, с. 67–70, 62–66.

А.А.А. — *Адаты аварских аулов*, записанные в 1297/1880 г. // РФ ИИАЭ, ф. 5, оп. 1, д. 57 (инв. № 1658). Не издавались.

А.К. — *Адаты келебского* союза // Частное собрание Г.Абдурахманова в с. Сомода. Публ. араб. текста с упрощенным рус. пер. М.-С.Саидова см.: Памятники обычного права Дагестана, с. 82–92, 71–81.

А.П. — *Арабоязычные письма* из Нагорного Дагестана в оригиналах и копиях первой пол. XIX в. // РФ ИИАЭ (ф. 16, оп. 1; ф. М.-С.Саидова). Не издавались.

А.Т.М. — *Адаты Тарковского* шамхальства и *Мехтулинского* ханства // ЦГИА РГ, ф. 1087, оп. 1, д. 272. Свод составлен по поручению генерал-губернатора Дагестанской области А.В.Комарова. Публ. араб. текста с упрощенным рус. пер. М.-С.Саидова см.: Памятники обычного права Дагестана, с. 215–260, 183–214.

А.Ц. — *Адаты цекубского джамаата* // РФ ИИАЭ. Публ. араб. текста с упрощенным рус. пер. М.-С.Саидова см.: Памятники обычного права Дагестана, с. 103–119, 93–102.

Б.А. — *Багвалинские акты 1888–1904 гг.* // Частное собрание М.-С.К.Газиева в с. Хуштада Цумадинского района РД. Ксерокопии и фото в архиве автора. Публ. текста и рус. пер. «протокола» 23 марта 1904 г.: *Бобровников, Рошин:* 1994, с. 33–44; *Бобровников, Рошин:* 1995, с. 115–131. Другие документы не издавались.

Г.А. — *Гидатлинские адаты* 1070/1660 г. // РФ ИИАЭ, ф. 5, оп. 1, д. 62 (инв. № 1692). Публ. араб. текста с упрощенным рус. пер. М.-С.Саидова см.: Гидатлинские адаты.

З.А. — *Завещание Андуника* 890/1485 г. // л. 8а Сборной рукописи конца XVIII — начала XIX в., переписанной Нурмухаммадом ал-Максави, т.е. из Моксоба (авар. Мокъсоб). Махачкала, РФ ИИАЭ, ф. 14, оп. 1, д. 220. Публ. рус. пер.: *Хашаев Х.-М.* Общественный строй Дагестана в XIX в., с. 135; *Айтберов Т.М.* Материалы по истории Дагестана XV–XVII вв. // Восточные источники по истории Дагестана. Махачкала, 1980, с. 83–88; пер. А.Р.Шихсаидова в кн.: *Атаев Б.М.* Аварцы. История, язык, письменность. Махачкала, 1996, с. 52–54; История Дагестана с древнейших времен до конца XV в. Махачкала, 1998, с. 322–324.

И.Т. — *История Тледока* // РФ ИИАЭ, ф. 1, оп. 1, д. 531, л. 14–15. Рус. пер. опубл. в кн.: Дагестанские исторические сочинения, с. 142–145.

К.У. — *Кодекс*, приписываемый Х.-М.О.Хашаевым *Умма-хану* Аварскому // РФ ИИАЭ, ф. М.-С.Саидова, папка 8. На самом деле тетрадь норм местного права относится к союзу аварских общин. Публ. араб. текста с упрощенным рус. пер. М.-С.Саидова см.: Памятники обычного права Дагестана, с. 270–276, 261–269.

М.К. — *Мухаммад Тахир ал-Карахи.* Блеск дагестанских сабель в некоторых шамилевских битвах. Списки 1872 и 1899 гг. // РФ ИВ РАН. СПб., В 3712. Публ.: а) араб. оригинал с использованием пяти списков и его рус. пер. А.Барабанова: Л., 1941; б) коммент. пер. Т.Айтберова: Махачкала. 1990.

М.М. — *Материалы по метрологии* народов Дагестана, с. 166–182.

П.С.О. — *Проект положения о сельских обществах*, их общественном управлении и повинностях государственных и общественных в Дагестанской области (Хазихи кава'ид фи байан джама'ат кура вилайат ал-Дагистан ва фи тадбир умури-хим ва-л-хукук ал-ваджиба 'ала ахали ал-кура ли-л-фадишахиййа ва ли-л-джама'а). Темир-Хан-Шура, 1898. См. также одноименное издание арабского текста в Темир-Хан-Шуре 1868 г. (РФ ИИАЭ, ф. 15, № 68).

П.Ш. — *Сто писем Шамиля.* Арабские тексты и факсимиле правовых постановлений и документов 1834–1859 гг. с их переводом на русский язык.

Р.А. — *Рутульские акты* 1901–1921 гг. // Частное собрание Р.А.Рамазанова в с. Шиназ Рутульского района РД. Ксерокопии и фото в архиве В.О.Бобровникова. Не издавались.

Т.Д. — *Тарих Дагестан* Мухаммед-Рафи // РФ ИИАЭ, ф. М.-С.Саидова. Список 1246/1830-31 г. Основные публ. рус. пер.: *Шихсаидов А.Р.* Дагестанская историческая хроника «Тарих Дагестан» Мухаммеда Рафи (к вопросу о изучении) // Письменные памятники Востока. Ежегодник. 1972. М., 1977, с. 90–113; Дагестанские исторические сочинения, с. 97–107.

Х.К. — *Хуштадинский Коран*, переписанный в 1153/1740-41 г. с двумя листами постановлений по обычному и мусульманскому праву и списком вакфов с. Хуштада XVIII — середины XIX в. (см. Библиографию: ал-Кур'ан ал-карим). Копии и фото в архиве В.О.Бобровникова. Не издавались.

Х.П.Г. — *Хрестоматия* по истории *права и государства* Дагестана в XVIII–XIX вв. Оригиналы и факсимиле историко-правовых текстов из дагестанских рукописей, собранных составителем.

Э.Б. — *Эпиграфика багулал:* строительные и надгробные надписи из селений Кванада, Тлондода, Хуштада Цумадинского района РД XVII–XX вв. Архив эстампов автора, снятых в 1995–1997 гг. Часть опубликована (см.: *Бобровников*: 1999а, с. 29–47).

Э.Д. — *Эпиграфика Дагестана*: X–XVII вв., опубликованная в кн.: *Шихсаидов А.Р.* Эпиграфические памятники Дагестана.

Э.Л. — *Эпиграфика* Северного Кавказа XIV–XX вв. // *Лавров Л.И.* Эпиграфические памятники Северного Кавказа.

Э.Р. — *Эпиграфика рутульцев*: строительные и надгробные надписи из селений Рутул, Кала, Шиназ, хутора Уна Рутульского района РД XIV–XX вв. Архив эстампов автора, снятых в 1996–1997 гг. Часть рус. пер. опубликована в кн.: Дагестанское село: вопросы идентичности (на примере рутульцев). Отв. ред. Т.Ф.Сиверцева. М., 1999, с. 113–128.

ГЛОССАРИЙ

абрек (иран., от ср.-перс. **aparak*) — 1) разбойник; 2) отверженный изгнанник

аджам (от араб. *'аджам*) — арабская письменность, приспособленная для неарабских языков

аксакал (кум., азерб. и др. тюрк. яз., «седобородый старец, старшина») — член сельского суда

алым (тюрк.) — вира, пеня за пролитую кровь

аманат (араб.) — заложник

аныха (абхаз.) — святилище

апараг (авар., от перс.) — переселенец, бежавший из родного селения от кровной мести

ахран (от рус. «охранять») — колхозный сторож

баранта (кавк. яз.) — захват имущества родственников или односельчан неисправного должника в обеспечение долга

батирте (кубач.) — военный союз неженатой молодежи

бегавул (тюрк.) — сельский староста

бек (тюрк.) — 1) представитель горской знати; 2) должностное лицо

бет гермек (кум.) — обряд примирения кровников

бо (авар., букв. «войско, народ») — 1) союз сельских общин; 2) сельское ополчение

болмац (авар. *болмацI*, «войсковой язык») — литературный аварский язык, сложившийся на основе диалекта Хунзахского союза сельских общин

гим (нах.-даг.) см. *годекан*

годекан (нах.-даг.) — площадь (перед соборной мечетью)

джамаат (от араб. *джама'а*) — 1) сельская община; 2) союз общин

дибир (от перс. «писец») — 1) мулла; 2) кади в Центральном и Северном Дагестане

зекве (кабард. *зекIуэ*) — набег

ишкиль (нах.-даг.) — захват имущества родственников или односельчан неисправного должника в обеспечение долга

кали (авар. *къали*, агул. *киле*, от араб. *кайл*) — мера объема сыпучих тел, в разных районах Северо-Восточного Кавказа исчислялась по-разному

калым (тюрк.) — брачный выкуп по обычному праву

канлы (тюрк.) — кровник, изгоняемый из своей общины

караваш (кум., азерб. и др. тюрк. яз.) — рабыня

каракан (тюрк.) — умышленное убийство

карт (кум.) — член сельского суда

качак (тюрк.) — разбойник

кебин (тюрк.) — брак

кебин талак (тюрк. «бракоразводная присяга») — вид судебной присяги по адату, когда лжесвидетель должен был развестись с женой

кутан — 1) пастбище; 2) сезонный хутор на пастбище

лаг (авар. *лагъ*) — раб

магал (араб. *махалл*) — 1) квартал; 2) часть округа в дореволюционном Южном Дагестане

майсум — титул правителей Южного Табасарана

мангуш (дарг., лак. *мангъуш*, авар. *магъуш*) — глашатай

маслахат (нах.-даг. яз., например авар. *маслахIат*, вариант *маслиат* — авар. *маслигIат*; от араб. *мусалаха*) — медиаторство, примирение по адату

маслиат см. *маслахат*

мег (авар. *мегъ*, ср. карат. *мигъе*, багв. и др. анд. яз. *мих*) — комплекс обрабатываемых сельскохозяйственных угодий и оросительных каналов горного джамаата

муд (авар., от араб. *мудд*) — мера объема сыпучих тел

нуцал (авар.) — титул ханов Аварии

пахта (нах.-даг., возможно от перс. *бахт*, «доля, участь») — дагестанское «полюдье»: обязанность зависимых селений кормить крупные партии молодежи из главного селения конфедерации общин или ханства

пши (кабард. *пшIы*) — князь

ратал (авар., агул., дарг., рут. *ратIал*, от араб. *ратл*) — мера веса (у аварцев ок. 2,5 кг); также мера объема

руккел (авар.) — сельский сход

сах (авар. *сахI*, агул., дарг. *сяхI*, лак. *сах*, рут. *саъ*, от араб. *са'*) — мера объема сыпучих тел. В Аварии измерялась деревянными мерками размером 14×24×18 см и др.

терекеме (тюрк.) — 1) крепостные крестьяне; 2) тюркоязычный народ равнинного Дагестана, находившийся в крепостной зависимости

тлекотлеш (кабард. *лIакъуэлъэш*, «рожденный от могущественного») — сословие высшего горского дворянства в Кабарде

тлхукотл (кабард. *лъхукъуэлI*) — крестьянин (обычно лично свободный) у адыгов

тургак (тюрк., лезг.) — судебный исполнитель

тусев (тюрк.) — участник коллективной присяги по адату для очищения его родственника или односельчанина от возводимого на него обвинения

тухум (от иран. *джухум*) — 1) род, клан; 2) часть клана (линидж)

уздень (тюрк.) — 1) у дагестанских и вайнахских народов — свободный общинник; 2) у адыгов — дворянин

уцмий — титул правителей Кайтага

хан (тюрк.) — 1) представитель высшей горской знати; 2) предводитель сельского ополчения

ханафиты (араб. *ал-ханафиййа*) — сторонники одного из религиозно-правовых толков суннитского ислама, господствующего на Северо-Западном Кавказе и на большей части России

харамбаш (тюрк.) — атаман разбойников

хуребо (дарг., букв. «войско, народ») — 1) союз сельских общин; 2) сельское ополчение

цевекхан (авар. *цевехъан*) — предводитель сельского ополчения

чагар (кум., азерб. и др. тюрк. яз.) — крепостной крестьянин

чанка (*джанка*) (нах.-даг. яз.) — потомок от брака бека с женщиной из узденей

чауш (от тур. *чавуш*) — 1) судебный исполнитель; 2) сельский милиционер

чухби (авар., мн.: *чIухIби*) — 1) сельские старшины; 2) члены сельского суда

шамхал — титул правителей Казикумухского ханства

шафииты (араб. *аш-шафи'иййа*) — сторонники одного из четырех религиозно-правовых толков суннитского ислама, господствующего на Северо-Восточном Кавказе

эл (авар. *гIел*) — судебный исполнитель

эри (груз., букв. «войско, народ») — 1) союз сельских общин; 2) сельское ополчение

эфенди (тюрк., «господин») — 1) мулла; 2) кади на Северо-Западном Кавказе

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

На русском языке

Абаев В.И. (1958–1979) Историко-этимологический словарь осетинского языка. М.–Л., т. I–III.

Абашин С.Н. (1997) Социальные взаимоотношения в современном узбекском кишлаке (по материалам Ферганской долины). Канд. дис. М.: ИЭА РАН.

Абашин С.Н. (2000) На разломе «южной дуги» (из блокнота этнографа) // Вестник Евразии. М., № 2.

Абу Хамид ал-Гарнати. (1971) Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу. Публ. О.Г.Большакова и А.Л.Монгайта. М.

Аварские народные сказки. (1972) М.

Агаширинова С.С. (1978) Материальная культура лезгин XIX — начала XX в. М.

Агларов М.А. (1988) Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII — начале XIX в. М.

Адаты Дагестанской области и Закатальского округа. (1899) Под ред. И.Я.Сандрыгайло. Тифлис.

Адаты Даргинских обществ. (1873) // ССКГ, вып. VII.

Адаты южнодагестанских обществ. (1875) // ССКГ, вып. VIII.

Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. (1974) Нальчик.

Азизов С.А. (1988) Территориальная локализация и экономическая ориентация южнодагестанского тухума в середине XIX — начале XX в. // Материальная культура народов Дагестана. Сб. ст. Махачкала.

Айру А. (1954) Феллахи Египта. М.

Айтберов Т.М. (1978) Письма саййида Мухаммеда к саййиду Ахмаду Йамани // Молодежь и общественный прогресс. Научно-практическая конференция молодых ученых Дагестана. Махачкала.

Айтберов Т.М. (1990) Древний Хунзах и хунзахцы. Махачкала.

Акаев В.Х. (1999) Религиозно-политический конфликт в Чеченской Республике Ичкерия // Центральная Азия и Кавказ. Лулео (Швеция), № 4.

Алибеков М. (1927) Адаты кумыков. Махачкала.

Алиев А. (1951) Адаты и обычаи даргинцев, записанные А.Алиевым со слов жителей селений Усиша, Урахи, Цудахар // РФ ИИАЭ, ф. 5, оп. 1, д. 35.

Алиев Б.Г. (1988) Предания, памятники, исторические зарисовки о Дагестане. Махачкала.

Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. (1995) Маслаат как способ решения конфликтов в феодальном Дагестане // Межнациональные конфликты на Кавказе: методика их преодоления.
Алимова Б.М., Магомедов М.Р. (1993) Ботлихцы. Махачкала.
Алкадари Г.-Э. (1994) Асари Дагестан. Пер. с тюрк. А.Гасанова. Махачкала. 3-е изд.
Амирэджиби Ч. (1990) Дата Туташхиа. Роман. Авториз. пер. с груз. М.
Антропология насилия (2001). Сб. ст. СПб.
Анчабадзе Ю.Д. (1979) «Остракизм» на Кавказе // Советская этнография. М., № 5.
Аптекарь П. (2000) Война без края и конца // Родина. М., № 1–2.
Арабоязычные документы эпохи Шамиля. (2001) Сост., пер. с араб., введ., коммент., примеч. и указ. Р.Ш.Шарафутдиновой. М.
Арутюнов С.А. (1999) Шариату на Северном Кавказе нужно создать легальную правовую нишу // Итоги. М., № 3.
Арутюнов С.А. (2000) Партия и правительство будут недовольны // Итоги. М., № 10.
Ахлаков А.А. (1968) Героико-исторические песни аварцев. Махачкала.
Ахмадов Я.З., Ильясов В.Ю. (1995) Традиционная чеченская дипломатия: отдельные аспекты истории // Межнациональные конфликты на Кавказе: методика их преодоления.
Бабич И.Л. (1995) Роль традиций в достижении консенсуса: о чем говорит исторический опыт Кабарды // Межнациональные конфликты на Кавказе: методика их преодоления.
Бабич И.Л. (1997) Эволюция обычного права адыгов в советское и постсоветское время // Этнографическое обозрение. М., № 3.
Бабич И.Л. (1999) Эволюция правовой культуры адыгов (1860–1990-е годы). М.
Бабич И.Л. (2000а) Правовая культура адыгов (история и современность). Автореф. докт. дис. М.: ИЭА РАН.
Бабич И.Л. (2000б) Механизм формирования правового плюрализма на Северном Кавказе. Кабардино-Балкария и Северная Осетия. М.
Бабич И.Л. (2001) Ислам в современной Кабардино-Балкарии: правовые аспекты // Этнографическое обозрение. М., № 2.
Багиров А. (1950) Мюридизм и Шамиль // Большевик. М., т. XIII.
Баймурзаев А.Б. (1984) Формирование социалистического правосознания народов Дагестана. Махачкала.
Барамия А.И. (1965) Борьба с преступлениями против жизни и здоровья, совершаемыми на почве кровной мести (на материалах Грузинской ССР). Автореф. канд. дис. Тб.
Бацадаса М. [*Гусейнов М.М.*] (1994) История селения Саситли. Махачкала.
Бекишиев А.А. (1997) Дагестанцы в составе ограниченного контингента советских войск // Наука и молодежь. Сб. ст. Махачкала, вып. 1.
Бенда-Бекманн К. фон. (1999) Правовой плюрализм // Человек и право. Книга о Летней школе по юридической антропологии. М.
Бердяев С.К. (1930) Чечня и разбойник Зелимхан. Париж.
Бердяев С.К. (1936) Разбои на Северном Кавказе. Париж.

Берже А.П. (1882) Выселение горцев с Кавказа // Русская старина. СПб., т. 33, 36.

Берзенов Н. (1851) Из воспоминаний об Осетии // Кавказ. Тифлис, № 92.

Блиев М.М. (1983) Кавказская война, социальные истоки, сущность // История СССР. М., № 2.

Блиев М.М. (1989) К проблеме общественного строя горских («вольных») обществ Северо-Восточного и Северо-Западного Кавказа XVIII — половины XIX века // История СССР. М., № 4.

Блиев М.М., Дегоев В. (1994) Кавказская война. М.

Бобровников В.О. (1994) Дагестан: земля и люди на ней // Ваш выбор. М., № 3.

Бобровников В.О. (1995а) Досоветское и советское наследие в практике урегулирования межэтнических столкновений в современном Дагестане // Межнациональные конфликты на Кавказе: методика их преодоления.

Бобровников В.О. (1995б) Эволюция социальных и поземельных традиций хуштадинского джамаата в XIX–XX вв. // Дагестан: село Хуштада.

Бобровников В.О. (1996) Реконструкция этнической истории багулал по данным микротопонимики // Дагестанский лингвистический сборник. Отв. ред. М.Е.Алексеев. М., вып. 3.

Бобровников В.О. (1997а) Колхозная метаморфоза адата у дагестанских горцев (на примере багулал) // Homo juridicus. Материалы конференции по юридической антропологии. Под ред. Н.И.Новиковой и А.Г.Осипова.

Бобровников В.О. (1997б) Обычное право в пореформенном Дагестане (1860–1917) // Наука и молодежь. Сб. ст. Махачкала, вып. 1.

Бобровников В.О. (1997в) Ислам и советское наследие в колхозах Северо-Западного Дагестана // Этнографическое обозрение. М., № 5.

Бобровников В.О. (1998а) Дагестан // Ислам на территории бывшей Российской империи. М., вып. 1.

Бобровников В.О. (1998б) Исламская трансформация колхозов Аварии (Нагорный Дагестан) // Восток. М., № 5.

Бобровников В.О. (1998в) Советская национальная политика и изменение идентичности горцев Западного Дагестана // Фактор этноконфессиональной самобытности в постсоветском обществе. М.

Бобровников В.О. (1998г) Современный мир глазами феллаха (Северная Африка XIX–XX вв.). М.

Бобровников В.О. (1999а) Новые эпиграфические данные по истории ислама в Северо-Западном Дагестане // Дагестанский лингвистический сборник. Отв. ред. М.Е.Алексеев. М., вып. 6.

Бобровников В.О. (1999б) Суд по адату в дореволюционном Дагестане (1860–1917) // Этнографическое обозрение. М., № 2.

Бобровников В.О. (1999в) Махкама шар'иййа // Ислам на территории бывшей Российской империи. М., вып. 2.

Бобровников В.О. (1999г) Каяев, Али // Ислам на территории бывшей Российской империи. М., вып. 2.

Бобровников В.О. (1999д) Судебная реформа и обычное право в Дагестане // Обычное право в России: проблемы теории, истории и практики. Ростов-на-Дону.

Бобровников В.О. (2000а) Исламофобия и религиозное законодательство в Дагестане // Центральная Азия и Кавказ. Лулео (Швеция), № 2 (8).
Бобровников В.О. (2000б) Теория и практика правового плюрализма для Северного Кавказа XIX–XX вв. // Юридическая антропология. Закон и жизнь. Сб. ст. под ред. Н.И.Новиковой и В.А.Тишкова.
Бобровников В.О. (2001а) 'Адат // Ислам на территории бывшей Российской империи. М., вып. 3.
Бобровников В.О. (2001б) Гази-Мухаммад // Ислам на территории бывшей Российской империи. М., вып. 3.
Бобровников В.О. (2001в) Ислам на постсоветском Северном Кавказе (Дагестан): мифы и реалии // Ислам на постсоветском пространстве: взгляд изнутри. Сб. ст. под ред. А.В.Малашенко и М.Брилл Олкотт. М.
Бобровников В.О. (2001г) Советские национальные реформы и смена идентичности народов Северо-Западного Дагестана // Расы и народы. М., вып. 26.
Бобровников В.О., Рошин М.Ю. (1994) Человек, природа и общество в горном дагестанском ауле (арабский документ из села Хуштада, 1904 г.) // Восток. М., № 3.
Бобровников В.О., Рошин М.Ю. (1995) Человек, природа и общество в горном дагестанском ауле (по материалам хуштадинского адата) // Дагестан: село Хуштада.
Бобровников В.О., Рошин М.Ю. (1996) Судьба мусульманской общины в колхозной деревне Нагорного Дагестана // Этнополитический вестник. М., № 2.
Бобровников В.О., Ярлыкапов А.А. (1999) «Ваххабиты» Северного Кавказа // Ислам на территории бывшей Российской империи. М., вып. 2.
Богораз В.Г. (1923) Об изучении и охране окраинных народов // Жизнь национальностей. М., № 3–4.
Богораз В.Г. (1925) Подготовительные меры к организации малых народностей // Северная Азия. М., № 3.
Большая Советская Энциклопедия. (1926) М., 1-е изд., т. 1.
Бромлей Ю.В. (1972) Опыт типологизации этнических обществ // Советская этнография. М., № 5.
Бромлей Ю.В. (1973) Этнос и этнография. М.
[*Броневский С.М.*] (1823) Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М.
[*Броневский С.М.*] (1996) Исторические выписки о сношениях России с Персиею, Грузиею и вообще с горскими народами, на Кавказе обитающими, со времен Ивана Васильевича доныне. СПб.
Брусина О.И. (1997) Возрождение традиционных социальных институтов и проблемы полиэтнического общества в среднеазиатских государствах // Обычное право и правовой плюрализм в изменяющихся обществах. М.
Булатова А.Г. (1988) Традиционные праздники и обряды народов горного Дагестана в XIX–XX вв. Л.
Булгаков М.А. (1990) Необыкновенные приключения доктора. Записки на манжетах. Ч. I. Кавказ. Богема // Собачье сердце. Повести и рассказы. М.

Бутков П.Г. (1869) Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г. Под ред. Л.Броссе. СПб., ч. 1–2.

Бушуев С.К. (1939) Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля. М.–Л.

Венгеров А.Б., Куббель Л.Е., Першиц А.И. (1984) Этнография и науки о государстве и праве // Вестник АН СССР. М., № 10.

Викторин В.М. (1985) Социальная организация и обычное право ногайцев Нижнего Кавказа (XVIII — начало XX в.). Автореф. канд. дис. Л.

Виноградов В.Б. (1987) Вместе к единой цели. Грозный.

Воронов Н.И. (1868, 1870) Из путешествия по Дагестану // ССКГ, вып. I, III.

Воронцов-Дашков И.И. (1907) Всеподданнейшая записка по управлению Кавказским краем. СПб.

Гаглоев Х.Д. (1964) Из истории судопроизводства у осетин // Известия Юго-Осетинского НИИ АН Грузинской ССР. Цхинвали, вып. 13.

Гаджи-Али. (1995) Сказание очевидца о Шамиле. Под ред. В.Г.Гаджиева. Махачкала, 3-е изд.

Гаджиев В.Г. (1987а) Адаты народов Северного Кавказа: опыт источниковедческого анализа // Известия АН Азербайджанской ССР. Серия «История, философия, право». Баку, № 2.

Гаджиев В.Г. (1987б) Памятники обычного права Дагестана: опыт источниковедческого анализа // Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы. Серия общественных наук. Ростов-на-Дону, № 3.

Гаджиев Г.А. (1988) Поселения чамалалов в XIX — начале XX в. // Материальная культура народов Дагестана. Сб. ст. Махачкала.

Гайдарбеков М. Хронология истории Дагестана // РФ ИИАЭ, ф. 3, оп. 1, д. 236, т. I–XIV.

Гамзатов Г.Г. (1984) Расширение общественных функций русского языка // Русский язык и его влияние на развитие дагестанских языков. Сб. ст. Махачкала.

Гарданов В.К. (1960) Обычное право как источник для изучения социальных отношений народов Северного Кавказа в XVIII — начале XIX в. // Советская этнография. М., № 5.

Гарданов В.К. (1967) Общественный строй адыгских народов (XVIII — первая половина XIX в.). М.

Гасанов М.Р. (1994) Очерки истории Табасарана. Махачкала.

Гатуев К. (1926) Зелимхан. Ростов-на-Дону–Краснодар.

Гемер М. (1993) Государство Шамиля // Восток. М., № 2.

Гемер М. (1997) Шамиль–правитель государства и его дипломатия. Статьи. Махачкала.

Гербер И. (1958) Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря, 1728 г. // История, география и этнография Дагестана XVII–XIX вв. Архивные материалы. Под ред. М.О.Косвена, Х.-М.О.Хашаева. М.

Геродот. (1888) История в девяти книгах. М., т. I–II.

Героические песни и баллады аварцев. (1971) Махачкала.

Годовые отчеты райкомземов Республики Дагестан (1991–1999) // Текущий архив Государственного комитета по статистике Республики Дагестан. Махачкала.

Голунский С.А. (1939) Обычай и право // Советское государство и право. М., № 3.
Гостиева Л.К. (1995) Использование миротворческих традиций осетин в современных условиях // Межнациональные конфликты на Кавказе: методика их преодоления.
Грабовский Н.Ф. (1870) Экономический и домашний быт жителей Горского участка Ингушевского округа // ССКГ, вып. III.
Грабовский Н.Ф. (1876) Ингуши: их жизнь и обычаи // ССКГ, вып. IX.
Гусейнов М.М. (1993) История селения Бацада. Махачкала.
Дагестан в известиях русских и западноевропейских авторов XIII–XVIII вв. (1992) Сост. В.Г.Гаджиев. Махачкала.
Дагестан на рубеже веков. (1998) Приоритеты устойчивого и безопасного развития. Материалы республиканской научно-практической конференции. 12–17 января 1997 г. М.
Дагестан: село Хуштада. (1995) Отв. ред. В.О.Бобровников, М.Ю.Рошин, Т.Ф.Сиверцева. М.: Серия «Портрет восточного села».
Дагестан: этнополитический портрет. (1993, 1994, 1995, 1995) Очерки. Документы. Хроника. Под ред. В.Ф.Грызлова. М., т. I–IV.
Дагестанская АССР. (1926) // Большая Советская Энциклопедия.
Дагестанская АССР. (1980) Административно-территориальное деление. Махачкала.
Дагестанские исторические сочинения. (1993) Сост. и пер. А.Р.Шихсаидова, Т.М.Айтберова, Г.М.-Р.Оразаева. М.
Дагестанский сборник. (1927) Махачкала, т. III.
Далгат Б. (1905) Родовой быт у чеченцев и ингушей // Весь Кавказ. № 5.
Далгат Б. (1934) Обычное право и родовой строй народов Дагестана. // РФ ИИАЭ, ф. 5, оп. 1, д. 22.
Далгат Б. (1968) Материалы по обычному праву даргинцев // Из истории права народов Дагестана. Материалы и документы. Махачкала.
Даль В. (1880–1882) Толковый словарь. СПб., 2-е изд., т. I–IV.
Данилевский Н.Я. (1846) Кавказ и его горские жители в нынешнем их положении. М.
Данилевский Н.Я. (1995) Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. СПб., 6-е изд.
Даниялов А.Д. (1992) Воспоминания. Махачкала.
Даниялов Г.-А.Д. (1970) Классовая борьба в Дагестане во второй половине XIX — начале XX в. Махачкала.
Даниялов Г.-А.Д. (1988) Строительство социализма в Дагестане, 1918–1937. М.
Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20–50-е гг. XIX в. (1959) Сборник документов. Махачкала.
Де Витт Д.Л. (1938–1957) Чеченская конная дивизия. 1919 г. // BAR. pt 1–6.
Джидалаев Н.С. (1990) Тюркизмы в дагестанских языках. Опыт историко-этимологического анализа. М.
Джидалаев Н.С. (1994) Русско-лакский словарь. Махачкала.

Дневник полковника Руновского, состоявшего приставом при Шамиле во время его пребывания в гор. Калуге с 1859 по 1862 год (1904) // АКАК, т. XII.

Домбровский Ю.О. (1993) Факультет ненужных вещей. Роман. К историку // Собрание сочинений в шести томах. М., т. 5.

Достоевский Ф.М. (1973) Идиот // Полное собрание сочинений в 30 томах. М., т. 8.

Дубровин Н. (1991) Черкесы (Адыге). Нальчик.

Дудаев А.Х. (1998) Чеченское исламское государство // Аль-Каф. Джохар (Грозный), № 1, ноябрь.

Думанов Х.М. (1976) Обычное имущественное право кабардинцев. Нальчик.

Думанов Х.М. (1990) Социальная структура кабардинцев в нормах адата. Нальчик.

Егорова В.П. (1970) К вопросу о сельском управлении в Дагестане // Сборник научных сообщений. Махачкала, вып. I.

Емельянова Н.М. (1999) Мусульмане Кабарды. М.

[*Ермолов А.П.*] (1868) Записки А.П.Ермолова. М., т. 1–2.

Жирков Л.И. (1927) Старая и новая аварская песня // Дагестанский сборник. Махачкала, т. III.

Законы Вавилонии, Ассирии и Хеттского царства. (1952) Пер. и коммент. И.М.Дьяконова // Вестник древней истории. М., № 3.

Закс А.Б. (1941) Северо-Кавказская историко-бытовая экспедиция Государственного Исторического музея 1936–1937 гг. // Труды ГИМ. М., вып. XV.

Ибрагимбейли Х.М. (1994) О правде истории и исторической добросовестности // Национально-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20–50-х годах XIX в. Материалы конференции.

Ибрагимова З.Х. (2000) Чечня после Кавказской войны (1863–1875). М.

Иванов Н.А. (1984) Османское завоевание арабских стран. 1516–1574. М.

Из истории права народов Дагестана. (1968) Сост. А.С.Омаров. Махачкала.

Интериано Дж. (1974) Быт и страна зихов, именуемых черкесами. Достопримечательное повествование // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв.

Искандер Ф. (1991) Стоянка человека. М.

Ислам. (1991) Энциклопедический словарь. М.

Ислам на территории бывшей Российской империи. (1998, 1999, 2001) Энциклопедический словарь. Отв. ред. С.М.Прозоров. М., вып. 1–3.

История Дагестана. (1968) М., т. II–III.

История XIX века. (1938) Под ред. Лависса и Рамбо. М., т. 4.

История народов Северного Кавказа, конец XVIII в. — 1917 г. (1988) М.

История советского крестьянства Дагестана. (1986, 1989) Махачкала, т. 1–2.

Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. (1957) Документы и материалы. М., т. 1–2.

Кавказский календарь за 1880, 1913 гг. (1879, 1912) Тифлис.

Кавказское хозяйство. (1918) Владикавказ, № 19–24.

Кажаров В.Х. (1994) Традиционные общественные институты кабардинцев и их кризис в конце XVIII — первой половине XIX в. Нальчик.

Капаева А. (2000) «Исламский фактор» в российской политике // Мусульмане. М., № 1.

Караев К.Р. (1968) Воспоминания. Махачкала.

аль-Карахи М.Т. (1990) Блеск дагестанских сабель в некоторых шамилевских битвах. Коммент. и пер. Т.М.Айтберова и А.Барабанова. Махачкала, 2-е изд., ч. I–II.

Карпов Ю.Ю. (1996а) Джигит и волк. Мужские союзы в социокультурной традиции горцев Кавказа. СПб.

Карпов Ю.Ю. (1996б) Сказочные сюжеты об утратившем нос муже, коварной жене и материалы кавказской этнографии // Кунсткамера. Этнографические тетради. СПб., вып. 10.

Карпов Ю.Ю. (2000) «Верхние» и «нижние»: к проблемам функционирования горских обществ Кавказа // Народы Кавказа: традиции и современность. Сб. ст. СПб.

Каталог арабских рукописей Института истории, языка и литературы им. Гамзата Цадасы Дагестанского филиала АН СССР. (1977) Отв. ред. М.-С.Саидов. М., вып. I.

Киров С.М. (1957) Избранные статьи и речи. М.

Кобишанов Ю.М. (1989) Полюдье в истории Дагестана (к постановке вопроса) // Государства и государственные учреждения в дореволюционном Дагестане. Сб. ст. Махачкала.

Ковалевский М.М. (1888) Родовое устройство Дагестана // Юридический вестник. М., т. 29, ч. 3.

Ковалевский М.М. (1890) Закон и обычай на Кавказе. М., т. 1–2.

Кодекс Умму-хана Справедливого. (1948) Махачкала.

Козачковский П.В. (1913) Разбои на Кавказе. Владикавказ.

Колосов Л.Н. (1991) Славный Бейбулат. Грозный.

Комаров А.В. (1868) Адаты и судопроизводство по ним (материалы для статистики Дагестанской области) // ССКГ, вып. I.

Комаров А.В. (1876) Народонаселение Дагестанской области // Записки КО ИРГО, кн. VIII.

Кондрашева А.С. (1999) К проблеме соотношения обычно-правовых норм и официального законодательства на примере правового развития Кавказа (вторая половина XIX в.) // Обычное право и правовой плюрализм в изменяющихся обществах.

Коран. (1986) Пер. и коммент. И.Ю.Крачковского. М.

Косвен М.О. (1925) Преступление и наказание в первобытном обществе. М.

Косвен М.О. (1961) Этнография и история Кавказа. М.

Косвен М.О. (1962) Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке // КЭС, вып. 3.

Крылов А.Б. (1999а) Абхазия: религиозная ситуация в непризнанном государстве // Вестник Евразии. М., № 1–2.

Крылов А.Б. (1999б) Постсоветская Абхазия (Традиции. Религии. Люди). М.

Кто есть кто в кавказоведении. (1999) Библиографический словарь-справочник. Сост. М.Е.Алексеев. М.

Куадже Р.З. (1988) Социальные отношения и их отражение в неписаном феодальном праве Адыгеи (Черкесии) XVIII — первой половины XIX в. Автореф. канд. дис. Тб.

Куббель Л.Е. (1979) Потестарная и политическая этнография // Исследования по общей этнографии. М.

Лавров Л.И. (1961) Материалы по арабской эпиграфике на Северном Кавказе // СМАЭ, вып. XX.

Лавров Л.И. (1966, 1968, 1980) Эпиграфические памятники Северного Кавказа. М., ч. 1–3.

Лавров Л.И. (1976) Новое о Зерехгеране и казикумухских шамхалах // Из истории дореволюционного Дагестана. Махачкала.

Лавров Л.И. (1982) Этнография Кавказа. Л.

Ладыженский А.М. (1928) Очерки по социальной эмбриологии (межплеменное и внутриплеменное право кавказских горцев) // Записки Северокавказского краевого горского НИИ. Ростов-на-Дону, т. 1.

Ламберти А. (1913) Описание Колхиды, называемой теперь Мингрелией // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, вып. 43.

Ланда Р.Г. (1976) Борьба алжирского народа против европейской колонизации (1830–1918). М.

Лапин В.В. (2001) Национальные формирования в Кавказской войне // Россия и Кавказ сквозь два столетия. Сб. ст. Сост. Г.Г.Лисицина, Я.А.Гордин. СПб.

Лаудаев У. (1872) Чеченское племя // ССКГ, вып. VI.

Ленин В.И. (1948) Замечательное дело // Сочинения. М., 4-е изд., т. 15.

Ленин В.И. (1949) Аграрная программа социал-демократии в русской революции. Автореферат // Сочинения. М., 4-е изд., т. 19.

Леонтович Ф.И. (1882) Адаты кавказских горцев. Одесса, вып. I–II.

Лермонтов М.Ю. (1975–1976) Собрание сочинений в 4 томах. М., т. I–II, IV.

Ломакин А. (1994) Обычное право туркмен (адат, 1897 г.). Аш., 2-е изд.

Лугуев С.А. (1980) О кровной мести у лакцев во второй половине XIX — начале XX в. // Семейный быт народов Дагестана. Сб. ст. Махачкала.

Лугуев С.А., Магомедов Д.М. (1994) Бежтинцы в XIX — начале XX в. Махачкала.

Люлье Л.Я. (1859) Учреждения и народные обычаи шапсугов и натухайцев // *Он же*. Черкесия. СПб.

Магомадова Т.С. (1988) Антиисторическое воспитание в изучении курса «История ЧИАССР (досоветский период)» // Атеистическое и интернациональное воспитание в преподавании исторических дисциплин. Сборник научно-методических материалов. Грозный.

Магомеддадаев А.М. (1996) Дагестанская диаспора в Турции и Сирии. Генезис и проблемы адаптации. Автореф. канд. дис. Махачкала.

Магомедов А.О. История багулальского союза сельских общин. Дипломная работа (рук.) // Библиотека ДГУ.

Магомедов Р.М. (1960) Адаты дагестанских горцев как исторический источник. М.

Магомедов Р.М. (1969) Легенды и факты о Дагестане. Махачкала.
Магомедов Р.М. (1979) По аулам Дагестана. Махачкала.
Магомедов Р.М. (1987) Россия и Дагестан: страницы истории. Махачкала.
Магомедова П.Т., Халилова Р.Ш. (2001) Каратинско-русский словарь. С.-Петербург–Махачкала.
Магомед-Ханов М. (1878) Истинные и ложные последователи тариката // ССКГ, вып. IV.
Магомедханов М.М. (1993) Аварско-русский фразеологический словарь. М.
Макаров Д.В. (2000) Официальный и неофициальный ислам в Дагестане. М.
Малашенко А.В. (1998) Исламское возрождение в современной России. М.
Малашенко А.В. (1999) Ислам и политика в государствах Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ. Лулео (Швеция), № 4.
Малашенко А.В. (2001) Исламские ориентиры Северного Кавказа. М.
Мамакаев М.А. (1973) Чеченский тайп в период его разложения. Грозный.
Мамбетов Г.Х. (1996) Верхнекуринское восстание Кабарды в 1929 г. // Тарих. Махачкала, № 2–3.
Мансуров Ш.М. (1995) Салатавия (социально-экономическая и политическая история в конце XVIII — первой половине XIX в.). Махачкала.
Мансурова А.Г. (1995) Цудахария (социально-экономическая и политическая история в конце XVIII — первой половине XIX в.). Махачкала.
Маркс К. (1933) [Тезисы о Фейербахе] // *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Под ред. В.Адоратского. М., 1-е изд., т. IV.
Маркс К. (1938) Дебаты по поводу закона против кражи леса. Из «Рейнской газеты» // *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Под ред. В.Адоратского. М., 1-е изд., т. I.
Материалы по истории социалистического уголовного законодательства. (1938) Сборник документов. М.
Материалы по метрологии народов Дагестана. (1974) // Вопросы истории Дагестана (досоветский период). Сб. ст. Отв. ред. В.Г.Гаджиев. Махачкала, [вып.] I.
Материалы по обычному праву кабардинцев. (1956) Сост. Б.А. (В.К.) Гарданов. Нальчик.
Мафедзев С.Х. (1979) Обряды и обрядовые игры адыгов в XIX — начале XX в. Нальчик.
Махмуд из Хиналуга. (1997) События в Дагестане и Ширване. XIV–XV вв. Предисл., пер., коммент. и сост. А.Р.Шихсаидова. Махачкала.
Межнациональные конфликты на Кавказе: методика их преодоления. (1995) Тезисы докладов международной конференции. Москва, 19–20 января 1995. М.
Мериме П. (1963) Хроника царствования Карла IX // Собрание сочинений в 6 томах. М., т. 1.
Милютин Д.А. (2000) Гуниб. Пленение Шамиля: воспоминания // Родина. М., № 1/2.
Мисроков З.Х. (1979) Отмирание шариатской юстиции в автономиях Северного Кавказа (методические указания). М.
Мовчан Г.Я. (1972) Социологическая характеристика старого аварского жилища // КЭС, вып. 5.

Мокринский С.П. (1927) Преступления, составляющие пережитки родового быта // Советское право. М., № 4.
Мусаева М.К. (1995) Хваршины. Махачкала.
Надеждин П. (1895) Кавказский край. Природа и люди. Тула.
Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20–50-х годах XIX в. (1994) Материалы конференции. Махачкала.
Национальная политика в императорской России. (1997) Цивилизованные окраины. Сост., ред. и автор вступит. ст. Ю.И.Семенов. М.
Низам Шамиля. (1870) // ССКГ, вып. III.
Никишенков А.А. (1998) Обычное право и проблемы его библиографии // Обычное право народов России. Библиографический указатель. Сост. А.А.Никишенков. Под ред. Ю.И.Семенова. М.
Обзор Дагестанской области за 1911 год. (1912) Темир-Хан-Шура.
Обзор Дагестанской области за 1913 год. (1915) Темир-Хан-Шура.
Обычное право и правовой плюрализм. (1999) Материалы XI Международного конгресса по обычному праву и правовому плюрализму, 18–22 августа 1997 г. М.
Обычное право и правовой плюрализм в изменяющихся обществах. (1997) XI Международный конгресс. 18–22 августа 1997 г. Тезисы. М.
Обычное право народов Кавказа. (1998) // Обычное право народов России. Библиографический указатель. Сост. А.А.Никишенков. Под ред. Ю.И.Семенова. М.
Ожегов С.И. (1960) Словарь русского языка. М., 4-е изд.
Олейников Д.И. (2000) Шамиль // Родина. М., № 1/2.
Омаров А.С. Судебно-правовая политика царизма в Дагестане // РФ ИИАЭ, ф. 3, оп. 1, д. 49.
Омаров А.С. (1966) Система композиций в обычном праве Дагестана // УЗ ИИЯЛ, т. VI.
Омаров А.С., Маршаев Р.Г. (1958) Об одном памятнике по истории Аварии XVII века // УЗ ИИЯЛ, т. V.
Орлов А.С., Георгиев В.А., Георгиева Н.Г., Сивохина Т.А. (1997) История России с древних времен до наших дней. М.
Османов Г.Г. (1965) Социально-экономическое развитие дагестанского доколхозного аула. М.
Османов М.-З.О. (1990) Формы традиционного скотоводства народов Дагестана в XIX — начале XX в. М.
Памятники обычного права Дагестана XVII–XIX вв. (1965) Архивные материалы. Сост. Х.-М.О.Хашаев. М.
Панек Л.Б. Материалы по этнографии рутульцев // РФ ИИАЭ, ф. 3, оп. 36, д. 2.
Панек Л.Б., Шиллинг М.Е. (1996) Сборник очерков по этнографии Дагестана. Махачкала.
Пантюхов И. (1901) Современные лезгины // Кавказ. Тифлис, № 228.
Першиц А.И. (1979) Проблемы нормативной этнографии // *Он же.* Исследования по общей этнографии. М.
Першиц А.И., Смирнова Я.С. (1998) Юридический плюрализм народов Северного Кавказа // Общественные науки и современность. М., № 1.

Песни горцев. (1990) Махачкала.
Плиев А.А. (1969) Кровная месть у чеченцев и ингушей и процесс ее изживания в годы Советской власти. Канд. дис. М.
Показания чанков Гунибского округа о своих сословно-феодальных правах. (1969) // Феодальные отношения в Дагестане XVII–XIX вв. М.
Показания чанков селений Телетль, Гонода, Ругуджа и других об истреблении Шамилем их предков. (1959) // Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20–50 гг. XIX в.
Покровский Н.И. (1939) Обзор источников по истории имамата. М.
Покровский Н.И. (2000) Кавказские войны и имамат Шамиля. Под ред. В.Г.Гаджиева. М.
Полозов Б.Н. 1905 и 1906 годы в Закавказье // BAR.
Полозов Б.Н. В дебрях Закавказья // BAR.
Полозов Б.Н. Высочайшее помилование // BAR.
Полянский Ф.Я. (1952) Проблема общины в работах М.М.Ковалевского // Вестник МГУ. М., № 7.
Попов И. (1868) Ичкерия // ССКГ, вып. IV.
Попов К. О восстаниях в России противокоммунистических // BAR.
Постановление ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 г. (1932) // СЗ СССР, № 62.
Постановления кайтахского уцмия Рустем-хана, написанные в XII веке по Р.Х. и отданные на хранение кадию магала Гапш. (1868) // ССКГ, вып. I.
Привилегированные сословия Кабардинского округа. (1870) // ССКГ, вып. III.
Проект положения о сельских обществах, их общественном управлении и повинностях государственных и общественных в Дагестанской области. (1898) (Хазихи кава'ид фи байан джама'ат кура вилайат ад-Дагистан ва фи табдир умури-хим ва-л-хукук ал-ваджиба 'ала ахали ал-кура ли-л-фадишахиййа ва ли-л-джама'а) (на рус. и араб. яз.). Темир-Хан-Шура.
Проект положения об управлении Дагестанской областью. (1904) // АКАК, т. XII.
Проект положения об управлении Закатальского округа. (1904) // АКАК, т. XII.
Проект положения об устройстве судебной части в областях Дагестанской и Карсской и в округах Закатальском (Тифлисской губ.), Батумском и Артвинском (Кутаисской губ.). [Б. м., б. г.] (Тифлис, 1880?).
Пушкин А.С. (1964) Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года // Полное собрание сочинений в 10 томах. М., т. VI.
Рамазанов А.Х. (1997) Борьба дагестанских горцев против колониализма в послеимаматский период // Наука и молодежь. Сб. ст. Махачкала, вып. 1.
Рамазанов Р.А. (1990) Шиназ. Махачкала.
Рамазанов Р.А. (1999) Народные песни рутульцев (на примере села Шиназ) // Дагестанское село: вопросы идентичности (на примере рутульцев). Отв. ред. Т.Ф.Сиверцева. М.
Рамазанов Х.Х. (1994) Колониальная политика царизма на Северо-Восточном Кавказе // Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20–50-х годах XIX в. Материалы конференции.

Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р. (1964) Очерки истории Южного Дагестана. Махачкала.

Революция и горец. (1928–1932) Политико-экономический, литературно-публицистический и историко-краеведческий ежемесячник. Ростов-на-Дону.

Рейнке С.М. (1912) Горские и народные суды Кавказского края. СПб.

Репрессированные этнографы. (1999) Сост. и отв. ред. Д.Д.Тумаркин. [Вып. I]. М.

РСФСР. (1981) Административно-территориальное деление. М.

Руководящие начала по уголовному праву РСФСР. (1919) М.

Рукописная и печатная книга в Дагестане. (1991) Сб. ст. Махачкала.

Руновский А. (1862) Кодекс Шамиля // Военный сборник. М., т. 22, вып. 2.

Саидов И.М. (1964) Чечено-ингушские карлаги // Советская этнография. М., № 2.

Саидов М.-С. (1967) Аварско-русский словарь. Махачкала.

Самурский Н. (1925) Дагестан. М.–Л.

Сведения о податях, натуральных повинностях и других налогах, взимаемых с жителей Дагестанской области. (1867) // РФ ИИАЭ, ф. 5, оп. 1, д. 60.

Свод законов Российской империи. (1912) СПб., кн. 1–5.

Семенов Ю.И. (1968) О некоторых теоретических проблемах истории первобытности // Советская этнография. М., № 4.

Семенов Ю.И. (1979) О стадиальной типологии общины // Проблемы типологии в этнографии. М.

Семенов Ю.И. (1997) Формы общественной воли в доклассовом обществе: табуитет, мораль и обычное право // Этнографическое обозрение. М., № 4.

Сержпутовский А.К. (1916) Поездка в Нагорный Дагестан. Пг.

Систематизированный текст общесоюзных уголовных законов и Уголовных кодексов союзных республик. (1948) М.

Скачко А.Е. (1923) К вопросу о колонизации окраин // Жизнь национальностей. М., № 2.

Скачко А.Е. (1931) Дагестан. М.

Смирнов Н.А. (1952) Реакционная сущность движения мюридизма и Шамиля на Кавказе. М.

Смирнов О.А. (1989) По поводу одной этимологии названия Кавказской Албании // Социальная терминология в языках Дагестана. Сб. ст. Махачкала.

Смирнова Л.И. (1989) Коллекционные и архивные материалы Е.М.Шиллинга и библиография его трудов // Памятники традиционно-бытовой культуры народов Средней Азии, Казахстана и Кавказа (СМАЭ. Л., вып. XLIII).

Смирнова Я.С. (1995) Кавказские обычаи как средство преодоления национальных междоусобиц // Межнациональные конфликты на Кавказе: методика их преодоления.

Смирнова Я.С., Тайсаева С.К. (1999) Полиюридизм на Северном Кавказе (вторая половина XIX – XX в.) // Обычное право и правовой плюрализм в изменяющихся обществах.

Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. (1997–2000) Документы и материалы. М., т. I–III.

Советский Дагестан за 40 лет. (1961) Махачкала.
Солженицын А. (1991–1993) Архипелаг ГУЛАГ // Малое собрание сочинений. М., т. 5–7.
Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917–1918 гг.), Горская республика (1918–1920 гг.). (1994) Документы и материалы. Махачкала.
Сталин И.В. (1932) Вопросы ленинизма. М., 9-е изд.
Сталин И.В. (1947) Сочинения. М., т. 4.
Статистические сведения о кавказских горцах, состоящих в военно-народном управлении. (1868) // ССКГ, вып. I.
Стевен Х. (1824) Журнал путешествий по земле Войска Донских казаков, к Кавказу и в Астрахань // Северный архив. СПб., ч. 12, № 24.
Сто писем Шамиля. (1997). Введ., пер. с араб. и коммент. Х.А.Омарова. Махачкала.
Страбон. (1964) География. М.
Страницы отечественного кавказоведения. (1992) М.
Стриджбош Ф. (1999) Концепции правового плюрализма и их применимость в контексте изучения юридической практики у молуккцев в Нидерландах // Обычное право и правовой плюрализм в изменяющихся обществах.
Съезды народов Терека. (1977) Документы и материалы. Орджоникидзе, т. I–II.
Тахнаева П.И. (1997) Чох в блистательную эпоху Шамиля, 1840–1850 гг. Махачкала.
Тишков В.А. (2001) Общество в вооруженном конфликте. Этнография Чеченской войны. М.
Токарев С.А. (1971) Ранние этапы развития советской этнографической науки (1917 — середина 1930-х годов) // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. М., вып. 5.
Толль Ф.Г. (1863–1866) Настольный словарь для справок по всем отраслям знания (справочный энциклопедический лексикон). СПб., т. I–III.
Толстой Л.Н. (1979а) Набег. Рубка леса // Собрание сочинений в 22 томах. М., т. 2.
Толстой Л.Н. (1979б) Казаки // Собрание сочинений в 22 томах. М., т. 3.
[*Торнау Н.Е., Казембек А.К.*] Копия с записки барона Торнау и Казембека «Об устройстве судебного быта мусульман» // ЦГИА РГ, ф. 416, оп. 3, д. 736.
Тоторкулов Р.Х. (1997) Обычное право карачаевцев: традиции и современность // Обычное право и правовой плюрализм в изменяющихся обществах.
Традиционное и новое в современном быте и культуре дагестанцев-переселенцев. (1988) Сб. ст. М.
Трофимова Г.Т. (2001) Характер взаимоотношений между правовыми традициями карачаевцев и властными структурами // Россия и Кавказ сквозь два столетия. Сб. ст. Сост. Г.Г.Лисицина, Я.А.Гордин. СПб.
Уголовный кодекс РСФСР. (1922) Пг.
Уголовный кодекс РСФСР в редакции 1926 г. (1927) М.

Уголовный кодекс РСФСР. (1935) М.
Уголовный кодекс РСФСР. (1960) М.
Уголовный кодекс РФ. (1997) М.
Умаханов Х. (1993) Помнят андийские горы. Махачкала.
Унежев К.Х. (1997) Адыгский этикет (адыгэ хабзэ), правовой плюрализм и современность // Обычное право и правовой плюрализм в изменяющихся обществах.
[*Услар*] *П.К.* (1868) Кое-что о словесных произведениях горцев // ССКГ, вып. I.
Услар П.К. (1887) Этнография Кавказа. Языкознание. I. Абхазский язык. Тифлис.
Услар П.К. (1883) Этнография Кавказа. Языкознание. II. Чеченский язык. Тифлис.
Услар П.К. (1889) Этнография Кавказа. Языкознание. III. Маарульский (аварский) язык. Тифлис.
Услар П.К. (1890) Этнография Кавказа. Языкознание. IV. Лакский язык. Тифлис.
Услар П.К. (1892) Этнография Кавказа. Языкознание. V. Хюркилинский язык. Тифлис.
Услар П.К. (1896) Этнография Кавказа. Языкознание. VI. Кюринский язык. Тифлис.
Услар П.К. (1979) Этнография Кавказа. Языкознание. VI. Табасаранский язык. Тб.
Фадеев А.В. (1955) О внутренней социальной базе мюридского движения на Кавказе XIX в. // Вопросы истории. М., № 6.
Фадеев Р.А. (1889) 60 лет Кавказской войны // Собрание сочинений. СПб., т. 1, ч. 1–2.
Фенглер Х., Гироу Г., Унгер В. (1982) Словарь нумизмата. Пер. с нем. М.
Фрунзе М.В. (1934) Европейские цивилизаторы в Марокко // Избранные произведения. М.
Фуко М. (2000) Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.
Халидов А.Б. (1998) Восточная Европа // Ислам на территории бывшей Российской империи, вып. 1.
Халилов М.Ш. (1995) Бежтинско-русский словарь. Махачкала.
Халилов М.Ш. (1999) Цезско-русский словарь. Махачкала.
Хан-Гирей. (1976) Записки о Черкесии. Нальчик.
Хан-Магомедов С.О. (1998) Рутульская архитектура // *Он же.* Архитектура Дагестана. М., вып. 1.
Ханукаев С.Б. (1991) Пути рационального использования сельских трудовых ресурсов Дагестана. Махачкала.
Хашаев Х.-М. (1956) К вопросу о тухумах, сельских общинах и вольных обществах в Дагестане // УЗ ИИЯЛ, т. I.
Хашаев Х.-М. (1957) Пережитки шариата и вредных адатов и борьба с ними. Махачкала.
Хашаев Х.-М. (1961) Общественный строй Дагестана в XIX в. М.
Хашаев Хаджи-Мурад Омарович. 1909–1971. Библиография. (1980) Махачкала.

Хинц В. (1970) Мусульманские меры и веса с переводом в метрическую систему. Пер. с нем. Ю.Э.Брегеля. *Давидович Е.А.* Материалы по метрологии средневековой Средней Азии. М.

Хрестоматия по истории права и государства Дагестана в XVIII–XIX вв. (1999) Сост., пер. и коммент. Т.М.Айтберова. Махачкала, ч. I–II.

Церетели Г.В. (1941) Вновь найденные письма Шамиля // Труды первой сессии арабистов. М.–Л.

Челеби Э. (1979) Книга путешествия. М., вып. 2.

Человек и право. (1999) Книга о Летней школе по юридической антропологии. М.

Чурсин Г.Ф. (1995) Авары. Этнографический очерк. Под ред. Р.И.Сефербекова. Махачкала.

Шагиров А.К. (1977) Этимологический словарь адыгейского (черкесского) языка. М., т. 1.

Шаманов И.М. (1972) Скотоводство и общественный быт карачаевцев в XIX — начале XX в. // КЭС, вып. 5.

Шарафутдинова Р.Ш. (1982) Еще один «Низам» Шамиля // Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования. Ежегодник. 1975. М.

Шиллинг Е.М. Народы андо-цезской группы // РФ ИИАЭ, ф. 5, оп. 1, д. 56.

Шиллинг Е.М. (1936) Музейные легенды к коллекции, собранной в 1935 г. для Музея народов СССР в Дагестане // Архив РЭМ, ф. 5, оп. 2, д. 85.

Шиллинг Е.М. (1949) Кубачинцы и их культура // Труды Института этнографии. М., т. 8.

Шиллинг Е.М. (1993) Малые народы Дагестана. М.

Шиллинг Е.М. (1996а) Кубачинцы // *Шиллинг Е.М., Панек Л.Б.* Сборник очерков по этнографии Дагестана. Под ред. Р.И.Сефербекова. Махачкала.

Шиллинг Е.М. (1996б) Свадебный обряд в Чохе // Северный Кавказ: бытовые традиции в XX в. Сб. ст. М.

Шихсаидов А.Р. (1967) Новые данные по средневековой истории Дагестана // УЗ ИИЯЛ, т. IX.

Шихсаидов А.Р. (1969) Ислам в средневековом Дагестане. VII–XV вв. Махачкала.

Шихсаидов А.Р. (1984) Эпиграфические памятники Дагестана X–XVII вв. как исторический источник. М.

Шихсаидов А.Р. (1999а) Ахмад ал-Йамани // Ислам на территории бывшей Российской империи, вып. 2.

Шихсаидов А.Р. (1999б) ал-Кудуки, Мухаммад // Ислам на территории бывшей Российской империи, вып. 2.

Шихсаидов А.Р. (1999в) Ислам в Дагестане // Центральная Азия и Кавказ. Лулео (Швеция), № 4.

Шихсаидов А.Р., Гаджиев М.Г., Давудов О.М. (1996) История Дагестана с древнейших времен до конца XV в. Махачкала.

Эльмесов А.М. (1991) Из истории русско-кавказской войны. Нальчик.

Энциклопедический словарь. (1891–1906) Изд. Ф.А.Брокгауз и И.А.Эфрон. СПб., т. I–XLII.

Эсадзе С. (1907) Историческая записка об управлении Кавказом. Тифлис, т. I–II.
Эстрин А.Я. (1935) Советское уголовное право. М.
Этимологический словарь русского языка. (1963) М.
Этнологический факультет. (1927) М.
Юнусов Ю.Ю. Особенности преступности в городской и сельской местностях Дагестанской АССР в современный период // РФ ИИАЭ, ф. 3, оп. 2, д. 441.

На восточных языках

Абдурахман из Газикумуха. (1997) Книга воспоминаний / Китаб тазкират саййид ʻАбд ар-Рахман б. устаз шайх ат-тарика Джамал ад-Дин ал-Хусайни фи байан ахвал ахали Дагистан ва Чачан аллафа-ху ва катаба-ху фи Туплис фи санат 1285 (Книга воспоминаний сейида Абдурахмана сына устаза шейха Джамалуддина ал-Хусайни с разъяснением дел жителей Дагестана и Чечни. Составлена и написана в Тифлисе в 1285/1869 г., на араб. яз., с рус. пер. М.-С.Саидова под ред. А.Р.Шихсаидова и Х.А.Омарова). Махачкала.
ʻАдат карйат Тлух (Адаты селения Тлох, на араб. яз.). 1297/1879 г. // РФ ИИАЭ, ф. 5, оп. 1, д. 1658.
Байан ʻадат ʻУрада (Разъяснение адатов Урады, на араб. яз.) 1297/1879 г. // РФ ИИАЭ, ф. 5, оп. 1, д. 1658.
Байан таварих ар-русум ад-дагистанийа (1965) (Разъяснение исторических записей о дагестанских адатах, на араб. яз.) // Памятники обычного права Дагестана XVII–XIX вв.
Гидатлинские адаты. (1957) / ʻАдат джамаʻат Хид. Махачкала.
Гьажиев С. (1998) КIири Буба. Роман (на лезг. яз., «Буба из [селения] Икра»). Махачкала.
Гьамзатханны йыры (1939) (Историческая песня об [абреке] Хамзатхане [из Буглена], на кум. яз.) // *Алескендеров З.* Кумыкские песни и сказки // РФ ИИАЭ, ф. 9, оп. 1, д. 138.
Дафтар карйат Хучада (Тетрадь [адатов] селения Хучада, на араб. яз.). 1297/1879 г. // РФ ИИАЭ, ф. 5, оп. 1, д. 1658.
Дафтар Мачада (Тетрадь [адатов] Мачады, на араб. яз.). 1297/1879 г. // РФ ИИАЭ, ф. 5, оп. 1, д. 1658.
Залимханны йыры (1939) (Историческая песня об [абреке] Зелимхане [Гушмазукаеве из Харачоя], на кум. яз.) // *Алескендеров З.* Кумыкские песни и сказки // РФ ИИАЭ, ф. 9, оп. 1, д. 138.
ал-Каббаши М.Т. (1986) Татбик аш-шариʻа ал-исламийа фи-с-Судан байн ал-хакика ва-л-исара (Применение шариата в Судане: между действительностью и возмущением, на араб. яз.). Каир.
Коран. (1907) / ал-Кур'ан ал-карим. Араб. текст и рус. пер. Г.С.Саблукова. Казань, 3-е изд.

ал-Кур'ан ал-карим (1153/1740-41) (Священный Коран, на араб. яз.) // Мечетная библиотека с. Хуштада.

Надиршагъ виххизавиялъул хIакъалълъ кечI. (1942) Авар халкъалъул эпос (Песня о разгроме Надир-шаха. Аварский народный эпос, на авар. яз.). Махачкала.

Нафахат азахир ал-кара фи 'арсат 'адат ал-кура (Дары красот, дремлющих во дворе адатов селений, на араб. яз.) // РФ ИИАЭ, ф. М.-С.Саидова, папка 8.

Хаза байан ал-мазари' ал-маукуфат ли-масджид джами' хушдал (Разъяснение [о] пахотных землях, находящихся в вакуфной собственности соборной мечети хуштадинцев, на араб. яз.). (1915) // Мечетная библиотека с. Хуштада.

Хаза байан расм карйат Хучада (Разъяснение обычного права селения Хучада, на араб. яз.). 1297/1879 г. // РФ ИИАЭ, ф. 5, оп. 1, д. 1658.

Хаза каус расма' цекал ва 'адати-хим (1969) (Свод постановлений и обычаев цекубцев, на араб. яз.) // Памятники обычного права Дагестана XVII–XIX вв.

Хаза фиркур ахл карйат Хушдада (Протокол [схода] жителей селения Хуштада, на араб. яз.) (1904) // Архив М.-С.Газиева, с. Хуштада.

Хазихи кава'ид фи байан джама'ат кура вилайат ад-Дагистан ва фи тадбир умури-хим ва-л-хукук ал-ваджиба 'ала ахали ал-кура ли-л-фадишахиййа ва ли-л-джама'а (Положение о сельских обществах, их общественном управлении и повинностях государственных и общественных в Дагестанской области, на араб. яз.). (1868) Темир-Хан-Шура.

Фа-инна ахл кура кил кад иттафаку 'ала хаза ар-расм (1965) (Поистине жители селений келебцев приняли следующий адат, на араб. яз.) // Памятники обычного права Дагестана XVII–XIX вв.

Фа-хазихи 'ухуд ва мавасик вака'ат байн джами' кура 'андалал ва харрат байна-хум мин кадим аз-заман би-ттифакихим 'ала-л-кадар ва-л-иттихад би-тауфик ал-малик ал-маннан (1965) (Договоры и соглашения, заключенные между всеми селениями андалальцев, которые придерживались их с давних времен по соглашению друг с другом согласно [божественному] предопределению и в союзе при поддержке милосердного Владыки, на араб. яз.) // Памятники обычного права Дагестана XVII–XIX вв.

ХIамзатов Р. (1970) ТIаса ришарал асарал кучIдул (Избранные произведения, на авар. яз.). Махачкала, т. II.

ШIадаса Х. (1956) Падатазул жул (Метла адатов, на авар. яз.). Махачкала.

Чечеклер. (1939) Къумукъ литератураны альманахы (Цветник, на кум. яз.). Махачкала.

На западных языках

Ageron Ch.-R. (1964) Histoire de l'Algérie contemporaine (1830–1964). P.

Benda-Beckmann F. von. (1979) Property in Social Continuity: Continuity and Change in the Maintenance of Property Relationships through Time in Minangkabau, West Sumatra. The Hague.

Benda-Beckmann F. von. (1983) Why Law Does not Behave: Critical and Constructive Reflections on the Social Scientific Perception of the Social Significance of Law // Proceedings of the Symposium on Folk Law and Legal Pluralism. XIth IUAES Congress. Vancouver.

Bennigsen A., Lemercier-Quelquejay Ch. (1986) Le soufi et le commissaire. Les confréries musulmanes en URSS. P.

Bennigsen Broxup M. (1986) Caucasian Muridism in Soviet Historiography // *Jemaleddin of Kazikumukh.* Naqshbandi Treaty. Oxf.

Bobrovnikov V. (1996) The Islamic Revival and the National Question in Post-Soviet Dagestan // Religion, State and Society. Oxf., vol. 24, no. 2/3.

Bobrovnikov V. (1999) Common Law Transformation in Collective Farms of the Caucasus // RSS Network Chronicle. Prague, no. 7.

Bobrovnikov V. (2000) Mythologizing Sharia Courts in the Post-Soviet North Caucasus // ISIM Newsletter. Leiden, no. 5.

Bobrovnikov V. (2001) Post-Socialist Forms of Islam: North Caucasian Wahhabis // ISIM Newsletter. Leiden, no. 7.

Boehm C. (1984) Blood Revenge. The Anthropology of Feuding in Montenegro and Other Tribal Societies. Lawrence, Kansas.

Bourdieu P. (1977) Outline of a Theory of Practice. Cambridge.

Bourdieu P. (1979) Algeria 1960: Essays. Cambridge.

Breslauer G. (1978) On the Adaptation of Soviet Welfare-State Authoritarism // Soviet and the Communist Party. Ed. by K.Ryavec. Massachusets.

Burbank J. (1995) A Question of Dignity: Peasant Legal Culture in Late Imperial Russia // Continuity and Change, vol. 10, no. 3.

Cazwini, Zakarija Ben Muhammad. (1848) Kosmographie. Hrsg. F. von Wüstenfeld. Göttingen, Bd. II.

Comaroff J. (1985) Body of Power. Spirit of Resistance. Chicago.

Dupret B. (1999) Legal Pluralism, Normative Plurality and the Arab World // Legal Pluralism in the Arab World. Ed. by B.Dupret, M.Berger, L. al-Zwaini. The Hague.

Elias T.O. (1956) The Nature of African Customary Law. Manchester.

Engelstein L. (1993) Combined Underdevelopment: Discipline and the Law in Imperial and Soviet Russia // American Historical Review, vol. 98, no. 2.

Fitzpatrick P. (1980) Law and State in Papua New Guinea. L.

Gammer M. (1994) Muslim Resistance to the Tsar: Shamil and Conquest of Chechnia and Daghestan. L.

Gillissen J. (ed.) (1971) Le pluralisme juridique. Bruxelles.

Gluckman M. (1965) Politics, Law and Ritual in Tribal Society. Oxf.

Griffits J. (1986a) What is Legal Pluralism? // Journal of Legal Pluralism, no. 24.

Griffits J. (1986b) Recent Anthropology of Law in the Netherlands and its Historical Background // Anthropology of Law in the Netherlands. Ed. by K. von Benda-Beckmann and F.Strijbosch. Foris.

Hanoteau G., Letourneaux A. (1893) La Kabylie et les coutumes kabyles. P., vol. 1–2.

Hill R. (1985) The Cultural Dimension of Communist Political Evolution // Journal of Communist Studies. Vol. 1, no. 1.

Hirsch F. (1997) The Soviet Union as a Work-in-Progress: Ethnographers and the Cathegory Nationality in 1926, 1937 and 1939 Censuses // Slavic Review. Vol. 56, no. 2.

Hobsbaum E. (1993) Inventing Traditions // The Invention of Tradition. Ed. by E.Hobsbaum and T.Ranger. Cambridge, 2nd ed.

Homo juridicus. (1997) Материалы конференции по юридической антропологии. Под ред. Н.И.Новиковой и А.Г.Осипова. М.

Jackson M. (1992) Changing Realities: Unchanging Truths // Commission on Folk Law and Legal Pluralism. Proceedings of the Papers Presented to the Congress at Victoria University of Wellington. Wellington.

Kisriev E. (2000) Islam's Political Role in Daghestan // Central Asia and the Caucasus. Luleå (Sweden), no. 5.

Leach E.R. (1977) Custom, Law and Terrorist Violence. Edinburgh.

Macaulay S. (1986) Private Government // Law and the Social Sciences. Ed. by L.Lipson and S.Wheeler. N.Y.

Makarov D. (1998) Enacting Sharia Courts in a Dagestani Village // ISIM Newsletter. Leiden, no. 1.

Malashenko A. (1999) Islam and Politics in Central Asian States // Political Islam and Conflicts in Russia and Central Asia. Ed. by L.Jonson and M.Esenov. Stockholm.

Malinowski B. (1966) Crime and Custom in Sauvage Society. L., 8th ed.

Martin V. (2001) Law and Custom in the Steppe. The Kazakhs of the Middle Horde and Russian Colonialism in the Nineteenth Century. Richmond.

Matveeva A. (1999) The Islamist Challenge in Post-Soviet Eurasia // Political Islam and Conflicts in Russia and Central Asia. Ed. by L.Jonson and M.Esenov. Stockholm.

Merry S.E. (1988) Legal Pluralism // Law and Society Review. Vol. 22, no. 5.

Merry S.E. (1992) Anthropology, Law and Transnational Processes // Annual Review of Anthropology, no. 21.

Messick B. (1986) The Mufti, the Text and the World: Legal Interpretation in Yemen // Man. L., vol. 21, no. 102.

Moore S.F. (1973) Law and Social Change in the Semi-autonomous Social Field as an Appropriate Subject of Study // Law and Society Review, no. 7.

Moore S.F. (1986) Social Facts and Fabrications: Customary Law in Kilimanjaro, 1880–1980. Cambridge.

North Caucasus Barrier. (1992) The Russian Advance Toward the Muslim World. Ed. by M.Bennigsen Broxup. L.

Peters R. (1994) The Islamization of Criminal Law: A Comparative Analysis // Welt des Islams. Leiden, vol. 34.

Peters R. (1999) A Case of Feuding Families in the 19th Century Egypt // Legal Pluralism in the Arab World. Ed. by B.Dupret, M.Berger, L. al-Zwaini. The Hague.

Pospisil L. (1971) The Anthropology of Law. A Comparative Theory of Law. N. Y.

Radcliffe-Brown A.R. (1933) Public and Private Delicts in Primitive Law // Encyclopaedia of Social Sciences. L.

Roshchin M. (1997) Legislating Religion (Dagestan) // War Report. L., November.

Roshchin M. (2000) Dagestan and the War Next Door // Perspective. Wash., vol. XI, no. 1 (September–October).
Roy O. (1998) The Radicalization of Sunni Conservative Fundamentalism // ISIM Newsletter. Leiden, no. 2.
Santos, D. de Sousa. (1987) Law: a Map of Misreading; Toward a Postmodern Conception of Law // Journal of Law and Society. No. 14.
Schiefner A. (1873) Die awarische Texte // Mémoires de l'Académie Impériale des sciences de St.-Pétersbourg. T. 19, № 6.
Sharlet R. (1978) Pashukanis and the Withering Away of the Law in the USSR // Cultural Revolution in Russia. 1928–1931. Ed. by Sh.Fitzpatrick. Bloomington.
Shikhsaidov A. (1999) Islam in Dagestan // Political Islam and Conflicts in Russia and Central Asia. Ed. by L.Jonson and M.Esenov. Stockholm.
Slezkine Yu. (1992) From Savages to Citizens: The Cultural Revolution in the Soviet Far East // Slavic Review. Vol. 51, no. 1.
Slezkine Yu. (1994) Arctic Mirrors: Russia and the Small Peoples of the North. Ithaca.
Ssorin-Chaikov N.V. (1998) Stateless Society, State Collectives and the State of Nature in Sub-Arctic Siberia: Evenki Hunters and Herders in the Twentieth Century. Stanford.
Starr J., Collier J. (1987) Historical Studies in Legal Change // Current Anthropology, vol. 28.
Starr J., Collier J. (eds) (1989) History and Power in the Study of Law: New Directions in Legal Anthropology. Ithaca and London.
Tamanaha B.Z. (1993) The Folly of the Social Scientific Concept of Legal Pluralism // Journal of Law and Society. No. 2.
Uzzell, Lawrence A. (October, 1995) A Terrorist's Theology // Keston News Service. Cambridge.
Vanderlinden J. (1971) Le pluralisme juridique: essai de synthèse // Le pluralisme juridique. Publ. par J.Gillissen. Bruxelles.
Vanderlinden J. (1989) Return to Legal Pluralism // Journal of Legal Pluralism. No. 28.
Woodman G.R. (1988) How State Courts Create Customary Law in Ghana and Nigeria // Indigenous Law and the State. Ed. by W.B.Morse, G.R.Woodman. Dordrecht.
Woodman G.R. (1995) Ideological Combat and Social Observation: Recent Debate on Legal Pluralism // Urban Normative Fields in Contemporary Africa. Materials of the Colloquium. Leuven.
Yanov A. (1977) Detente after Brezhnev // Institute of International Studies. Berkeley.
Yurchak A. (1997) The Cynical Reason of Late Socialism: Power, Pretense and the Anekdot // Public Culture. Vol. 9, no. 22.
al-Zwaini L. (1999) Legal Pluralism in the Arab World // ISIM Newsletter. Leiden, no. 3.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВПР — Архив внешней политики России. М.
АКАК — Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Тифлис, 1866–1904, т. I–XII
АН СССР — Академия наук СССР (ныне — Российская академия наук, РАН)
ВРК — Военно-революционный комитет
ВУА — Военно-учетный архив Главного штаба (ныне в составе РГВИА). М.
ВЦИК — Всероссийский Центральный Исполнительный комитет. М.
ВЧК — Всероссийская Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем (1917–1922) (будущие органы госбезопасности СССР: ГПУ–ОГПУ–НКВД–МГБ–МВД–КГБ, см.)
ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации. М.
ГИМ — Государственный Исторический музей. М.
ГПУ — Государственное политическое управление при НКВД РСФСР (1922–1923) (правопреемник ВЧК и предшественник советских органов госбезопасности ОГПУ–НКВД–МГБ–МВД–КГБ, см.)
ГУЛАГ — Государственное управление лагерей СССР
ДАССР — Дагестанская Автономная Советская Социалистическая Республика (ныне — Республика Дагестан)
ДГУ — Дагестанский государственный университет. Махачкала
ДНЦ РАН — Дагестанский научный ценр Российской академии наук. Махачкала
ДУМД — Духовное управление мусульман Дагестана. Махачкала
ДУМСК — Духовное управление мусульман Северного Кавказа. Буйнакск–Махачкала
ИВ РАН — Институт востоковедения Российской академии наук. М.
ИИАЭ — Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН. Махачкала
ИИЯЛ — Институт истории, языка и литературы им. Г.Цадасы (ныне — Институт истории, археологии и этнографии и Институт языка, литературы и искусства ДНЦ РАН). Махачкала
ИЭА РАН — Институт этнологии и антропологии Российской академии наук. М.

ИЯЛИ — Институт языка, литературы и искусства ДНЦ РАН. Махачкала

КА ПБ КПСС — бывший Кремлевский Архив Политбюро Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза (ныне в составе Архива Президента Российской Федерации). М. Кремль

КГБ — Комитет государственной безопасности СССР и РСФСР (1954–1991) (правопреемник ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД–МГБ–МВД; ныне — ФСБ РФ, см.)

КИПС — Комиссия по изучению племенного состава населения России и сопредельных стран. Пг.

ККОВ — Крестьянский комитет общественной взаимопомощи

КО ИРГО — Кавказский отдел Императорского Русского географического общества. Тифлис

КЭС — Кавказский этнографический сборник. М.

МАЭ — Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера). СПб.

МВД РД — Министерство внутренних дел Республики Дагестан. Махачкала

МГБ — Министерство государственной безопасности СССР (1946–1953) (позднее КГБ СССР, см.)

НКВД — Народный комиссариат внутренних дел СССР (1917–1946) (правопреемник ВЧК–ГПУ–ОГПУ и предшественник МГБ–МВД–КГБ–ФСБ)

НКЮ — Народный комиссариат юстиции

ОГПУ — Объединенное государственное политическое управление при СНК СССР (1923–1934), при НКВД СССР (1934–1943) (правопреемник ВЧК–ГПУ и предшественник МГБ–МВД–КГБ–ФСБ)

ОСО — Особое совещание при НКВД–МГБ СССР (см.)

ПОА РАН — Петербургское отделение Архива РАН. СПб.

РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив. М.

РД — Республика Дагестан

РКИ ДАССР — Рабоче-крестьянская инспекция Дагестанской АССР. Махачкала

РФ ИИАЭ — Рукописный фонд Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН. Махачкала

РЭМ — Российский этнографический музей. СПб.

СЗ СССР — Свод законов СССР. М.

СМАЭ — Сборник Музея антропологии и этнографии. М.–Л.

СНК — Совет Народных Комиссаров. М.

ССКГ — Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис

ТОЗ — Товарищество по совместной обработке земли

УГРО — Уголовно-розыскной отдел по борьбе с преступностью

УЗ ИИЯЛ — Ученые записки Института истории, языка и литературы им. Г.Цадасы. Махачкала

УК РСФСР	—	Уголовный кодекс РСФСР
УК РФ	—	Уголовный кодекс Российской Федерации
УК ЧРИ	—	Уголовный кодекс Чеченской Республики Ичкерия
ФСБ	—	Федеральная служба безопасности Российской Федерации (с 1995 г.) (правопреемник советских органов госбезопасности ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД–МГБ–МВД–КГБ, см.)
ЦГА КБР	—	Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской Республики. Нальчик
ЦГА РД	—	Центральный государственный архив Республики Дагестан. Махачкала
ЦГА РСОА	—	Центральный государственный архив Республики Северная Осетия–Алания. Владикавказ
ЦГИА РГ	—	Центральный государственный исторический архив Республики Грузия. Тб.
ЦК СЗД	—	Центральная коллегия по спорным земельным делам при СНК Дагестанской АССР. Махачкала
ЧОН	—	Части особого назначения
ЧРИ	—	Чеченская Республика Ичкерия
BAR	—	The Bakhmeteff Archive of the Rare Book and Manuscript Library in the Butler Library of the Columbian University. N. Y.
ISIM	—	The International Institute for the Study of Islam in the Modern World. Leiden
IUAES	—	International Union of Anthropological and Ethnological Sciences. Commission on Folk Law and Legal Pluralism. Nijmegen (The Netherlands)
RSS	—	Research Support Scheme of the Open Society Institute. Soros Foundation. Prague

СПИСОК ЯЗЫКОВ

абаз. — абазинский
абхаз. — абхазский
авар. — аварский
агул. — агульский
азерб. — азербайджанский
англ. — английский
анд. — андийский
анд. яз. — андийские языки
араб. — арабский
багв. — багвалинский
бежт. — бежтинский
берб. — берберский
греч. — греческий
груз. — грузинский
дарг. — даргинский
ингуш. — ингушский
иран. — иранский (фарси)
кабард. — кабардинский
кавк. яз. — кавказские языки
карат. — каратинский
кубач. — кубачинский
кум. — кумыкский
лак. — лакский
лат. — латинский
лезг. — лезгинский
мегрел. — мегрельский
нах.-даг. яз. — нахско-дагестанские языки
нем. — немецкий
н.-перс. — новоперсидский
осет. — осетинский
рус. — русский
рут. — рутульский
сван. — сванский
ср.-перс. — среднеперсидский
староосм. — староосманский
табасар. — табасаранский
тур. — турецкий
тюрк. — тюркский
франц. — французский
хевсур. — хевсурский
цез. — цезский
чам. — чамалинский
чеч. — чеченский

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

(*с. 18*) «Хищничество» горцев в представлении русского художника XIX в. Худож. Ф.Ф.Горшельт

(*с. 20*) Черкесский наездник. Гравюра Г.Энгельмана (*Gamba*. Voyage dans la Russie méridionale et particulièrement dans les provinces situées au-delà du Caucase, fait depuis 1820 jusqu'au présent. Atlas. P., 1826, vol. 2, tabl. 12)

(*с. 31*) Басхан-кала: дом-крепость мужского союза в с. Кванада. Фото автора, 1996 г. Архив автора

(*с. 35*) Мавзолей Хан-Хасан-бека (ум. в 1262/1846 г.) в с. Рутул. Фото автора, 1997 г. Архив автора

(*с. 37*) Мужское надгробие с атрибутами джигита: конь, шашка, крымское ружье-кремневка, сапоги. Кладбище Кырхляр в Дербенте, XIX в. Фото автора, 1997 г. Архив автора

(*с. 39*) Надгробия шахидов XIX в. в с. Кванада. Фото автора, 1996 г. Архив автора

(*с. 43*) Временный паспорт горца из Дагестанской области, конец XIX в. (РФ ИИАЭ,. ф. 16, оп. 2, № 424об.)

(*с. 50*) Милиционер из с. Ахты. Акварель Г.Гагарина (*Gagarin G.* Scènes, paysages, mœurs et costumes du Caucase. P., 1845, vol. 6)

(*с. 52*) Боевая башня XVIII — начала XIX в. в с. Хуштада. Фото автора, 1995 г. Архив автора

(*с. 53*) Набег черкесов на Кавказскую линию. Картина русского художника середины XIX в. (Утверждение русского владычества на Кавказе. СПб., т. 3, ч. 2, с. 228)

(*с. 62*) Письмо об ишкиле, первая пол. XIX в. (РФ ИИАЭ, ф. 16, оп. 1, № 1262)

(*с. 63*) Письмо общины Тлондода общине Ассаб, первая пол. XIX в. (РФ ИИАЭ, ф. 16, оп. 1, № 1291)

(*с. 83*) Надгробие шахида XIX в. на кладбище Кырхляр в Дербенте. Фото автора, 1997 г. Архив автора

(*с. 86*) Плакат времен Гражданской войны о наборе горцев-добровольцев в Мусульманский конный дивизион полковника Ш.-Х.Берладника-Пуковского (Родина, 2000, № 1/2)

(*с. 88*). Наджмутдин Гоцинский (×), Узун-хаджи Салтинский (××) и генерал-майор М.Халилов (×××) во главе партизанских отрядов горцев, занявших г. Темир-Хан-Шура. Фото 1918 г. (*Самурский Н.* Дагестан)

(*с. 112*) Место сбора старшин и судей (*байт ар-ру'аса'*) в с. Микрах. Реконструкция М.А.Агларова (*Агларов М.А.* Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII — начале XIX в., с. 176)

(*с. 116*) Курахская стела 757/1356 г. Эстамп *Л.И.Лаврова* (*Лавров Л.И.* Эпиграфические памятники Северного Кавказа, ч. 1, с. 287)

(*с. 119*) Свод адата багулал в Хуштадинском Коране (список 1153/1740-41 г.). Фото автора, 1995 г. Архив автора

(*с. 131*) Гидатлинские адаты. Колофон. Рукопись XIX в., переписанная с копии сер. XVII в. (РФ ИИАЭ, ф. 5, оп. 1, *д.* 62, *л.* 1)

(*с. 139*) Из переписки Шамиля с наибами по судебным вопросам. Письмо Мухаммеду из Кудали, 40–50-е годы XIX в. (РФ ИИАЭ, ф. 16, оп. 1, № 822)

(*с. 143*) Указ 1864 г. императора Александра II главнокомандующему Кавказской армией вел. кн. Михаилу Николаевичу в ознаменование покорения Кавказа. Арабская копия из Дагестана (РФ ИИАЭ, ф. 16, оп. 1, № 1537)

(*с. 144*) Военный министр генерал-адъютант граф Д.А.Милютин (Родина. 2000, № 1/2)

(*с. 146*) Мишлешское соглашение с русскими 1230/1815 г. Эстамп *Л.И.Лаврова* (*Лавров Л.И.* Эпиграфические памятники Северного Кавказа, ч. 2, с. 238, № 627)

(*с. 151*) Первый наместник Кавказский генерал-фельдмаршал князь М.С.Воронцов (Родина. 2000, № 1/2)

(*с. 152*) Последний наместник Кавказского края граф И.И.Воронцов-Дашков (Родина. 2000, № 1/2)

(*с. 155*) Наместник Кавказский генерал-фельдмаршал князь А.И.Барятинский (Родина. 2000, № 1/2)

(*с. 157*) «Проект положения о сельских обществах...» (с параллельным русским и арабским текстом). Темир-Хан-Шура, 1898

(*с. 161*) Мухаммед Мамалав Чохский, подполковник горской милиции и начальник Казикумухского округа. Фото 1877 г. (*Тахнаева П.И.* Чох в блистательную эпоху Шамиля, 1840–1850 гг., с. 118)

(*с. 165*) Инструкция начальника Хунзахского участка Аварского округа Дагестанской области о правилах ведения делопроизводства в сельских судах от 28 июня 1901 г. (РФ ИИАЭ, ф. 16, оп. 1, № 757)

(*с. 184*) Тюрьма в с. Хуштада, 1321/1903-04 г. Фото автора, 1995 г. Архив автора

(*с. 187*) Статистика уголовных преступлений в книге Хуштадинского сельского суда, 1905 г. (РФ ИИАЭ, ф. 16, оп. 1, № 979б)

(*с. 193*) Мег с. Хуштада. Фото автора, 1995 г. Архив автора

(*с. 194*) Поля на террасах в с. Кумух. Фото автора, 2001 г. Архив автора

(*с. 199*) Копия постановления народного суда Андийского округа по земельному спору между обществами селений Хуштада и Тлондода от 26 апреля 1901 г. (личный архив М.-С.К.Газиева в с. Хуштада)

(*с. 201*) Спорный лесной участок Элюгун в окрестностях с. Тлондода. Фото автора, 1996 г. Архив автора

(*с. 213*) Современные горцы с. Хуштада. Фото автора, 1995 г. Архив автора

(*с. 221*) Постановление шариатского суда с. Шиназ от 5 апреля 1920 г. о разделе имущества (личный архив Р.А.Рамазанова, с. Шиназ)

(*с. 223*) Циркуляр Народно-шариатского судебного отдела Ревкома Дагестана от 28 апреля 1920 г. о правилах разбора уголовных преступлений окружными шариатскими судами (ЦГА РД, ф. р-209, оп. 1, *д.* 2, *л.* 50)

(*с. 237*) Пруд в с. Кумух. По дореволюционному адату его обязаны были чистить жители с. Хури. Фото автора, 2001 г. Архив автора

(*с. 245*) Мельница советского времени в окрестностях с. Тлондода. Фото автора, 1996 г. Архив автора

(*с. 247*) Частный хутор, превращенный в приусадебный участок колхоза им. Чапаева с. Хуштада. Фото автора, 1996 г. Архив автора

(*с. 249*) Годекан советского времени в с. Тлондода. Фото автора, 1996 г. Архив автора

(*с. 253*) Пастбища колхоза им. Мирзабекова с. Шиназ возле заброшенного селения Щугъад. Фото автора, 1997 г. Архив автора

(*с. 254*) Отношение Министерства сельского хозяйства ДАССР Совету министров Дагестанской АССР от 3 сентября 1965 г. в связи с земельным спором между колхозами им. 1 мая с. Дюбек Табасаранского района и им. Орджоникидзе с. Джавгат Кайтагского района (ЦГА РД, ф. 168, оп. 63, *д.* 33, *л.* 146)

(*с. 256*) Чертеж спорных летних пастбищ колхозов им. Ворошилова, им. Кирова, им. Самурского, им. Кундукова и «Красный партизан» Ахвахского района, им. Молотова и им. Орджоникидзе Цумадинского района, 1937 г. (ЦГА РД, ф. р-127, оп. 85, *д.* 40, *л.* 40)

(*с. 258*) Постановление Президиума ЦИК ДАССР «О вооруженном столкновении между обществами Саситли и Эчеда из-за пользования пастбищной горой Эчеда-меер» от 18 ноября 1928 г. (ЦГА РД, ф. р-37, оп. 21, *д.* 19, *л.* 1)

(*с. 263*) Здание районной администрации с. Агвали, взорванное в ходе выборов главы администрации в 1996 г. Фото автора, 1996 г. Архив автора

(*с. 267*) Муфтий Дагестана Сайид-Мухаммед Абубакаров, погибший в результате теракта в августе 1998 г. (Родина. 2000, № 1/2)

(*с. 279*) Старый и новый Кумух. Фото автора, 2001 г. Архив автора

На переплете: долина реки Казикумухское Койсу. Фото автора, 2001 г. Архив автора. Тимпан с изображением всадника и арабской надписью из с. Кубачи, XIV–XV вв. Эстамп (Дагестанский краеведческий музей, Махачкала)

SUMMARY

Custom, Law and Violence among the North Caucasian Muslims

(studies in history and ethnography of law in Highland Dagestan)

This book is about crime and punishment as they were understood, practised and regulated by Muslim peasants of Highland Dagestan in the period from the 1860s to the 2000s. It focuses on the cross-cultural encounter of legal customs (*'adat*), *Shari'a* and Russian (imperial, socialist and post-socialist) laws and judicial practices at the level of a village community (*jama'at*). In this book, I use my own field data collected in 1992–2001 as well as largely untapped archival records in Arabic, Russian and Caucasian languages, unpublished administrative reports, provincial press and scholarly publications. Drawing on this large range of sources, I demonstrate how the Muslim social and legal 'traditions' were 'invented', changed and accommodated for the purposes of modern centralised state-building by local Muslim officials, Russian lawmakers and ethnographers of the late imperial and socialist times.

The Dagestani case of the Islamic legal transformation sheds light on key issues in the history of the North Caucasus — particularly on colonial and socialist integration of the region into the Russian state. These issues include the appearance of the *abrek* banditry, the introduction of the *Shari'a* norms into local customs, Shamil's legal reform, construction of the so-called *voenno-narodnoe upravlenie* ('military people's administration') — an administrative regime of the late imperial Russia which combined elements of military and indirect rule — the *Shari'a* movement of the first Soviet decade, the museumification of local cultures from the 1930s on, 'Islamic revival' and *Shari'a* courts in the post-socialist decade. The book also offers a particular insight into the relationships between ethnography and modern reforms, as well as into the emergence of modern hybrid societies in different Muslim countries in both colonial and socialist contexts.

There are three parts in this monograph. The first one discusses a quasi-traditional phenomenon of the *abrek* banditry in the 19th and 20th

century North Caucasus. It emerged in a context of, though in reaction to, the Russian conquest. Paradoxically, the more the colonial state 'pacified' Muslim highlanders, the more it stipulated the growth of modern criminal practices among them. This process was associated with criminalisation of the pre-modern legal culture. After the Russian conquest, blood revenge, *ishkil* or *baranta* (capture of the debtor's property), punitive raids and some other local customs were defined and settled by imperial law as serious crimes. Independent (*nemirnye*) chieftains and some members of prohibited military associations of the village youths became outlaws (*abreks*).

The cultural meaning of violence practices changed much under the colonial rule. Blood feud and punitive raids still created *jigits*, highland folk heroes, only now these heroes were bandits. Highlanders who committed murders, thefts or any other criminal activities against the Russian administration and its Muslim supporters were resisting the Russian rule by ignoring laws that criminalised blood revenge, *ishkil* and other local practices. Changes in social relationships which concerned the violence activities were reflected in the cultural odyssey of the notion of *abrek*. In the pre-colonial period it had referred to a free stranger expelled from his native community for the blood revenge. By the turn of the 20th century it became the synonym of a noble and pious bandit.

Semantically, violence of the highlanders was interpreted by imperial image-makers so that the term *abrek* acquired the meaning of the 'criminal' even for Muslim highlanders themselves. By the mid-19th century a discourse on Muslim banditry (*khishchnichestvo*) had been formed. It dominated the public mind of both colonisers and colonised peoples up to the late 20th century. This discourse much influenced 'pacification' activities of the state powers in different Muslim peripheries of the late imperial and socialist Russia. In reality, the *abrek* banditry was generally suppressed by regular Russian army but then it arose again in periods of degradation of the central state. The peaks of the movements are marked by the great Caucasian war and the 1877 revolt in Dagestan and Chechnya, the 1905 Russian Revolution, the Civil war of 1918–1920, the World War II, and at last by the two recent Russian-Chechen wars in the 1990s.

The second and the third parts of the book deal with the development of judicious practices of Muslim villagers incorporated in social and legal networks of the Shamil's state, imperial, socialist and post-socialist Russia. They look in particular at the language, procedures and social applications of law. The second part begins with a short outline of the medieval history of the Dagestani village courts of the customary and Islamic laws basing on unique materials of the Arabic epigraphics and palaeography dating back to the 14th – 18th centuries. My methodology is based on a well-known approach of legal pluralism which was fruitfully applied in a great deal of anthropological and historical studies including some works related

to the Islamic law. Such an approach gives a deeper awareness of a complicated network of legal customs (*'adat*), *Shari'a* and state laws that operated in the Dagestani village before and after modern legal reforms.

The focus of the study is on the semi-autonomous social field of village community. From the mid-19th century it was an object of anthropology and, at the same time, of anthropologically influenced state reformers. Orientalist approaches of the Russian ethnographers who used to consider the North Caucasus 'a wild Islamic periphery of the civilised world' considerably influenced a series of reforms started in the mid-19th century and continued under the Soviet rule. A comparative analysis of the regime of 'military people's administration' established in Dagestan in the 1860s and that of the 'Arabic bureaux' in Algeria after its French occupation demonstrates striking similarities in colonial policies toward the Islamic and customary law as they were applied in the greatest colonial empires of the 19th century. Some parallels in the system of law and order might well be seen between the Russian North Caucasus and British India. This made me look not so much at village communities surviving under colonial state but at ones constituted through state reforms.

Special attention is paid to the ideology of the legal reforms in Russia in the 1860s, which was influenced by the Russian school of ethnography. One finds in it opposing ethnographic notions of 'wildness' and 'civilisation', as well as those of 'primitive folk law' and 'clan community'. The third part of the book continues with the related topic of legal reforms conceived under the impact of positivist ethnographic theories. It deals with the Soviet and post-Soviet periods. It analyses how a new legal discourse of relative 'class justice' has caused a deep degradation of law all over Soviet Russia and a growing criminalisation of situation in the North Caucasus. It examines the administrative 'invention of national traditions' in collective farms. Paradoxically, these institutions have been gradually transformed into local Muslim communities which have prepared a rapid islamisation of Highland Dagestan in the early 1990s.

The discourse on Islamic wildness and highlanders' backwardness changed much under the Soviet rule in the North Caucasus. Late imperial reformers of the Muslim village community attempted to civilise highlanders by eradicating their 'backward' and 'primitive' customs, with their vision of the Islamic law as a natural antagonist of the Russian state. After the Caucasian war of the 19th century, the possibility of Islamic uprisings haunted the mind of top-level state officials such as S.M. Dukhovsky, Governor-General of the Turkestan Province, or K.P. Pobedonostsev, Procurator-General of the Saint Synod. This fear lead the state to restrict the use of *Shari'a* norms for the Russian Muslims and to keep Muslim clergy of the North Caucasus under strict control.

In turn, Soviet lawmakers tried to free Muslim highlanders from the 'Tsarist and feudal oppression'. During the Civil war the Bolsheviks sided

with local Islamic leaders against the White army and other supporters of the broken Tsarist rule. That's why in the early 1920s the Soviet power legalised *Shari'a* courts in all the Muslim areas of the Caucasus. The socialist discourse on *Shari'a* used key terms such as 'social liberation', 'highland Muslim traditions', and 'Islamic insurgency'. For the second time, the idea of 'Islamic resurgence' was realised in the North Caucasus following the break-up of the Soviet Union. One should take into account that re-islamisation emerged in a context of, and in reaction to, the Soviet legacy. It presented a specific modern answer to challenges originating from the collapse of the Soviet rule in the Caucasus.

Public debates on and attempts at introducing Islamic law have become characteristic of post-socialist Muslim and non-Muslim areas, and are especially vivid in the North Caucasus. In recent years, the so-called *'Shari'a* courts' (*mahakim shar'iyya*) were established de facto by reopening mosques in a number of villages and towns in Dagestan, Chechnya, Ingushetia, North Ossetia-Alania. The majority of mosques are located in Northern Dagestan and Southern Chechnya. They settle small inheritance and criminal cases including divorce, theft, drinking alcoholic beverages, and the like. The decisions of these courts are final and not subject to appeal. They usually impose both fixed *Shari'a* and non-Islamic penalties. Dagestani chairmen of village and district administrations often call upon local *qadis* to settle family and land trials. Today the discourse on *Shari'a* is embodied in the post-Soviet flesh and is fraught with all its negative effects due to the degradation of Islamic legal culture and growing criminalisation of power and society in the region.

What are the Soviet 'roots' of a stormy Islamic movement in the region? First, it is mosque congregation (*jama'at*) which was formed within the borders of collective farm. Second, the collectivisation turned former communal lands into collective or state property and therefore expanded them at the expense of private lands and livestock. Such a coexistence of the Islamic and the socialist institutions determines the present being of Muslim congregations and gives them internal security in the period of state, ethnic and land clashes.

The book's appendix carries a substantial historical dictionary of the most important legal and social terms. It includes more than a 100 words and phrases of the Arabic, Iranian and Turkic origin. They concern North Caucasian regional forms of *Shari'a* and customary law norms and practices. I collected them in Arabic inscriptions and manuscripts from Dagestan dating from the 14th to the first third of the 20th century. This is the first attempt of such a dictionary. The book also contains a detailed bibliography of sources and scholarly works on the Dagestani customary law, state reforms and violence practices as well as a complete list of oriental terms and notions used in the monograph.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора 3

Введение 4
О чем эта книга 4
Источники наших знаний о соционормативной культуре Нагорного Дагестана 8

Часть I
ВЛАСТЬ, ЗАКОН И АБРЕКИ

Глава 1. «Горское хищничество»: мифы и реальность 16
1. Горцы глазами путешественников, ученых и политиков 16
2. О происхождении понятия «абрек» 27
3. Набег и его участники 30
4. Культ джигита и горские обычаи 36

Глава 2. «Умиротворение» горцев и рождение профессионального разбоя 41
1. Кавказская линия и билетная система 41
2. Маргинализация горской знати 45
3. Судьба мужских союзов 49

Глава 3. Насилие в горских адатах до и после русского завоевания 54
1. Кровная месть и куначество 55
2. Ишкиль и средневековые мусульманские юристы 61
3. Борьба с кровной местью в Российской империи 65
4. «Искоренение» кровной мести при Советской власти 71
5. Постсоветская метаморфоза кровной мести 77

Глава 4. Периодическое возвращение абречества 79
1. Кавказская война и восстание 1877 г. 79
2. Революция 1905–1907 гг. 81
3. Гражданская и Великая Отечественная война 85
4. Чеченский конфликт 1990-х годов 90

Глава 5. Психология современного «абрека» 92
1. Интервью с Шамилем Басаевым 92
2. Власть и насилие 96

Часть II

СУД ПО АДАТУ И ШАРИАТУ И РЕФОРМЫ XVIII–XIX вв.

Глава 6. Обычное право и правовой плюрализм 98
1. Кредо правового плюрализма 99
2. Обычай и правовой плюрализм в постсоветской интерпретации 103
3. Как избежать «безумия» правового плюрализма? 108

Глава 7. От «эпохи адата» к «эпохе шариата» 110
1. Суд и закон по средневековым источникам 113
2. Адат как общинное и семейное право 123
3. Рецепция шариата в дагестанском адате XVIII в. 130
4. Правовая реформа Шамиля: правда и вымыслы 136

Глава 8. Военно-народное управление 142
1. Переход горцев в российское подданство 142
2. «Родовая теория» в колониальной практике 147
3. Судебно-административная реформа 1860-х годов 154
4. Управление мусульманами на Кавказе и в Средней Азии 166
5. Аналоги в европейской колониальной практике 171

Глава 9. Деятельность словесных и народных судов 175
1. Преступления против личности 176
2. Преступления против собственности 186
3. Хозяйственные правонарушения 190
4. Поземельные тяжбы 196

Часть III

СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ, ШАРИАТ И АДАТ

Глава 10. Право, наука и политика в СССР 205
1. Марксистская интерпретация права и обычая 206
2. Метаморфозы советской судебной политики 207
3. Этнография и политика на советском Северном Кавказе 212

Глава 11. Шариат и адат в советских преобразованиях 217
1. Советская власть и шариат 218
2. Шарсуды в советском Дагестане 219
3. Шариатская юстиция на советском Северном Кавказе 226
4. Борьба с «пережитками прошлого» 229
5. Опора на «полезные адаты» 233

Глава 12. Адат и шариат в судопроизводстве горного колхоза 234
1. Преступления против личности 235
2. Преступления против собственности 242

3. Хозяйственные правонарушения 244
4. Поземельные споры 250

Глава 13. Преступление и наказание на постсоветском Северном Кавказе 262
1. Миф о шариате: страхи и надежды 264
2. Шариатские суды в постсоветской действительности 272
3. Некоторые абхазские параллели 281

Вместо заключения. Кавказский адат глазами этнографа 287

Указатель имен 292
Указатель географических названий и топонимов 301
Указатель этнических и диалектальных названий 310
Указатель терминов и понятий 312
Социально-правовая лексика восточного происхождения из дагестанских рукописей и надписей XIV–XX вв. 316
Список источников и сокращений 328
Глоссарий 331
Литература и источники 334
Список сокращений 355
Список языков 358
Список иллюстраций 359
Summary 362